

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАПОШВАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Ставропольское отделение

Россия и Венгрия
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК III

Ставрополь–Капозвар–Москва
2018

ÉSZAK-KAUKÁZUSI SZÖVETSÉGI EGYETEM

KAPOSVÁRI EGYETEM

OROSZ TUDOMÁNYOS AKADÉMIA SZLAVISZTIKAI INTÉZETE

OROSZ TÖRTÉNETI TÁRSASÁG
Sztavropoli Részleg

OROSZORSZÁG ÉS MAGYARORSZÁG AZ EURÓPAI TÖRTÉNELEM KERESZTÚTJAIN

III szám

Sztavropol–Kaposvár–Moszkva
2018

УДК 94(439+47)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Вен
Р 74

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор **В. Ю. Апрыщенко**,
д-р полит. наук, профессор **А. А. Вартумян**

Редакционная коллегия:

Д. Бебеши, А. Колонтари, И. В. Крючков (отв. ред.),
Н. Д. Крючкова, О. В. Павленко, А. С. Стыкалин,
О. В. Хаванова, А. Шереш, С. А. Романенко

Р 74 Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Выпуск III:
сборник научных статей. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. – 201 с.

ISBN 978-5-9296-0982-4

Третий выпуск альманаха посвящен актуальным проблемам истории России, Венгрии и взаимоотношениям двух стран. В альманах вошли материалы исследователей из России, Венгрии.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, для всех интересующихся историей России и Венгрии.

УДК 94(439+47)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Вен

ISBN 978-5-9296-0982-4

© Коллектив авторов, 2018
© Северо-Кавказский федеральный
университет, 2018
© Институт славяноведения РАН, 2018
© Капошварский университет, 2018

UDK 94(439+47)(082)
BBK 63.3(2Poc-4Ben
R 74

Recenzensek:

a történettudományok doktora Prof. Dr. **V. Ju. Apriscsenko**,
a politikatudományok doktora Prof. Dr. **A. A. Vartumjan**

Szerkesztőbizottság:

Gy. Bebesi, O. V. Havanova, A. Kolontári, I. V. Krjucskov (felelős szerk.),
N. D. Krjucskova, O. V. Pavlenko, A. Seres, A. Sz. Sztikalin, Sz. A. Romanyenko

R 74 Oroszország és Magyarország az európai történelem keresztútjain. III szám:
tanulmánykötet. – Sztavropol: az ÉKSZE kiadója, 2018. – 201 o.

ISBN 978-5-9296-0982-4

Az évkönyv harmadik számát az orosz és magyar történelem, valamint a két ország közötti kapcsolatok aktuális problémáinak szenteltük. Az évkönyvben orosz és magyar történészek munkáit gyűjtöttük össze.

A kiadványt elsősorban társadalomtudományokkal foglalkozó kutatóknak, tanároknak, doktor-jelölteknek és egyetemistáknak szánjuk, illetve mindenkinek, aki érdeklődik Oroszország és Magyarország történelme iránt.

UDK 94(439+47)(082)
BBK 63.3(2Poc-4Ben

ISBN 978-5-9296-0982-4

© a Szerzők, 2018
© Észak-Kaukázusi Szövetségi
Egyetem, 2018
© OTA Szlavisztikai Intézet, 2018
© Kaposvári Egyetem, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ИСТОРИЯ ВЕНГРИИ (ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ)

- 9 **Ким Н.** Просветительская деятельность Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия в свете новейших археологических исследований Балатонского региона (г. Залавар, Венгрия)
- 17 **Романенко С. А.** Центры политического притяжения южных славян Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны: сабор Хорватии, Югославянский клуб, Югославянский комитет
- 28 **Деметер Г.** Стремления национальных меньшинств Венгрии к самостоятельности и реакция венгерских правительств на процесс распада исторической Венгрии (1918–1920 гг.)
- 50 **Шиманди И.** Союзная Контрольная комиссия и возобновление работы Венгерского радио в 1945 г.

Раздел II. ИСТОРИЯ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ВЕНГРИЕЙ (ИМПЕРИЕЙ ГАБСБУРГОВ)

- 60 **Айрапетов А. Г.** Распад Австро-Венгерской империи: некоторые проблемы изучения
- 66 **Крючков И. В.** Многонациональная Венгрия в эпоху дуализма: взгляд из России в последней трети XIX – начале XX вв.
- 83 **Птицын А. Н.** Взаимоотношения России и Австро-Венгрии по правовому регулированию миграционных процессов
- 88 **Котов Б. С.** Мармарош-Сигетский процесс 1913–1914 гг. в освещении российской прессы
- 97 **Albert G. B.** Disfavoured textbook authors in Hungary and in the Soviet Union between the two wars

Раздел III. ИСТОРИЯ РОССИИ (СССР)

- 103 **Колесникова М. Е.** Северокавказские историописатели – преподаватели и выпускники Ставропольской мужской гимназии
- 108 **Колосовская Т. А.** Военно-разведывательное изучение Кавказа в контексте формирования ориенталистского дискурса в России (последняя четверть XVIII – начало XIX в.)
- 114 **Клычников Ю. Ю.** Николай Иванович Евдокимов и завершение боевых действий на Северо-Восточном Кавказе
- 122 **Ткаченко Д. С.** Образы «строителей империи» в коммеморационной практике российских властей на Кавказе в XIX – начале XX вв.
- 132 **Танцегова А. В.** «Человек из будущего»: репрезентация образа вождя в советской печати в 1920-е г. (на материалах журнала «Огонек»)
- 135 **Елдинов О. А.** Нарастание протестных настроений в региональном сообществе СССР в середине 80-х гг. (на примере г. Ростов-на-Дону)

Раздел IV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 142 **Bertalan, P., Kovács K.** Clash of civilizations, new paradigm system, geopolitical models in the second decade of the 21th century

Раздел V. ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

- 149** **Стыкалин А. С.** «Мир, который я здесь встретил, произвел на меня очень глубокое впечатление». К истории поездки в СССР в 1945 г. венгерского нобелевского лауреата Альберта Сент-Дёрди
- 183** **Шереш А.** «События переросли в вооруженное восстание». Новые данные к изучению биографии советского историка А. Л. Сидорова

Раздел VI. РЕЦЕНЗИИ

- 189** **Бебеш Д., Колонтари А.** Двойной юбилей Будапештской школы «Русистики»
- 200** Сведения об авторах

TARTALOM

I Rész. MAGYARORSZÁG (ÉS A HABSBERG BIRODALOM) TÖRTÉNETE

- 9 **Kim N.** Apostoli Szent Cirill és Metód térítő tevékenysége a legújabb régészeti kutatások tükrében a balatoni régióban (Zalavár, Magyarország)
- 17 **Romanyenko Sz. A.** Az Osztrák-Magyar Monarchia délszláv lakosságának politikai vonzasközpontjai az első világháború éveiben: a horvát szábor, a Jugoszláv Klub és a Jugoszláv Bizottság
- 28 **Demeter G.** A magyarországi nemzetiségek önállósodási törekvései és a magyar kormányok reakciója a történeti Magyarország felbomlási folyamatára (1918–1920)
- 50 **Simándi I.** A Szövetséges Ellenőrző Bizottság és a Magyar Rádió tevékenységének újraindítása 1945-ben

II Rész. MAGYARORSZÁG (A HABSBERG BIRODALOM) ÉS OROSZORSZÁG KAPCSOLATAINAK TÖRTÉNETE

- 60 **Ajrapetov A. G.** Az Osztrák–Magyar Monarchia felbomlása: a téma kutatásának néhány problémája
- 66 **Krjucskov I. V.** A soknemzetiségű Magyarország a dualizmus korában Oroszországból nézve a 19. sz. utolsó harmadában, 20. sz. elején
- 83 **Ptyicin A. N.** Oroszország és az Osztrák–Magyar Monarchia együttműködése a migrációs folyamatok jogi szabályozása terén
- 88 **Kotov B. Sz.** Az 1913–1914-es máramarosszigeti per az orosz sajtó tükrében
- 97 **Alber G. B.** Kegyvesztett tankönyvszerzők Magyarországon és a Szovjetunióban a két világháború között

III Rész. OROSZORSZÁG (SZOVJETUNIÓ) TÖRTÉNETE

- 103 **Kolesznyikova M. Je.** Történetíró tanárok az Észak-Kaukázusban és a sztavropoli fiúgimnázium végzős növendékei
- 108 **Koloszovszkaja T. A.** A Kaukázus katonai felderítése az oroszországi orientalizmus kialakulásának kontextusában (a 18. sz. utolsó negyede – 19. század eleje)
- 114 **Klicsnyikov Ju. Ju.** Nyikolaj Ivanovics Jevdokimov és a harci cselekmények lezárulása az Északkelet Kaukázusban
- 122 **Tkacsenko D. Sz.** A „birodalomépítők” képe az orosz hatóságok emlékezetpolitikai gyakorlatában a Kaukázusban a 19. században és a 20. sz. elején
- 132 **Tancevova A. V.** „Ember a jövőből”: A vezér alakjának reprezentációja az 1920-as évek szovjet sajtójában (az Ogonyok anyagai alapján)
- 135 **Jelgyinov O. A.** A tiltakozó hangulat erősödése a helyi szovjet társadalomban az 1980-as évek közepén (A Don menti Rosztov példáján)

IV Rész. NEMZETKÖZI KAPCSOLATOK

- 142 **Bertalan P., Kovács K.** A civilizációk összecsapása: új rendszerparadigmák, geopolitikai modellek a 21. sz. második évtizedében

V Rész. DOKUMENTUMKÖZLÉS

- 149 Sztikalin A. Sz.** „Nagy hatással volt rám az a világ, amivel itt találkoztam”. Szent-Györgyi Albert magyar Nobel-díjas tudós 1945-ös szovjetunióbeli útjának történetéhez
- 183 Seres A.** „Az események fegyveres felkelésbe torkolltak” Adalékok Arkagyij Szidorov szovjet történész életrajzához

VI Rész. RECENZIÓK

- 189 Bebesi Gy., Kolontári A.** A budapesti ruszisztikai iskola kettős évfordulója
- 200** A kötet szerzői

Раздел I ИСТОРИЯ ВЕНГРИИ (ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ)

Н. Ким

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ БАЛАТОНСКОГО РЕГИОНА (Г. ЗАЛАВАР, ВЕНГРИЯ)

В 2009 году в Венгрии была совершена сенсационная археологическая находка – в районе города Залавар, на западе озера Балатон, были найдены самые древние, из известных науке, черепки с надписью на глаголице, алфавите, созданном святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием для просвещения славянских народов.

Эти артефакты древней славянской письменности далеко не случайно обнаружены на территории западной Венгрии, т.к. именно здесь находился город Блатноград, столица княжества Блатенского, с которым была тесно связана истории миссии святых братьев среди славян. Об отношениях первоучителей славянских с Блатенским княжеством, кроме общедоступных сведений из Житий святых¹, известно со слов болгарского летописца Черноризца Храбра, который жил в конце IX – начале X века, в его «Сказании о письменах»:

«Если же спросишь славянских книжников, кто вам письмена создал или книги перевел, то все знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, названный Кириллом, он и письмена создал, и книги перевел, и Мефодий, брат его. Ведь еще живы те, кто их видели. И если спросишь, в какое время, то знают и скажут, что во времена Михаила, цесаря греческого, и Бориса, князя болгарского, и Ростислава,

¹ Жизнь и труды преподобных отцов наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей славянских. В изложении святителя Димитрия Ростовского.

князя моравского, и Коцела, князя блатенского, в лето же от создания мира 63[6]3»².

Это произведение – первый славянский филологический трактат, письменный памятник, очень важный для изучения истории миссии Кирилла и Мефодия. Сейчас известны 150 его списков, относящихся к XIV–XVIII векам³, главным образом, благодаря кропотливым изысканиям болгарского языковеда Кую Куева, который их каталогизировал и издал, расположив в хронологическом порядке⁴.

Блатенское княжество

Упомянутый в «Сказании» князь блатенский Коцел был правителем Блатенского княжества, также известного как Паннонское или Задунайское⁵, оно существовало довольно краткое, по историческим меркам, время. Известны всего два его правителя – Прибина и сын его Коцел. После смерти Коцела около 874 г. власть над паннонскими славянами захватил сын короля Людовика Немецкого Карломан⁶.

Прибина (годы жизни 805?–860), князь Нитранского княжества (825–833), первый

² «О письменах» Черноризца Храбра // Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. СПб.: Алетей, 2000. 384 с.

³ Карпенко Л. Б. «Сказание о письменах» Черноризца Храбра как источник изучения глаголической проблемы. Преславска книжовна школа, 2004. Т. 7. С. 172–182.

⁴ Куев К. М. Черноризец Храбр. София, 1967.

⁵ Название княжества в разных языках: Blatenské kniežatstvo (словен.), Spodnja Panonija (болг.), Balatoni Fejedelemség (венг.), Plattensee-Fürstentum (нем.).

⁶ Шушарина И. А. Введение в славянскую филологию. М., 2011. С. 68.

князь Блатенского княжества (840–860). У франков он именовался *Privina*, дословно означает «сын от другой жены», т.е. пасынок (*privignus*, лат.), это наводит на мысль о его сложном происхождении¹. Фульдские анналы при упоминании Прибины используют латинское слово *Dux*². Мы знаем о нем из Меморандума баварских епископов³ 870 года, который среди прочего описывает отношения епископов Зальцбурга и славянского князя Прибины⁴.

Здесь надо отметить большую роль, которую играли в тот период времени зальцбургские епископы, что в дальнейшем приведет к большим трудностям для миссии Кирилла и Мефодия среди славян. Эта роль была им отведена самим Карлом Великим, определившим для них миссию среди варварских народов в Паннонии⁵. Впоследствии, при потомках Карла Великого, взаимоотношения Франкской империи и славян подразумевали, кроме политического подчинения, также христианизацию славянских земель.

Прибина был женат на немке христианке, близкой родственнице траунгаусского графа Вильгельма⁶. Им была основана первая христианская церковь в Нитре в 828 году⁷, освященная зальцбургским епископом Адальрамом. Упоминание об этом событии является первым письменным сообщением о строительстве христианского

храма в славянской среде. Сам Прибина в это время еще не был христианином.

Около 830 года староморавской князь Моймир захватил Нитру и изгнал оттуда князя Прибину⁸. В это же время было совершено массовое крещение моравцев в 831 году епископом Пассау Регинхаром⁹. Прибина бежал из Нитры к франкскому маркграфу Ратбоду, где тоже крестился в 833 году в церкви святого Мартина в Traismauer на Дунае¹⁰.

Около 840 года Людовик Немецкий отделил от Каринтийской марки паннонскую часть и отдал ее в управление князю Прибине, который стал ревностно обращать в христианство свой народ. В конце концов, король Людовик Немецкий оценил заслуги Прибины тем, что отведенную ему прежде в ленное владение собственность даровал в наследственное владение в 847 году, вследствие чего возникло Паннонское княжество¹¹.

Столицей своих владений Прибина сделал построенный им же город Блатноград (Мосабург) в бассейне реки Зала. Фульдские анналы обозначают этот город в 896 г., как *urbs paludarum* – город на болоте¹². В письменных источниках он еще называется королевским городом *Mosapurc regia civitate*¹³. Сегодня в нескольких километрах от древнего городища, которое известно под именами Moosburg, Moseburg (нем.), Urbs Paludarum (лат.), Blatengrad, Blatnohrad (словацкий), Blatnograd (серб./хорв.), Блатноград (серб./болг.), Mocsárvár (венгр.) находится венгерский город Залавар (Zalavár). Впервые описание руин

¹ Гавлик Л. Государство и держава моравян (К вопросу о месте Великой Моравии в политическом и социальном развитии Европы) / Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. Отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М., 1985. С. 97.

² Раткош П. Великая Моравия – территория и общество / Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. Отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М., 1985. С. 90.

³ *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*, документ известен как «Зальцбургский аноним», «Книга об обращении баваров и карантанцев», «Зальцбургская хроника».

⁴ Wolfram H. *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*: Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantänien und Pannonien. Wien, 1979.

⁵ Váczy P. *Magyarország kereszténysége a honfoglalás korában. Emlékkönyv Szent István Király halálának kilencszázadik évfordulóján*. Szerk. Serédi Jusztinián. Budapest, 1938. P. 219.

⁶ Goldberg E.J. *Struggle for Empire: Kingship and Conflict under Louis the German, 817–876*. N.Y., 2006. P. 84.

⁷ Richard A.F. *The Barbarian Conversion: From Paganism to Christianity* University of California Press, 1999. P. 348.

⁸ Поулик Й. Вклад чехословацкой археологии в изучение истории Великой Моравии/ Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. Отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М., 1985. С. 32.

⁹ Richard A.F. *The Barbarian Conversion: From Paganism to Christianity* University of California Press, 1999. P. 336.

¹⁰ Ibid. P. 348.

¹¹ Szőke B.M. *A Karoling-kor a Kárpát-medenceben: A Magyar Nemzeti Múzeum állandó kiállítása*. Magyar Nemzeti Múzeum. Budapest, 2014. P. 55–56.

¹² Поулик Й. Вклад чехословацкой археологии в изучение истории Великой Моравии/ Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. Отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М., 1985. С. 38.

¹³ Charles R. Bowlus. *Franks, Moravians, and Magyars: The Struggle for the Middle Danube, 788–907*. University of Pennsylvania Press, 1995. P. 220.

древнего поселения рядом с Залаваром появляется в 1841 году в путеводителе Яна Коллара¹.

Прибина снискал себе славу храмо-строителя. В первую очередь он построил деревянную крестильню во имя Иоанна Крестителя в 840 году, потом храм Девы Марии, его освятил зальцбургский архиепископ Лиупрам 24 января 850 года. В «Меморандуме» перечислется знать, присутствующая на этом событии: Chezil, Unzat, Chotemir, Liutemir, Zcurben, Siliz, Wilkina, Witemir, Trebiz, Brisnuz, Zuemin, Zeska, Crimisin, Goimer, Zistilo, Amalrih, Altwart, Wellehelm, Frideperth, Scrot, Gunther, Arfrid, Nidrih, Isanpero, Rato, Deotrih, Madalperht, Engilhast, Waltker, Deotpald² – перечисление интересно тем, что в списке присутствуют как немецкие, так и славянские имена. Третьим храмом, который построил Прибина вместе с зальцбургскими мастерами во второй половине 850 года, стал паломнический храм святого мученика Адриана³. Всего Прибина возвел 13 храмов⁴.

Аббат Регино из Прюма в своей хронике 880 года говорит о резиденции Прибины и его сына Коцела, лежащей на юго-запад от Блатенского озера, как об «особенности Восточной марки и хорошем укреплении и почти неприступной крепости (munitio)»⁵.

Погиб Прибина 21 марта 860 года в битве с великоморавским князем Ростиславом.

Князь Коцел и просветители славян

После Прибины княжеством правил сын его Коцел⁶ (годы правления 861–874), который с самого своего рождения в 833 году воспитывался в христианском духе. Про благочестие Коцела упоминает святой

Димитрий Ростовский в житии святых солунских братьев: «По дороге в Рим святые Константин и Мефодий зашли в Паннонию. Там был князем Коцел, сын Прибины, который пригласил святых братьев в город Блатно, чтобы самому научиться у них славянской азбуке, а также затем, чтобы они научили ей и тех 50 учеников, которых князь собрал из своего народа. При прощании Коцел оказал святым проповедникам великую честь и предлагал им большие подарки. Но Константин и Мефодий, как от Ростислава Моравского, так и от Коцела, не пожелали взять ни золота, ни серебра, ни другой какой-либо вещи. Евангельское слово они проповедовали без награды и только от обоих князей выпросили свободу 900 греческим пленникам»⁷.

Позднейшие церковные историки также сходятся во мнении, что на пути в Рим Кирилл и Мефодий посетили Паннонию и местного князя Коцела: «Коцел с честью принял их и удержал, полюбоствовал посмотреть и полюбил славянские книги, сам научился им, дал святым братьям пятьдесят учеников для обучения этим книгам и с почетом проводил в дальнейший путь»⁸.

Благодушный прием, устроенный для просветителей князем Коцелом и понимание им важности просвещения своего народа дали святым братьям хорошую возможность для реализации важнейшего дела миссии – начала совершения богослужений на церковно-славянском языке: «Блаженный Константин, переложив на славянский язык весь церковный чин, устроил полное богослужение в новообращенной земле Славянской: утренняя и вечерняя и самая литургия начали совершаться, к общему утешению, на языке, до толе чуждом славословию Божию»⁹.

Всеми историками признается факт пребывания Кирилла и Мефодия у Коце-

¹ Charles R. Bowlus. Franks, Moravians, and Magyars: The Struggle for the Middle Danube, 788-907. University of Pennsylvania Press, 1995. P. 220.

² Nótári T. Conversio Bagoariorum et Carantanorum // Aetas. 2000. №3. P. 93-111.

³ Mosaburg – Zalavár. Zalavári Történelmi Emlékpark. 2010. P. 16.

⁴ Bilkei I., Káli Cs., Petánovics K. Zalavár. Budapest, 2000. P. 18.

⁵ Поулик Й. Вклад чехословацкой археологии в изучение истории Великой Моравии/ Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. Отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М., 1985. С. 38.

⁶ Его имя известно в разных начертаниях: Kocel (словак.), Kocelj (словен.), Kotzeles (грек.) Chozil, Chezil, Chezul, Gozil (нем., лат.).

⁷ Жизнь и труды преподобных отцов наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей славянских. В изложении святителя Димитрия Ростовского.

⁸ Малышевский И. И. Св. Кирилл и Мефодий / Труды Киевской Духовной Академии. 1885. С. 5-11.

⁹ Муравьев А. Н. Житие преподобных Кирилла и Мефодия, просветителей славян/ Жития святых Российской Церкви, также иверских и славянских, 1859.

ла, но продолжительность этого эпизода остается под вопросом. Так, по подсчетам Малышевского они задержались у Коцела на 1 год и 2 месяца. Другой исследователь И. Цыбулька¹ (вслед за Ф. Гривцем) при определении времени пребывания братьев в Паннонии опирался на сообщение известного меморандума баварских епископов (*Conversio*), где указывалось, что за время 75-летнего управления Паннонией со стороны зальцбургского клира «ни один священник, пришедший откуда-либо, не отважился бы исполнять свою должность более чем три месяца» без санкции зальцбургского архиепископа. А поскольку зальцбургский архиепископ был противником солунских братьев и не дал бы согласия на их деятельность в Паннонии, И. Цыбулька заключал, что их пребывание у Коцела было весьма непродолжительным². Обзор мнений исследователей по этому вопросу дает спектр от одного до десяти месяцев: *Kúttnik Šmálov* – 1 месяц, *Dekan Ján* – от трех недель до трех месяцев, *Vojtěch Tkadlčík* – 9–10 месяцев³.

Распрощавшись с князем Коцелом (как показало будущее, Кирилл с ним распрощался навсегда), солунские братья направились в Венецию, а затем в Рим, с тем, чтобы получить благословение Папы на употребление в Церкви славянского языка. В Риме Кирилл закончил свой земной путь, а Мефодий вскоре вернулся в Блатноград с буллой Папы Адриана II на имя трех князей: Ростислава, Святополка и Коцела. В письме к Коцелу Папа пишет, что шлет Мефодия, которого называет своим сыном, не к нему только, а ко всем славянским странам (Моравии и Паннонии), шлет его как учителя от Бога и от святого апостола Петра, а также грозит отлучением тем, кто будет порицать славян-

ские книги и богослужение: «Мефодию, посвященному с учениками, своему сыну, испытанному и совершенному в разуме и правоверии, чтобы он учил книгам славянского языка, как и просили князья, дозволяет совершать службу с литургией на славянском языке, как начал Константин, с тем, однако, чтобы Евангелие и Апостол читались сначала на латинском языке, а потом на славянском, предаёт осуждению и отлучению тех, которые дерзнули бы порицать славянские книги и службу»⁴.

Дальнейшее пребывание Мефодия в славянских странах, успех его миссии, борьба с противодействием немецких епископов и другие эпизоды хорошо известны из житий святого и посвященных ему современных научных трудов. Мы остановимся только на роли правителя Блатнограда в этих событиях и на посещениях Мефодием этого города.

Сразу надо оговориться, что единого мнения о числе путешествий Мефодия в Рим среди исследователей нет. Довольно убедительно выглядит гипотеза церковного историка И. И. Малышевского, согласно которой, после первого визита в Рим, где он похоронил своего брата, Мефодий возвращается к славянам. Первая славянская страна на его пути – это держава князя Коцела. Здесь сразу же обнаруживается, что одной буллы Папы для успешной миссии недостаточно. Необходимо создать церковную иерархию среди просвещенного народа, для чего Мефодий должен иметь право рукополагать духовенство, то есть быть в сане епископа. Поэтому Коцел в том же году снова посылает Мефодия и посольство из 20 своих людей обратно в Рим⁵ для поставления его во епископа Сремского (*Sirmium*, лат.), на престол апостола Андроника, ученика апостола Павла. Кафедра апостола Андроника была, по преданию, в городе Сирмиуме, в древней Паннонии (близ города Митровцы, в Славонии). Упоминание древней

¹ Cibulka J. Der Zeitpunkt der Ankunft der Brüder Konstantin-Cyrellus und Methodius in Mähren// *Byzantinoslavica*, roč. 26. 1965. S. 328-334.

² О моравском посольстве в Константинополе в начале 60-х годов I X в./Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. СПб.: Алетейя, 2000. 384 с.

³ Константиновы листки от Университета Константины философа в Нитре: P.Ivanič, M. Lukáčová *Historicko-geografický kontext misii solúnskych bratov (cesty Sv. Konštantína-Cyrila a metoda do roku 867)*// *Konštantínove listy* 7. 2014. P. 2,13.

⁴ Малышевский И. И. Св. Кирилл и Мефодий / Труд Киевской Духовной Академии. 1885. С. 5-11.

⁵ Этой же гипотезы придерживается современный венгерский историк Миклош Сёке, руководитель археологических раскопок на месте древней столицы Блатенского княжества.

апостольской кафедры нужно было для того, чтобы иметь каноническое основание для независимости будущей церковной структуры от немецкой иерархии, так как Апостоличество кафедры, то есть ее происхождение непосредственно от одного из апостолов считалось условием ее самостоятельности. Папа исполнил просьбу Коцела, рукоположил Мефодия даже в сан архиепископа, тем самым, сделав его независимым от немецкой иерархии.

Вернувшись в Паннонию, архиепископ Мефодий успешно занялся созиданием новой славянской Церкви, в результате чего народ покидал немецких священников и храмы с латинским богослужением. В пространном житии Климента Охридского, составленном архиепископом Феофилактом в 885 году, упоминается о двухстах священниках и диаконах, способных служить по-славянски в Моравии¹. Разумеется, немецкое духовенство, теряющее свою паству, вскоре ополчилось против Мефодия, к несчастью которого политическая власть в Моравии и Паннонии к тому времени перешла на сторону немцев. В итоге этой ожесточенной борьбы святой Мефодий оказался на время в заточении, откуда его вызволило лишь заступничество Папы.

Оставляя в стороне другие детали миссии Кирилла и Мефодия среди славянских народов, подчеркнем лишь то большое значение, какое имел город Блатноград и его правитель князь Коцел в этом историческом процессе. Это связано как с географическим расположением Блатенского княжества, на пути из славян в Рим, так и с большим политическим влиянием в регионе князя Коцела и его личным активным участием в деле просвещения своих подданных. Так, П. Шафарик (1795–1861) доказывал, что перевод Священного Писания был совершен Кириллом и Мефодием во владениях князя Коцела, при участии учеников из местных жителей, следовательно, на язык паннонских славян, кото-

рый был переходным от староболгарского к словенскому (виндскому) и назывался старославянским².

Глаголица

Переходя к фактическому описанию археологических исследований древнего Блатнограда, следует обратить внимание на то, что исторически первой азбукой предложенной святыми братьями славянам была глаголица. «Древняя письменность Моравии записана глаголицей»³, – это общепризнанный современной наукой факт. Тот же П. Шафарик, рассматривая вопрос о кириллице и глаголице, указывает на палеографические признаки глаголицы, исторические свидетельства о создании славянской азбуки и лингвистические данные. Подробно изучив эти данные, ученый приходит к заключению, что именно глаголица была изобретена Кириллом, а кириллица составлена учеником его Климентом Охридским.

Современные исследователи также не подвергают сомнению авторство святого Кирилла в создании глаголицы, которая относится к числу так называемых «миссионерских азбук», то есть она не является культурным наследием того или иного языческого народа, но создана специально, чтобы вести христианскую проповедь среди славян. При этом в основу большинства ее букв положены три графических изображения основных символов христианства: крест – символ Христа, треугольник – символ Троицы, круг – символ бесконечности и всемогущества Бога⁴.

Судьба глаголицы сложилась сложнее, чем у ее младшей сестры кириллицы. Если кириллица через Охрид (территория современной Македонии) и Болгарию сохранилась и легла в основу письменности многих славянских народов, то глаголица, хотя и была непосредственным творением

¹ Верещагин Е. М. Великоморавский этап развития первого литературного языка славян: становление терминологической лексики // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. Отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М., 1985. С. 218.

² Šafařík P. J. Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolismus. Prag, 1858.

³ Вечерка Р. Письменность Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. Отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М., 1985. С. 179.

⁴ Прохоров Г. М. Глаголица среди миссионерских азбук // Труды отдела древнерусской литературы. Вып. 45. Институт русской литературы (Пушкинский дом), РАН. СПб., 1992. С. 181.

просветителей славян Кирилла и Мефодия, разделила судьбу просвещенной ими паствы. После того, как паннонские славяне снова попали под власть немецких маркграфов, а престарелый учитель Мефодий, авторитетом которого славянское богослужение сохранялось даже в условиях немецкого правления, ушел в мир иной, славянская письменность подверглась жестокому преследованию. Часть учеников Мефодия была убита, часть продана в рабство, часть бежала в южнославянские земли. Промыслом Божиим дело Кирилла и Мефодия не погибло, а дало бурный рост через его учеников, нашедших приют в других странах, но на той земле, по которой ходили святые учителя, в Паннонии и Моравии, их дело было задушено репрессиями. Новый папа Стефан V(VI) в 890 году предал анафеме славянские книги и славянское богослужение, книги на глаголице изымались и сжигались, отчасти по этой причине сейчас мы имеем такой скудный набор письменных памятников на глаголице эпохи ее создания и первоначального распространения.

Правда, в отдаленных от центра славянского просвещения местностях, куда не доходили волны гонений, употребление глаголицы сохранилось. Наибольшее распространение глаголица получила в Хорватском Приморье, хотя и здесь тоже неизвестны памятники, датируемые ранее XI века¹. В середине XIII века глаголица получила защиту через послание Папы Иннокентия IV (1248г.), который признал ее письмом, изобретенным святым Иеронимом. Это ошибочное мнение помогло глаголице сохраниться от полного забвения: «До конца XVIII века господствовало странное, но широко распространённое мнение, что глаголическое письмо, бывшее в употреблении в Далмации и Истрии с прилегающими островами и в приморской Хорватии, вместе с переводом Священного Писания, обязано своим существованием знаменитому отцу церкви святому Иерониму. Зная о нём как авторе

¹ Petrović. Prvi susret Hrvata s ćirilometodskim izvorištem svoje srednjovekovne kulture // Slovo. Zagreb, 1988. Br. 38. S. 5-54.

латинской Вульгаты, считая его же, как уроженца Далмации славянином, в частности хорватом, домашняя славянская интеллигенция Далмации стала очень рано присваивать ему изобретение глаголицы, быть может, нарочно, с тем умыслом, чтобы успешнее отстаивать и письмо, и богослужение славянское от преследований и запретов со стороны римской иерархии, прикрывая авторитетным именем знаменитого латинского отца Церкви свой, от греков Кирилла и Мефодия, унаследованный обряд. Кем впервые пущено в ход это ни на чем не основанное учение предание об авторстве святого Иеронима по части глаголического письма и перевода Священного писания, мы не знаем, но в 1248 году оно дошло уже до сведения папы Иннокентия IV... Много столетий продолжалась эта вера в Иеронима как изобретателя глаголического письма, не только дома, то есть в Далмации и Хорватии, не только в Риме, через проживавших там славян... но также и на западе. В Чехию предание занесено в XIV столетии хорватскими монахами-глаголитами, которым поверил даже император Карл IV»².

Эта версия иногда всплывает и в наши дни. Есть и другие версии, оспаривающие права Кирилла и Мефодия на изобретение глаголицы, например, что славянскую письменность создали немецкие миссионеры еще до прихода солунских братьев, на долю которых остался лишь перевод богослужения на славянский язык³. Но все эти версии не поддерживаются большинством серьезных ученых. Сейчас в научном мире общепризнан факт создания глаголицы именно святым Кириллом.

До недавних пор считалось, что древнейшие кириллические и глаголические надписи, относящиеся приблизительно к 893 г., это граффити, которые находятся в бывшей столице Болгарии Преславе на стенах и керамических плитах церкви

² Ягич И. В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3: Графика у славян. СПб., 1911. С. 51-52.

³ Zagiba F. Das Geistesleben der Slaven im frühen Mittelalter. Wien, Köln, Graz. 1971. Цит.по.: Флоря Б. Н. К оценке исторического значения славянской письменности в Великой Моравии/Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. Отв.ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М., 1985. С. 195.

болгарского царя Симеона (893–927 г.)¹. Если же говорить о памятниках в виде глаголических рукописей, то самая древняя из дошедших до нас это Киевские глаголические листки (другое название – Киевский миссал, содержит отрывок из литургии по римскому обряду), датируемые X веком или даже концом IX века². Еще совсем недавно ученые констатировали печальный факт³, что от великоморавского периода деятельности святых братьев (863–885 гг.), не сохранилось ни одного глаголического памятника: «Что касается начала письменности в Великой Моравии, то археология не дала ничего нового для его изучения. Не было найдено ни одного предмета, на котором было бы начертано глаголицей хоть одно слово»⁴.

Тем большее значение имеет сенсационная находка венгерских археологов в городе Залавар, на месте древнего Блатнограда, где подвизались просветители славян святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий.

Археологические раскопки в Залаваре

В 2009 году вблизи города Залавар, на месте древнего городища, где прежде стояла столица Балтенского княжества Блатноград, была совершена сенсационная археологическая находка – черепки с надписью глаголицей, датируемые второй половиной IX века. Руководили раскопками венгерские ученые: Сёке Бела Миклош (Szőke Béla Miklós) и Ритоок Агнеш (Ritoók Ágnes).

С 1951 здесь велись систематические раскопки поселений и захоронений IX–XVII веков⁵, археологи следили за изме-

нением уровня жизни в культурных слоях. В основном была найдена разнообразная керамика, также обнаружены в захоронениях: шпоры, подвески, пуговицы, кольца из IX века; из XI–XIII века ювелирные изделия. Это место археологических исследований оценивается как самое большое в Венгрии по числу находок и многообразию предметов эпохи Каролингов. Здесь были найдены фрагменты цветного стекла, и одна отливная форма для колокола, что своеобразно для Европы, не говоря уже о черепках с глаголицей.

Всю территорию раскопок можно условно разделить на несколько участков, среди которых наибольший интерес представляют храм святого Адриана, окрестности храма и кладбище при храме. Так, на участке кладбища обнаружено погребение знатной девушки с украшениями из золота, золоченого серебра, кораллов и других ценных материалов.

На территории самого храма найдены осколки витражей, на стекле разных оттенков голубого цвета изображены фигуры святых и надписи. Это одно из самых ранних исполнений витражей в Европе. Храм святого Адриана был довольно внушительным сооружением, это была трехнефная базилика, с криптой в восточной части, и с галереей для паломников в западной части. Несомненно, это был кафедральный епископский храм, центральный пункт древней столицы паннонских славян.

В окрестностях храма святого Адриана найдены посуда из тонкой глины, обожженная керамика золотисто-коричневого цвета, в основном это сосуды, несколько кувшинов с одной или двумя ручками, настольная амфора, плоское блюдо, мелкие и глубокие тарелки, чашки, стаканы, крышки. На осколках керамической посуды часто встречаются надписи.

Эти надписи составляет главную научную ценность раскопок, так как среди них есть буквы округлой глаголицы, памятники деятельности Кирилла и Мефодия в Блатнограде. Здесь можно увидеть крест в качестве пробела между буквами, а также глаголические буквы: иже, глагол, добро, веди, он, ферт, ять. Особое внима-

¹ Мединцева А., Попконстантинов К. Надписи из Круглой церкви в Преславе. София, 1984. С. 46.

² Хабургаев Г. А. Глаголические памятники // Старославянский язык. 2-е изд. М., 1986. С. 32.

³ См., например, сообщение С.О.Вяловой на сайте Российской национальной библиотеки: К 1150-летию славянской письменности. Глаголица – первое славянское письмо.

⁴ Поулик Й. Вклад чехословацкой археологии в изучение истории Великой Моравии//Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. Отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М., 1985. С. 44.

⁵ Здесь обнаружено около 700 захоронений, см.: Wolff K., Évinger S., Hajdu T., Gyenis G. Anthropological examination of the chronologically separated groups of the 11th–13th century Zalavár-Chapel (Zalavár-Kápolna) cemetery from Hungary// Anthropologischer Anzeiger. Volume 69. № 4. November 2012. P. 473-490.

ние привлекает черепок с крестом и последующими ясно читаемыми глаголическими буквами И и О (названия букв: *уже* и *он*). По предположению венгерских археологов, скорее всего эти буквы означают часть имени владельца сосуда. Также венгерские ученые указывают на вероятность того, что одна из надписей на черепках могла быть сделана рукой самого святого Мефодия, так как находки датируются 866–867 годами, это совпадает со временем его пребывания в столице державы князя Коцела.

Полное описание результатов археологических исследований научный руководитель раскопок Миклош Сёке изложил в своей докторской диссертации «Паннония эпохи Каролингов»¹. Сейчас наиболее значимые находки из древнего Блатнограда выставлены на постоянной экспозиции в Национальном музее в Будапеште².

Современное состояние. Мемориальный парк

Если в объемном венгерском подробном путеводителе³ 2001 года еще нет упоминаний о Залаваре, как чем-либо примечательном месте, то сейчас недалеко от этого города, на месте древней столицы Блатенского княжества находится мемориальный парк Vársziget, открытый 11 сентября 2010 года.

Память о былом величии и значении этого места отчасти сохранялась и в прежние годы. Так, 1938 году к 900-летию со дня смерти святого Иштвана, первого христианского короля Венгрии, здесь был установлен памятник в его честь, правда, впоследствии пришедший в упадок из-за вандалов. Затем, в 1985 году Болгария изъявила желание установить памятник святым равноапостольным Кириллу и Мефодию на месте их проповеди. Позже появилось еще два монумента в честь святых учителей: от Словении в 2005 году и от Словакии в 2013 году, в честь 1150-летия их просветительской миссии⁴.

¹ Szóke B.M. Pannónia a Karoling-korban. Doctor of the Hung. Acad. of Sci. thesis. Budapest, 2011.

² См. каталог экспозиции: Szóke B. M. A Karoling-kor a Kárpát-medenceben: A Magyar Nemzeti Múzeum állandó kiállítása. Magyar Nemzeti Múzeum, Budapest, 2014.

³ Irány Magyarország! Idegenforgalmi Almanach. Budapest, 2001. P. 1152 old.

⁴ Mosaburg – Zalavár. Zalavári Történelmi Emlékpark. 2010. P. 4-6.

В мемориальный комплекс, кроме памятников и краеведческого павильона, также входит храм в честь святого Иштвана (в Православии почитается как святой Стефан, король венгерский), построенный недавно, но в древнем стиле эпохи Арпадов и на фундаменте храма при кладбище XI века. В этом храме в дни памяти святых Кирилла и Мефодия проводятся православные богослужения силами Хевизского русского православного прихода, который молитвенно поддерживает наших соотечественников не только в городе Хевиз, но и во всем Балатонском регионе.

В дни тезоименитства Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, Кирилла, 24 мая, когда Православная Церковь чествует святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, учителей словенских, а в России отмечается День славянской письменности и культуры, здесь, на месте миссии солунских братьев, совершаются праздничные православные богослужения, на которые приезжают паломники со всей Венгрии. Кроме очевидного почитания памяти великих святых, эти богослужения имеют еще и сокрытый духовный смысл, как предстательство за сотни крещеных славян, похороненных на этом месте⁵ и более тысячи лет не имевших молитвенного поминания.

Православный приход в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник», образованный решением Священного синода Русской Православной Церкви от 26 декабря 2012 года, призван духовно окормлять чад нашей Церкви в западной Венгрии⁶. Приход хранит память о святых просветителях, не только совершая богослужений на месте их проповеди, но и распространяя сведения о пребывании святых братьев на земле древней Паннонии, всеми доступными средствами, включая печатные издания⁷ и публикации в Интернете.

⁵ Bilkei I., Káli Cs., Petánovics K. Zalavár. Budapest, 2000. P. 18.

⁶ Православная Венгрия. Сост. протоиерей Николай Ким. 2014. С. 3.

⁷ Прот. Николай Ким. Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, учителя славян// Венгрия для Вас. Май-июнь. 2014. С. 29.

С. А. Романенко

**ЦЕНТРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРИТЯЖЕНИЯ ЮЖНЫХ СЛАВЯН
АВСТРО-ВЕНГРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: САБОР
ХОРВАТИИ, ЮГОСЛАВЯНСКИЙ КЛУБ, ЮГОСЛАВЯНСКИЙ КОМИТЕТ**

С началом Первой мировой войны легальная политическая жизнь южных славян Австро-Венгрии оказалась еще более раздробленной, чем в мирное время. Деятельность представительных учреждений – рейхсрата в Вене, ландтагов в коронных землях и сабора Боснии и Герцеговины (Биг) была приостановлена. Лишь в Будапеште и Загребе представительные учреждения продолжали свою деятельность в непростых для политических и гражданских свобод условиях войны. Однако делегация Хорватии в Государственном собрании Венгрии (парламенте), как и сам парламент в целом не был и не мог быть центром деятельности политиков, представлявших национальные движения хорватов, словенцев и сербов.

Многие политики югославистской ориентации, хорваты, словенцы и сербы по национальности уехали за границу либо сразу после убийства Франца Фердинанда 28 июня 1914 г., либо в первые недели после объявления войны Австро-Венгрией Сербии 28 июля 1914 г. Но большинство депутатов Сабора Хорватии осталось на родине, хотя они и не во всем разделяли позицию властей. В результате у южных славян монархии Габсбургов сформировалось несколько центров политической жизни, каждый из которых стремился получить признание власти. Они пытались заставить считаться с собой Вену и Будапешт, т.е. то, что им не в полной мере удавалось до войны. Этими центрами были Хорватский сабор (ХС, 1914–1918), Югославянский клуб в рейхсрате (ЮКл, 1917–1918). Перед эмиграцией задача была не легче – добиться фактического и формального признания со стороны

государств Антанты – Югославянский комитет в Париже, затем в Лондоне (ЮКом, 1914–1918). К этому надо добавить и внешний по отношению к Австро-Венгрии центр в Белграде, с 1915 по 1918 – остро-ве Корфу, – династия Карагеоргиевичей и правительство Сербии. Специфическим центром стал Сербский добровольческий корпус в России (Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев – Одесса) и сам Петроград: там шла ожесточенная борьба между ЮКом и официальной Сербией. Тоже самое можно сказать и о США, где с конца XIX в. проживали многочисленные колонии сербов, хорватов, словенцев и боснийских мусульман.

В то же время представительные учреждения либо не функционировали (как областной сабор или скупщина Биг, местные представительные учреждения Далмации Истрии и других коронных земель, как и рейхсрат – до мая 1917 г.), либо время от времени продолжали свою работу (автономный сабор Хорватии, парламент Венгрии). Однако в силу ограниченности своей компетенции и прав автономный Сабор не мог обеспечить, тем более в условиях военного времени с неизбежными ограничениями политической деятельности, жесткой цензуры и перлюстрации частной корреспонденции, эффективную связь общества и наций, чье развитие было нарушено войной, с государственной инациональной властью.

В насчитывающей многие тома монографических исследований и тысячи статей историографии, посвященной изучению национальных движений южных славян Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны не было проведено сопо-

ставительного анализа функций, роли и идейно-политических позиций трех национально-политических центров южных славян Монархии – ХС, ЮКл и ЮКом. ХС как автономное представительное учреждение Венгрии, входившей в монархию Габсбургов функционировал до 29 октября 1918 г. ЮКом действовал ноября 1914 до марта 1919 г. ЮКл просуществовал с 29 мая 1917 по ноябрь 1918 года.

ЮКл и ЮКом были организациями, выражавшими стремления югославистски настроенных политиков – хорватов, словенцев и сербов Австро-Венгрии – югославянской идеи, в ХС были представлены различные течения и партии. ХС и ЮКл действовали в рамках законов монархии, при этом первый представлял собой целостное представительное учреждение, а второй – лишь одну из его фракций. Легально избранные в соответствии с законами Австрии и Венгрии депутаты пытались использовать свой статус для пропаганды собственных позиций, исправления недостатков власти и критики различных аспектов ее деятельности, вскрытия преступлений¹. В ЮК также входили депутаты представительных учреждений Австро-Венгрии – автономного сабора Хорватии, саборов Далмации, Истрии, словенских земель. Однако они не были избраны в комитет, во-вторых, в ЮКом входили и деятели, не обладавшие депутатским статусом. Таким образом, ЮКом в соответствии с законами империи не был избранным легитимным представительным учреждением, а организацией эмигрантов-изменников, стоявших вне закона. М. Ронге утверждал, что отдельные деятели Югославянского комитета – Х. Хинкович, Я. Супило, И. Войновича и некоторые другие – «получали весьма солидные субсидии «из секретного фонда сербского премьер-министра»². Можно предположить также, что ЮКом в целом или его отдельные политики получали поддержку в Лондоне и Петрограде.

¹ Об отношениях хорватов и словенцев в период войны, напр., см. брошюру: Mičinović A. und Krek J. Kroaten un Slovenen. Jena, 1916.

² Ронге М. Война и индустрия шпионажа. Пер. с нем. М., 2000. С. 179.

Для оценки деятельности этих трех политических центров южных славян Австро-Венгрии важно отметить, что хорватская государственная идея была признана в Австро-Венгрии, югославянская же – нет, и изначально воспринималась как нелегальная и нелегитимная в любом своем, даже австрославистском, варианте. При этом трактовка ее содержания и целей самими югославянами, с одной стороны, и властями Вены и Будапешта, а также представителями других национальных движений были различными. Кроме того, ЮК изначально идейно и политически противопоставил себя Австро-Венгрии и династии. Но именно эта оторванность от австро-венгерской государственности и нахождение ЮКом за пределами империи позволили Комитету стать соперником династии Карагеоргиевичей и правительства Сербии, обладавших внутренней и международной легитимностью, в создании новой, постгабсбургской государственности. Значение ХС и ЮКл осенью 1918 г. уменьшалось по мере ослабления австро-венгерского государства, однако их преемником стали Национальные советы в Любляне и Загребе, образованные, соответственно 17 августа и 5 октября 1918 г. Национальное вече Государства словенцев, хорватов и сербов, образованное 29 октября 1918 г. в Загребе стало преемником представительных учреждений Хорватии-Славонии, Далмации, Истрии и БиГ. Однако с провозглашением Королевства сербов, хорватов и словенцев 1 декабря 1918 г. преемственность этих учреждений и как национальных, и как унаследованных от монархии Габсбургов, сошла на нет. Республиканизм и федерализм потерпели поражение, как и хорватское, словенское и боснийско-мусульманское национальные движения. Этнический республиканизм проиграл этническому монархизму, также основанному на естественном праве. Сербская династия и правительство использовали национальное самоопределение как средство расширения национально-государственной территории при опоре на настроения части хорватов, словенцев и боснийских мусульман.

На последних предвоенных выборах в автономный сабор Хорватии 16 декабря 1913 г. национально-либеральная Хорватско-сербская коалиция (ХСК) получила абсолютное большинство в 48 мест. На траурной церемонии в саборе по случаю гибели Франца Фердинанда радикальные хорватские националисты из Старчевичевской партии права резко критиковали ХСК, в состав которой входила Сербская независимая партия во главе со Светозаром Прибичевичем. Впервые после начала войны Сабор собрался на свое первое заседание 14 июня 1915 года. Заседания Сабора в Загребе в 1914–1917 гг. были в основном заполнены полемикой между представителями двух течений в хорватском национальном движении – ХСК, ориентировавшейся на Будапешт, и радикального хорватского национализма, ориентировавшегося на Вену¹. Постепенно сформировалось и третье течение – югославистское (партия «старчевичевцев» и его политические союзники). Однако ни одно из этих течений не могло ни предложить реальных программ реформ дуалистической монархии, ни добиться их осуществления². Впрочем, и Прибичевич не был далек от истины, хотя и приукрасил роль Хорватско-сербской коалиции, когда заметил: «ХСК была уверена, что этот сабор, значительно большинство мандатов в котором находилось в ее руках, выскажется за объединение всех сербов, хорватов и словенцев. Если бы этот сабор разогнали и в специфических условиях войны заменили бы его каким-то другим, то неизвестно, каким было бы новое большинство и какую бы позицию оно заняло по вопросу о национальном объединении»³.

В основном их дискуссии велись по проблеме обретения Хорватией суверенитета⁴. Выступивший на первом заседа-

нии лидер Хорватской крестьянской партии Степан Радич по сути повторил традиционное требование сабора, выдвигавшееся им с момента заключения хорватско-венгерского Соглашения 1868 г., – корона должна обеспечить «экономико-финансовую самостоятельность Королевства Далмации-Хорватии-Славонии». «Старчевичевцы» наряду с триалистическими планами выдвинули и идею преобразования Монархии на основе союза входящих в нее народов. Однако ХСК, упорно придерживавшаяся идеи сохранения системы дуализма, отвергла это предложение. Депутаты ХСК полагали, что единственным вариантом является пересмотр Соглашения 1868 г. и присоединение Далмации к Хорватии⁵. Поднимался вопрос и о присоединении к Хорватии Боснии и Герцеговины, которая, как считали члены партии Старчевича, и согласно естественному (этнически), и по государственному праву принадлежала Хорватии⁶.

Шли дискуссии и относительно будущего Боснии и Герцеговины и в Сараево, и в Вене, и в Будапеште. Согласно конституции Биг 1910 г. она представляла собой особое административное образование в дуалистической системе с особой юридической системой и особым статусом населявших ее жителей. Несмотря на роспуск сабора (скупщины) 6 февраля 1915 г., этот статус сохранился. Хотя это негативным образом отразилось на развитии открытой политической борьбы и общественных дискуссий, в среде чиновников, политиков и интеллектуалов обсуждались различные

са в империи и империи для хорватского вопроса, а также на соотношение хорватского и южнославянского вопросов можно проследить на примере двух изданий: Die kroatische – die südslavische Frage. Von einem aktiven Politiker der kroatischen Reichspartei. Abdruck aus der «Südslavischen Rundschau». Wien, 1913; Slavicus. Oesterreich-Ungarn und die südslavische Frage. Bern, 1917.

⁵ См. испещренную белыми пятнами военной цензуры книгу: Jurišić, dr. Svjetski rat i Hrvati. Pokus orijentacije hrvatskoga naroda još prije svršetka rata. U Zagrebu, 1915. Ср. с нецензурированным изданием той же книги: [Pilar I.] Svjetski rat i Hrvati. Pokus orijentacije hrvatskoga naroda još prije svršetka rata. U Zagrebu, 1918.

⁶ См.: Bosna i Bošnjaci u hrvatskoj nacionalnoj ideologiji. Antologija tekstova. Sarajevo, 1999; Bosna i Bošnjaci u srbskoj nacionalnoj ideologiji. Antologija tekstova. Sarajevo, 1997.

¹ Stenografski zapisnici i prilozii Sabora kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Petogodište 1913–1918. Sv. III. Godina 1915. i 1916. Zagreb, 1916. S. 5–7.

² О работе сабора Хорватии в период Первой мировой войны см.: Krizman B. Hrvatska u prvom svjetskom ratu. Zagreb, 1989.

³ Pribičević S. Diktatura kralja Aleksandra. Zagreb, 1990. S. 28.

⁴ Эволюцию взглядов части хорватского национального движения на роль и значение хорватского вопро-

версии дальнейшего изменения статуса БиГ, что было непосредственным образом связано с вопросом о самом существовании Монархии, поскольку было связано с общим южнославянским вопросом¹.

Янко Лаврин, корреспондент петроградской газеты «Нового время» на Балканском и Западном фронтах, словенец по национальности и неославянофил по убеждениям, 8 декабря 1915 г. описал своему коллеге и единомышленнику Дмитрию Вергуну изменение планов австрийских властей относительно будущего устройства южнославянских земель монархии в случае планировавшейся победы монархии Габсбургов и ее союзника Германии: «оккупировать всю Сербию до Гевгелии, изолировать её совершенно от прочих южнославянских земель (на подобие Боснии) и ввести, по крайней мере, в начал сербофильское управление. Но хорватские франковцы (Старчевичема партия права) воспротивились этому... К счастью, скоро последовало крушение всех этих планов, заодно с армией Потioreка». Как сообщал Лаврин, вскоре «завоеванную Сербию» Австрия собиралась оставить себе, Венгрии же отдать Боснию». Но эти планы относились к 1914 г. Последние же на момент написания письма Лавриным планы Вены относительно южных славян были «гораздо скромнее. Её государственные умы возьмется теперь с проектами восстановления Сербии в тех размерах, какой она была до Балканской войны и ещё великодушно прибавить Скопье с заземельем (hinterland)²».

Генерал-губернатор Боснии и Герцеговины Ст. Саркотич, ставший с 22 декабря 1914 г. преемником на этом посту О. Потioreка (до 3 ноября 1918 г.), предлагал заменить представительное учреждение неким административным советом, помогающим администрации в ее деятельности. Однако

общее правительство Австрии и Венгрии это предложение отвергло. Военные круги Австрии настаивали на том, чтобы БиГ была присоединена к австрийской части, а венгерские политики требовали присоединения к Венгрии. 2 октября 1915 г. Официально одобрило план присоединения БиГ к Венгрии, который включал в себя требование ликвидации всех форм автономной политической жизни. Министр-президент Венгрии граф Иштван Тиса обсуждал проблемы статуса БиГ во время своего визита в Сараево даже в сентябре 1918 г. Кроме того, существовали и планы раздела БиГ между Австрией и Венгрией. Однако от идеи присоединения области к Венгрии он вынужден был отказаться, поскольку 20 сентября 1918 г. югославистски настроенные политики – хорваты, сербы и боснийские мусульмане вручили ему меморандум о решении проблемы БиГ на основе принципа самоопределения наций при их равноправии и политической самостоятельности.

В этой связи нельзя не вспомнить о планах России по послевоенному переустройству Австро-Венгрии. В АВПРИ сохранилась записка высокопоставленного чиновника МИД, статского советника А. М. Петряева, относящаяся еще к концу 1914 – началу 1915 гг. Этот документ является аналитической запиской, отражающей личную точку зрения автора в процессе выработки позиций на будущих переговорах и, несмотря на положение Петряева до, а тем более после Февральской революции (товарищ министра иностранных дел), не может рассматриваться как официальная позиция России. В этом отдавал себе отчет сам автор, поскольку писал: «Подводя итог вышесказанному, мы можем представить себе такую схему политических комбинаций, которые могут быть применены в зависимости от конечных результатов войны при устройстве земель, ныне входящих в состав Австро-Венгерской империи». И ниже следовало перечисление семи возможных вариантов.

«1) Раздел территории согласно национальным притязаниям разных народно-

¹ DA BiH. Napretkova kulturno-historijska zbirka. Fasc. ŠI/4; Filandra Š. Bošnjačka politika u XX. stoljeću. Sarajevo, 1998. S. 43–53; Grijak Z. Politička djelatnost vrhobosanskog nadbiskupa Josipa Stadkera. Zagreb, 2001. S. 526–559.

² РГИА. Ф 909 – Фонд Д. Н. Вергуна. Оп 1. Д. 181. Письмо Янко Лаврина Д. Н. Вергуну. Солунь, 8. XII 1915 г. Л. 9об – 10.

стей Угорская Русь, Буковина и Польские земли отходят к России, Трансильвания к Румынии, Южный Тироль и часто Приморья – к Италии. Сербско-хорватские земли – к Сербии. Чехия, Австрия и Венгрия образуют самостоятельные отдельные королевства. При этом возможен вариант: Австрия с Венгрией составляют одно государство Кроация и Словенские земли получают независимое от Сербии существование; 2) Австрия с немецкими землями и которые ... не отойдут к соседним государствам составит отдельное королевство. Чехия, Венгрия, юго-славянские провинции за исключением территорий, отходящих к Сербии, образуют самостоятельное государство; 3) Австрия, чехо-югославия с одной стороны, и Венгрия с Трансильванией, или без нее, с другой, как самостоятельные государства; 4) Австро-Чехия и Венгеро-Кроация с частями неутраченных территорий; 5) Немецкие земли Австрии, Чехии, Венгрии и югославянские провинции составят одно государство. Вариант: та же комбинация, но без Чехии или югославянских земель; 6) Федерализация Австро-Венгерских земель согласно национальному принципу, за исключением, разумеется, тех территорий, которые согласно условиям мирного договора, будут присоединены к другим государствам; 7) Австро-Венгрия с теперешним ее дуалистическим строем государственной жизни, но потерявшая некоторые провинции»¹.

14 июня 1915 г. депутат Сабора Хорватии от ХСК Перо Магдич подтвердил верность историко-правовым документам – избрание Сабором Хорватии 1 января 1527 г. Фердинанда I Габсбурга королем и Хорватской прагматической санкции от 9 марта 1712 г. (признание права наследования престола за женской линией Габсбургов) и заявил, что хорватская нация с светлейшей династией и остальными народами Габсбургской монархии одна за всех и все за одного будет защищаться против внешнего врага. При этом он, как и многие другие депутаты, тогда и впослед-

ствии говорил о героизме военнотружущих-хорватов, на русском (впоследствии – и итальянском) фронтах, полагая, что оно должно быть вознаграждено политически государством и династией². Этот мотив также использовался в специфических изданиях – речи депутатов сабора издавались как политико-публицистические брошюры³.

В то же время депутаты критиковали политику властей по отношению к славянскому населению. Не исключая и вполне верноподданных хорватов. 14 июня 1915 г. С. Радич говорил о терроре по отношению к хорватскому населению, 19 июня Иван Перишич – о том, что в течение десяти месяцев войны была временно прекращена свобода печати и свобода слова свобода митингов⁴.

Анте Павелич-старший (депутат от Старчевичевской Партии права, не путать с поглавником НДХ!) 24 июня 1915 г., несмотря на войну, затронул проблему национально-государственного переустройства дуалистической монархии «Старчевичевская партия права, видя, что в существующих военных обстоятельствах невозможно открыто, всесторонне пересмотреть и решить вопросы государственно-правовые и политические, в особенности об отношениях с королевством Венгрией, а также остальными землями Его величества... СПП сохраняет свою верность принципиальной и прагматической позиции о полной государственной самостоятельности и объединении всей хорватской нации»⁵.

Большой интерес вызвала речь депутата от входившей в ХСК Хорватской партии права Стjepана Загорца 24 июня 1915 г. Он заявил о том, что «Каллаи и мадьяры хотели создать Царство Душана (сербское. –

² Stenografski zapisnici Sabora kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Petogodište 1913–1918. Sv. III. Godina 1915. i . 1916. Zagreb, 1916.

³ Нап. см.: Radić S. Za hrvatsku državu i za hrvatski seljački narod. U Zagrebu, 1915; Radić S. Temelj za budućnost Hrvatske, Habzburške monarkije i cijele Evrope / Petsatni adresni govor nar. zast. Stjepana Radića u saborskoj sjednici od 7. ožujka 1917. / Pretiskano iz 11. i 12. broja «Doma» 1917. U Zagrebu, 1917.

⁴ Stenografski zapisnici Sabora kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Petogodište 1913–1918. Sv. III. Godina 1915. i . 1916. Zagreb, 1916. S. 58.

⁵ Ibid. S. 83.

¹ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 293. Записка статского советника А. М. Петряева 1914–1915 часть 3. Л. 25-26.

С. Р.) в союзе с Венгрией». «Мы (хорваты. – С. Р.) стремимся иметь королевство хорватское, самостоятельное и свободное в границах монархии». Радич выкрикнул из рядов: «непосредственно под короной и Монархией», имея в виду отмену единого акта коронования венгерской и хорватской короной. Затем Загорац коснулся темы Италии – этнической геополитики. Он отметил, что Хорватия находится между притязаниями Сербии и Италии, а Монархия очень заинтересована в территории, занимаемой хорватскими и словенскими землями, а также БиГ. Это пространство имеет исключительное значение для будущего монархии. Кто обладает Далмацией, обладает Адриатикой, а тот, кто обладает Адриатикой, тот имеет преобладающее влияние на Балканах», – закончил Загорац в духе мифов о заинтересованности Монархии в южных славянах¹.

В саборе в ходе войны обсуждались проблемы изменения будущего статуса Хорватии после войны. Естественно, они носили официозный характер и отрицали с той или иной степенью жесткости выход Хорватии из состава Монархии и ее объединение с Сербией и Черногорией. Новая форма национального самоопределения виделась пока исключительно в рамках существующего государства. При этом депутаты обосновывали своим надежды и требования не только этническими мотивами. При этом все чаще речь шла не только о хорватах, но и о словенцах, т. е. о хорватско-словенском варианте югославизма и триализма. «И Австрия, и Венгрия стремятся к морю, хотят господствовать и хозяйствовать на море. Мы, хорваты и словенцы, занесены в кадастр в качестве исключительных и единственных хозяев, собственников и обладателей (...) и это изменить нельзя. Но мы, хорваты и словенцы, готовы предоставить право использования [Адриатического] моря всем народам нашей монархии. Хорваты за переустройство монархии. В качестве

¹ Ibid. S. 109-118. См.: Žanić I. Simbolični identitet Hrvatske u trokutu raskrižje – predziđe – most // Historijski mitovi na Balkanu. Zbornik radova. Sarajevo, 2003. S. 178.

обоснования этой позиции И. Першич сослался на то, как храбро воюют хорваты в Карпатах и на р. Соче (Изонцо – итал.)². Такую же мотивировку представил сабору и С. Радич³.

Вслед за отставкой правительства И. Тисы 15 июня 1917 г. в Будапеште и замены его на правительство Ш. Векерле, произошла смена бана в Хорватии. 12 июля 1917 г. Антун Михалович, отправивший в отставку четырех предыдущих начальников департаментов автономного правительства, предстал перед сабором. Депутат Д. Хрвой заявил, что дуализм все еще жив, но хорваты всегда выступали против него и высказался за объединение хорватских и словенских земель⁴. Дуализм сам по себе и отказ от его реформ все больше становились центробежным фактором. Даже во время войны, осенью-зимой 1917–1918 гг., в саборе обсуждался проект о порядке выборов в сабор Хорватии, Славонии и Далмации, имея в виду подсознательно не только перспективу модернизации и самоопределения в рамках Монархии, но и в независимом государстве.

Депутат от Хорватской независимой партии И. Лоркович 8 июля 1918 г. заявил, что «под влиянием этой войны с большой силой и быстротой созревают национальные вопросы до (своего) решения в направлении самоопределения наций. Необходимо объединить все национальные элементы, стоящие на принципах национального объединения»⁵.

Св. Прибичевич в духе своей статьи 1901 г. об этническом единстве сербов и хорватов заявил: «Мне совершенно ясно, что сербы, хорваты и словенцы – одна нация. Почему? Все объективные элементы, делающие нацию нацией, которые входят в структуру национальной души и нас одинаковые. Один язык, одинаковые или похожие национальные обычаи, тождествен-

² Ibid. S. 816-851.

³ Radić S. Za hrvatsku državu i za hrvatski seljački narod. U Zagrebu, 1915. S 3-5, 90-96.

⁴ Stenografski zapisnici Sabora kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Petogodište 1913–1918. Sv. VI. Godina 1917. i 1918. Zagreb, 1918. S. 65-225.

⁵ Ibid. S. 1047-1062.

но национальное сознание, тождественно этическое понимание... к этому надо добавить субъективного сознания об общей принадлежности, о единой национальной индивидуальности, о необходимости общего будущего. Там, где складываются два элемента, объективный и субъективный, там (у нас) будет нация в полном смысле слова». Прибичевич не соглашался с тем, что на одной национальной территории существуют три этнонима имени – хорваты, сербы, словенцы¹.

Югославянский клуб в рейхсрате был создан 29 мая 1917 г., после того как к хорватско-словенскому клубу начавшего функционировать в Рейхсрате во главе со словенцем А. Корощем присоединились сербские депутаты². Первым и самым известным шагом новой фракции, отражавшей перемену в политических настроениях, стала принятая на следующий день Майская декларация. 30 мая 1917 г. тридцать три депутата австрийского рейхсрата из югославянских земель австрийской части монархии выпустили заявление, в котором говорилось о необходимости, «основываясь на национальном принципе и хорватском государственном праве, объединения всех земель монархии, населенных сербами, хорватами и словенцами, в самостоятельное, свободное от господства чужих народов и основанное на демократических принципах государственное целое под скипетром династии Габсбургов»³. Современный хорватский исследователь Зоран Грияк полагает, что отношение к декларации властей Австро-Венгрии и ее значение были двойственными. С одной стороны, в ней предчувствовалась опасность утраты югославянских земель монархии. С другой стороны, Майская декларация могла послужить контрдоводом утверждениям политиков стран Антанты, что Австро-Венгрия не в состоянии удовлетворить стремление к национальному самоутверждению своих негосподствующ-

щих наций. Грияк обнаружил документ, который, по его мнению, доказывает, что австро-венгерские власти поощряли принятие Майской декларации именно в противовес пропаганде Антанты⁴.

Впоследствии депутаты ЮКл развили активную деятельность, о чем свидетельствует его архив, хранящийся в Архиве Республики Словении. «Оружием» депутатов рейхсрата, также как и сабора Хорватии, стали, прежде всего, запросы исполнительной власти – относительно преследований южных славян и отдельных лиц, включая и самих депутатов, нарушения свободы печати, усиливавшегося голода и т. д.⁵. Министры и их аппарат были вынуждены давать ответы, однако в условиях военного времени и сохранявшегося господства исполнительной власти над представительными учреждениями, реальная, не политическая эффективность этих запросов была невелика. Большое внимание депутаты, входившие в клуб, уделяли внешнеполитическим вопросам, которые были напрямую связаны с интенсификацией обсуждения послевоенного устройства Европы и границ государств. Прежде всего, это касалось отношений с Италией, ради обретения за счет Австро-Венгрии новых территорий на побережье Адриатики, изменившей союзническим обязательствам по отношению

⁴ Grijak Z. Politička djelatnost vrhobosanskog nadbiskupa Josipa Stadlera. Zagreb, 2001. S. 542.

⁵ См.: Interepelacija dr. Korošca, dr. Čingrija in tovarišev na vojnega ministra zaradi internacije, mučenja in protuzakonite vojaške službe državnega poslanika dr. Vukotiča. Dunaj, 10. dec. 1916 // AS 584. Fond «Jugoslovanski klub na Dunaju». Šk. 9. S. 1-14; Interepelacija državnih poslancev zaradi nezakonitih in protiustavnih razmer v Bosni in Hercegovini. Dunaj, 28. junija 1917 // AS 584. Fond «Jugoslovanski klub na Dunaju». Šk. 9. S. 1-21; Interepelacija dr. Korošca in tovarišev na ministra za vojaške zavede glede krvoprolitja vojakov v Grabovcih, v Sremu. Dunaj, 11. dec. 1917. AS 584. Fond «Jugoslovanski klub na Dunaju». Šk. 9. S. 1-4; Interepelacija dr. Korošca in tovariševna vlado zaradi preganjanja državnega poslanca in ljubljanskega župana – Ivana Hribara. Dunaj, 5 jan. 1918 // AS 584. Fond «Jugoslovanski klub na Dunaju». Šk. 9. S. 1-9; Interepelacija dr. Korošca in tovarišev na vlado zaradi nasilja madžarskih vojakov v savinjski dolini. Dunaj, 4.2.1918; Interepelacija dr. Korošca, dr. Čingrija in tovarišev na vojnega ministra zaradi prepovedi širjenja zagrebalkoga časopisa Glas Slovenaca Hrvata i Srba na okupiranem ozemlju Srbije. Dunaj, 16.2.1918 // AS 584. Fond «Jugoslovanski klub na Dunaju». Šk. 9.

¹ Ibid. S. 1068-1082.

² Šušteršič I. Moj odgovor. Ljubljana, 1922. S. 68-70.

³ Ср., напр.: Boban L. Hrvatske granice od 1918. do 1993. godine. III izdanje. Zagreb: Školska knjiga 1993. S. 8; The Creation and Changes of the Internal Borders of Yugoslavia. [Belgrade], s.a. P. 17-25.

к Австро-Венгрии и Германии и подписавшей 26 апреля 1915 г. Лондонский договор со странами Антанты. С момента начала переговоров в Брест-Литовске 22 декабря 1917 г. ЮКл уделял большое внимание и этим переговорам, требуя участия в них представителей всех наций Монархии¹. Кроме того, Клуб постепенно налаживал сотрудничество с другими национальными фракциями рейхсрата, однако это произошло не на фундаменте сохранения и реформы империи Габсбургов, а на основе определившегося стремления к ее распаду². ЮКл и входившие в него депутаты сыграли большую роль в процессе ослабления связей югославянских земель с Веной, с центральными властями и с созданием новой государственности – Словенского совета в Любляне 17 августа 1918 г., а также Национального веча (совета) словенцев, хорватов и сербов 5–6 октября 1918 г., которые, однако, просуществовали недолго³.

Среди части югославянской общности, проживавшей в Хорватии и БиГ, нарастало разочарование существовавшими политическими партиями, которые оказались неспособными добиться

более высокой степени национального самоопределения, шли на компромиссы с Веной и Будапештом и зачастую оказывались напрямую вовлеченными в игру политических классов двуединой монархии. Это привело к радикализации той части национальных движений хорватов и сербов, которая выступала под лозунгами югославизма – создания в той или иной форме югославянской государственности. Свое воздействие оказала и успешная для союзников Первая Балканская война 1912–1913 гг.

Военные цели и политические перспективы Сербии были определены декларацией, принятой в городе Ниш перебравшейся туда из Белграда скупщиной (парламентом) 7 декабря 1914 г. Сербия провозглашалась центром объединения всех югославянских земель, а будущее государство рассматривалось как этнически сербское. Кроме того, в ней говорилось о том, что «Сербия ведет войну за освобождение всех наших поработанных братьев сербов, хорватов и словенцев» и их воссоединение с сербским государством. Будущее государство рассматривалось как сербское. При этом обходился вопрос о будущем устройстве объединенного государства, формах его правления и правах народов⁴.

В ноябре 1914 – апреле 1915 г. в три этапа – в Риме, Париже и, наконец, в Лондоне – южнославянские эмигранты из Австро-Венгрии образовали Югославянский комитет во главе с Анте Трумбичем. Первоначально организация эмигрантов из Австро-Венгрии называлась Хорватский (или Адриатический) комитет⁵. В него вошло 25 человек, более или менее извест-

¹ Напр., см.: Interepelacija dr. Korošca in tovarišev zaradi zaplembe manifesta Jugoslovanskega kluba naslovljen na mirovno delegacijo v Brest-Litovsku. Dunaj, 6.2.1918 // AS 584. Fond «Jugoslovanski klub na Dunaju». Šk. 9. S. 1-4; Govor dr. Korošca glede na expose ministra za zunanje zadeve o primirju z Rusijo // AS 584. Fond «Jugoslovanski klub na Dunaju». Šk. 9. S. 1-8; Dualizem, narodnostni položaj v Avstro-Ogrski // AS 584. Fond «Jugoslovanski klub na Dunaju». Šk. 12; Izjava Jugoslovancrkog kluba na seji 19 okt. 1917. Leta. // AS 584. Fond «Jugoslovanski klub na Dunaju». Šk. 12. S. 1-2.

² Напр., см.: Zvaza Čehov, poljakov, Jugoslovanov in Romunov // AS 584. Fond «Jugoslovanski klub na Dunaju». Šk. 12. Dualizem, narodnostni položaj v Avstro-Ogrski. Šk. 12. S. 1-8; Predlog dr. Korošca glede stilizacije odgovora na vlado izjavo o ustavnoj reformi na češko-poljsko-jugoslovanski načelniški konferenci. 5.3.1918. // AS 584. Fond «Jugoslovanski klub na Dunaju». Šk. 12. Dualizem, narodnostni položaj v Avstro-Ogrski. Str 1-3; Zadeva, ki se nanšao na Jugoslovanski klub, Češki savez in Poljsko kolo. Šk. 14. S. 1-2; Komunike Češkega Saveza, Jugoslovanskega kluba in Ukrajinske parlamentarne delegacije: načala ruske vlade o skletvi mira in odnos avstrijske vlade do toga vprašanja // AS 584. Fond «Jugoslovanski klub na Dunaju». Šk. 14. S. 1; Izjave delegatov Češke, Jugoslovanskih in ukrajinskih nacij. // AS 584. Fond «Jugoslovanski klub na Dunaju». Šk. 14. S. 1.

³ Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. Zagreb, 1920. S. 156-160, 179-181; Narodno vijeće Slovenaca, Hrvata i Srba u Zagrebu. Izabrani dokumenti. Zagreb, 2008. S. 73-183.

⁴ Данченко С. И., Писарев Ю. А., Чепыжева Е. Ю. Сербия на пути от автократии к конституционализму // Балканы в конце XIX – начале XX века. Очерки истории национальных государств и политических структур в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 49.

⁵ Об этом подробнее см.: Вошняк Б. Югословенски одбор (1915–1918). Београд, 1940. С. 8. Также см.: Paulova M. Jugoslavenski odbor. (Povijest jugoslavenske emigracije za svjetskog rata od 1914..1918.) Zagreb, 1924; Potočnjak F. Iz emigracije. II. U jugoslovenskom komitetu. Zagreb, 1919; Potočnjak F. Iz emigracije. Nadirabje Italije na nas. Zagreb, 1919; Potočnjak F. Iz emigracije. IV. U Rusiji. Zagreb, 1926; Leontić L. O jugoslovenskom odboru u Londonu. Zagreb, 1961.

ных политиков, многие в прошлом были поборниками антигерманского «нового курса» и Хорватско-сербской коалиции (Франо Супило, Йован Баньянин, Хинко Хинкович, Милан Марьянович, Иван Мештрович, Франко Поточняк и др.). Большую роль в деятельности Комитета до мая 1916 г. играл хорватский политик из Далмации, активно действовавший и в Хорватии Франо Супило. Примечательно, что в составе комитета не было представителей боснийских мусульман.

Целью ЮКом было содействие созданию единого федеративного югославянского государства. Комитету приходилось работать в трудных условиях, постоянно сталкиваясь, с одной стороны, со стремлением правительства Сербии подчинить комитет себе для создания общего государства на централистской великосербской основе, и с другой – с недоверием со стороны стран Антанты, в том числе и России, и усилившимися в 1916–1917 гг. тенденциями среди союзников к заключению мира с Австро-Венгрией, что предполагало сохранение ее целостности.

Позднее, уже в 20-е годы один из основателей ЮКом Б. Вошняк вспоминал о первой встрече деятелей создаваемого комитета с А. П. Извольским. «Перед нами был дипломат старой русской школы, для которого самым важным было православие. Разговаривали по-итальянски», – писал он и далее изложил позицию Комитета: «Мы за святую Русь. Наша нация не стремится ни к чему иному, кроме как к объединению с Сербией и созданию с ней единого государства». На эти слова последовала «скептическая реплика Извольского», который не верил «в эту возможность с точки зрения религии». Вошняк сказал дипломату, что не существует опасность того, что мы, католические хорваты и словенцы, влияли на православных сербов». Однако на Извольского это впечатления не произвело¹.

Бумаги Комитета хранятся в основном в особом фонде Архива Хорватской академии наук в Загребе и в личном фонде

¹ Vošnjak B. U borbi za ujedinjenu i narodnu državu. Ljubljana; Beograd; Zagreb, 1928. S. 27-28.

одного из его активных деятелей – словенцев Богумила Вошняка в Архиве Республики Словения в Любляне. Они показывают, что основными направлениями их деятельности была организация будущего национального независимого государства южных славян после прекращения существования монархии Габсбургов (Австро-Венгрии), обеспечение его государственных границ и внешнеполитических интересов, выработка принципов устройства этого будущего государства, отношения с обязательными партнерами и соперниками в этом процессе – династией Карагеоргиевичей и правительством Сербии, обеспечение прав югославян – военнослужащих австро-венгерской армии, попавших в плен к союзникам, прежде всего в Россию, отношения с Сербским корпусом, который рассматривался как фактор борьбы за новое государство и основа его вооруженных сил. К этому неизбежно добавлялась политическая и военная разведка и политическая аналитика².

Свет на деятельность ЮКом в целом и отдельных его членов добавляют и некоторые документы Архива внешней политики Российской империи, прежде всего – донесения корреспондента Петроградского телеграфного агентства (ПТА) В. Сватковского за 1915 г.³ Однако ниже,

² Напр., см.: HAZU. J.O. Frano Supilo. 51. Jugosloveni. S. 1. Jugoslavijo! Slovenci! Hrvati! Srbi! S. 1; Rimski kongres. 19/196. Discours de M. Trumbić Presirent du Comiteé Yougoslave au congrés des nationalités oprimées tenu á Rome. 1-5 p.; Rimski kongres. 19/5. Memorandum Dra Ante Trumbia, predsjednika Jugoslavenskog odbora u Londonu. Septembra 1918. 1-11 s.; 13. Istra. 13/179 Raspoloženje u domovini. S. 1-5; AS 1039. Bogumil Vošnjak. Šk. 13. Seznam dokumentov Jugoslovanskega odbora. Kratak pregled istorijske delatnosti JO Spisak članova. Njihovi Životopisi. S. 1-4; Šk. 13. Seznam dokumentov Jugoslovanskega odbora. Kronika delovanja Jugoslovanskega odbora v Rusiji. S. 1-4; Šk. 13. Seznam dokumentov Jugoslovanskega odbora. Kronika delovanja Jugoslovanskega odbora med vojno. S. 1-5; Seznam dokumentov Jugoslovanskega odbora. Wilsonovih 14 točk. Prepis pisma Roberta Lansinga Ljubomiru Mihajloviću 24. Juna 1918; Šk. 13. Seznam dokumentov Jugoslovanskega odbora. Deklaracija Jugoslovanskog odbora o kronanjanju cesarja Karla. S. 1-54.

³ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 432. Сватковский В. П. Южнославянский вопрос в Габсбургской монархии 13/26 апреля 1915 г.; Новый курс южного славянства Австро-Венгрии. Возрождение триализма? 18 июня (1 июля 1915). Л. 1-14.

отношения Югославянского комитета с правительством Российской империи по целому ряду причин не сложились. Вместе с тем, в индивидуальном порядке российский МИД сотрудничал с отдельными членами Югославянского комитета, предлагая им подготовить документы справочно-аналитического характера в процессе выработки позиции России на будущих переговорах о послевоенном устройстве Европы. Они (например, Ф. Поточняк, А. Мандич) пользовались этим для того, чтобы объяснить специфику национально-политических отношений в Австро-Венгрии, а также для того, чтобы обосновать внешнеполитическую позицию национальных движений хорватов и словенцев, прежде всего по отношению к Италии¹.

Противоречия между официальным Петроградом (не исключено, что город был переименован 18 (31) августа 1914 г. не без участия хорватского деятеля Крунослава Геруца – библиотекаря Государственной думы и противника государства Габсбургов)² и оказавшимися в эмиграции югославянскими политиками начались почти сразу же. Причиной расхождений стал «адриатический вопрос»: судьба территорий Австро-Венгрии, на которых проживали хорваты и словенцы, с одной стороны, и итальянцы, – с другой. Именно в это время шли непростые переговоры о присоединении Италии к странам Антанты. Без гарантий будущих территориальных приобретений Рим никогда бы не встал в один ряд с Лондоном, Парижем и Санкт-Петербургом. С другой стороны, эти гарантии отталкивали от Антанты, и, прежде всего, от России, южных славян Монархии и сербов. Для России, официально вступившей в Первую мировую войну не только ради защиты Сербии, но и ради освобождения славян, выбор между возможными союзниками

был крайне непростым и болезненным. Тем более что он затрагивал не только военно-стратегические проблемы самой войны, но и принципы отношений с Великобританией и Францией, а также сложную систему конкретных взаимных уступок в рамках планируемого послевоенного урегулирования. Как в 1908 г. ради Босфора и Дарданелл Россия «уступила» Австро-Венгрии не принадлежавшую ей Боснию и Герцеговину, так и в 1915 г. император и его правительство согласились на присоединение к Италии, входивших в состав другого государства – монархии Габсбургов нескольких коронных земель, которые, кроме того, южные славяне считали своими этническими территориями. Не последнюю роль в этом сыграл факт принадлежности хорватов и словенцев к католическому вероисповеданию. Таким образом, Петербург планировал не только обеспечить вступление Италии в войну на стороне Антанты, но и усилить позиции своего православного союзника – Сербии перед лицом национальных движений хорватов и словенцев Австро-Венгрии – в большинстве своем католиков по вероисповеданию.

По воспоминаниям одного из членов ЮКом известного скульптора Ивана Мештровича, югославянские интеллектуалы не знали детали российской программы, но предполагали, что она стремится к максимальному увеличению Сербии. Первый секретарь посольства России в Риме, носивший придворное звание камергера³, Русский дипломат А. Н. Мясоедов, в ответ на изложенную ему позицию Югославянского комитета сказал, что «насколько ему известно, император и Россия считают, что славяне должны быть освобождены от немцев и венгров, а будут ли сербы и хорваты жить в одном государстве, ему это не известно, но ему представляется, что больше склоняются к той точке зрения, что каждый должен быть сам по себе»⁴.

С началом мировой войны у хорватов, сербов и словенцев (как и у чехов и словаков), в меньшей степени у боснийских Му-

¹ АВПРИ; Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 284. Поточняк Ф. «Югославянский комитет в Лондоне и значение югославянства для держав согласия» 3 июня 1916 г. Л. 1-11; АВПРИ; Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 285. Записка члена югославянского комитета в Лондоне Мандича «Развитие партийной жизни в югославянских землях Австро-Венгерской монархии 20 июня 1916 г. Л. 1-25.

² Об этой версии см.: Vrgoč A. Moje uspomene na svjetski rat (godina 1914.–1920). Zagreb, 1937. S. 279.

³ Ежегодник МИД. 1915. СПб., 1915. С. 55.

⁴ Meštrović I. Uspomene na političke ljude i događaje. Zagreb, 1969. S. 39.

сульман активизировались политические силы, рассматривавшие возможность национального самоопределения вне границ империи, монархии и единого многонационального государства. Часть из них расположилась вне границ империи – Югославянский комитет, русский плен, Белград, а затем о. Корфу, династия Карагеоргиевичей и правительство Сербии. Постепенно, в особенности с 1917 г., все более активную роль начали играть сохранившиеся легальные элементы политической системы – представительные учреждения и политические партии внутри самой Австро-Венгрии. К ним относятся сабор Хорватии, Югославянский клуб в рейхсрате, депутаты Сабора БиГ и представительных учреждений земельного уровня (Далмация, Истрия, Крайна, Штирия, Каринтия, Триест, Горица и Градишка).

Росла межнациональная напряженность между австрийскими немцами и венграми, между господствующими этносами, с одной стороны, и неполноправными; они начинали искать новую социальную и этнонациональную реальность. У южнославянских народов это выразилось в принятии двух политических документов, имевших как общую – югославистскую – направленность, так и политическую разновекторность. Майская декларация от 30 мая 1917 г. представляла собой единую легальную платформа югославян Монар-

хии – внутриимперский и средневропейский проект; Корфская резолюция – соглашение двух центров политической эмиграции 20 июля 1917 г. – внеимперский и в большей степени балканский проект. Вместе с тем, идеи сознания своего этнонационального государства овладевали и австрийскими немцами и мадьярами, что делало как государственные институты, так и их национальные движения центробежными факторами. Ни австро-немецкая династия Габсбургов, ни мадьярское правительство Венгрии не смогли стать наднациональным регулятором межнациональных противоречий. Подданство не могло заменить гражданство. И без того многослойная и хрупкая государственная система в 1918 г. начала распадаться на этнонационально-территориальные фрагменты.

Своей главной цели в процессе национального самоопределения ни сабору Хорватии, ни Югославянскому клубу, ни Югославянскому комитету – создания независимого суверенного хорватского национального государства или федеративного южнославянского государства им достичь не удалось. 1 декабря 1918 г. было образовано централистское Королевство сербов, хорватов и словенцев во главе с сербской династией Карагеоргиевичей, в основе которого лежала идея общего южнославянского государства как государства сербского.

Г. Деметер

СТРЕМЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ВЕНГРИИ К САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И РЕАКЦИЯ ВЕНГЕРСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ НА ПРОЦЕСС РАСПАДА ИСТОРИЧЕСКОЙ ВЕНГРИИ (1918–1920)

В центре внимания настоящего исследования находятся устремления национальных меньшинств исторической Венгрии, направленные на достижение автономии и независимости, а также реакция на эти устремления венгерских правительств. Причины успехов и неудач каждой из сторон мы пытались проанализировать в контексте международных отношений 1918–1920 гг.¹ Необходимо сразу же отметить следующие три момента:

1. Успешной реализацией своих проектов некоторые нации и молодые государства были обязаны не столько собственным вооруженным силам и дипломатии, сколько раскладу сил, сложившемуся на международной арене;

2. Говоря о причинах неудач венгерских правительств, надо иметь в виду целый ряд факторов. В сложившихся обстоятельствах они не могли, а иногда и из идейно-мировоззренческих соображений не хотели применять силы. Кроме того, венгерская политическая элита иначе, чем представители ряда малых стран региона

(а также и больших держав), трактовала принцип самоопределения, веря в то, что еще сохраняют свою силу существующие международно-правовые установления и принципы. Она не проявила также способности своевременно адаптироваться к требованиям национальностей, делала это с опозданием². Наконец, в мирное время так и не были выработаны подходящие средства, способные хоть в какой-то мере залечить болезненные травмы прежней национальной политики³, и это ставило под сомнение искренность тех венгерских правительств 1918–1919 гг., которые попытались выступить с новой национальной программой (к ней заведомо не проявлялось интереса)⁴.

² Вот характерный пример. Еще на съезде национальных меньшинств Венгрии в 1895 г. звучало требование об изменении границ комитатов в соответствии с этническим принципом. Но в окружении Оскара Яси к этому пришли только в 1914 г. См.: Szarka L. Felsőmagyarország – Csehszlovákia 1. História. 1992/8. P. 3-5. Szarka L.: Felsőmagyarország – Csehszlovákia 2. História. 1992/8. P. 7.

³ Можно привести в качестве примера целый ряд эксцессов. 24 апреля 1904 г. в трансильванском местечке Элешде полицией был открыт огонь по демонстрантам, выступавшим с политическими требованиями. Погибло 33 человека, в большинстве своем румыны. 13 человек словаков погибло 27 октября 1907 г. в Чернова при разгоне толпы, собравшейся на освещение храма с участием А. Глинки. 3 марта в Марамуреше состоялся судебный процесс, на котором были приговорены к различным срокам тюремного заключения 32 русина, обвинявшихся в подстрекательской деятельности под знаменем панславизма. Большое недовольство в среде меньшинств вызвал школьный закон 1907 г., связанный с именем министра просвещения и культов А. Аппони. Столь же негативной была реакция на заявление Иштвана Тисы от 3 марта 1914 г. о том, что венгерское правительство не собирается придерживаться закона 1868 г. о национальных меньшинствах.

⁴ Э. Бенеш неоднократно говорил о том, что за демократической вывеской скрывается стремление прежней венгерской элиты к сохранению своей власти. А 29 ноября 1918 г. в одном из своих не предназначенных для об-

¹ Не наша задача – доказывать справедливый или несправедливый характер этих устремлений. Апеллируя к аргументам правового характера, мы в то же время вполне отдаем себе отчет в том, что они не играли решающей роли в событиях 1918–1920 гг. О внешнеполитическом фоне описываемых событий см.: Ormos M. Padovától Trianonig, 1918–1920. Budapest: Kossuth, 1983 (From Padua to the Trianon, 1918–1920. Boulder, CO: Social Science Monographs, 1990); L. Nagy Z. A Párizsi Békekonferencia és Magyarország, 1918–1919. Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1965. és Deák F. Hungary at the Paris Peace Conference: The Diplomatic History of the Treaty of Trianon. New York: H. Fertig, 1972 (New York: Columbia University Press, 1942). См. также документальные публикации: Ádám M. – Ormos M. (Szerk.) Francia diplomáciai iratok a Kárpát-medence történetéről. I-II (1918–1920). Budapest, 1998, 2008; Documents diplomatiques français sur l'histoire du bassin des Carpates 1918–1932. Vol. 1.; Ádám M. A Kisantant és Európa 1920–1929, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989.

3. Подоплекой многих шагов кабинета М. Каройи была не чуждая соображениям экономической выгоды идея проведения всенародного голосования (речь не шла о сохранении территориальной целостности страны, однако и цели проведения этнических границ не ставилось), поэтому правительство мыслило исключительно правовыми категориями, что, в конце концов, оказалось ошибкой¹.

Распад монархии не был неизбежным, но имел свои причины. Президент США В. Вильсон, выступая 5 января 1918 г., подчеркнул, что разрушение монархии не является военной целью, однако процесс внутреннего распада монархии, проявившийся среди прочего и в безуспешных стремлениях к заключению сепаратного мира, изменил сложившееся положение². В. Вильсон вначале предложил план федерализации монархии, что предполагало создание в ее границах 6 равноправных государственных образований (проект от 25 мая 1918 г.)³. В соответствии с этим планом самым крупным субъектом в составе федерации стала бы 16-миллионная Венгрия, а самым мелким – 3-милли-

народования документов примерно в том же духе высказал С. Пишон (См.: *Francia diplomáciai iratok...* №.17).

¹ Опыт проведения плебисцита на венгерских землях относится уже ко времени правления М. Хорти – плебисцит в октябре 1921 г. в связи с будущей принадлежностью г. Шопрона. В отличие от М. Каройи хортистская власть все же пыталась подкрепить свои притязания на Шопрон силой оружия. См.: Botlik J. *Nyugat-Magyarország sorsa 1918–1921*. Magyar Nyugat Könyvkiadó, Vasszilvagy, 2008).

² В своем заявлении от 10 января 1917 г. Вильсон говорил об освобождении (liberation) славян и румын из-под чужеземного гнета. Освобождение, однако, для него отнюдь не означало обязательного достижения полной независимости (independence). Вообще такое понятие как «освобождение» каждый в то время был волен интерпретировать по своему вкусу. См.: Hajdu T. *Az angolzász hatalmak és a trianoni határok* // *História*. Budapest. 1990/3. P. 12-14.

³ Премьер-министр Цислайтани, профессор Г.Ламаш предложил в феврале 1918 г. план федерализации монархии представителю Вильсона по фамилии Герон. Но венгры тогда еще не были склонны отказываться от дуализма. «14 пунктов» Вильсона подталкивали монархию к переустройству на федеративной основе. См.: Ádám M. *Közép-Európa terv, 1918* // *Magyarok a Kárpát-medencében*. *História Könyvek*. Szerk.: Glatz F. 1988. Если бы В.Вильсон в это время открыто выразил бы мнение о скором распаде монархии, это вызвало бы сопротивление среди значительной части войск Австро-Венгрии.

онная Трансильвания. Вопрос о создании Словакии и Воеводины как элементов в составе конфедерации не ставился. В программном выступлении В. Вильсона, посвященном военным целям и условиям мира, было подчеркнуто, что никак нельзя способствовать балканизации Средней Европы, этот регион не должен стать полем противоборства слабых, но при этом конкурирующих между собой национально-государственных проектов⁴. Политическая элита Англии вплоть до начала 1917 г., хотя и допускала крайне острую критику в своей прессе монархии Габсбургов⁵, все-таки скорее исходила из будущего ее урезания, нежели полной ликвидации. Д. Ллойд-Джордж, выступая 10 февраля 1917 г., отверг идею полного расчленения монархии, а 4 января 1918 г. заявил, что Австрия-Венгрия должна остаться достаточно сильной, чтобы быть способной оказывать воздействие на ситуацию в Юго-Восточной Европе. Причина столь умеренных выступлений заключалась, очевидно, в том, что еще продолжались переговоры с монархией Габсбургов о выходе из войны, заключении сепаратного мира – надо сказать, что выход России из войны вообще побудил европейские державы к переоценке обстановки. Существовало в то же время и другое политическое направление, которое противостояло выше обозначенной позиции. А. Бальфур уже в 1917 г. информировал американцев о том, что, по его мнению, Сербия могла бы получить Боснию, Румыния – Трансильванию, а на развалинах монархии

⁴ Ádám M. *Mi történt Trianonban?* // *História*. 1995. 5-6. P. 3-6. В противовес более прагматическим французским политикам В.Вильсона иногда пытаются представить, как человека принципов, который неуютно чувствовал себя в мире тайной европейской дипломатии. Но это не так. В.Вильсон тоже был, безусловно, прагматическим политиком, видевшим главную цель для себя в укреплении американских экономических позиций в Европе. Этой задаче, в сущности, подчинялись вся его система идей и использование им принципа самоопределения. В сравнении с вопросом о границах В.Вильсон считал более важной идею Лиги наций как механизма для решения этнических проблем. См. также: Hajdu T. *Az angolzász hatalmak és a trianoni határok*. P. 12-14.

⁵ Jeszenszky G. *Az elveszett presztízs*. Magyarország megítélésének megváltozása Nagy-Britanniában, 1894–1918, Magvető Kiadó, Budapest, 1986.

образовались бы чешское, австрийское и венгерское государства. Венгрия, которая образовалась бы в результате осуществления такого проекта, была бы по площади все же больше, нежели та, что возникла позже¹. Однако обе эти концепции преследовали одну и ту же цель – найти противовес германским планам «Дранг нах остен» и отличались лишь по инструментарию. Какое из этих двух направлений окажется доминирующим, зависело от изменения ситуации на фронтах (и в том числе от таких факторов, как выход России из войны и вступление США в войну)². Если бы Россия оказалась в числе держав-победительниц, Венгрия и в этом случае, по всей вероятности, потеряла бы Хорватию, Рутению, Трансильванию, большую часть Баната, некоторые венгерские территории к востоку от Тисы. По-видимому, она удержала бы за собой лишь Словакию и Бачку (Воеводину), о чем британский посол в Петербурге Джордж Бьюкенен договорился в беседе с Николаем II 14 апреля 1913 г.³ Германии, однако, Антанта не могла позволить так легко выпрыгнуть из войны, и таким образом судьбу монархии Габсбургов должен был решить вопрос о том, способна ли она выйти из союза с Германией. При

¹ Р. Сетон-Уотсон (один из ведущих британских экспертов по проблемам региона, влиявший как на внешнюю политику страны, так и на освещение соответствующей тематики в британской прессе), в своем письме жене от 6 августа 1914 г. высказался за развал Габсбургской монархии, образование югославянского государства и передачу Румынии земель с румынским большинством. Позже, под влиянием бесед с Т. Масариком, он приходит к идее соединения чехов и словаков в едином госпроекте.

² Romsics I. Az angolszász hatalmak és a trianoni békeszerződés // *História*. 1995. №5-6. P. 6-8.

³ Hajdu T. Oroszország és a Monarchia összeomlása // *História*. 1995. №5-6. P. 13-16. В этой связи можно заметить, что для Т. Масарика и Э. Бенеша любые разговоры о федерализации монархии и проведении внутри нее границ по этническому принципу имели смысл лишь до тех пор, пока монархия существовала, против же Венгрии использовать этнический принцип они не всегда считали целесообразным. По мере изменения подхода в лагере Антанты к будущему монархии, кардинально меняется и их тактика. При этом для чехословацких лидеров были характерны завышенные требования к державам-победительницам (в расчете на осуществление своих идеалов в максимально полном объеме) и понимание того, что для реального овладения теми или иными территориями правовые аргументы должны во что бы то ни стало подкрепляться силовыми.

благоприятном для Антанты исходе не исключалась даже передача Австро-Венгрии Польши и Украины. Но неудача с попыткой выхода Дунайской державы из войны и заключенное 15 мая 1918 г. соглашение между Германией и Австро-Венгрией по экономическим и военным вопросам означали для западных дипломатов, что монархия не способна проводить самостоятельную политику, соответственно отношение к ней было пересмотрено. Впрочем, Р. Лансинг в своем дневнике (в противоположность В. Вильсону) зафиксировал еще 10 января 1918 г. позицию о целесообразности полного расчленения Австро-Венгрии (что впоследствии и произошло)⁴.

Что касается представлений чешских лидеров относительно судьбы монархии, то они долгое время не были в созвучии со словацкими национальными устремлениями. И, кроме того, находились в зависимости от изменений в политике держав. И у К. Крамаржа, и у Т. Масарика были свои представления о будущих границах страны. Начиная с 1915 г. выдвигается проект создания на территории Западной Венгрии коридора, соединяющего чешское государство с южнославянскими землями⁵. В 1915 г. на общем собрании представителей чешского и словацкого движений в Кливленде была сформулирована идея независимого, находящегося в унии с Габсбургами государства чехов и словаков, основанного на принципах всеобщего и тайного избирательного права с прямым голосованием. Несмотря на это лидеры венгерских словаков (Э. Штодола, К. Кузьмань, М. Белла, М. Дула, Ф. Юрига) до осени 1918 г. сохраняли определенную лояльность Венгрии или, если сказать точнее, осторожно выжидали: если война для Австро-Венгрии завершится благоприятно

⁴ См.: Romsics I. Az angolszász hatalmak és a trianoni békeszerződés. P. 6-8; Oroszország és a Monarchia összeomlása. P. 13-16.

⁵ См.: Jeszenszky G. A csallóközi magyar-szlovák határ története // *História*. 1988. № 6. P. 28-30; Popély Gy. Népfogyatkozás. A csehszlovákiai magyarság a népszámlálások tükrében. Széphalom, 1991. P. 35. Стратегические замыслы Э. Бенеша были направлены на ослабление как германского, так и венгерского влияния в направлении Балкан. При этом этнический состав населения не учитывался либо фальсифицировался.

но, было бы весьма ошибочным каким-либо образом приносить себя в жертву, но если монархия потерпит поражение, тогда без каких-либо жертв могли осуществиться и самые радужные грёзы¹. Американские словаки легко могли обещать все что угодно и им едва ли угрожала высылка, при этом никакая декларация с их стороны не обладала серьезной юридической силой, что впрочем, нисколько не мешало проведению большой политики. В самой Венгрии руководство Словацкой Национальной партии не было склонно в мае 1918 г. выступать с какими-либо сепаратистскими декларациями, однако в Париже у Э. Бенеша и его окружения в целях осуществления их политики была большая потребность в подобного рода декларации. Для того, чтобы ее сформулировать от имени словацкого народа, пришлось прибегнуть к услугам словацкого деятеля прочешской ориентации, врача Вавро Шробара. 1 мая на большом социалистическом собрании в Липтосентмиклоше (Липтовски Микулаш) наряду с уже привычными призывами пацифистского толка, а также требованиями обеспечения демократических свобод прозвучало и требование национального самоопределения, хотя пока еще оно было выражено довольно смутно и двусмысленно². Эта резолюция, получившая большой отклик в международной прессе, по сути, и вывела на сцену словацких политиков. 24 мая на собрании в Туроцсентмартоне (Мартин) руководством Словацкой Национальной партии было принято решение в пользу объединения с чешскими землями.

Версальский Верховный совет Антанты, в конце концов, 7 июня 1918 г. принял решение относительно будущего распада монархии³. Американский госсекретарь

Р. Лансинг 18 октября 1918 г. сообщил всему миру, что В. Вильсон признал Чехословацкий Национальный Совет в качестве правительства Чехословакии, не оговаривая при этом, какую территорию оно контролирует и каким кругом полномочий обладает. Тем самым «14 пунктов» В. Вильсона, датируемые 8 января, уже утратили силу, развитие событий перешло ту черту, когда речь шла всего лишь об автономии (10-й пункт из 14). Пражский Чехословацкий Национальный Комитет, зная об изменении позиции Антанты⁴, выступил 19 октября с заявлением, в котором отверг идею реорганизации монархии на федеративной основе (манифест императора от 16 октября, гарантирующий такое федеративное переустройство, был отклонен). Реагируя на это заявление, венгерские словаки потребовали для своих

титы малых государств. Франция стремилась включить в сферу своих геополитических интересов восток Средней Европы, используя при этом в качестве противовеса германскому влиянию в регионе устремления малых государств, получивших выгоду от распада Габсбургской монархии. Это было тем более важно, поскольку традиционный союзник Франции и противовес Германии на востоке, царская Россия, перестал существовать, а значит встал вопрос о компенсации утраченного влияния. При проектировании Средней Европы, находящейся под французским влиянием, решено было вначале взять за основу национальный принцип при установлении будущих границ – в надежде на то, что удастся примирить позиции. Некоторые крайние требования (например, претензии Румынии, проводившей непоследовательную линию в течение войны, на венгерские земли до Тисы) не были поддержаны. Тем не менее при реализации планов по укреплению французского влияния в Средней Европе возобладали довольно радикальные представления (в частности, линия, которой придерживался С. Пишон). С другой стороны, от идеи единой Средней Европы с участием побежденных стран в конце концов отказались, ставка была сделана на создание блока государств под эгидой Франции. См.: Ádám M. Mi történt Trianonban? P. 5-6.

⁴ Британский генеральный штаб 14 октября 1918 г. подписал документ о будущих границах Чехословакии. В состав нового государства предполагалось включить железную дорогу от Кашши (Кошице) до Надьсомбата (Трнава). Этнический принцип при этом игнорировался, исходили, прежде всего, из экономической жизнеспособности территорий, присоединявшихся к Чехословакии. 10 декабря 1918 г. была определена и граница будущего югославского государства (в то время КСХС). Э. Бенеш по возвращении на родину пытался настоять перед представителями Антанты на более радикальном, в сравнении с британским документом, смещении новой границы к югу (фактически до линии Вац – Шалготарьян – Мишкольц). В конце концов, был избран промежуточный вариант. См.: Hajdu T. Az angolszász hatalmak és a trianoni határok. P. 12-14.

¹ Popély Gy. Felvidék 1914–1920. Magyar Napló Kiadó, 2009. P. 91-95; Gulyás L. Edvard Beneš. Közép-európa koncepciók és a valóság. Budapest: Attraktor, 2008.

² Popély Gy. Felvidék. P. 95-97.

³ Когда страны-победительницы пришли к решению о расчленении монархии, в лагере Антанты не было четких, конкретных представлений о будущем региона (т.е. чего-то большего, нежели противоречивые обещания об установлении союзнических отношений с некоторыми странами и движениями). В результате пришлось плыть по волне событий, не только принимая во внимание, но и удовлетворяя растущие в условиях вакуума власти аппе-

земель автономии (заявление императора касалось только Цислайтании). Однако после такого шага Чехословацкого Национального Совета Цислайтания как таковая фактически прекратила свое существование. 27 октября общий министр иностранных дел Дюла Андраши младший дал согласие на заключение мира на основании вильсоновской программы из 14 пунктов и, таким образом, признал право народов на самоопределение. Однако это право можно было понимать по-разному, в том числе как право на независимость.

Красиво звучащие декларации правительства М. Каройи уже не имели никакой почвы под собой. А сделанное в октябре 1918 г. заявление И. Тисы о том, что Венгрия проиграла войну, деморализовало все еще сражавшиеся на фронте воинские части. 18 октября на заседании венгерского парламента депутат от Румынской Национальной партии Александру Войда-Воевод потребовал от венгерских властей предоставить право самоопределения румынам и по сути подверг сомнению законность венгерской юрисдикции в отношении земель, заселенных румынами. На второй день Фердинанд Юрига сделал схожее заявление со словацкой стороны от имени Словацкого Национального Совета, на самом деле пока еще не сформированного¹.

25 октября был образован Венгерский Национальный Совет, он признал право народов на самоопределение, что означало признание права на существование чешского и южнославянского государств (правда, не в ущерб целостности исторических границ венгерского государства; пожертвовать выражали готовность только Хорватией). 26 октября Совет выступил со своей программой из 12 пунктов, в которых нашли отражение программные требования (о свободе собраний, амнистии, о проведении реформ в области землевладения и социальной политики и т.д.), при этом составители программы исходили из того ложного предположения, что еще возможно удержать национальные меньшинства в рамках венгерского государства. По свидетельству Э. Штодолы, обсуждавшего

в октябре 1918 г. с М. Каройи вопрос о словацкой автономии, М. Каройи заявил, что не может гарантировать такую автономию (он в самом деле еще не был главой правительства). Э. Штодола в свою очередь в беседе с М. Каройи отверг идею автономии как неподходящую в то время для словацкой нации, поскольку она не могла быть реализована без национальной интеллигенции и чиновничества. М. Дула и К. Медвецки, секретари Словацкой Национальной партии, в письме Оскару Яси от 24 октября недвусмысленно заметили, что ждут решения словацкого вопроса не от венгерского правительства, а от мирных переговоров. Э. Бенеш решительно запретил словацким представителям вести какие бы то ни было переговоры с венгерским правительством или Национальным советом на том основании, что союзные державы приняли программу создания чехословацкого государства, предполагающую объединение чехов и словаков², вопрос же о границах будет решен на мирных переговорах. Любое другое соглашение, таким образом, дискредитировало бы уже имевшиеся к этому времени достижения чешской политики. И когда 24 октября Ми-

² Программный документ соответствующего содержания, составленный Т. Масариком, подписали в Питтсбурге в июне 1918 г. и представители словаков, не мыслившие будущую Чехословакию как унитарное государство. Хотя этот документ был показан и В. Вильсону, в дальнейшем он так и не получил силу договора между двумя сторонами. По сути дела, это было соглашение, которое подписали между собой американские граждане, и оно никого ни к чему по большому счету не обязывало. Более того, и относительно его долгосрочного выполнения на практике у Т. Масарика не было намерений, поскольку американских словаков он не считал серьезной политической силой. См. на этот счет признание самого Т. Масарика: Světová revoluce «The world revolution». Prague, 1925; English translation edited by H. W. Steed: The Making of a State. London, 1927. Со словацкой стороны была предпринята попытка расторгнуть соглашение. Известно, что деятели Словацкой Национальной партии А. Глинка и Ф. Егличка прибыли 27 августа 1919 г. в Париж, чтобы добиться получения международных гарантий словацкой автономии. Однако по требованию чехов к ним отнеслись как к лицам, не имеющим каких-либо полномочий, и даже заключили их под домашний арест. В то же время Э. Бенешу удалось включить двух разделявших его позиции американских чехов в «независимую» комиссию, которая занималась установлением чехословацко-венгерских границ в Словакии. См. также: Bonsal S. Suitors and Suppliants: The Little Nations at Versailles. Port Washington, N.Y.: Kennikat Press, 1969 (первое издание – 1946).

¹ Popély Gy. Felvidék. P. 108.

лан Годжа получил предложение возглавить в будущем венгерском правительстве министерство по делам национальных меньшинств, чехи дали ему указание не отказываться сразу, чтобы растянуть время, но, ни в коем случае не соглашаться принять это предложение. По свидетельству А. Раслина, время надо было тянуть для того, чтобы венгерское правительство не выступило с новыми планами решения словацкого вопроса¹.

Когда 30 октября в здании Банка Татра в Туроцсентмартоне был образован Словацкий Национальный совет, присутствовавший там чех К. Крамарж посоветовал словакам не торопиться с постановкой вопроса об окончательном отделении от венгерского государства. В подготовленном к принятию проекте программы был обойден стороной вопрос о разрыве с Венгрией. Однако вечером 30 октября М. Годжа принес весть о том, что страны Антанты признали эмигрантское чехословацкое правительство единственным законным представителем «чехословацкой» нации, что, по сути, означало признание объединения чешских и словацких территорий. М. Годжа переписал программный проект. В новой версии содержалось упоминание о чешско-словацком братстве, наряду с этим был затронут вопрос о возможности разрыва с Венгрией. Из документа был также изъят фрагмент, в котором говорилось о том, что самостоятельная словацкая нация потребует своего приглашения на мирную конференцию – теперь уже предполагалось, что чехословацкое правительство должно представлять на такой конференции интересы как чехов, так и словаков. Декларацию всего подписало 93 человека, в том числе 72 – из комитатов Туроц и Липто. Другие комитаты Верхней Венгрии, особенно восточнословацкие и подкарпатские комитаты, были представлены очень слабо или не представлены вообще². Население подкарпатско-украинских территорий в США представляли две эмигрантские организации. Одной из них была образованная в 1915 г. русофиль-

ская Народна Обрана, которая выступала с проектом присоединения этой территории к Российской империи, а после большевистской революции – к Украине (о чем П. Хаталак писал в 1918 г. Т. Масарику). Другой организацией была лояльная венгерскому государству Народна Рада, которую возглавлял греко-католический епископ Чопей. Членом этой организации был Григорий Жаткович, который в своем меморандуме отметил три возможности: 1) Венгерские территории, заселенные рутенами, мирная конференция признает в качестве суверенного государства; 2) если это невозможно, тогда их следует объединить в одном государстве с русинами Галиции и Буковины; 3) если и это невозможно, тогда следует требовать автономии данной территории в составе Венгрии или другого государства³. Таким образом, поначалу не было и речи о присоединении этой территории к Чехословакии. И только после того, как все другие варианты были отвергнуты в лагере победителей, Ю. Жаткович обратился к Т. Масарику, обещавшему русинам автономию⁴. Русины тогда поставили вопрос о создании автономии на землях (в частности, в комитатах Гёмёр-Кишхон, Абауй-Торна и Боршод), где их численность едва достигала одной трети. Этому тогда никто не придавал значения. Венгерские административные структуры остались на своих местах.

Э. Бенеш опасался, что словацкая нация не примет без возражений продиктованные чехами условия и венгерское правительство сумеет склонить их к принятию программы автономии, предложенной О. Яси. Чехи опасались и того, что венгерское правительство в условиях происходя-

³ Там же. Р. 138-139.

⁴ Ю. Жаткович, привезенный родителями в США в возрасте 4 лет, был американским подданным, не имел, разумеется, венгерского подданства и Т. Масарик. Население подкарпатской области никто не спрашивал. Ю. Жаткович был уполномоченным чехословацкого правительства в русинском крае до мая 1921 г. и подал в отставку, убедившись в том, что чешские власти не выполняют данных обещаний. Бенеш в свою очередь, выступая 17 мая 1919 г. в Париже, заявил, что не видит смысла в предоставлении автономии не способному ею распорядиться бедному и мало просвещенному народу. См.: Sárány Gy. Széttörtett 70 éve. Budapest, 1991. Р. 42-43, 52-53.

¹ Popély Gy. Felvidék. P. 106-107.

² Там же. Р. 131.

щего в регионе демократического поворота из тактических соображений откажется признать себя правопреемником исторической Венгрии, а это даст основания не причислять ее к числу стран, побежденных в войне (в своей пропаганде чехи всячески пытались показать, что демократизация Венгрии – только видимость и старая элита ни в коем случае не захочет потерять власть). Иными словами, венгры могут настолько последовательно заявлять о своей приверженности вильсоновскому принципу самоопределения (уменьшив и свои территориальные амбиции), что страны-победительницы поставят ее на одну доску с другими неполноправными народами монархии¹. У лидеров малых стран был, таким образом, жизненный интерес, заключающийся в том, чтобы западные державы-победительницы не признали правительство М. Каройи или же признали его как правопреемника Королевства Венгрии, к которому надо относиться как к одной из побежденных стран, подлежащих наказанию.

Правительство М. Каройи уже на следующий день после своего образования обратилось к австрийскому императору и венгерскому королю с просьбой освободить его от присяги, в противном случае оно уйдет в отставку. Король Карл IV согласился и правительство М. Каройи присягнуло Венгерскому Национальному Совету. М. Каройи тем самым хотел подчеркнуть, что между Австро-Венгрией и новой Венгрией нет правопреемственности, но Антанту это уже не интересовало, а для деятелей национальных меньшинств даже послужило новым предлогом для непризнания правительства М. Каройи, которое было связано только с Венгерским Национальным Советом и не могло представлять движения национальных меньшинств (Словацкий и Румынский Национальные советы считали себя равноправными с Венгерским). Вопреки разного рода декларациям и провозглашению 16 ноября Венгерской Народной республики ни большие державы, ни движения национальных меньшинств не признали правительство

М. Каройи в качестве единственного легитимного органа, действие которого распространялось бы на всю территорию Венгерского королевства. В программе нового правительства фигурировало множество пунктов, отражающих социальные и политические требования (демократизация системы общественного управления и законодательства, обеспечение демократических свобод, земельная реформа, социальная реформа в целях успокоения народа). Но в ней не фигурировал вопрос о защите границ, организации боеспособной армии, решение же национального вопроса предполагалось только на основе принципов В. Вильсона. М. Каройи верил в пацифизм и демократическую ангажированность как В. Вильсона, так и западного общественного мнения, как и надеялся на уважение к существующему праву, однако ни со стороны политиков, ни со стороны общественного мнения он не находил сколько-нибудь терпимого отношения к правам побежденных, были поддержаны только империалистические устремления ряда малых государств, так что в своих собственных интересах пришлось быстро отказаться от политического идеализма.

Осознавая, что решения западных держав благоприятствуют реализации чехословацкого проекта, Чехословацкий Национальный Комитет постановил 2 ноября безотлагательно начать освобождение словацких территорий. 7 ноября добровольческая пехотная часть была введена в Надьсомбат (Трнаву) и ряд других населенных пунктов. 4 ноября в Саколца (Скалица) было провозглашено установление власти Чехословацкого Национального Комитета на территории, контролируемой присланным из Праги вооруженным отрядом во главе с полицейским подполковником Ханачиком. Возглавили этот властный орган словацкие политики Иван Дерер и Вавро Шробар, провозгласившие образование чехословацкого государства. Этот орган, однако, утратил свои полномочия с образованием 14 ноября первого действительно представительного чехословацкого правительства².

¹ Jeszenszky G. A csallóközi magyar-szlovák határ története // História. 1988. № 6. P. 28-30.

² Popély Gy. Felvidék. P. 174-175.

2 ноября Матуш Дула писал М.Каройи о том, что словаки сейчас идентифицируют себя как часть чехословацкой нации, тысячелетнее сожителство словаков и венгров в одном государстве подходит, по его мнению, к концу. Начиная с 5 ноября, по инициативе словацких национальных советов были распущены венгерские национальные советы на территориях, где словаки составляли большинство. В результате всего этого конфликт между Прагой и Будапештом углубился. Министр венгерского правительства Б. Буза, излагая венгерскую позицию, заметил, что не должно быть двойных стандартов. Ведь чехи, выступая против стремлений чешских немцев к отделению, ссылаются на свое историческое право на эти земли и государственные интересы, тогда как венграм ссылаются на историческое право не дозволено. Применительно же к словакам чехи вообще говорят не об историческом праве, а о самоопределении. Представитель венгерского правительства в Праге Геза Шупка был информирован чехами о планах занять венгерскую территорию до линии Вац-Мишкольц-Дёндёш-Чоп¹. В ноябре, как в Будапеште, так и в Вене остро стояла проблема нехватки продовольствия, что усиливало позиции большевиков, выступавших в том числе под знаменем решения аграрного вопроса. Э. Бенеш 6 ноября дал знать Ж. Клемансо, что готов содействовать снабжению Вены продуктами. В случае же с Будапештом видел путь решения той же проблемы в передаче под пражскую юрисдикцию Словакии, что было возможно лишь с согласия и при военной помощи Антанты². Не дожидаясь ответа Ж. Клемансо, 8–11 ноября происходит новое наступление чешских войск и в результате были оккупированы Тренчен (Тренчин) (где, по переписи 1910 г., проживало 3676 словаков, 2997 венгров и 925 немцев), Жолна (Жилина), Руттка (Врутки), Надьсомбат (Трнава, в которой проживало 8032 словака, 4593 венгра, 2880 немцев) и Туроцсентмартон (Мартин).

¹ В Праге знали, что это не соответствует планам британского генштаба, выработанным в октябре.

² Francia diplomáciai iratok ...I. №. 4.

На белградских переговорах с Франше д'Эспере не было речи о словацких территориях, кроме того, венгерской стороне удалось изъять из соглашения о перемирии пункт о том, что в случае каких-либо беспорядков законно было бы поставить вопрос о вступлении на контролируемую венгерским правительством территорию войска Антанты и ее союзников, в том числе чешские войска. Это дало М. Каройи все законные основания 11 ноября выступить с призывом об отпоре чешским войскам. В Надьсомбат ворвался бронепоезд с отрядом из 200 человек под командованием Хелтаи. Чешские вооруженные силы во главе с Ханачиком были разоружены и выбиты из города, были вынуждены оставить и другие населенные пункты. Вообще эти события показали низкую боеспособность чешской армии: Вавро Шробар сам признал, что никакой пользы от ее пребывания на словацкой территории не было, многие солдаты занимались исключительно мародерством, что вызвало к ним враждебное отношение местного населения³.

Хотя 3 ноября в Падуе от имени монархии Габсбургов и было заключено соглашение о прекращении огня по всей линии фронта, но Франше д'Эспере не принимал его во внимание⁴ и вопреки указаниям генерала Вебера его войска продолжали наступление вслед за отступающей армией А. Макензена, мотивируя это тем, что немцы еще не запрашивали прекращения огня. 4 ноября сербские войска начали продвижение к линии Арад-Сегед-Сабадка-Байя. Чехословацкое наступление было вызвано отчасти тем, что в соглашении о прекращении огня вопрос о словацких землях никак не оговаривался. Пользуясь этим, чехи хотели достичь своих целей в отношении Словакии еще до созыва мирной конференции. Уже 4 ноября правительство М. Каройи, исходя из того, что соглашение о прекращении огня подписали представители уже фактически распавшейся к тому времени монархии, а не новой, демократической Венгрии,

³ Popély Gy. Felvidék. P. 181.

⁴ Могло сыграть свою роль и мнение Пишона (Francia diplomáciai iratok ...I. №. 17).

предложил подписать новое соглашение. Это было тем более важно, что соглашение, подписанное в Падуе, не воспрепятствовало продвижению сербских войск. М. Каройи в телеграмме от 8 ноября проявил готовность признать подписанное не от имени его правительства соглашение при условии, что до подписания мирного договора будет сохранена целостность Венгрии в существующих границах, которая постоянно нарушалась¹. Поскольку ни Антанта, ни ее союзники не были склонны признавать это условие, М. Каройи оказался не способен положить конец проникновению чешских отрядов в пределы венгерского государства. Соглашение о перемирии, подписанное в Белграде, благоприятствовало румынским и чешским вооруженным силам, поскольку в отличие от подписанного в Падуе в нем среди условий перемирия был затронут вопрос об уходе венгерских войск со значительных территорий и передаче их оккупантам. По мнению Оскара Яси, не белградское соглашение, а именно его игнорирование (и соперничество генералов Бертоло, де Лобита и д'Эспере ради достижения военных целей, по-разному ими понимаемых) привело к таким потерям для Венгрии.

Подписание перемирия между Франше д'Эспере и М. Каройи было, с венгерской точки зрения, равнозначно признанию правительства М. Каройи². В то же время о Словакии (хотя ее и признал в качестве своего союзника парижский Чехословацкий Национальный Совет) речи в этом соглашении опять-таки не было. Более того, в областях, находившихся под оккупацией армий Антанты, предполагалось сохранить венгерские органы самоуправления. В этой ситуации Э. Бенеш оказал давление на Ж. Клемансо, настаивая на поддержке планов чешского военного присутствия в Словакии. Ж. Клемансо подверг критике действия д'Эспере, хотя ранее их не запрещал (вопреки букве остававшегося в силе соглашения, подписанного в Падуе). Венгерское правительство, однако, ошиблось, когда это единичное (как в случае с д'Эспе-

ре) проявление понимания венгерской позиции расценило как настоящее признание французами правительства М. Каройи, которое и в более поздней французской официальной переписке (в частности, в бумагах С. Пишона) фигурировало как «неполноценное». Таким образом, остались иллюзорными любые расчеты венгерской стороны на то, что удастся расположить к себе силы Антанты³.

Чехословацкое правительство извлекло из всего произошедшего тот вывод, что не обладает необходимыми военными (а пока даже и дипломатическими) силами, чтобы обеспечить контроль над теми землями, на которые претендовало. Поэтому оно предприняло новое дипломатическое

³ С большевизацией России Франция, как уже отмечалось, теряет своего традиционного восточного союзника, а в дальнейшем Ж. Клемансо отказывается от попыток компенсировать эту потерю реализацией идеи единой Средней Европы, важнейшей целью его политики становится создание союза государств под эгидой Франции. Вместо провозглашенного принципа самоопределения в 1919–1920 гг. на первый план выходят интересы безопасности. Само существование дружественного Антанте и приверженного демократическим принципам венгерского правительства создавало неудобства для французов, не рассматривавших Венгрию как своего стратегического союзника. Непонимание этого было большой ошибкой. Следуя своим изменившимся представлениям о приоритетах французской политики в регионе, Ж. Клемансо отклонил белградскую конвенцию с учетом того, что любые попытки втянуть Венгрию во французскую сферу интересов вызывали протесты не только малых государств региона, но и держав-победительниц (См.: Francia diplomáciai iratok ...I. №. 26, 28). Италия строила планы создания союза государств с участием Австрии, Венгрии и Румынии. В Великобритании никак не могли смириться с тем, чтобы вся территория монархии Габсбургов попала во французскую сферу влияния, и французам пришлось пойти здесь на уступки, прежде всего за счет Венгрии. В этих условиях Венгрия оказалась во внешнеполитическом вакууме. Не оправдались расчеты М. Каройи на то, что присутствие французских войск на венгерских территориях явится гарантом установления более выгодных границ. За реорганизацию венгерской армии М. Каройи принялся только в конце декабря, когда территория Северной Венгрии была наводнена войсками Антанты, только не французскими, а чешскими. При этом долгое время было не ясно, выполняют ли они распоряжения французского и британского командования или действуют по собственному усмотрению. Остается фактом, что чешские войска были осведомлены о планах установления границ, разработанных британским генеральным штабом, тогда как М. Каройи руководствовался только британской конвенцией. См. также: Ormos M. Padavától Trianonig; Ádám M.: Mi történt Trianonban? P. 3-6; Ormos M. Magyarország az első világháború utáni hatalmi játéktéren // História. 1990/3. P. 19-20.

¹ Ibid. №. 5.

² Это понимал и С.Пишон (Ibid. №. 27).

наступление, поставив перед Антантой вопрос о возвращении чешского легиона. Чтобы выставить себя перед французами в более благоприятном свете, чехи отказались от своих претензий на Силезию, равно как и от претензий на выход к Дунаю на австрийской территории. В то же время К. Крамарж адресовал венгерскому государству заявление, где говорилось, что ввод чешских войск в Словакию был вполне справедливым, поскольку Словацкий Национальный Совет в своем туроцсентонском заявлении еще до подписания белградского соглашения заявил о присоединении словаков к Чехии. Венгры в ответ указали, что установление границ Словакии еще не состоялось (с одной стороны, они в это время еще ничего не знали о вышеупомянутом британском документе, с другой стороны, у этого документа не было никакой юридической силы с точки зрения международного права). У каждой из сторон была своя правда, но сила оружия пока что еще была на стороне венгров.

В Трансильвании власть довольно рано выпала из рук венгерского правительства. 12 октября румынское национальное собрание в Надьвараде (Ораде) высказалось за самоопределение на основе вильсоновских принципов, но о разрыве с Венгрией речи пока еще не было. Это поначалу касалось и деятельности румынских депутатов в венгерском парламенте, выступавших с изложением своей национальной программы. Но 31 октября, после победы революции в Будапеште был образован будапештский Румынский Национальный совет, который потребовал предоставления ему всей полноты власти на территориях, заселенных румынами, и заявил, что, ни в каком виде не захочет сохранения этих территорий в составе венгерского государства, речь шла о создании на них независимого государства. Национальный Совет вначале состоял из 6 социал-демократов и 6 представителей Национальной партии, причем если первые были заинтересованы в демократизации Венгрии, то о вторых этого нельзя сказать. Вскоре, после резкого расширения состава совета пропорции решительно изменились в пользу

сторонников независимости, сепаратистские тенденции тем самым усилились.

В Коложваре (Клуже) 31 октября освободили заключенных и приостановили действие цензуры, 2 ноября в Себене (Сибии) произошло восстание солдат, в долине Жил рабочие фактически захватили в свои руки власть, так что существующая администрация в Южной Трансильвании рухнула. Учащаются действия, направленные на захват собственности, но они пока еще не приобрели национальной окраски. Были совершены нападения и на владения знати румынского происхождения, в частности из семейства Мочани, а также и на земельные владения в 3000 хольдов председателя Румынской Национальной партии Георге Попа, на собственность Греко-католического епископата в Надьвараде (Ораде). В сельской местности начали образовываться стихийные крестьянские органы самоуправления, взявшие на себя целый ряд функций. Так, в Браде местный национальный совет ввел меры по обеспечению поставок населению продовольствия, поставил под контроль рыночные цены. Местные органы поставили под контроль решение задач по охране общественного порядка. Это не всегда имело должный эффект. Так, в селе Фачод было совершено нападение на магазин, в ответ открыта стрельба, что повлекло за собой человеческие жертвы, но толпа, нагрянувшая на магазин, не разошлась и продолжала грабить магазин. Телеграфировали в Арад, откуда срочно прилетел самолет и сбросил бомбу в толпу, 104 человека погибло. В комитате Крашшо-Сёрень при наведении порядка наряду с полицией принимали участие отряды румынской Железной Гвардии¹.

Иштван Апати, избранный председателем венгерского Национального Совета в Коложваре (Клуже), был политиком, принимавшим во внимание как национальные, так и демократические требования. Но в румынской среде на него зачастую реагировали как бык на красную тряпку, а потому его избрание не повышало шан-

¹ Szász Z. Erdély a Román Királyságban // Magyarok a Kárpát-medencében. Szerk.: Glatz F. P. 212-217.

сов Национального совета на удержание Трансильвании под своим контролем. На местах, по всей Трансильвании, вследствие создания многочисленных национальных советов возникла настоящая неразбериха. Сложность ситуации хорошо характеризует следующий случай. Отряд румынской Национальной Гвардии появился перед зданием налогового ведомства в Бестерце (Быстрице) с требованием предоставления денег. Налоговое ведомство запросило мнение Национального совета Клужа, те обратились в Румынский Национальный совет, которому по идее должны были непосредственно подчиняться отряды Национальной гвардии. Самостоятельно функционировали румынские национальные формирования по охране общественного порядка. Поскольку в Коложваре эти румынские формирования не получили оружия от венгерских властей, они не были склонны присягать Венгерской Республике, а только Румынскому Национальному Совету. Военный комендант Коложвара генерал Циглер удалился из города, его полномочия взял на себя 1 декабря полковник Карой Кратохвил, в подчинении которого находилось 545 вооруженных солдат, а также вооруженный отряд секеев в 600 человек. Общая численность венгерских вооруженных сил в Трансильвании составляла в то время всего 3–4 тыс. человек, в то время как на разграничительной (марошской) линии между венгерскими и румынскими вооруженными силами с румынской стороны находилось от 15 до 40 тыс. солдат¹.

Оскару Яси, министру по делам национальностей в новом венгерском правительстве, надо было исходить осенью 1918 г. из того, что право на самоопределение – минимальный принцип и к решению вопроса о национальных меньшинствах Венгрии нельзя подходить как к сугубо внутривластному делу. Сам О. Яси считал это совершенно естественным, не возражая против обсуждения вопроса на международных форумах и придавая значение заключению хотя бы краткосроч-

¹ Botlik J. Erdély tíz tételben (1918–1940). Szombathely, 1988. P. 41–49.

ных соглашений с лидерами национальных движений. Об этом было заявлено 1 ноября на переговорах с лидерами Румынского Национального Совета, а также представителями саксов. Однако лидеры национальных движений в своей политике стояли перед свершившимся фактом продолжающегося распада империи, в этих условиях О. Яси вынужден был пойти на компромисс, ведь созыва мирной конференции предстояло еще ждать, тогда как страной необходимо было эффективно руководить независимо от этого. Правительство М. Каройи имело в запасе несколько вариантов решения национального вопроса, но первый из них изжил себя и оказался нереальным уже осенью 1918 г. Программа-минимум в решении национального вопроса, по представлениям О. Яси, основывалась на принципе культурной автономии (что включало в себя не только развитие культуры и образования на родном языке, но и автономную систему администрации и правосудия). Но уже в октябре на переговорах с румынами и словаками выяснилось, что эти требования оказались недостаточными, о чем во весь голос заявляла пресса национальных меньшинств еще до венгерской «революции роз». Сам О. Яси уже в первые дни выполнения своих министерских функций предпочел пойти несколько дальше. Речь шла о реорганизации системы комитатов по национальному принципу. Однако базировавшийся в Араде Румынский Национальный совет 9 ноября выступил с ультиматумом в адрес официального Будапешта, в котором содержалось требование немедленно передать систему управления в большом количестве восточных венгерских комитатов в руки румынской администрации. Еще до этого, 5 ноября, была получена телеграмма от Р. Лансинга с выражением полной поддержки румынской политики². Все это

² М. Каройи в ответном письме Р. Лансину напрасно писал о том, что венгерский народ не следует отождествлять ни с прежним руководством, ни с монархией. Напрасно протестовал против, пускай открыто не выраженных, попыток привлечь венгерскую нацию к коллективной ответственности, вынести ей наказание еще до мирных переговоров (Francia diplomáciai iratok... I. №. 8). Уже на следующий день после состоявшейся 11 ноя-

делало неактуальными и предложения О. Яси о реорганизации комитатов. В новых условиях была актуализирована идея создания Восточной Швейцарии и кантонизации Трансильвании как одной из ее составных частей¹. 13–14 ноября 1918 г. на переговорах с румынской стороной в Араде О. Яси предлагал ввести провизиум, затем осуществить реорганизацию Трансильвании как системы кантонов, а после того как все это было отвергнуто, предложил превратить ее в венгерско-румынский кондоминиум. Признавая право больших держав-победительниц на арбитраж в этом вопросе, Юлиу Маниу, возглавлявший румынскую делегацию на переговорах, не принял венгерской интерпретации принципов Вильсона, согласно которой венгры (в частности, секеи), проживающие на территории, где доминируют румыны, должны быть признаны самостоятельной нацией². Хотя несколько позже в Декларацию о воссоединении Старой Румынии с Трансильванией, принятую в Альба-Юлии 1 декабря, и было включено такое положение, однако на практике румынская политика с этим не считалась. 12 ноября от имени венгров комитатов Земли Секеев было заявлено о том, что в соответствии с правом на самоопределение они хотели бы остаться в Венгрии, а через несколько дней они потребовали независимости, отвергая претензии Румынии на обладание этими землями. Более того, они в особом обращении призвали на подмогу молдавских чанго³, а секейская молодежь была призвана выступить на защиту своего отечества с оружием в руках. В Темешваре (Тимишоаре), в свою оче-

бря отставки короля Карла иерархи румынской православной церкви Трансильвании Мирон Криштя и Иоанн Поп постановили изъять из всех молитв упоминания австро-венгерского правителя, заменив его на короля Румынии.

¹ Но такой проект был предложен только 5 декабря, уже после румынского национального собрания в Альба-Юлии, декларировавшего воссоединение Трансильвании с королевством Румынии. Венгерское правительство запаздывало в своих действиях и плохо представляло себе ситуацию.

² Szarka L. Kantonok, föderációs tervek. 1990/3. P. 6-9.

³ Венгероязычная этническая группа, проживающая в румынской Молдове, в предгорьях Карпат (Прим. переводчика).

редь, провозгласили создание Банатской республики, и это явилось примером достижения межнационального компромисса на жизнеспособной в экономическом отношении территории: в работе органов самоуправления этой самопровозглашенной республики приняли участие на пропорциональной основе венгры, румыны, сербы и немцы. Однако после введения на эту территорию сербских войск республика перестала существовать.

Сам О. Яси уже тогда не верил в то, что удастся сохранить территориальную целостность государства, ведь он имел представление о том, что обещала Антанта Румынии в 1916 г. Поэтому его тактика состояла в том, чтобы заключить хотя бы предварительные (если не удастся заключить окончательные) соглашения с национальными меньшинствами относительно разграничения прав и обязанностей по контролю над теми или иными территориями. При этом сохранялась надежда на то, что в будущем удастся, ссылаясь на вильсоновские принципы, провести на спорных территориях плебисцит относительно их государственной принадлежности (в феврале 1920 г. венгерская делегация на мирной конференции также ставила вопрос о плебисците)⁴. Лидеры малых государств также принимали во внимание возможность проведения плебисцита, причем с непредсказуемыми последствиями. Поэтому они больше полагались на силу оружия и поддержку больших держав, диктующих свои мирные условия, и в силу этого стремились воспрепятствовать любым соглашениям, где ставился бы вопрос о плебисците⁵. И напрасно О. Яси

⁴ Jászi O. Revolution and Counter-Revolution in Hungary. London: P.S. King & Son, 1924; Ero же: The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago: University of Chicago Press, 1929 (русскоязычное издание: Яси Оскар. Распад Габсбургской монархии. М., 2011).

⁵ Т. Масарик в посланной Э. Бенешу инструкции относительно переговоров подчеркнул, что численность национальных меньшинств не должна быть слишком большой, поскольку это противоречит интересам безопасности. В своей записке от 7 апреля 1918 г. он отметил, что вопрос об установлении венгерской границы считает, прежде всего, вопросом железных дорог и финансов. При этом если поначалу Т. Масарик выступал за проведение референдума на спорных территориях, то после 1918 г. он отвергал эту идею, мотивируя это

на переговорах в Араде напоминал о том, что на тех территориях, на которые предъявлялись претензии (до Тисы), румыны составляли 3 млн человек, а не румыны – 4 миллиона, что противоречило принципам Вильсона. Лидеры румынского движения были привержены идее полного суверенитета. Представлениям О. Яси в наибольшей мере соответствовало постановление Секейского Национального совета от 17 ноября, в котором содержалось предложение превратить секейские комитаты в самостоятельную республику, а на территориях со смешанным населением организовать систему кантонов. В соответствии с белградским соглашением, однако, венгерской стороне предстояло согласиться на румынскую оккупацию районов, населенных секеями.

Арадским переговорам, которые с венгерской стороны вел О. Яси, помешало, однако, кровопролитие в селе Йошикафалу. Трансильванский землевладелец и депутат парламента Нандор Урманци отправил из Будапешта вооруженный отряд для защиты своих наследственных владений. К тому времени, когда отряд достиг этих мест, крестьяне уже разграбили храм и подожгли лесопильный завод в Банффихуньяде (Huedin). Полицейские части смогли привлечь к ответственности нападавших и подстрекателей (примерно 25–30 человек были осуждены чрезвычайным судом к высшей мере). После этого с румынской стороны был поставлен перед французскими генералами вопрос о необ-

тем, что в условиях сохранявшейся на этих территориях венгерской администрации, терроризирующей местное население, никакой объективный учет воли населения невозможен. При этом обходился стороной вопрос о том, можно ли провести объективно отражающий волеизъявление жителей этих территорий референдум в условиях чешского военного присутствия. Факт, что по инициативе Оскара Яси в конце 1918 г. на территории современной Словакии проходила акция по сбору подписей на трех языках за сохранение этой территории в руках венгров, при этом венгерская сторона последовательно настаивала на проведении референдума. По мнению самого О. Яси, Т. Масарик хотел использовать право народов на самоопределение не в интересах мирного прогресса, а как инструмент в целях реализации империалистических устремлений. Об этом свидетельствовали его систематические отказы от проведения референдумов и применения демократических методов. Из работ на эту тему: Szarka L. Csehszlovákia születése // História. 1995. 5-6. P. 25-28.

ходимости вмешательства сил Антанты и румынской армии в целях пресечения венгерских зверств. Этот инцидент был урегулирован, однако из других населенных пунктов пришли сведения об аналогичных насильственных акциях¹.

Соглашение о перемирии от 13 ноября имело негативные последствия. В среде трансильванских венгров оно вызвало только чувство страха, румыны же считали его недостаточным для выполнения их требований. Арадский Румынский Национальный Совет ощущал слабость своих позиций и поэтому 10 ноября в интересах наведения порядка призвал к вмешательству румынской армии. А 20 ноября тот же Румынский Национальный совет объявил о присоединении к Румынии областей, населенных румынами. Базировавшийся в Надьсебене (Сибиу) Румынский Правящий совет тогда уже не считал своим партнером коложварский Венгерский Национальный Совет, но Апати оставался непреклонным, заявляя, что по венгерскую сторону от демаркационной линии размежевания двух армий может функционировать только венгерская администрация.

После провозглашения 1 декабря в Дюлафехерваре (Альба-Юлии) воссоединения Трансильвании с Румынией стало ясно, что от румын не следует ждать компромисса, вопрос стоит только о присоединении к румынскому государству обширных территорий². Независимо от того, какое решение примут великие державы, ставка делалась не на урегулирование путем переговоров, а на силу оружия. Генерал Презан, чьи войска были введены в Чиксереду (Меркуря-Чук), в своем воззвании от 26 ноября заявил о намерении

¹ Botlik J. Erdély tíz tételben. P. 50.

² Румыны требовали закрепления за собой железнодорожной линии Сегед–Орошхаза–Бекешчаба–Дебрецен–Ниредьхаза–Чоп, тогда как французская сторона проявила готовность отдать им только города, расположенные вдоль железнодорожной линии Арад – Надьварад (Орадя) – Надькаррой – Сатмарнемети (Сату-Маре). Итальянцы и американцы вообще настаивали на размежевании в соответствии с этническим принципом. Д. Ллойд-Джордж настаивал на проведении референдума. Румынская сторона мотивировала свои претензии тем, что без овладения этими транспортными коммуникациями невозможно обеспечить связь между заселенными румынами территориями.

освободить румынскую землю до Тисы и даже до Дуная – это означало, что у румын не было намерения придерживаться белградского соглашения¹. Подобным же образом и сербы отказались от каких-либо переговоров, как и от торга с Венгрией относительно занятых сербской армией территорий (не была принята во внимание и статья 1 соглашения о перемирии, в соответствии с которой на оккупированной иностранными войсками территории должна была сохраниться венгерская администрация)². Таким образом, перед венграми сохранялись возможности обсуждать свои предложения, уже отвергнутые румынами, только с немцами, словаками и русинами (никакого другого инструментария в распоряжении венгерского правительства не было)³.

Проведению 1 декабря румынского объединительного национального собрания в Альба-Юлии предшествовало собрание в Яссах 20 ноября, на котором занимались подготовкой будущего объединения. В Альба-Юлии на акции по воссоединению Трансильвании с Румынией присутствовало 80 тыс. человек (только румыны), но были приняты решения от имени всего населения Трансильвании. В соответствии с этими резолюциями все народы, проживавшие в Трансильвании, получали право на использование своих языков в системе управления, а также гарантии развития культуры и просвещения на национальных языках. Однако власти королевской Румынии не были склонны признать все положения этих резолюций – прежде всего потому, что при их соблюдении всем народам, проживающим в Румынии, следовало обеспечить представительство в законодательных органах в соответствии с определенными пропорциями⁴. Королевский дом Румынии требовал

лишь безусловного осуществления унии, тогда как среди трансильванских румын получила распространение идея автономии (наряду с требованиями аграрной реформы, обеспечения всеобщего и тайного избирательного права). Румынская социал-демократическая партия, ранее игравшая ведущую роль в революции и выступавшая за сотрудничество с венграми, была представлена на собрании в Альба-Юлии всего 18 делегатами из 1228.

Венгры Трансильвании созвали свое национальное собрание 22 декабря в Коложваре (Клуже). Оно признало, что состоявшийся разрыв Трансильвании с Венгрией – произошедшая реальность, но о присоединении края к Румынии речи не было, вынашивалась идея независимой Трансильвании. Но этот проект не имел под собой реальной почвы, ведь уже 24 декабря Коложвар был занят румынскими войсками, демаркационная линия, установленная в соответствии с белградским соглашением, была в одностороннем порядке перенесена на Запад, в район Мадяргорбо. В ответ на это фракция интернационалистов в румынском социал-демократическом движении Венгрии и Трансильвании выступила в начале 1919 г. с заявлением, согласно которому Румынское королевство не способно обеспечить те гражданские права и свободы, которые еще могло бы предоставить населению этих районов венгерское правительство, а потому следует образовать самостоятельное (румынско-венгерско-немецко-

ции, принятой в Альба-Юлии, ибо все должна была решить мирная конференция. Однако вопреки этому на конференции о Трансильвании речи фактически не шло, вопрос о секеях с самого начала фактически считался решенным, поскольку они жили в самых глубинах Трансильвании; предметом споров могли стать только некоторые города Восточной Венгрии и дело здесь решила железная дорога. Румыны ловко сумели доказать значимость железной дороги от Темешвара (Тимишоары) до Надьбани (Бая-Маре) через Надьварад (Орадя) и Сатмарнемети (Сату-Маре) в случае антибольшевистского наступления. Таким образом, происходившие дискуссии (в том числе среди французских военных) касались только будущей принадлежности территорий, где проживало около 300 тыс. венгров, но относительно земель, где жило еще полтора миллиона венгров, вопроса не возникало. См. из литературы: Szász Z. Gyulafehérvár, 1918. *História*. 1984. № 4-5. P.15; Szász Z. Nagy-Románia és Erdély // *História*. 1995. № 5-6. P. 33-35.

¹ Francia diplomáciai iratok ...I. №.16.

² Ibid. №. 20.

³ 12 ноября 1918 г. правительство провозглашенной Австрийской республики предъявило претензии на западные районы Венгрии, где преобладало немецкоязычное население. В ответ венгерское правительство 29 января 1919 г. признало право венгерских немцев на самоопределение.

⁴ Формально французское министерство иностранных дел не придавало серьезного значения деклара-

сербское) государство на территории Трансильвании, Баната и тех территорий Восточной Венгрии, где проживали румыны¹. Однако 8 января 1919 г. в Медиаше состоялось собрание трансильванских саксов. Оно высказалось за унию с Румынией, национальные советы саксов запретили распространение листовок от имени правительства М. Каройи с призывом встать на защиту Трансильвании².

Посещение Венгрии генералом Бертло и его речь от 31 декабря убедили Апати (с 8 декабря уполномоченного венгерского правительства по делам Трансильвании) в том, что выхода Трансильвании из Венгрии не избежать. Бертло предложил расположить румынскую армию вдоль линии Деш – Коложвар (Клуж) – Надьбаня (Бая-Маре), но это предложение не приняли ни венгерское правительство, ни командование румынских вооруженных сил. 13 января 1919 г. в селе Цигани комитата Силадь произошел трагический инцидент – было убито девять румынских солдат. Это послужило поводом для ареста Иштвана Апати румынскими военными властями. Хотя инцидент произошел довольно далеко от демаркационной линии, он дал румынам предлог нарушить белградскую конвенцию (даже с теми коррективами, которые внес в нее Бертло), расширив зону своего военного присутствия³. Румынские власти потребовали также большой денежной компенсации за убитых солдат. Между тем, в долине Жил в январе 1919 г. состоялась всеобщая забастовка рабочих (главным образом шахтеров), а затем вспыхнуло восстание протеста против румынской оккупации. Что касается румынского крестьянства Трансильвании, то оно ожидало обещанного правительством королевской Румынии раздела помещичьего землевладения и не присоединилось к восставшим, выступавшим под лозунгом социалистической республики. Последний

удар по белградской конвенции был нанесен, когда в феврале 1919 г. румынскую армию, дислоцированную вдоль ранее назначенной линии, по инициативе Франше д'Эспере переместили на линию Арад – Надьварад (Орадя) – Сатмарнемети (Сату-Маре). Оптимизм Каройи мало кто разделял⁴, согласно известным воспоминаниям, большинство венгерских военнослужащих считало, что отстоять свои интересы Венгрии удастся, только прибегая к вооруженному сопротивлению. После того как венгерские силы к 15 ноября вновь заняли почти всю Северную Венгрию, начались переговоры о перемирии между венгерской и словацкой (но не чешской) стороной. Уполномоченный Словацкого Национального совета Павел Фабри тянул время, следуя соответствующим установкам чехов. Он проявлял готовность вести переговоры, выступал в роли посредника между Прагой и Будапештом, но не имел полномочий на подписание компромиссного соглашения. Согласно планам П. Фабри, с территорий, населенных словаками, должны были уйти как чешские, так и венгерские войска и администрация, уступив место Словацкому Национальному совету

¹ 14 января 1919 г. румынские социал-демократы на встрече с Юлиу Маниу вновь пытались его убедить в том, что коренным образом реформированную Трансильванию не следует присоединять к Румынскому королевству.

² Botlik J. Erdély tíz tételben. P. 45-46.

³ Francia diplomáciai iratok ...I. №. 69.

⁴ Лишившись поддержки больших держав, М. Каройи оказался во внешнеполитическом вакууме, что обрекало на неудачу все его шаги. Так, оказалась мертворожденной, не найдя поддержки румын, идея румыно-венгерской персональной унии, которую пытались реализовать при посредничестве итальянцев. После вручения известной ноты Викса открылись перспективы большевизации Венгрии (и это несмотря на отсутствие связи с российскими большевиками) – при том, что улучшить внутри- и внешнеполитическое положение Венгрии это не могло. Парадокс правительства М. Каройи заключался в том, что оно могло рассчитывать на поддержку только со стороны тех, кто уже дал обязательства другим. При этом на установление новых границ Венгрии в большей мере повлияли соображения большой политики, а не аргументы малых государств. Так, французы принимали во внимание планы антибольшевистского наступления Польши и для его поддержки считали целесообразным передать в руки своих союзников (в данном случае румын) железную дорогу Арад–Орадя–Сатмарнемети. При передаче Австрии Бургенланда исходили из заинтересованности Франции в сохранении независимой Австрии и Бургенланд рассматривался как хинтерланд Вены. Австрии был передан и Клагенфурт, на который претендовало и югославянское государство, компенсировать же неполучение сербами этого города пришлось за счет южновенгерских территорий. См.: Ormos M. Magyarország az első világháború utáni hatalmi játéktéren. P. 19-20.

и Национальной гвардии. Чехи, очевидно не доверяя Словацкому Национальному совету, отрицали за ним право переговоров с венграми, считали, что это остается прерогативой пражского правительства (поскольку национальный совет провозгласил объединение словацких земель с чешскими, большие державы тоже признавали только пражское правительство). Поскольку Милан Годжа получил полномочия вести переговоры в качестве посла, его внимание было обращено на необходимость во что бы то ни стало добиться вывода венгерских войск и отвергнуть идею плебисцита, поскольку в этом случае можно было потерять Пожонь (Братиславу), Чаллокёз (Csallóköz) (так называемый Житный остров, т. е. междуречье Дуная и Малого Дуная, простирающееся от Братиславы до Комарно) и Восточную Словакию¹. В Восточной Словакии саксы Сепеша (Спиша) в декабре собирались провозгласить создание самостоятельной республики во главе с Тибором Келером, словаки же Восточной Словакии, сильнее отличавшиеся от чехов по языку, также в массе своей не хотели воссоединения с Чехией. Среди словаков Сепеша было довольно сильно венгерское сознание и вообще население этого комитата было довольно смешанным в этническом плане. Таким образом, не кажется удивительным, что Карол Булишша, Людовит Липтай и Виктор Дворчак 4 ноября 1918 г. основали в Эперьеше (Прешове) Словацкий (Восточно-Тотский²) Национальный совет (Vychodnoslovenska Rada), в своих постановлениях отнюдь не солидаризировавшийся с устремлениями западных словаков. Восточнословацкое движение не признало круг полномочий, декларированных от своего имени западнословацким Словацким Национальным советом. 24 ноября состоялось народное собрание, которое объявило не имеющей силы туроцентмартонскую декларацию, отвергло перспективу включения восточнословацких земель в Чехословакию, потребовав в то же время автономии от

венгерского правительства и проведения соответствующего плебисцита³. Учитель из Кёрмёцбани Роберт Граггер начал сбор подписей против объединения с чехами, считая, что основная масса словацкого населения этого не хочет. Хотя В. Дворчак намеревался вступить в переговоры с М. Каройи, тот его не принял, поскольку боялся, что эти контакты воспрепятствуют ходу переговоров с М. Годжей. Между тем, ни в Праге, ни в Туроцентмартоне вообще не признали восточнословацкую раду. О. Яси охотно вступил бы с нею в контакт, но не мог не учитывать отсутствия международного признания восточнословацкого органа, тогда как у западнословацкого (чехословацкого) оно было.

Прибывший в Пешт 28 ноября М. Годжа встретился с О. Яси. Он настаивал на том, чтобы венгерское правительство отказалось от принципа территориальной целостности Венгрии и признало туроцентмартонское решение, т. е. присоединение словаков к Чехословакии. Это означало, что соответствующая территория переходит в ведение Словацкого Национального совета. М. Годжа считал, что если путем соглашения с венгерским правительством он добьется ухода венгерских вооруженных сил со словацких территорий, это был бы прекрасный результат даже в том случае, если бы пришлось при этом отказаться от первоначально установленной, сдвинутой резко к югу линии размежевания (ведь окончательное решение о границах все равно должна была принять мирная конференция), ведь добиться чего-либо при помощи военной силы словацкие политики вообще не были способны. Именно поэтому он расценил как свой успех склонность венгерского правительства передать Словацкому Национальному совету земли к северу от линии Пожонь (Братислава) – Лева (Левице) – Хомонна (Гуменне), где большинство составляли этнические словаки. Э. Бенеш, однако, в письме, посланном 27–28 ноября К. Крамаржу из Парижа, дал установку соблюдать только видимость ведения переговоров и никакого соглашения не подписывать, поскольку

¹ Popély Gy. Felvidék. P. 181-184.

² Тот (Tót) – венгерское слово, обозначающее этнических словаков (Прим. переводчика).

³ Popély Gy. Felvidék. P. 232-236.

это означало бы признание венгерского правительства. Тем временем Антанта аннулировала белградскую конвенцию, сочла ее политически ошибочной и дала согласие на ввод чешских войск¹. Словакам же было сообщено, что никаких мирных переговоров не состоится, условия же будут продиктованы. Ведь чехов Антанта признала, а правительство М. Каройи нет, и таким образом любого рода переговоры ухудшат позиции чехов в пользу венгров². 1 декабря Ж. Клемансо возложил на д'Эспере ответственность за подписание белградской конвенции с «враждебным марионеточным правительством», поскольку из этого соглашения выпал пункт о праве признанного Антантой чехословацкого правительства на оккупацию соответствующих территорий. После того как М. Годжа узнал об изменении ситуации и позиций чехословацкого правительства, он 2 декабря продолжил переговоры с венгерским правительством, но это уже не имело смысла. Э. Бенеш связался с французским маршалом Ф. Фошем и сумел добиться того, что линия чешской оккупации была смещена решительно к югу (чего не удалось сделать М. Годже в ходе переговоров с венграми). 3 декабря подполковник Ф. Викс (которому первоначально было поручено следить за ходом выполнения белградской конвенции, а позже он стал выступать как глашатай мнения официального Парижа) передал М. Каройи ноту Антанты с требованием о выводе венгерских войск со словацких территорий. В этой ноте также сообщалось, что белградская военная конвенция и в дальнейшем не сможет гарантировать целостности и суверенитета страны. М. Каройи на встрече с представителем Антанты заявил, что признание чехословацкого государства вовсе не означает, что границы Венгрии автоматически должны быть изменены, а кроме того указал, что позицию

¹ Francia diplomáciai iratok ...I. №. 30. Были аннулированы и положения, согласно которым даже на занятых иностранными войсками территориях должна была сохраниться венгерская администрация. М. Каройи пытался протестовать, ссылаясь на белградское соглашение (Ibid. №. 28).

² Popély Gy. Felvidék. P. 203.

словацкого национального совета нельзя отождествлять с волей всей нации. Однако ноту он не отклонил. В конце концов, в соответствии с предложениями М. Годжи 6 декабря родилось соглашение Годжи-Барты, которое установило демаркационную линию с учетом этнических границ расселения словаков и венгров. На освобождаемой венгерскими войсками территории проживало 1,7 миллионов словаков и 200 тыс. венгров³.

Из Эперьеша (Прешова) и некоторых других городов от венгерского населения были адресованы О. Яси и М. Каройи письма протеста, оставшиеся, однако, без ответа. В населенном пункте Варошмикола началась вербовка населения в отряды под командованием Дёзо Дрозди и Корнела Кобека, готовые выступить против чешских легионов. Политик из Туроцсентмартона Ян Мудрон (который вместе с М. Глинкой выступал за воплощение идеи «третьего пути», т.е. независимой Словакии) считал, что основная масса сельского словацкого населения воспринимает чешские вооруженные силы как оккупантов, а отнюдь не как освободителей. Под воздействием соглашения Барты и Годжи (в соответствии с которым Восточная Словакия тоже должна была оказаться под чешской оккупацией) представители восточно-словацкого движения были вынуждены изменить свою точку зрения. Чтобы избежать чешской оккупации, они, не видя другой альтернативы, 11 декабря в Кашше (Кошице), находившейся тогда еще во владении венгров, провозгласили Словацкую Народную Республику во главе с В. Дворчаком, надеясь на то, что она сумеет отстоять свои интересы в противоборстве с чехами. К. Крамарж подозревал, что за всем этим стоит венгерское правительство, что было только отчасти правдой, ведь В. Дворчак и его команда не получили от М. Каройи ничего кроме моральной поддержки.

Венгерские предложения включали в себя предоставление словацким землям культурной и административной автономии, не исключалось и создание кондо-

³ Popély Gy. Felvidék. P. 213.

минимума. Вначале это из тактических соображений вызвало благоприятный отклик М. Годжи, ведь чехи в отличие от румын тогда еще не овладели всей территорией, на которую претендовали. М. Каройи полагал, что его правительство до тех пор не будет признано на Западе, пока ему не удастся прийти к соглашению со своими национальными меньшинствами. Однако линию, установленную 6 декабря, Антанта, как явствует из направленной М. Каройи на рождество телеграммы, не приняла. Ведь будущую Словакию в кругах Антанты представляли себе как экономически жизнеспособный регион (экономическая жизнеспособность того или иного края принималась во внимание при обсуждении его судьбы и на парижской мирной конференции), но говорить о какой-либо экономической жизнеспособности Словакии можно было лишь при условии включения земель, на которых венгры составляли большинство. Был разработан также план провозглашения 2 декабря Венгерско-Словацкой Народной республики, однако он так и остался на бумаге, ведь ни один словацкий политик не решался противопоставить себя Праге. Как бы то ни было, сохранить регион в целостности не удалось, восторжествовала идея малых государств.

Соглашение Барты и Годжи оставалось в силе недолго. 23 декабря подполковник Ф. Вика от имени Антанты направил новую, «рождественскую» ноту, в соответствии с которой границы оккупации простирались к югу теперь уже, как отмечалось, «до исторических границ словацкого государства», до Дуная и реки Ипой. М. Каройи в своем ответе назвал бессмысленным выражение «исторические границы словацкого государства» и потребовал от французов проведения плебисцита, но при этом не предпринял никаких шагов против наступающих чехов. На отдававшейся под чешскую оккупацию территории проживало 2,9 миллионов человек, из которых 30% составляли венгры. При этом чехи не были довольны достигнутыми результатами, рассчитывая на более радикальное решение, о чем свидетельствуют так называемая карта Куффнера и план Шехуле.

В соответствии с содержанием ноты Ф. Вика чешские войска 28 декабря вошли в Эперьеш (Прешов), а на другой день в Кашшу (Кошице), 1 января в Пожонь (Братиславу), 13 января в Унгвар (Ужгород). Поскольку венгерское правительство запретило организацию вооруженного сопротивления, 10 января 1919 г. в Париже было решено, что белградское соглашение не актуально для южных и восточных границ Венгрии. Таким образом, чехи получали полное право овладеть указанной в ноте Вика территорией, никакого сопротивления не было. Созданные венгерские вооруженные формирования (так называемая Кишальфельдская гвардия) были распущены, не приняв участия в вооруженных боях. Сопротивление имело место только в Балашшадьярмате. В январе 1919 г. К. Крамарж просил Э. Бенеша переместить демаркационную линию еще южнее, чтобы полностью взять под свой контроль железную дорогу Ипойшаг (Шаги) – Лошонц (Лученец) – Мишкольц. Не дожидаясь разрешения из Парижа, 15 января чешские войска были введены в Балашшадьярмат, параллельно с этим был занят и ряд других населенных пунктов – Сечень, Надькапош (Вельке-Капушаны). Тогда как правительство М. Каройи в качестве запоздалой реакции на происходящее объявило об автономии уже утраченных территорий (создании так называемой Словенской Крайны) и языковом равноправии в административной системе, венгерское население Балашшадьярмата, опираясь на собственные силы, дало отпор захватчикам и захватило также пленных. В январе 1919 г. Вавро Шробар в качестве уполномоченного пражского правительства объявил о роспуске словацких национальных советов. В качестве ответа на эту меру 12 февраля в Пожони социал-демократическая партия объявила забастовку. В результате последовавших затем насильственных действий погибло 8 человек.

Распад венгерского (и при этом преданного монархии) чиновничьего и среднего слоя восходит своими истоками к распоряжениям Consiliul Dirigent, которые

были приняты в интересах интеграции Трансильвании в Румынию. 16 февраля 1919 г. служащие административных органов были обязаны присягнуть румынскому королю Фердинанду, хотя де-юре эта территория еще не была частью Румынии. Отказавшиеся присягнуть теряли свои должности и при этом лишались права на получение пенсий. Румынская сторона мотивировала свои требования тем, что присягнувшие чиновники могут пользоваться большим доверием властей, а значит, сумеют лучше обеспечить преемственность функционирования государственных структур. Но этот шаг вступал в противоречие с гаагской конвенцией от 11 марта 1912 г. Было принято и другое постановление, в соответствии с которым аналогичной клятвы требовали от работавших в системе образования, кроме того от них требовали в течение года овладеть румынским языком, что было еще более непростой задачей, тем более для преподавателей, которые не были уроженцами Трансильвании, а были направлены в этот край в соответствии с назначением из центра.

Венгерское правительство достигло определенных успехов только в Карпатском крае. 9 ноября 1918 г. был образован Венгеро-Русинский Народный совет. Один из его руководителей Августин Волошин отвергал сепаратизм (как и направленную на поощрение сепаратизма деятельность американских организаций), но требовал предоставления русинам церковной, школьной, административной автономии. Правительство с уважением подошло к этой просьбе, в край был с согласия русинских организаций командирован правительственный уполномоченный Орест Сабо. 25 декабря 1918 г. эта территория получила автономию в законодательном порядке, что соответствовало чаяниям русин. 7 января 1919 г. одна из вооруженных частей, подчиненных западно-украинскому правительству, заняла Кёрёшмезё (Kőrösmező), 16 января Марамарош-Сигет (ныне Сигету-Мармацией, Румыния), а затем, взяв под контроль железную дорогу, добралась до Мункача (Мукачева) и

Чопа. Под напором румынских войск ей пришлось, однако, отступить и сдать уже 17 января Марамарош-Сигет. 21 января в Хусте 420 делегатов из 175 русинских поселений выступили с инициативой присоединения края к провозглашенной Западно-Украинской республике, однако никаких условий для реализации этого плана не было. Венгерская власть сохранялась на этой территории до 29 апреля, когда была ликвидирована вследствие нападения румынской армии¹.

Поводом для нападения румынских войск, начатого 16 апреля, было создание в Венгрии большевистского правительства. И. Братиану увидел в провозглашении Венгерской Советской республики политический трюк, который венгры предприняли в целях создания более благоприятных условий для заключения мирного договора. Он торопил с наступлением до Тисы, требовал даже перехода через Тису и дальнейшего продвижения, а также закрепления румынской армией за собой этих территорий². Причина сложившейся ситуации заключалась отчасти в том, что известная нота Ф. Вика от 20 марта сдвинула еще дальше к востоку границы нейтральной зоны в Трансильвании. Поскольку правительство М. Каройи отказывалось принять такие условия, Ф. Викс пытался представить свою ноту как решение Версальской конференции. Тем самым временная демаркационная линия между расположением двух армий приобрела характер политической границы³. Румыны

¹ Popély Gy. Felvidék. P. 245-249.

² Показательно, что румынская сторона не считала обязательным для себя бухарестский мир 7 мая 1918 г. (так и не ратифицированный румынским парламентом) и не собиралась его придерживаться. Надо было привлечь во внимание и то, что после заключения Россией сепаратного мира с Германией Украина была оккупирована центральными державами (этот аргумент румыны приводили на парижской мирной конференции, когда им приходилось выслушивать от Ж. Клемансо и Д. Ллойд-Джорджа упреки в связи с непоследовательностью их поведения). При этом Румыния не была склонна признать ни одно венгерское правительство до тех пор, пока оно не признает справедливость румынских требований. См.: Szász Z. Nagy-Románia és Erdély. P. 33-35.

³ Кстати, генерал Гондрекурт, командовавший войсками, находившимися в нейтральной зоне, обращал внимание на то, что именно превращение военных границ в границы политические способно вызвать к жизни сво-

ставили целью достичь и закрепить за собой границу по линии Сегед – Дебрецен – Вашарошнамень.

В этой связи стоило бы также обратить внимание на французские дипломатические документы, искажающие реальную ситуацию в целях оправдания задним числом французской политики. Аргументация французского генерала Пишона совпадает с аргументацией румынского генерала Презана, который без каких бы то ни было оснований объяснял продвижение румынских войск через Надьварад дальше на Запад тем, что именно венгры первыми нарушили демаркационную линию, терроризировали население, при этом хотели разжечь большевистскую мировую революцию¹. Румынское наступление было приостановлено 26 апреля по требованию французов, и это был единственный подобного рода прецедент, когда румыны проявили послушание.

Перед этим, 25 апреля генерал Презан отправил секретное послание Карою Крадохвилу, командиру Секейской дивизии, которая в одиночку противостояла румынским войскам. В этом послании было обещано не наказывать солдат, сложивших оружие, предоставить им право вернуться домой. Было отмечено, что, заняв Надьварад, румынская армия и Антанта ведут войну не с Венгрией, а с большевизмом. 5000 солдат сложило оружие, но большинство продолжило сопротивление².

еобразный венгерский большевизм националистической окраски, что может привести к войне См.: Sárányi Gy. Széttörtett 70 éve. P. 42-43, 52-53.

¹ Союзники по Антанте получили от своих послов в Бухаресте информацию о якобы запланированном венгерским правительством наступлении на позиции чешских и румынских войск с тем, чтобы активными вооруженными действиями убедить Антанту в том, что мир не может быть установлен без сохранения целостности венгерского государства. Это было, однако, неправдой, в которую не поверил и командующий французской армией, дислоцированной в Венгрии, генерал де Лобит, в своем письме отметивший полную неготовность венгерской армии к такой акции. Сам М. Каройи только в начале марта начал взвешивать возможности вооруженного отпора тем, кто совершает насильственные действия в отношении Венгрии. См.: Ormos M., Litván Gy. Magyarország a békét diktáló győztesek szemével // História. 1987. № 1. P. 22-26.

² См.: Sárányi Gy. Széttörtett 70 éve. P. 42-43, 52-53. Солдат интернировали, позже им разрешили вернуться домой, но покинуть места своего проживания без разрешения они не могли.

Очевидно, что правительство М. Каройи приняло решение о неприменении оружия (кроме тех случаев, когда применение оружия находилось бы в созвучии с правовыми гарантиями, полученными от Антанты). После капитуляции Секейской дивизии единственную серьезную попытку вооруженного сопротивления предприняла Венгерская Советская республика, чьи войска попытались отбросить чехословацкие вооруженные силы, перешедшие демаркационную линию, а затем и вернуть Северную Венгрию. Здесь столкнулись две концепции. План начальника генштаба А. Штромфельда начать наступление в западном направлении был отброшен. Решено было нанести удар в северном направлении, чтобы вбить клин между румынскими и чехословацкими войсками, а в конечном итоге соединиться с частями Красной Армии, наступавшими на Карпаты. Этот план не мог быть реализован уже потому, что части Красной армии были выбиты из Предкарпатья. Однако вбить клин между чешскими и румынскими силами удалось. Вследствие этого наступление венгерских войск переместилось в западном направлении и удалось занять населенные венграми территории до линии Érsekújvár (Нове-Замки) – Léva (Левице). Чехи в пражском парламенте, ссылаясь на венгерское наступление (хотя на самом деле словаки первыми перешли демаркационную линию еще 27 апреля, венгерское же наступление началось 1 мая с освобождения Шалготарьяна и Мишкольца), 5 июня постановили ввести в Фелвидеке (Словакии) военную диктатуру для организации вооруженного отпора Советской республике. В ответ на это 16 июня в Прешове была провозглашена Словацкая Советская республика во главе с Антонином Яноушеком, просуществовавшая до 7 июля. Этим шагом Венгерская Советская республика хотела снять с себя обвинения в том, что она проводит политику территориальных ревизий. Но в результате она дала основания для обвинений в экспорте большевизма. После того, как Бела Кун принял ноту Ж. Клемансо, в которой устанавливались будущие границы Венгрии и

вслед за этим начался вывод венгерских войск в пределы новых границ, в течение некоторого времени взвешивались возможности перехода венгерских красноармейцев в ведение Словацкой Советской республики с тем, чтобы мог продолжиться процесс возвращения Северной Венгрии. Однако румыны вопреки обещанию, данному Ж. Клемансо, не начали выводить свои войска от Тисы к установленным Антантой границам, так что венгерским войскам предстояло найти себе применение в Тисантуле (Затисском регионе Венгрии), хотя успехов они не снискали.

Сохраняется вопрос о влиянии установления Венгерской Советской республики на происходившие события. Хотя предварительные границы венгерского государства еще до провозглашения Венгерской Советской республики 21 марта 1919 г. были определены соответствующими комиссиями, занимавшимися установлением границ, однако их решения предстояло еще утвердить на более высоком уровне – это произошло в июне. Существование Венгерской Советской республики (приход к власти большевиков) явилось новым аргументом против Венгрии в идейном инструментарии малых государств, но в случае, если бы Венгерской Советской республики не было, Венгрия все равно едва ли могла рассчитывать на более благоприятные границы. Миссия Смутса, призванная смягчить требования мартовской ноты Ф. Викса, означала определенную уступку, однако, с одной стороны, ее отвергла команда Бела Куна, а с другой стороны, эта уступка не предлагала Венгрии более обширных границ, чем те, что были, в конце концов, установлены. Условия мирного договора с Венгрией и ее послевоенные государственные границы не зависели от политического устройства страны: М. Хорти получил то же самое, что могли получить Бела Кун или Михай Каройи. Но остается фактом, что правительства, оказывавшие вооруженное сопротивление, были более успешны – их, по крайней мере, воспринимали (хотя бы временно) как сторону, достойную ведения с ней переговоров. Существование Венгерской

Советской республики сыграло роль лишь в том, что Венгрии не досталась Рутения. Она не могла также достаться Украине, потерявшей свою независимость, а досталась Чехословакии.

После падения Венгерской Советской республики, 4 августа румыны оккупировали Будапешт и потребовали от венгров огромных репараций: 30% поголовья скота, 20 тысяч вагонов пшеницы, 50% подвижного железнодорожного состава. Поскольку предъявленные румынской стороной условия перемирия Антанта тоже считала чрезмерными, румыны прервали железнодорожное сообщение между Будапештом и Веной, румынские войска, форсировав Дунай, окружили венгерскую столицу и воспрепятствовали подвозу продовольствия, что угрожало голодом¹. Правительство И.Фридриха, пришедшее к власти в результате путча 5 августа, указом от 21 августа уравнило в правах все меньшинства, в ноябре 1919 г. были образованы словацкая и русинская партии, выступавшие с программой автономии в составе Венгрии, но все это не имело никакого влияния на дальнейшее развитие событий – анахронизм подобных акций стал виден уже 10 сентября 1919 г., когда Австрия получила по Сен-Жерменскому мирному договору Бургенланд. Искать решения всех территориальных вопросов предстояло за столом переговоров. В создавшемся международном положении, когда обострились противоречия и между странами-союзницами, все стороны стремились к скорейшему заключению мира. У союзных Антанте малых государств были признанные правительства и дипломатия, поддерживавшая отношения с лидерами держав-победительниц и доносившая до них свои мнения, принимавшиеся во внимание при всей их очевидной односторонности². В случае с Австрией наряду с поли-

¹ Francia diplomáciai iratok... II. №. 10, 12, 15, 17. Румыны считали, что они вправе ставить свои условия, поскольку были призваны Антантой на подавление режима Бела Куна, и отступили они только под давлением Парижской мирной конференции.

² О сделках и торгах, происходивших в ходе мирных переговоров, можно судить на примере судебных заселенных преимущественно венграми районов, отошедших

тическими соображениями (в частности, о необходимости создания зоны безопасности, своего рода «хинтерланда» Вены) сыграл свою роль и этнический принцип, что, однако, не следует отождествлять с вильсоновским принципом самоопределения, осуществление которого предполагало проведение плебисцита. Между тем, как показал случай с городом Шопрон (где преобладали немцы, тогда как по итогам плебисцита 1921 г. город был оставлен у Венгрии¹), результаты плебисцита не всегда предопределялись этническими границами. Кстати сказать, венгерская сторона также выдвигала в Париже идею плебисцита о границах, однако реальные возможности для ее осуществления –

и именно здесь проявилась ошибочность отказа от вооруженного сопротивления – в то время, в силу международного положения, отсутствовали, несмотря на то, что, в конечном счете, члены Высшего Совета двукратным большинством голосов высказались за новое обсуждение вопроса о границах (на основании карт Пала Телеки и по предложению Д. Ллойд-Джорджа²). Решение вопроса оказалось в руках министров иностранных дел. Существовали опасения, что малые страны будут с оружием в руках отстаивать свои приобретения. Однако новой войны никто не хотел.

Перевод с венгерского языка
А. С. Стыкалина

вместе со словацкими землями к Чехословакии (прежде всего так называемый Csallóköz или Житный остров). Франция настаивала на передаче этой территории Чехословакии, представители США отдавали предпочтение этническим границам, но англичане в этой связи заметили, что в этом случае окажется разорвана железнодорожная линия Комаром (Комарно) – Кашша (Кошице). В результате склонились к компромиссному решению: американцы отказались от принципа строгого совпадения этнических и государственных границ, чехи отказались от претензий на Мишколец и его окрестности – их, в конце концов, убедили в том, что присутствие в границах их государства еще полумиллиона венгров явится сильным дестабилизирующим фактором. При передаче Чехословакии парижской конференцией части земель, заселенных венграми, сыграли роль сугубо экономические аргументы британского эксперта У. Сетон-Уотсона. Венгрия, по его мнению, в достаточном количестве обладала землями, производящими зерно, тогда как у Чехословакии таких земель не доставало.

¹ Парадокс заключался в том, что и в этом случае для осуществления вильсоновских принципов была необходимость в применении силы (вооруженных отрядов). Кстати, в тогдашней Венгрии это было расценено как первая брешь в трианонской системе.

² Как бы то ни было, Ллойд-Джордж так и не смыл с себя упреки в том, что сделал уступку в пользу Румынии (несмотря на ее измены в первую мировую войну) в силу заинтересованности Великобритании в послевоенном контроле над румынскими нефтеносными полями. См.: Chambers, F. P. Harris, Ch. Ph., Bayley, Ch. C. This Age of Conflict – 1914 to the Present. Harcourt, Brace and Co. New York, 1950. P. 310.

И. Шиманди

СОЮЗНАЯ КОНТРОЛЬНАЯ КОМИССИЯ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ РАБОТЫ ВЕНГЕРСКОГО РАДИО В 1945 г.*

Венгерское радио начало регулярное радиовещание 1 декабря 1925 г. в Будапеште, из студии, созданной на проспекте Ракоци в доме № 22, на волне 546 метров. Первой передачей стала трансляция начавшегося в 8 часов вечера концерта, перед началом которого, в 5 часов пополудни, в торжественной обстановке было объявлено о создании АО «Венгерский телефонный вестник и радио». Передачи транслировались с первой мощной станции, созданной в Чепеле и оснащенной двухкиловаттным передатчиком «Телефункен». Позже, в 1927 г., почта ввела в эксплуатацию в том же Чепеле трехкиловаттную, а в 1928 г. в Лакихеде уже двадцатикилловатную радиостанцию с двумя 150-метровыми трансляционными башнями. «Большая радиостанция» с 314-метровой башней, оснащенная техникой, вызвавшей международное внимание, была введена в эксплуатацию также в Лакихеде в декабре 1933 г., ее мощность составляла 120 киловатт. С первой велись передачи радиостанции «Будапешт II», а со второй – радиостанции «Будапешт I». Радиовещание прекратилось на длительное время лишь однажды, когда 30 ноября 1944 г. отряд технического обслуживания отступавших немецких войск взорвал трансляционные башни в Лакихеде. Молчание

продолжалось до 1 мая 1945 г.¹. Огромный ущерб радио был нанесен бесчинствами немцев и их венгерских приспешников, нилашистов, а также в ходе осады Будапешта.

Во время немецкой оккупации Венгрии, «в дни, последовавшие за «черным воскресеньем» марта 1944 г., Венгерское радио тоже стремительно двигалось к полному краху. Те, кто намеревался до конца поддерживать в войне немцев, сначала взяли власть в духовной сфере. Они удалили из организации Радио всех, кто угрожал их планам и не покинул своего места добровольно. Некоторым, прежде всего техническим работникам, проявившим самоотверженную смелость, все же удалось удержаться на рабочих местах, чтобы попытаться помешать уже развернувшемуся тогда грабежу и опустошениям»².

¹ Híradástechnika (Техника связи). XXVII. évf. 3. S. 73-78. http://www.hiradastechnika.hu/data/upload/file/2008-2008_kszam/HT_kszam_tv50-4.pdf (24 января 2011 г.) В 1949 г. название радиостанций изменилось. Радиостанция «Будапешт I» была переименована в «Радио Кошут», а «Будапешт II» – в «Радио Петефи». A Magyar Rádió és Televízió kézikönyve (Настольная книга о Венгерском радио и телевидении). A Magyar Rádió és Televízió kiadása. 1958. S.32.

В это время в эфире все же звучали венгерские слова: в декабре правительство Ф. Салаша начало трансляцию передач «Радио Будапешт» из Мадьярвара, а из Москвы вели передачи две станции: в 1932 г. начались передачи на венгерском языке «Московского радио», а в годы войны начало работу «Радио Кошут», располагавшее собственной редакцией. Последнее вело трансляцию передач с советской территории до 4 апреля 1945 г. Сообщение о радиостанции нилашистов было опубликовано в Neue Zürcher Zeitung (29 марта 1945 г.), воспоминание о московских радиостанциях на венгерском языке было помещено на сайте современного московского радио, транслирующего передачи на венгерском языке: <http://hungarian.ruvr.ru/2007/09/18/381400.htmls> (2011. január 12).

² Jelentés a Magyar Rádióknak németek, nyilasok okozta káiról. 1945. március 8. (Сообщение об ущербе, нанесенном Венгерскому радио немцами и нилаши-

* Союзная контрольная комиссия (СКК) начала свою деятельность в Венгрии после подписания соглашения о перемирии 20 января 1945 г. В нее вошли представители Советского Союза, США и Великобритании. Американские и британские представители могли поддерживать связь с венгерским правительством только через председателя СКК К. Е. Ворошилова.

Расширенный вариант настоящей статьи на венгерском языке был опубликован в книге: Politika, társadalom, gazdaság a Magyar Rádióban 1945–1948 (Политика, общество и экономика на Венгерском радио 1945-1948). Gondolat Kiadó. Budapest, 2012.

После 15 октября 1944 г., дня захвата власти сотрудничавшими с нацистами нилашистами, здание Радио, расположенное в центре Будапешта на улице Шандора (ныне – улица Шандора Броди) «стало местом непрерывного грабежа». Был унесен 41 из принадлежавших Радио 50-и микрофонов большей частью американского и английского производства. Была унесена аппаратура для записи на восковые пластины со всеми техническими принадлежностями общей стоимостью приблизительно в 6-8 миллионов пенгё. Пропали также аппаратура для записи звука на пленку и его воспроизведения со всеми принадлежностями, а также один из главных усилителей и 21 переносный усилитель. Были унесены все приборы Радио, провода, запчасти, иначе говоря, все, что можно было унести и использовать. Сохранилось лишь то техническое оборудование, которое сумели спрятать сотрудники Радио. Один только ущерб техническому оборудованию главного здания Радио составил приблизительно 50 миллионов пенгё. Ситуация осложнялась и тем, что это оборудование в то время было незаменимым. Были угнаны и машины, обслуживавшие радиореporterов и перевозившие мобильную студию и аппаратуру для звукозаписи. Из коллекции пластинок архива Радио пропало около пяти тысяч пластинок¹.

стами. 8 марта 1945 г.). Magyar Országos Levéltár (в дальнейшем: MOL) K 850. 3 doboz. 2. tétel. S.739. См. статью на эту тему: Vida István: A demokratikus Magyar Rádió megteremtése és a Magyar Központi Híradó Rt megalakulása (1945) (Создание демократического Венгерского радио и основание А/О «Венгерская центральная служба информации» /1945/). Tanulmányok a Magyar Rádió történetéből 1925-1945. Budapest, 1975. S.239-286.

¹ Там же. 740. Budapest Fővárosi Levéltára (в дальнейшем: BFL) Igazoló Bizottság iratai. XXV. fondőcsoport. 1. f. a. állag. 439/1947. S. 32. Согласно показаниям заместителя директора Венгерского телеграфного агентства Белы Хавеля, немцы проникли в здание Радио 19 марта 1944 г. в 6. 15 утра. О состоянии Радио после осады Будапешта рассказывалось в ноябрьском номере Rádió Újság от 1945 г.: «Во дворе Радио грязный снег покрывал труп лошади, ... везде валялось огромное количество обломков машин, разрушенных стен и оружия, масса неразорвавшихся снарядов и гранат, ... каждый шаг означал угрозу для жизни, ... большая студия превратилась в конюшню, ... порог будущего кабинета директора был завален гранатами, ... в мусорной

При таких обстоятельствах руководство Венгерским радио принял Дюла Ортутаи², которому «20 января 1945 г. бургомистр Янош Чорба³, а 25 января 1945 г. Будапештский национальный комитет» поручили «реорганизацию Венгерского радио и его предприятий»⁴.

Получив назначение, Д. Ортутаи связался с советской комендатурой города. В письме от 29 января 1945 г. он информировал об этом бургомистра Яноша Чорбу и одновременно сообщил ему о своем разговоре с генералом Чернышевым⁵. Темой разговора, прошедшего в дружеской атмосфере, обсуждение самых необходимых средств и той помощи, которые нужны для быстрого возобновления радиопередач. Наряду с этим Д. Ортутаи подробно остановился на кадровых проблемах. В отношении сотрудников «пока не принято никаких окончательных мер, лишь

корзине редакции был виден фаустпатрон, ... во всех помещениях здания кучи разбитой мебели, выбитые двери, проломы в стенах, разгромленные технические помещения, ... везде атмосфера отчаяния и гибели, ... так выглядело Венгерское радио». Rádió Újság, 1945. november 19-25. S. 5.

² Дюла Ортутаи (1910–1978) – политик, этнограф. В 1935–1944 гг. был заместителем заведующего литературным отделом Венгерского радио. В 1945–1947 гг. работал директором А/О «Венгерская центральная служба информации» (Magyar Központi Híradó Rt.). Был безусловным сторонником сотрудничества с Венгерской коммунистической партией. В 1945–1953 гг., а также с 1958 г. до самой смерти был депутатом Государственного собрания. В 1947–1950 гг. занимал должность министра по делам религии и образования, а в 1957–1963 гг. – ректора Будапештского университета им. Лоранда Этвеша. Magyar Nagylexikon. 11. kötet. Magyar Nagylexikon Kiadó. Budapest, 2002. S. 271.

³ Янош Чорба (1897–1986) – политик. С января по май 1945 г. был бургомистром Будапешта. В 1951–1953 гг. подвергся высылению из столицы. В 1970 г. вышел на пенсию в качестве адвоката. Magyar Nagylexikon. 11. kötet. Magyar Nagylexikon Kiadó. Budapest, 2002. S.168.

⁴ Jelentés a Rádió, MTI szervezetéről (Отчет об организации Радио, Венгерского телеграфного агентства / ВТА). 1945. március 6. MOL K 850. 2. doboz. S. 82.

⁵ Генерал Чернышев был комендантом Будапешта, предшественником генерала И. Т. Замерцева. См. об этом: I. T. Zamercev: Emlékek, arcok, Budapesten...egy szovjet városparancsnok visszaemlékezései (Воспоминания, лица, Будапешт... Мемуары советского коменданта). Zrínyi Katonai Kiadó. Budapest, 1969. S. 15-17. О приеме у Чернышева, состоявшемся 22 февраля 1945 г., рассказал Ласло Павас: Ravasz László. Emlékezéseim. (Воспоминания). Kiadja a Református Egyház Zsinati Irodájának Sajtóosztálya. Budapest, 1992. S. 314-315.

создана новая кадровая картотека лиц, желающих поступить на работу, причем большинство этих лиц (кажущиеся политически благонадежными) получили временное удостоверение на двух языках, венгерском и русском». Д. Ортутаи обратился к бургомистру с просьбой разрешить напечатать 250–300 удостоверений личности. Эти удостоверения будут выдаваться только по решению проверочной комиссии предприятия тем работникам, которые будут признаны нами вполне благонадежными и нужными с точки зрения будущего. Конечно, мы не хотим этой мерой предвосхитить окончательные решения той политической проверочной комиссии, принципы и методы деятельности которой нам пока неизвестны в подробностях. Однако эти печатные удостоверения необходимы для максимально бесперебойного начала работы». В своем отчете Д. Ортутаи подробно рассказал об уборке развалин в здании Радио, об оценке понесенного ущерба, о составлении учета. Из этого рассказа мы узнаем, что работники Радио работали в здании посменно, каждая смена состояла из 30 человек. «Пока в ходе уборки в состоянии готовности в техническом плане были приведены помещения для студии и усилительной аппаратуры. Срочно необходимы оконные стекла, так как без них помещения непригодны для использования. Далее, было бы очень важно починить крышу здания, поскольку по известным причинам можно ожидать дальнейших повреждений в помещениях верхнего этажа».

В своем отчете Д. Ортутаи писал и о том, что внутренняя усилительная техническая аппаратура студии большей частью пригодна к употреблению, иначе говоря, «при условии согласования с военным командованием, если имеется военная радиостанция, или если мы получим разрешение собрать аппаратуру для радиостанции из техники, находящейся в нескольких известных нам местах, то после нескольких дней подготовительных работ мы могли бы немедленно начать трансляцию передач как на средних, так и на коротких волнах».

Если будет получено достаточное количество электричества для освещения

здания, писал далее Д. Ортутаи, или достаточное количество сырой нефти для электрогенераторов, то Венгерское телеграфное агентство сможет немедленно начать работу и с помощью аппаратов системы Хелла (один из типов телеграфных аппаратов) и круглосуточно «сможет предоставлять новости со всего мира в распоряжение правительства и Будапештского национального комитета». «Кадровый аппарат и технические работники Радио готовы приступить к работе. С разрешения городской комендатуры и бургомистра может начать работу постоянная служба радионаблюдения на многих языках, которая также может снабжать Будапештский национальный комитет важными сообщениями», – говорится в упомянутом отчете¹.

В ответном письме Янош Чорба сообщил Д. Ортутаи о том, что пока не получил от городского коменданта Чернышева никаких распоряжений относительно Радио, вероятно, что соответствующие меры будут приняты только по завершении боев в Буде².

Д. Ортутаи получил полную свободу действий для организации и проведения работ, связанных с приведением в порядок здания и технического оборудования Радио, а также для поисков необходимых материалов. Бургомистр предложил достать нужные материалы с помощью оптовых продавцов, а квалифицированных рабочих привлечь из рядов «социалистической или коммунистической партии». Сырую нефть для электрогенератора, по его мнению, также следовало достать с помощью двух упомянутых партий, «потому что возобновление снабжения электричеством ожидается только после прекращения боев»³, – писал руководитель городской администрации.

¹ Ortutay Gyula levele Csorba János polgármesterhez. 1945. január 29. (Письмо Дюлы Ортутаи бургомистру Яношу Чорбе. 29 января 1945 г.). MOL K 850. 2 doboz. S. 457- 459.

² Ortutay Gyula úrnak, a Magyar Telefonhírmondó és Rádió ideiglenes vezetőjének. 1945. január 31. (Господину Дюле Ортутаи, временному руководителю «Венгерского телефонного вестника и радио». 31 января 1945 г.). MOL K 850. 2 doboz. S. 464.

³ Ibid.

В одном из сообщений, написанном в марте 1945 г., наряду с ущербом, нанесенным зданию Радио, описывалось и состояние принадлежащей Радио радиостанции в Лакихеде. 314-метровая трансляционная башня этой радиостанции с железной внутренней конструкцией была самой высокой в Европе. Энергия трансляции составляла 120 киловатт. В одном из документов того времени говорилось о том, что «башня была взорвана, а ценная аппаратура радиостанции была вывезена немцами в вагонах и на плотках. То, что не удалось вывести из-за недостатка времени, было испорчено и выведено из строя. Особенно возмутительной и потрясающей была картина, открывавшаяся в помещении для трансляции мощностью в 12 киловатт, откуда велись передачи станции „Будапешт I”, точнее, место, где находилось это помещение. От этих огромных рабочих студий и зданий, построенных в красивом венгерском стиле, почти не осталось обломков размером больше человеческого кулака. [...] Причиненный немцами ущерб не поддается оценке, поскольку восполнить его в обозримом будущем будет невозможно»¹.

Состояние радиостанции было проверено и советским руководством города, об этом можно узнать из доверительного сообщения одного из руководителей предприятия, Петера Пала Келена². По поручению генерала Чернышева в Лакихеде побывал с осмотром майор Юшинков. На основании виденного он считал, что «первичной задачей является уборка, вывоз обломков и по возможности починка найденного оборудования. Для осуществления работ предположительно понадобится труд 100 человек в течение месяца. В жилых зданиях близости от радиостанции

живут русские солдаты, поэтому размещение и снабжение специалистов и рабочих, осуществляющих уборку развалин и восстановительные работы, нужно будет обеспечить в другом месте, а также необходимо будет получить нужные разрешения»³.

В марте 1945 г. министр иностранных дел Янош Дёндёши в письме Д. Ортутаи настаивал на скорейшем начале трансляции радиопередач. Дёндёши информировал Д. Ортутаи об утверждении его назначения на должность директора Радио и сообщил, что согласовал этот вопрос с советским послом Г. М. Пушкиным. Министр иностранных дел обосновал необходимость скорейшего начала трансляции радиопередач тем, что «в ближайшее время эти передачи должны будут в первую очередь противодействовать лживой пропаганде немцев и нилашистов», это «представляет первостепенный интерес для нашей внешней политики». Необходимые для этого «технические и политические работы, согласно договоренности с послом, господином Пушкиным, ведутся под покровительством Временного национального правительства»⁴.

3 апреля 1945 г. на совещании, посвященном началу работ по редактированию радиопередач, директор Радио объявил, что «трансляция передач начнется около первого мая, теперь уже различные отделы должны безотлагательно приступить к детальной разработке программы передач сроком, по крайней мере, на три недели. Пока речь может идти только о 4–5 передачах». К концу недели все отделы должны были подготовить планы передач. При введении порядка трехнедельных программ глава Радио обратил внимание собравшихся на то, что «в первые две недели можно рассчитывать ежедневно на шесть, а на третьей неделе ежедневно на 8 часов радиовещания». Он попросил

¹ Jelentés a Magyar Rádiónak németek, nyilasok okozta káiról (Сообщение об ущербе, нанесенном Венгерскому радио немцами и нилашистами.). MOL K 850.3. doboz. 2. tétel. 739-740. (После полной реконструкции лакихедьская радиостанция была введена в эксплуатацию 13 ноября 1948 г. Ее мощность составляла 135 киловатт. Magyar Rádió és Televízió... S.32.).

² Петер Пал Келен (1903–?) – сотрудник «Венгерской центральной службы информации», на Радио руководил администрацией и редактированием радиопередач. BFL XVII. 789. A Budapesti 399/a számú Igazoló Bizottság iratai. 3. doboz.

³ Bizalmas tájékoztató. 1945. február 9. (Доверительное сообщение. 9 февраля 1945 г.). MOL K 850. 3 doboz. 2. tétel. S.779.

⁴ Dr. Ortutay Gyula egyetemi magántanár úrnak, a Magyar Rádió és Telefonhírműködő Rt. és a[z] MTI. elnökének, 1945. március 17. (Господину Дюле Ортутаи, приват-профессору университета, директору А/О «Венгерская центральная служба информации» и ВТА). MOL K 850. 1 doboz. 1. tétel. S.640.

заведующих отделами представить предложения относительно того, в какое время лучше вести трансляцию передач.

Что касается направленности возобновляющего свою работу Радио, то Д. Ортутаи считал, что «она непременно должна быть иной, чем прежде». В представленном им предложении говорилось, что «после новостей нужно давать легкий комментарий. Написание комментариев будет поручено известным внешнеполитическим публицистам».

Он попросил работников Литературного отдела попытаться сделать такую передачу, в которой звучали бы «так называемые запрещенные до 1945 года произведения». В передачах нужно стремиться к тому, чтобы «венгерская история представала перед слушателями в новом свете и по возможности в народной форме». Сотрудники отдела должны выбрать из «английской, русской, французской литературы» такие «произведения, которые за последние пять лет не могли быть представлены венгерской публике». Помимо этого, они должны подготовить «дискуссионные обсуждения, на которых те или иные проблемы современной Венгрии будут освещаться с нескольких точек зрения».

У заведующих отделами были затребованы предложения и относительно того, «нужно ли создать на Радио отдел пропаганды. В его компетенцию входили бы все передачи, имеющие какую-либо связь с пропагандой». На основании сформулированных предложений «решение пока в первой инстанции будет выноситься отделами, а в конечной инстанции самим директором».

Д. Ортутаи поручил Петеру Палу Келену «составить программу первой радиотрансляции, которая, по всей видимости, состоится 1-го мая». П. Келен заметил, что «этому еще должно предшествовать несколько пробных трансляций». Он также попросил «предоставить возможность для переквалификации дикторов и создать так называемую школу дикторов, цель которой будет состоять в том, чтобы дикторы смогли освободиться от той манерности, которая была в моде только у нас»¹.

¹ Jegyzőkönyv. 1945. április 3. (Протокол. 3 апреля 1945 г.). MOL K 613. 91. csomó. 65. tétel. S. 681- 683.

Д. Ортутаи в письме информировал Союзную контрольную комиссию о начале радиотрансляций. В этом письме от сообщил, что техническая и организационная подготовка трансляции передач обеспечена. И главное: Радио может начать работу уже 1-го мая, хотя для этого нужны еще некоторые усилия. Поэтому он обратился в СКК с просьбой «разрешить согласно соответствующему пункту соглашения о перемирии установление непосредственной связи и делегировать к нам лицо, уполномоченное на осуществление контроля»².

В качестве президента Радио Д. Ортутаи договорился с цензурным ведомством СКК о тех «принципиальных соображениях», с соблюдением которых могла начаться трансляция радиопередач. Эти соображения были следующими:

«1. Все тексты, звучащие по радио, подлежат цензуре.

2. Следует воздерживаться от всякой партийной политики.

3. Необходимо избегать тем, угрожающих внутривластному спокойствию.

4. Необходимо своевременно знакомить их со списком артистов, репортеров и т. д., фигурирующих в опубликованной программе передач на неделю.

5. Тексты сообщений строго научного или художественного характера могут освобождаться от обязательного показа цензуре.

6. Программа новостей „Кто знает о них?“ нежелательна³.

7. Русский переводчик и диктор службы новостей обязан прибыть для прохож-

² A Szövetséges Ellenőrző Bizottsághoz 1945. április 16. (В Союзную контрольную комиссию. 16 апреля 1945 г.). Politikatörténeti Intézet Levéltára (в дальнейшем: PIL) Révész Mihály hagyatéka. 721/1. 270. ó. e. S.1.

³ На посвященном программе передач совещании работников Венгерского радио, состоявшемся 18 апреля 1945 г., в программе фигурировала передача «Кто знает о них?». В документе от 27 апреля 1945 г. СКК не дала разрешения на подготовку этой передачи. A Szövetséges Ellenőrző Bizottsághoz, 1945. április 16. MOL K 613. 91. csomó. 65. tétel. S.662. (Согласно одной из интерпретаций этого запрета, советское политическое руководство не желало, чтобы родственники и знакомые разыскивали по радио людей, вывезенных на принудительные работы в СССР или находившихся в лагерях, поскольку считали, что это вызовет антисоветские настроения).

дения испытания (на знание языка и умение писать тексты)»¹.

Руководитель администрации передач Петер Пал Келен в циркуляре от 27 апреля 1945 г. сформулировал для заведующих отделами Радио суть договора, одобренного СКК. «В соответствии с соглашением о перемирии наше радиовещание находится под контролем союзнических властей. Мы должны передавать тексты на утверждение компетентным лицам. В интересах обеспечения непрерывной трансляции передач прошу строго соблюдать следующий порядок. Подлежащие цензуре тексты должны передаваться в трех экземплярах за три дня до намеченного выхода передачи в эфир (например, если передача запланирована на 1-е мая, то 28-го апреля) не позднее 10 часов утра д-ру Карою Мольнару², осуществляющему связь с цензурным ведомством союзников. На тексте следует указать порядковый номер, который будет дан с этой целью данной передаче в программе на неделю. Точное время поступления текста будет отмечаться на третьем экземпляре и визироваться передающим его заведующим отделом или его уполномоченным и д-ром Кароим Мольнаром или Илоной Штробль³. За своевременную цензуру текстов, переданных до 10 часов, ответственность несет д-р Мольнар, а за своевременную цензуру текстов, переданных позже, – заведующий соответственным отделом»⁴.

¹ Pro memoriam! 1945. április 27. PİL 721/1. 210. ó. e. S. 2. Первый пункт дополнен написанным от руки, трудным для прочтения текстом, из которого все же можно понять, что исключение из этого правила составляют новости ВТА и опубликованные в прессе распоряжения властей.

² Карой Мольнар (1910–?) – главный секретарь Радио, А/О «Венгерская центральная служба информации». BFL. XVII. 789. A Budapesti 399/a számú Igazoló Bizottság iratai. 4. doboz.

³ Там же. 5. doboz. Илона Штробль (1896–?) – секретарь А/О «Венгерская центральная служба информации».

⁴ Kőrösvény. 1945. április 27. (Циркуляр. 7 апреля 1945 г.). MOL K 850. 3. doboz. 2. tétel. S. 762.

Соглашение о перемирии вступило в действие после его подписания 20 января 1945 г. Силу закона ему придал V закон 1945 г., обнародованный в номере «Сборника венгерских законов» от 16 сентября 1945 г. В циркуляре имеется в виду Приложение к 16-й статье договора, согласно которому «Венгерское Правительство обязуется, что радиосвязь, телеграфная и почтовая переписка, шифрованная переписка, курьерская служба, а также

К концу апреля 1945 г. действительно завершилась подготовка кадровых и технических предпосылок для начала радиотрансляции. Одновременно с этим уже делались попытки задуматься над тем, как донести радиопередачи до слушателей. В конце января 1945 г. Д. Ортутаи в письме бургомистру Яношу Чорбе обратил внимание последнего на то, что «в результате одного из отданных распоряжений возникла полная неопределенность в отношении того, должно ли гражданское население сдать и радиоприемники. Есть мнение, что сдаче в компетентную военную комендатуру подлежат только радиопередатчики». Директор Радио выразил надежду, что по этому вопросу будет вынесено точное постановление, и «гражданское население сможет сохранить дома свои радиоприемники, чтобы наконец-то снова слушать Венгерское радио, с помощью которого мы намерены вести борьбу с вредной пропагандой, в конечном итоге ввергнувшей наш народ и нашу столицу в нынешнее бедственное положение»⁵.

Однако в ответном письме Янош Чорба информировал президента Радио о том, что радиоприемники нужно будет сдать. В то же время советская городская комендатура известила о том, что приемники будут возвращены их владельцам, «как только линия фронта снова отдалится, и уже не будет угрозы шпионажа»⁶.

Д. Ортутаи попросил бургомистра Яноша Чорбу добиться того, чтобы на радиоприемники, находящиеся в Венгерском

телефонная связь находящихся в Венгрии иностранных посольств, миссий и консульств будут осуществляться только в порядке, установленном союзным (советским) командованием». Magyar történelmi szöveggyűjtemény 1914-1999 (Хрестоматия по Истории Венгрии 1914–1999). I. Osiris, 2000. S. 281-382. Текст приложения можно найти на сайте: http://www.mtaki.hu/docs/jogfoszto_jogsabalyok/jogfoszto_jogsabalyok_fegyverszuneti_egyezmény.pdf (25 апреля 2012 г.).

⁵ Ortutay Gyula levele Csorba János polgármesterhez. 1945. január 29. (Письмо Дюлы Ортутаи бургомистру Яношу Чорбе. 29 января 1945 г.). MOL K 850. 2. doboz. S. 459.

⁶ Ortutay Gyula úrnak, a Magyar Telefonhírmondó és Rádió ideiglenes vezetője. 1945. január 31. (Господину Дюле Ортутаи, временному руководителю «Венгерского телефонного вестника и радио». 31 января 1945 г.). MOL K 850. 2. doboz. S. 464.

радио и ВТА, «не распространялось распоряжение об обязательной сдаче». Эти радиоприемники соединены с важнейшими приборами, например, в ВТА с аппаратами системы Хелла. В случае их сдачи ВТА не сможет начать работу. «С помощью приемников службы радионаблюдения ее сотрудники следят за новостями со всего мира. Они информируют о происходящих событиях венгерское политическое руководство, таким образом, важно сохранить это техническое оборудование на Радио. Это относится и к находящимся на Радио кинокамерам и фотоаппаратам»¹.

Так как порядок сдачи радиоаппаратов не был ясно определен даже до начала февраля, Д. Ортутаи сам составил соответствующий проект и отправил его бургомистру Яношу Чорбе. По подсчетам Д. Ортутаи, в Пеште в различных учреждениях, но в основном в личной собственности имелось в то время примерно 100–120 000 радиоприемников. Против их сдачи он привел следующие аргументы. «Из-за ущерба, нанесенного зданиям во время войны, будет трудно обеспечить хранение радиоприемников» Часть радиоприемников «будет неизбежно испорчена в результате самого факта сдачи». Ущерб радиоприемникам может быть нанесен и вследствие их вывоза из Будапешта. В своем проекте глава Радио предложил следующее: радиоприемники «необходимо хранить под замком в одной из комнат каждого дома под надзором уполномоченного по дому, составив список и выдав расписку в получении». На каждый приемник нужно наклеить этикетку с именем и точным адресом владельца. Порядок возвращения приемников «будет определен в соответствии с крайне желательными и правильными политическими соображениями». «Таким образом, заслуживающие того лица получат свои радиоприемники в полной сохранности, а по мере консолидации жизни будут невредимыми доставлены по назначению и приемники, подлежащие распределению

¹ Jelentés a Rádió és Távíró épületében lévő rádiókészülékek beszolgáltatásának ügyében. 1945. február 6. (Докладная записка по вопросу о сдаче радиоприемников, находящихся в здании Радио и Телеграфа. 6 февраля 1945 г.). MOL K 850. 2. doboz. S. 454.

или размещению в любых местах. Такой порядок помешает слушать радио без разрешения даже в тех немногих местах, где есть электричество и одинаково обеспечит осуществление целей русской военной комендатуры, а также наших политических и экономических соображений». Приняв это предложение, удастся спасти радиоприемники, к тому же «приблизится надежда на введение платной подписки на радио, к чему не может остаться равнодушным наше правительство», веди оплата подписки на радио дает значительную часть доходов Почты². Однако этот несколько наивный проект не был осуществлен. В конце концов, радиоприемники пришлось сдать в административные органы, где выдавались расписки в получении.

На совещании по вопросам радиопрограмм, состоявшемся на Радио 18 апреля 1945 г., Д. Ортутаи уже мог сообщить, что «в административных органах ведутся переговоры о возвращении радиоприемников»³. Переговоры оказались успешными и быстро принесли результат. В мае, после капитуляции Германии, в результате оценки положения было решено, что больше нет необходимости в чрезвычайных мерах, и население получило обратно сданные в административные органы радиоприемники.

Вследствие нехватки радиоприемников население часто получало информацию о важнейших событиях посредством громкоговорителей, установленных на улицах и площадях. В создавшемся положении президент Радио считал, что такое решение может быть реализовано быстрее других. По его мнению, и эта форма передачи информации способна воспрепятствовать распространению «самых нелепых» слухов о «действиях правительства», развеять сильную неосведомленность. Транслируемая несколько раз в

² Kedves Polgármester Uram! 1945. február 10. (Дорогой господин бургомистр! 10 февраля 1945 г.). MOL K 850 2. doboz. S. 451.

³ Jegyzőkönyv, felvétel a Magyar Rádió és Telefontároló Rt. 1945. április 18-án tartott műsorülésén (Протокол, составленный на состоявшемся 18 апреля 1945 г. на совещании по вопросам радиопрограмм А/О «Венгерское Радио и телефонный вестник»). MOL K 913. 91. csomó. 65. tétel. S. 661.

день «в общественных местах радиопередача дает быструю информацию, проникающую в народные массы, побуждает к целесообразным поступкам и в два счета нейтрализует вредные явления», – писал он в представленном им предложении.

Трансляция передач через громкоговорители служит «1) пропаганде всех проявлений нового политического курса, 2) пропаганде самого Радио». Вследствие технических недостатков трансляция не была непрерывной: «однако 20–25-минутные передачи, звучавшие четыре раза в день, в 10, 12, 16, 19 часов, уже достигали поставленной цели». Музыка, звучавшая перед началом трансляции, обращала внимание людей на скорое начало передач. Считалось необходимым прерывать монотонность дикторского чтения такими «нравящимися публике» вставками, которые разделяли устные сообщения. Большинство зачитываемых текстов представляло собой простое и понятное изложение правительственных распоряжений, передавались указы бургомистра и военной комендатуры города, предупреждения административных органов, военные сводки и важнейшие новости.

«Мегафонные информационные станции по существу могли бы перенять часть программ Венгерского радио, пока транслирующихся с небольшой мощностью». Было бы важно расширить эти услуги в двух направлениях. Одно из них – их распространение на общественные помещения, дома культуры, микрорайоны и т. д., то есть на такие закрытые помещения, где могут быть размещены небольшие громкоговорительные станции. Другое направление – «провинция с помощью аппаратуры для коротковолновой трансляции». После создания такой системы «распоряжения, меры, новости и т. д. всевенгерского значения могли бы в любой момент за несколько минут „объявлены во всеуслышание“, что может иметь решающее значение особенно с учетом недостатков венгерской телефонной сети и почтовой службы»¹. 18 апреля на заседании по во-

¹ Megafonos rádióműsor Budapest terein. 1945. április. 9. (Мегафонная радиопередача на площадях Буда-

просам радиопрограмм Д.Ортугаи сделал важное заявление: бургомистр Янош Чорба отменил свое распоряжение, согласно которому «запрещается устанавливать громкоговорители»².

Непременной технической предпосылкой радиовещания было строительство радиостанции. В письме от 28 апреля 1945 г. Петер Пал Келен информировал Д. Ортугаи о том, что швабхедьская радиостанция может начать пробную трансляцию передач. Одновременно он попросил заведующего Музыкальным отделом позаботиться о необходимых музыкальных материалах, а к главному режиссеру Ёдёну Барши³ обратился с просьбой «дать указание одному из кандидатов в русскоязычные дикторы [...] произнести следующий текст на русском языке: „Пробная передача Венгерского радио“, а также „Дорогие радиослушатели! Вы слушаете пробную передачу Венгерского радио“. Дикторы повторяли этот текст в определенное время по указанию технических работников Радио.

Для текстовых репетиций «по возможности нужно иметь свежий номер *Правды*, а также венгерскую газету», и, если это будет необходимо, нужно зачитывать «только тексты новейших русских военных сводок». «Пробная трансляция должна начинаться около половины десятого», – говорится в документе⁴.

В конце концов, кадровый состав и техническое состояние Радио сделало возможным начало регулярной трансляции радиопередач с 1 мая 1945 г. Главный ре-

пешта. 9 апреля 1945 г.). MOL K 850. 3. doboz 2. tétel. S. 931-932.

² Jegyzőkönyv, felvétel a Magyar Rádió és Telefonhírműsor Rt. 1945. április 18-án tartott műsorülésén. (Протокол, составленный на состоявшемся 18 апреля 1945 г. на совещании по вопросам радиопрограмм А/О «Венгерское Радио и телефонный вестник»). MOL K 913. 91. csomó 65. tétel. S. 661.

³ Ёдён Барши, Родригес (1904–1963) – актер, писатель, режиссер. В 1935 г. начал работать на Венгерском радио. С 1936 г. – редактор и режиссер. После 1945 г. принял участие в возобновлении работы Радио, с 1948 г. до выхода на пенсию был главным режиссером: <http://mek.niif.hu/00300/00355/html/ABC00523/01108.htm> Magyar Életrajzi Lexikon. (2011. január 24).

⁴ „Örömmel jelentem”...1945. április 28. («Пад сообщить...») 28 апреля 1945 г.). MOL K 850 3. doboz. 2.tétel. S. 763.

дактор ВТА Михай Ревес¹ составил итоговый доклад о первом дне радиовещания. После освобождения Радио 20 января 1945 г. «положение казалось почти безнадежным». Однако напряженная работа руководства и всех сотрудников позволило радио «снова заговорить после долгого вынужденного молчания». «Возобновление передач было провозглашено колокольным звоном, зазвучавшим точно в 12 часов дня из громкоговорителей, установленных в наиболее оживленных точках столицы»². Затем прозвучал радиосигнал, звуки песни «Ладный ты парень, дружище Тюкоди». После этого к микрофону подошел руководитель радио Д. Ортутаи, который, храня верность обещанию, данному во время подпольной деятельности Эндре Байчи-Жилински³, предварил начало деятельности Радио словами: «Венгерское радио наконец-то свободно!»⁴. Радиопредачи транслировались под знаком празднования Первомая. В полдень, после исполнения гимна, с речью выступил премьер-министр Миклош Бела Дальноки.

¹ Михай Ревес (1884–1977) – журналист, редактор, историк. Член Венгерской социал-демократической партии с 1903 г., заведующий отделом газеты «Непсава». В 1945–1948 гг. работал главным редактором ВТА. В 1945–1948 гг. был депутатом Государственного собрания. *Új magyar életrajzi lexikon. Magyar Könyvklub. 2004. 5. kötet. S. 735.*

² Колокольный звон зазвучал со старой пластинки, поскольку колокольня церкви на Университетской площади, откуда его транслировали до 1944 г., «лежала в развалинах», – писал о событиях тех дней редактор Радио Ференц Такач (1921–1989): http://takacs-ferenc.5mp.eu/web.php?a=takacs-ferenc&o=DY77dL_bix (13 января 2011 г.).

³ Эндре Байчи-Жилински (1886–1944) – политик, публицист. Поначалу был сторонником крайних правых политических течений и вел публицистическую деятельность соответствующего характера. С конца 1920-х гг. постепенно сблизился с демократической оппозицией. Изначально выступал против участия Венгрии в войне, расовой и политической дискриминации. Во время оккупации Венгрии немцами вступил в перестрелку с агентами Гестапо. После захвата власти нацистами был вынужден перейти на нелегальное положение. Активно участвовал в подпольном движении, но в результате предательства был арестован и казнен в декабре 1944 г. в Шопронкэхиде: <http://www.bibl.u-szeged.hu/bibl/mil/ww2/who/bajcsy.html> (17 июня 2014 г.).

⁴ Magyarország a XX. században. A demokratikus Magyar Rádió bölcsőjénél (1945–1949). (Венгрия в XX веке. У колыбели демократического Венгерского радио 1945–1949): <http://mek.oszk.hu/02100/02185/html/501.html> (24 января 2011 г.).

«Он с благодарностью и доверием поздравил правительства СССР, США и Британской империи, а также свободолюбивые народы этих трех стран». За новостями последовала программа «Праздник труда», в которой выступили с короткими речами руководители политических партий и генеральный секретарь Совета профсоюзов⁵.

По случаю возобновления работы Венгерского радио после полудня в здание Радио прибыли представители Союзной контрольной комиссии М. Филиппов⁶ и Б. Григорьев⁷. Их встречали генерал-полковник Герман Покорны⁸, участвовавший в переговорах по вопросу о военнопленных и репарациях, министр иностранных дел Янош Дёндёши, государственный секретарь Иштван Балог, бургомистр Янош Чорба и вице-бургомистр Эндре Морваи⁹.

⁵ A Magyar Rádió a szabadság ünnepén megkezdte adását. (Венгерское радио начало работу в праздник свободы). (Révész Mihály hagyatéka) PIL 721/1. 210. ő. e. S. 13.

⁶ Филиппов Михаил Иванович (род. 1925) – капитан-десантник, разведчик, с мая 1945 г. по февраль 1946 г. служил в Будапеште, участвовал в демобилизации и отправке на родину советских солдат, служивших в Венгрии: <http://www.eduhmao.ru/info/14/8117/87568/> (17 января 2011 г.).

⁷ Григорьев Б. Я. (Бела Гейгер) – дипломат, переводчик. Сын жившего в СССР венгерского эмигранта, оказавшийся вместе с семьей в Москве в 1925 г. в результате обмена пленными. В 1940–1941 гг. под фамилией Григорьев был сотрудником будапештского посольства СССР и в этом качестве выполнял доверительные задания. С лета 1941 г. с некоторыми перерывами, а позже, с декабря 1944 г., снова состоял в кадрах советского наркомата, а затем министерства иностранных дел. На последней стадии войны прибыл на венгерскую территорию с особым заданием. Благодаря знанию венгерского языка вел в Дебрецене, а затем в Будапеште переговоры «с глазу на глаз» со многими венгерскими политиками. Несколько раз был переводчиком в присутствии И. В. Сталина и В. М. Молотова: http://www.terrorhaza.hu/allando_kiallitas/ii_emelet/szovjet_tanacsadok_szobaj/szocikkek_a_szovjet_tanac.html (17 января 2011 г.).

⁸ Герман Покорны (1882–1960) – генерал-полковник. Сыграл решающую роль в качестве председателя Комиссии по вопросам перемирия. Осуществлял связь между командованием воевавших, а затем оставшихся в Венгрии войск, СКК и созданными венгерскими правительственными органами. В качестве правительственного уполномоченного руководил переговорами о репарациях. Pokorny Hermann: Emlékeim. Szerk. Bakonyi Péter. Petit Real Könyvkiadó. Budapest, 2000. S. 20.

⁹ Эндре Морваи (1887–1950) – городской политик. В 1939–1948 гг. был вице-бургомистром Будапешта. Занимался прежде всего техническими вопросами. *Új magyar életrajzi lexikon. Magyar Könyvklub. 2002. 4. kötet. S. 862.*

Гостей приветствовал временный глава радио Дюла Ортутаи. «Он выразил благодарность Советскому Союзу, его победоносной армии и выдающемуся вождю, маршалу И. В. Сталину, за предоставление возможности возобновить работу Радио. Венгерский народ обязан ему тем, что снова обрел свободу и на месте разрушенной страны сумел, наконец, создать нацию венгерских рабочих, крестьян и интеллигенции. Венгерское радио будет провозглашать чистое учение демократии и социального прогресса, величайшие идеи человечества. В этом ему поможет тот факт, что после стольких лет существования искусственных преград перед радиослушателями откроется одна из богатейших областей европейской культуры, великая литература и музыкальная культура СССР». От имени СКК на приветствие на безукоризненном венгерском языке ответил Б. Григорьев. «Он отметил, что начало работы Венгерского радио свидетельствует о том, что Венгрия вступила на путь восстановления». Григорьев поздравил с достигнутыми успехами и под-

черкнул, что члены Союзной контрольной комиссии, «со своей стороны, сделают все возможное для того, чтобы деятельность Венгерского радио была как можно более эффективной и результативной»¹.

* * *

После этого началось урегулирование правового статуса Радио. В результате переговоров 27 июля 1945 г. было официально зарегистрировано Акционерное общество «Венгерская центральная служба информации». После подписания 10 февраля 1947 г. мирного договора и его ратификации Национальным собранием (Парламентом) Венгрии ратификационные документы 15 сентября того же года были помещены на хранение в Москве. В соответствии с мирным договором Венгрия с точки зрения международного права вернула свой суверенитет и вступила в ряд независимых государств, вследствие чего роль Союзной контрольной комиссии закончилась. Позже положение изменилось...

перевод с венгерского языка
С. Филиппова

¹ A Magyar Rádió a szabadság ünnepén megkezdte adását. (Венгерское радио начало работу в праздник свободы). Révész Mihály hagyatéka, PIL 721/1. 210. ő.e. S. 13-14.

Раздел II ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ С ВЕНГРИЕЙ (ИМПЕРИЕЙ ГАБСБУРГОВ)

А. Г. Айрапетов

РАСПАД АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

60

Сто лет назад, осенью 1918 г., распалась Австро-Венгерская империя, вторая из континентальных империй по площади после Российской и третья после Российской и Германской по численности населения. Такой геополитический исход для Дунайской монархии предвидели, хотя и немногие, современники. Среди них университетские профессора Й. Редлих, В. Библ, высокопоставленный австрийский чиновник Ф. Клейнвехтер, австрийский публицист и искусствовед Г. Бар, венгерский дипломат барон Д. Силаши, идеологи австрийской социал-демократии д-р К. Реннер, д-р О. Бауэр. Особую активность в изучении причин распада Габсбургской империи проявили западные журналисты и публицисты Г. У. Стил, Р. У. Сетон-Уотсон и Л. Айзенман. Они оставались и после окончания Первой мировой войны убежденными сторонниками сохранения мультинациональной монархии и надеялись на ее возрождение посредством обновленческих реформ.

К первому десятилетию окончания Первой мировой войны венгерским леволиберальным публицистом и политиком О. Яси была подготовлена и в 1929 г. опубликована в издательстве Чикагского университета фундаментальная монография «Распад Габсбургской монархии». Новаторский историко-социологический труд О. Яси имел интересную публикаторскую судьбу¹.

¹ Оскар Яси не признал Венгерской советской республики и в 1919 г. эмигрировал с семьей на Запад.

Ключевой проблемой в трудах названных авторов был вопрос об исторической судьбе Австро-Венгрии, а, по существу, о причинах развала центрально-европейской державы. Здесь напрашиваются параллели с судьбой Российской империи, так же распавшейся в обстановке бесперспективной мировой войны. Однако Первая мировая война лишь ускорила трагический финал в истории двух империй, и поэтому необходим более глубокий и протяженный во времени анализ соотношения центростремительных (интеграционных) и центробежных (сепаратистских) факторов исторической драмы 1917–1918 гг. Актуальности нашей теме придает и то обстоятельство, что России удалось возродиться мировой державой – в формате СССР, чего не произошло с Австро-Венгрией. Интересна и другая сторона вопроса. Влияние мировой войны на ход внутривнутриполитических событий не стоит преувеличивать: СССР распался в условиях межгосударственного мира, а не глобального вооруженного конфликта.

В советской марксистско-ленинской историографии специальным монографи-

В 1919–1925 гг. он жил в Вене, а затем переехал в США, где прожил до своей смерти в 1957 г. В США он в должности профессора истории преподавал в Оберлинском (штат Огайо) колледже. Свой труд он опубликовал на английском языке. В 1983 г. книга О. Яси была переведена на венгерский язык и издана в Будапеште. В 2011 г. русскоязычный читатель смог ознакомиться с русским переводом монографии О. Яси: Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011. На это издание мы и будем ссылаться.

ческим исследованием обстоятельств и причин краха Дунайской империи являлся труд Е. И. Рубинштейн¹. Выборочный отбор и интерпретация фактов носили односторонний характер и служили обоснованием концепции, состоявшей из клише: «пережитки феодализма в экономике и политическом строе», «военная каторга для рабочих», «антинародная политика чешских, словацких, польских и др. буржуазных националистических лидеров». Отказавшись от тезиса о колониальной (полуколониальной) зависимости Венгрии от Австрии, Е. И. Рубинштейн, следуя В. И. Ленину, утверждала, что в начале XX в. Австро-Венгрия «оставалась наиболее отсталой из западноевропейских стран»². Будучи «тюрьмой народов», Габсбургская империя в 1918 г., по терпев военно-политическое поражение, подобно «карточному домику», развалилась.

Заметное влияние на позднесоветскую и постсоветскую историографию оказали труды Т. М. Исламова³. Еще в его монографии, легшей в основу докторской диссертации (1972), можно было увидеть отходы автора от историографических канонов. Во второй половине 1980-х – 2000-е гг. многофакторный анализ, осуществленный в монографиях, статьях и выступлениях российских и зарубежных исследователей, позволил представить полифоничную картину общественно-политического коллапса в Центрально-Восточноевропейском регионе 1910-х – 1920-х гг. Преодолевая фаталистический подход, Т. М. Исламов видел альтернативу распаду полиэтничной империи в регионализме и федерализме. По его мнению, роковую роль в судьбе Австро-Венгрии сыграло то обстоятельство, что она не смогла решить три национальные проблемы – венгерскую, чешскую, югославянскую⁴. Уместно

привести меткое высказывание выдающегося австрийского поэта и драматурга Франца Грильпарцера, считавшего, что правление Габсбургов – это политика «наполовину осуществленных дел, наполовину пройденного пути»⁵.

Вернемся к книге О. Яси, которая стала классикой историографии. «Я претендую на оригинальность, – скромно указывал Яси, – лишь в отношении двух пунктов моего исследования. Первый – это анализ экономических сил, способствовавших распаду Монархии. Второй – описание состояния массовой психологии в Венгрии»⁶. О. Яси, не приняв коммунистической идеологии, опирался тем не менее на марксистскую научную терминологию. Так, к числу центробежных факторов он относил сохранение вплоть до Первой мировой войны «феодалного духа» и «феодалной структуры». По его наблюдениям, «экономическое и социальное давление со стороны господствующего феодального класса, взаимодействовавшего с ростовщическим капитализмом, не позволяло развиваться *производительным силам различных наций*» (курсив везде наш. – А. А.). Таким образом, «индустриализация конца XIX – начала XX в., – утверждал Яси, – не привела к завоеванию ведущих позиций в экономике, особенно в Венгрии, промышленного капитализма»⁷. «Вена» выступала не только как естественный экономический лидер, но и, одновременно, как экономический эксплуататор более слабых наций посредством своих финансовых и административных монополий... «Пояс голода» латифундистской системы в значительной степени ослабил положительное влияние единой таможенной территории. Оптимальное разделение труда между различными территориями оставалось рудиментарным, притом, что во всех странах появился новый национальный средний класс, который осознал, что его экономические интересы несовместимы с господством крупного венского капитала»⁸. В длинной выдержке из книги О. Яси,

¹ Рубинштейн Е. И. Крах Австро-Венгерской монархии. М., 1963.

² Там же. С. 14-15.

³ Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны (1906–1914). М., 1972; он же. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 3; он же. Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5.

⁴ Фрейдзон В. И., Романенко С. А. К семидесятилетию Т. М. Исламова // Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998. С. 4.

⁵ Цит. по: Яси О. Указ. соч. С. 598.

⁶ Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011. С. 11.

⁷ Там же. С. 566.

⁸ Там же.

по существу, изложена его социально-экономическая концепция распада Монархии.

После выхода в свет монографии О. Яси противоречивая роль экономического фактора в интеграционных процессах долгое время не подвергалась глубокому анализу. Лишь в 70–90-е гг. XX в. были опубликованы новаторские работы венгерских исследователей И. Беренда и Д. Ранки. Они показали, что в последней трети XIX – начале XX в. динамичный процесс индустриализации протекал во всех экономических регионах Монархии. Однако он не привел к созданию однородного промышленного ландшафта. Делясь своим опытом типологизирования, венгерские ученые отмечали, что австрийская и чешская индустрии по своей структуре приближались к западноевропейской модели, в то время как промышленная структура Венгрии занимала промежуточное положение между юго-западноевропейским, восточноевропейским и балканским типами. Австро-венгерские экономические связи рубежа двух веков, резюмировали свои наблюдения И. Беренд и Д. Ранки, нельзя рассматривать как успешный опыт интеграции¹. Американский историк венгерского происхождения Дж. Комлош в своей монографии с примечательным названием «Австро-Венгерская монархия как общий рынок» утверждал, что австрийская экономика вполне обошлась бы без венгерского партнера². В целом Австро-Венгрия в экономическом отношении отставала от Германии, Франции, Бельгии и некоторых других европейских стран. Однако этот факт, признаваемый всеми ведущими специалистами как неоспоримый, нуждается, считали историки США Р. Рудольф и Д. Гуд, в дополнительном изучении³. По их мнению, вопрос заключается в том, увеличивалась ли относительная отсталость

¹ Berend I. T., Ránki Gy. *Gazdaság és társadalom*. Budapest, 1974. S. 13-19.

² Komlos J. *Az Osztrák-Magyar-Monarchia mint közös piac*. Budapest, 1990, S. 217.

³ Rudolf R. *Austrian Industrialisation. A Case Study in Leisurely Economic Growth // Sozialismus. Geschichte und Wirtschaft / Festschrift für E. März*. Wien, 1973. S. 261-262; Good. D. *Der wirtschaftliche Aufstieg des Habsburgerreiches 1750–1914*. Wien-Köln-Graz, 1986. S. 208.

Австро-Венгрии или же, наоборот, разрыв сокращался. На этот вопрос историография пока не дала убедительного ответа.

В весьма обстоятельной кандидатской диссертации М. С. Чернова, выполненной под руководством И. В. Крючкова и защищенной в 2015 г. в диссертационном совете при Северо-Кавказском федеральном университете, аргументированы итоговые выводы о значительных успехах в развитии австрийской промышленности во второй половине XIX – начале XX в. «Страна, – пишет М. С. Чернов, – отставая от лидеров мирового промышленного производства, в то же время значительно обошла по уровню индустриального производства страны Пиренейского полуострова, Италию, Россию, Балканские государства»⁴.

Приведя точки зрения профессиональных историков на роль экономического фактора в распаде Монархии, уместно, на наш взгляд, коснуться оценок, которые дали российские журналисты А. Шарый и Я. Шимов. Широкие круги читателей, интересующиеся историей, в первую очередь возьмут в руки книги названных авторов, предпочтя суховатым научным исследованиям талантливо написанные очерки истории дуалистической империи⁵. В шестом очерке «Гибель империи» А. Шарый и Я. Шимов вслед за французским историком венгерского происхождения Ф. Фейтё, считают, что распад Австро-Венгерской империи был «тенденцией, а не судьбой». Выразительно рисуют журналисты картину гибели Монархии, не видя этому концу никакой реальной альтернативы: «Роковым событием стало вступление в Великую войну. 28 июля 1914 года Австро-Венгрия совершила выстрел себе в висок, а четыре последующих года оказались затянувшейся агонией. Даже победа Центральных держав не принесла бы государству Габсбургов выгоды: поражение стран Антанты привело бы к колоссальному уси-

⁴ Чернов М. С. *Индустриализация Австрии во второй половине XIX – начале XX в.: особенности и основные направления раз*. Автореферат дисс. ... кандидата исторических наук. Ставрополь, 2015. С. 27-28.

⁵ Шарый А., Шимов Я. *Австро-Венгрия: судьба империи*. М., 2017.

лению Германии, которая фактически подмяла бы всю континентальную Европу»¹.

В целом ряде исследований по истории Австро-Венгрии сложная проблема стабильности многонационального дунайского государства увязывается с вопросом о возможностях самореформирования дуалистической системы². Вокруг указанной проблемы на московской международной научной конференции (1993) состоялся интересный обмен мнениями между американским и российским историками С. Вэнком и Т. М. Исламовым.

С. Вэнк, редактор «Ежегодника австрийской истории» (США), соглашаясь с тем, что прежние резко негативные оценки монархии Габсбургов как «тюрьмы народов» были явным преувеличением, одновременно оспаривал тезис американских и британских историков И. Деака, Б. Елавич, Ф. Р. Бриджа, А. Скеда о наследуемом позитивном опыте Австро-Венгрии. С. Вэнк полагает, что влияние успехов в культуре и образовании, экономического подъема Австро-Венгрии на «жизнестойкость» полиэтничного общества блокировалось архаичной имперской политической системой. Австро-венгерское Соглашение 1867 года интерпретируется С. Вэнком как иллюзия стабильности, за которую была заплачена непомерно высокая цена: отчуждение большинства славян и нейтрализация всех последующих усилий по реформированию структур монархии. Наднациональная государственная идеология Габсбургов оценивается С. Вэнком как коренящаяся «больше в феодальных и династических концепциях, чем в современных идеях интернациональной организации государства»³. Нам представляется,

¹ Шарый А., Шимов Я. Австро-Венгрия: судьба империи. М., 2017. С. 355.

² См., например: Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. 1906–1914. М., 1972; Jelavich B. Modern Austria: Empire and Republic 1800–1986. New York, 1987; Sked A. The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815–1918. London, 1989; Bridge F.R. The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1918. New York, 1990; Deak I. Beyond Nationalism: A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918. New York, 1990.

³ Вэнк С. Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе // Австро-Вен-

что в своих рассуждениях С. Вэнк невольно приносил в научно-исторический анализ реалий конца XIX – начала XX в. опыт последних десятилетий XX в.

Концепция С. Вэнка, содержащая ряд дискуссионных положений, вызвала на спор его российского коллегу Т. М. Исламова⁴. Уязвимое место в концепции американского историка он усматривал в недооценке значимости экономического роста Австро-Венгрии как важнейшего критерия государственной стабильности. Касаясь тезиса С. Вэнка о роли национального фактора в дезинтеграции Габсбургской монархии, Т. М. Исламов отмечал, что ее сохранение при наличии двух сильных соседей на западных и восточных границах, Германской и Российской империй, было для подавляющего большинства населявших ее народов вопросом жизни и смерти. Сепаратистские тенденции в предвоенную эпоху достаточно отчетливо прослеживались лишь в национально-освободительном движении югославян. Вместе с тем Т. М. Исламов признавал, что лояльное отношение к монархии, свидетельством которого было общеимперское сознание («Gesamtstaatsbewusstsein»), не снимало с повестки дня вопроса о реорганизации дуалистической монархии на федеративных (конфедеративных) началах как единственно возможного пути ее сохранения в качестве «общего дома».

Экономический рост разных регионов Монархии выступал не только как центростремительная сила, но и как центробежный, дезинтегральный фактор. В свою очередь противоречивый характер индустриально-технической модернизации в конечном итоге обуславливался особенностями менталитета, образа жизни, национальных традиций народов полиэтничной империи. Рассмотрим эту тонкую, не всегда очевидную зависимость, обратившись к социокультурным явлениям – умонастроениям, стереотипам массового сознания – в венгерском обществе конца XIX – начала XX вв.

грия: опыт многонационального государства. М., 1995. С. 16, 17.

⁴ Исламов Т. М. Конец среднеевропейской империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Там же.

Реализация выдвинутой О. Яси триады требований – «хорошая школа, хорошая администрация, хорошее судопроизводство на родном языке народа» – должна была сохранить, по мысли О. Яси, единство многонациональной Венгрии¹. Однако средние слои Венгрии в своем большинстве не были готовы преодолеть инерцию консервативных традиций и воспринять демократические принципы политического устройства общества².

С этим связана нереализованность многих проектов национально-государственного реформирования Габсбургской империи. За печальной судьбой упомянутых и ряда других проектов³ резонно усматривать исторически обусловленные пределы реформирования многонационального государства, в котором соседствовали несхожие экономические структуры, разноликий социальный ландшафт, неоднотипная политическая культура населения, трудно совместимые ментально-психологические установки проживавших в нем народов. Так, общекультурный фон венгерского города 1910 года был сопоставим с культурным «стандартом» австрийского города 1880 года⁴. В повседневной жизни большинства населения империи, особенно ее восточных, преимущественно аграрных регионов, устойчивой оставалась ориентация на минимум жизненных благ. Невысокий уровень материально-бытовой и общей культуры основной массы населения подпитывал партикуляристские настроения, сужая пространство интеграционного мировидения.

Венгерская политическая культура в начале XX в. по-прежнему зиждилась

на обычае и историческом праве⁵. Запоздававший процесс формирования венгерской нации эпохи модерна консервировал, а в кризисные периоды гальванизировал средневековые патриархальные компоненты общественного сознания. Важнейшей составляющей «государственного сознания» венгров выступало положение, что граждане страны – это патриоты Венгрии, но не короны и империи. Соответственно взаимоотношения Венгрии с Австрией мыслились как строящиеся на договорной основе. В сознании массы рядовых граждан Венгрии сохранялся пиетет перед императорской фамилией, чей престиж, означал, однако, нечто иное, нежели авторитет власти или военной силы. Длительное господство авторитарно-монархического строя сделало широкие слои населения апатичными и равнодушно-циничными к конституционно-правовым нормам⁶.

Известно, что проводником централизаторского курса династии Габсбургов выступала католическая церковь, охватывавшая своим влиянием в начале XX в. примерно половину верующих венгров. Одновременно в отличие от католической церкви кальвинистская конфессия Венгрии, имевшая своих приверженцев среди 21,4 % населения, особенно в кругах среднепоместного дворянства-«джентри», буржуазии, крестьянства и интеллигенции, находилась в оппозиции к венскому двору, проповедуя «венгерскую веру», отражавшую суверенизаторские устремления венгерской нации⁷.

Новейшая генерация финансово-промышленной буржуазии Венгрии была слабо представлена лицами мадьярской национальности. Существенной была доля буржуа еврейского происхождения, которые, однако, добровольно мадьяризуются, стремились перенять образ мыслей родовитых венгерских аграриев с их партикуляристскими настроениями. Ставшие

¹ Jászi O. A nemzeti kérdés és Magyarország jövője. Budapest, 1911. 12.o.; idem. A nemzeti államok kialakulása és nemzetiségi kérdés. Budapest, 1912. С. 502, 529, 533.

² Hanák P. A kelet-közép- európai nyomorúság okairól // Jászi O. A Habsburgmonarchia felbomlása. Budapest, 1983. С. 49-50.

³ В книге профессора Венского университета Виктора Библа содержится перечень 12 книг и брошюр разных авторов, опубликованных в 1900–1910 гг. по актуальным проблемам национально-государственного переустройства Дунайской империи // Bibl V. Der Zerfall Österreichs. Bd. 2. Wien, 1924. S. 411.

⁴ Braun R. Párhuzam az osztrák és magyar belpolitika között, különös tekintettel a nemzeti kérdésre // Huszadik Század. 1917. II. köt. S. 177-187.

⁵ Kleinwachter F. Der Untergang der Österreichisch-ungarischen Monarchie. Leipzig, 1920. S. 80.

⁶ Jászi O. A Habsburg-monarchia felbomlása. Budapest, 1983. S. 181, 218.

⁷ Ibid., S. 238-242.

в хозяйственной жизни заметной фигурой, способные и энергичные специалисты-управленцы, отдавая предпочтение не государственным структурам, а лучше оплачивающим их работу частным фирмам, были заинтересованы в установлении таможенных тарифов между Венгрией и Австрией¹.

Столпом централизаторского курса Габсбургов традиционно выступала общая австро-венгерская армия. Однако к началу XX в. центробежные тенденции проникали и в армейскую среду. В частности, в сознании венгерских офицеров молодого возраста и солдатской массы приоритетной оказывалась в условиях обострения австро-венгерских экономических и политических отношений не общеимперская, династическо-государственная идея, а интересы своей нации, своей малой родины². Сам призыв в немецкоязычную армию и служба в ней воспринимались венграми как проявление иноземного господства и угнетения. Такое отношение к императорской армии запечатлено в венгерских народных песнях, передававшихся из поколения в поколение³.

Эрозии подверглась и другая опора Габсбургов – чиновничья бюрократия. Ее представители ненемецкой национальности испытывали давление со стороны Вены, которая, сдерживая их служебное продвижение, пыталась сделать из них послушных адептов габсбургского патриотизма. В Венгрии неприязнь к централь-

ной венской администрации усугублялась укоренившимся в национальном сознании мадьяр недоверием к австрийцам. К примеру, их негативное отношение к общей с Австрией таможене было в значительной степени эмоционально окрашенным, вопреки рациональным экономическим доводам. «Принесенная на австрийских штыках» в результате поражения венгров в национально-освободительной войне 1848–1849 гг. таможня бередила незаживающие раны оскорбленного национального самолюбия⁴. Отражением своего рода психологической «несовместимости» венгров и австрийцев были различия в культурно-образовательной стратегии и школьной политике правящих кругов Вены и Будапешта. О. Яси нашел удачное сравнение, назвав преподавание истории и граждановедения в Австрии «династической героической поэмой», а в Венгрии «феодальным эпосом»⁵.

Подводя краткий итог, отметим, что выяснение причин распада Австро-Венгерской империи побуждает к дальнейшему изучению феномена хронического экономического отставания, а также социального поведения средних слоев венгерского общества, их отношения к императорской власти. Решение этих и других вопросов, смежных с названными, целесообразно вести, применяя исследовательские инструменты «новой исторической науки».

¹ Lengyel Gy. Vállalkozók, bankárok, kereskedők: a magyar gazdasági elit a XIX. században és a XX. század első felében. Budapest, 1989.

² Jászi O. A Habsburg-monarchia...S. 219-224.

³ Антология венгерской поэзии. М., 1952. С. 511-543.

⁴ Bibl V. Op. cit. S. 396; Berend T.I., Ránki Gy. Op. cit. S. 102.

⁵ Jászi O. A Habsburg-monarchia...S. 544.

И. В. Крючков

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ВЕНГРИЯ В ЭПОХУ ДУАЛИЗМА: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Введение

В середине XIX – третьей четверти XIX в. российская историография и публицистика ознаменовались существенными успехами в изучении истории стран Западной Европы, чего нельзя сказать о российском «венгероведении». В работах отечественных авторов, посвященных Австро-Венгрии, традиционно доминировал «австрийский блок», история и современность Венгрии находились на второстепенных позициях¹. Западники рассматривали Центрально-Восточную Европу как «отсталый регион» с малоинтересной историей, абсолютно «непоучительной» для России. Славянофилы больше примеряли свои концепции на славянские народы региона, зачастую идеализируя и мифологизируя историю южных и западных славян в нужном им направлении. История остальных народов региона им казалась незначимой. Когда в 1873 г. известный российский журнал «Всемирный путешественник» решил опубликовать цикл этнографических материалов о народах Европы, то выяснилось, что о словаках в России нет достойного материала, и изданию пришлось опубликовать очерк немецкого ученого Фрица². Накануне Первой мировой войны российский дипломат князь Г. Д. Маврокордато, получивший назначение на должность секретаря Генерального консульства России в Будапеште решил из российской и зарубежной литературы почерпнуть сведе-

ния о Венгрии. К его великому удивлению выяснилось, что в России о Венгрии практически ничего не было опубликовано, а небольшое число зарубежных изданий не выдерживало никакой критики³.

В третьей четверти XIX – начале XX вв. в России происходит бурное развитие славяноведения. Это во многом объяснялось пробуждением интереса российской общественности к положению южных и западных славян за пределами России и геополитическими амбициями Российской империи на Юго-Востоке Европы, где Санкт-Петербург хотел разыграть «славянскую карту» в своих политических целях. Российские ученые начинают активно собирать и изучать источники и исследовательскую литературу по истории зарубежных славян. Стимулом для развития славяноведения в России послужили и такие факторы как польское восстание 1863–1864 г., Славянский съезд, состоявшийся в Москве в 1867 г. и Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Венгрия, ее национальный характер и исторические судьбы всегда вызывали противоречивые оценки в российской общественно-политической мысли в последней трети XIX – начале XX вв. Россияне, непосредственно побывавшие в Венгрии, оставляли, довольно положительные воспоминания о рядовых венграх. Они, как правило, отмечали их гостеприимство, дружелюбие, чувство личного достоинства и отсутствие вражды по отношению к русским⁴. Многие ученые и публицисты ука-

¹ См. подробнее Крючков И. В. «Венгерское повествование» в «истории Западной Европы в новое время» Н. И. Кареева или о распространенных клише и стереотипах в отдельном историческом исследовании // Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Вып. 4. (специальный). Москва-Ставрополь, 2003. С. 70-80.

² Фриц. Этнографические очерки. Словаки // Всемирный путешественник. 1873. январь. С. 50-56.

³ Маврокордато Г. Д. Описание Венгрии. В 2-х Т. Париж, 1916. С. VIII.

⁴ Верещагин А. У болгар и за границей 1881-1893. Воспоминания и рассказы. СПб., 1896; Попов Н. Венгерские степи. Отрывок из путевых воспоминаний // Русский вестник. 1868. №7. С. 93.

зывали на энергичность, патриотизм, которые наряду с ростом культурного уровня венгерского народа, позволили Венгрии занять доминирующие позиции в политической жизни Австро-Венгрии¹.

Венгрия и славянский мир

Первую серьезную попытку научного исследования истории Венгрии и славянских народов, проживающих на территории страны, предпринял в 60-е гг. XIX в. А. Ф. Гильфердинг. Он, будучи известным в России историком, филологом, член-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук, сторонником идеи славянской общности, одним из первых забил тревогу по поводу отсутствия в интеллектуальном пространстве России системного знания об истории славянских народов Европы, в том числе Дунайской империи. Следует отметить неплохое знание А. Ф. Гильфердингом Балкан, где он с 1856 г. являлся консулом в Боснии. Результатом чего становится появление известной в России книги, выдержавшей несколько изданий, подготовленной ученым². А. Ф. Гильфердинг с 1867 г. возглавил Санкт-Петербургское отделение Славянского благотворительного общества. Признанием его заслуг явилось назначение ученого руководителем Этнографического отделения Императорского Русского географического общества.

На взгляд А. Ф. Гильфердинга, отсутствие системных представлений в России об истории зарубежных славян объяснялось двумя причинами: 1) славяне не имели в XIX в. своих государственных образований, они являлись составной частью империй, созданных немцами и турками, а вся информация из империи Габсбургов, Германии, Османской империи касалась в основном жизни титульных наций; 2) русские привыкли смотреть на мир глазами иностранцев, которые сознательно мало уделяли внимания славянам, особенно немцы³. А. Ф. Гильфердинг попытался

¹ Воллан Г. Годы восстания в Венгрии // Вестник Европы. 1883. №4. С. 613; Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1896. №6. С. 803.

² Гильфердинг А. Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859.

³ Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 2. Статьи по современным вопросам славянским. СПб., 1868. С. 4.

очертить проблему взаимоотношений Венгрии со славянским миром на протяжении всей ее истории. Сам факт появления венгров в Европе он признавал трагической исторической случайностью, отрезавшей южных и западных славян друг от друга и от России.

В тоже время ученый видел в политике венгров в эпоху средневековья и на заре нового времени проявление национальной и религиозной терпимости, обусловившей мадяро-славянский компромисс в Венгерском королевстве вплоть до начала XIX в. На примере взаимоотношений венгров со словаками и хорватами в XIX в. А. Ф. Гильфердинг раскрывал пагубность политики мадяризации не только для славян, но и для самих венгров, ибо она вела к разжиганию межнациональной розни в Венгрии и ослаблению ее позиций перед Австрией⁴. Большое внимание А. Ф. Гильфердинг уделял процессу национального возрождения у хорватов и словаков, явно его идеализируя.

Крупным историком славянства Венгрии являлся В. И. Ламанский, которого, прежде всего, интересовали исторические судьбы славян и православия в Карпато-Дунайском регионе. В 1862–1864 гг. он совершил несколько поездок по Сербии и югославянским провинциям Австрии, знакомясь с историей и культурой южных славян. В 1868 г. В. И. Ламанский становится одним из организаторов Славянского благотворительного общества⁵.

В. И. Ламанский отличался широтой научных интересов, кроме истории его интересовала славянская филология, геополитика. Ученый воспитал большую плеяду учеников (К. Я. Грот, Т. Д. Флоринский, А. Л. Погодин и др.)⁶. Он постоянно указывал на необходимость изучения истории Венгрии в контексте истории соседних славянских народов (чехов, поляков, сербов).

⁴ Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 2. Статьи по современным вопросам славянским. СПб., 1868. С. 138-139.

⁵ Робинсон М. А. В. И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнение о нем учеников и коллег // Славянский альманах. 2014. С. 140.

⁶ Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 376.

В этой связи одну из своих крупнейших работ В. Ламанский полностью посвятил положению сербов в Сербском княжестве и на юге Венгрии. Причем, рассуждая о борьбе русофильской и австрофильской тенденций в сербском обществе, ученый приходил к выводу, что проводником австрофильства у сербов являлась либеральная омадьярившаяся интеллигенция, а русофильства – широкие слои населения¹. Отсюда ученый делал вывод о возможности в будущем укрепления сербо-русских взаимоотношений.

В. И. Ламанский обращал внимание на исторические условия создания дуалистической империи. По его мнению, после поражения в войне с Пруссией, Габсбурги боялись потерять славянские и венгерские земли, поэтому они пошли на компромисс с венграми. Ученый обращал внимание на поддержку российской общественностью соглашения 1867 г., так как она надеялась на улучшение положения славян в Дунайской империи, в том числе в Транслайтании. Однако излишний оптимизм россиянина оказался иллюзией: «К сожалению, мадьяры не оправдали этих надежд, закон о народностях остался мертвой буквой»². В результате в венгерской половине империи Габсбургов начинается волна протестов славян и румын, способная, по мнению ученого, привести Венгрию к серьезным потрясениям. В отличие от ряда своих учеников В. И. Ламанский высоко оценивал уровень развития венгров и их вклад в мировую историю: «Мадьярская народность сама по себе своеобразна, даровита, имеет, относительно говоря, уже довольно богатую историю и литературу...»³. Данное обстоятельство позволяло ему говорить о жизнеспособности венгерского государства и отсутствии объективных условий для его поглощения славянской цивилизацией. Но при условии недопущения национальной катастрофы Венгрии в результате

¹ Ламанский В. Сербия и южно-славянские провинции Австро-Венгрии. Из записок о славянских землях. СПб., 1864. С. 23.

² Ламанский В. И. Два мира: романо-германская и греко-славянская цивилизация / Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 275.

³ Там же. С. 277.

непродуманной политики Будапешта или Вены.

Деятельность В. И. Ламанского примечательна и тем, что в 1899 г. на XI Археологическом съезде в Киеве он сделал доклад «Заметки о ясах аланов», посвященный жизни ясов в центральных районах Венгрии. В 1900 г. он избирается академиком Санкт-Петербургской академии наук за вклад в изучении истории и культуры зарубежных славян.

Очередное обострение «Восточного вопроса», русско-турецкая война 1877–1878 гг. и решения Берлинского конгресса способствовали дальнейшему росту в России интереса к положению южных и западных славян⁴. Серьезное внимание взаимоотношениям венгров и славян в исторической ретроспективе уделял И. И. Первольф⁵. Данная проблема ему была хорошо известна. Чех по национальности, выпускник Пражского университета И. И. Первольф, принял российское подданство, став профессором Варшавского университета. Значимость указанной проблемы в условиях очередного обострения ситуации на Балканах подчеркивало само название цикла статей, опубликованного в «Русском вестнике» – «Мадьяры и восточный вопрос». По мнению И. И. Первольфа, венгры в XIX в. занимали антиславянские позиции, поддерживая, турок в их борьбе с южными славянами. Практически все статьи автора выдерживаются в резком антимадьярском тоне. В частности, соглашение 1867 г. он считал большой ошибкой Австрии, так как Будапешт после него получил неограниченные возможности для угнетения славян, немцев, румын Венгрии⁶. Особое внимание И. Первольф обращал на анализ отношений венгров с сербами, подчеркивая резкую неприязнь мадьяр к сербскому национальному возрождению в Венгрии и за ее пределами.

Национальная политика Будапешта нашла отражение в работах Г. А. де Воллана.

⁴ Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 237.

⁵ Первольф И. Славяне и их взаимные отношения и связи. Т. 1. Варшава, 1886.

⁶ Первольф И. Мадьяры и восточный вопрос // Русский вестник. 1877. №10. С. 782.

Г. А. де Воллан профессиональный дипломат под влиянием известного российского этнографа В. Ф. Миллера увлекся этнографией и историей славян. В 1874–1876 гг. он занимал должность секретаря Генерального консульства России в Будапеште, имея возможность посещать различные регионы страны. Пользуясь служебным положением, он не раз занимался агитацией славянофильства в Венгрии. Еще одна из монографий Г. А. де Воллана являлась, пожалуй, первым крупным исследованием, посвященным именно Венгрии. В ней автор рассматривает национальную борьбу в венгерской половине империи Габсбургов. По его, мнению, венгры (мадьяры) сомневаются в лояльности национальных меньшинств венгерскому государству. Поэтому они с помощью насильственной и естественной мадьяризации стремились их ассимилировать. Однако Г. А. Воллана показывал, что и сами венгры подвергались естественной ассимиляции, и прежде всего в районах, заселенных словаками¹. Для достижения своих целей, на взгляд автора, венгры прибегали и к разжиганию противоречий между различными народами и главным образом между сербами и хорватами.

Очень часто за интеллектуальными конструктами российских историков в 60–80-е гг. XIX в. скрывались определенные политические амбиции, влиявшие на их восприятие истории Венгрии и ее взаимоотношений со славянским миром. В это время в России набирала популярность идея мессианского предназначения страны, заключающаяся в признании необходимости освобождения ею западных и южных славян от австро-венгерского и турецкого ига. Уже на Всероссийской этнографической выставке и Славянском съезде в мае 1867 г. постоянно звучали призывы к властям Российской империи принять решительные меры по освобождению угнетенных братьев славян². Это

¹ Воллан Г. А. Мадьяры и национальная борьба в Венгрии. СПб., 1877. С. 30.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 332 Чижов К.6. Ед. 10. Л. 2-5; Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867.

предполагало и возможность начала боевых действий с Дунайской империей. Одним из организаторов съезда являлся В. И. Ламанский.

В данном русле набирала оборот деятельность большинства славянских комитетов, вызывавших большое беспокойство в Будапеште и в Вене. Постоянно лидеры данных комитетов заявляли о своем нежелании вмешиваться в политические дела, акцентируя внимание на духовных и просветительских целях деятельности славянских организаций. Однако за этими внешне вполне благовидными целями стояли далеко идущие политические планы многих лидеров славянофильского движения в России, поддерживаемые различными слоями российского общества. В. И. Ламанский в письме В. В. Макушеву прямо заявлял, что конечная цель доктрины «Славянского единения (братства)» заключается в создании славянской федерации с центром в Царьграде: «...об этом надо помнить, иногда говорить и не забывать никогда»³. Все это во многом предопределило популярность книги Н. Я. Данилевского «Россия и Запад» среди различных слоев российского общества⁴.

Апофеозом данного направления в российской историографии стали работы ученика В. И. Ламанского – А. С. Будиловича, считавшегося в России одним из лучших специалистов по венгерской проблеме. В начале 70-х гг. XIX в. А. С. Будилович посетил Австро-Венгрию, где в Будапеште он познакомился с А. И. Добрянским. В 1876 г. А. С. Будилович женился на его дочери Ольге⁵. Признанием научных и общественных заслуг ученого становится его избрание членом Санкт-Петербургской академии наук и товарищем председателя Санкт-Петербургского отделения Славянского благотворительного общества.

По мнению А. С. Будиловича, венгры (мадьяры) находились в своем развитии на уровне средневековья, не оставив никакого яркого следа в мировой истории.

³ ОР РГБ Ф. 156 Макушев К. 5. Ед. хр. 76. Л. 4.

⁴ Данилевский Н. Д. Россия и Запад. М., 1993.

⁵ Суляк С. Г. А. С. Будилович и Карпатская Русь//Русин. 2017. №2. С. 170.

«Таким образом, это в наилучшем случае тысячелетие довольно темного и безвестного существования в середине Европы мелкого тюркофинского народа, исторический вклад которого отнюдь не превышает вкладов, положим албанцев, валахов, литовцев...и других второстепенных народов», – писал А. С. Будилович¹.

Данного исследователя очень волновал вопрос – почему славяне, будучи по численности и по культуре выше венгров их не ассимилировали. А. С. Будилович находил объяснения этому в следующих доводах: 1) ассимиляция венграми родственных народов (секлеров, куманов); 2) этническая близость мадьяр к туркам и татарам²; 3) поддержка немцами венгров в их противостоянии со славянами; 4) раздоры среди самих славян; 5) этнопсихологические особенности венгров; 6) сознательное ограничение Будапештом естественной ассимиляции народов Венгрии. Ученый полагал, что венгры в исторической перспективе будут поглощены германским или славянским миром³.

А. С. Будилович мечтал о создании федерации православных народов Центрально-Восточной Европы под эгидой России с отторжением у Венгрии Подкарпатской Руси, районов, заселенных сербами и румынами. Первым шагом на пути реализации данных планов, по мнению автора, становилась федерализация Австро-Венгрии⁴. А. С. Будилович раскрывал

¹ Будилович А. С. Тысячелетие мадьяр. СПб., 1896. С. 18.

² Следует подчеркнуть, что такого рода теории были очень распространены в России и в других европейских государствах. Они подогревались попытками поиска венгерскими учеными исторических и этнических корней мадьяр на Кавказе. В данной связи можно отметить экспедиции на Кавказ Я. Бессе, М. Деши и Е. Зичи. Я. Бессе находил много общего, в том числе в топонимике и в этнографии между мадьярами и карачаевцами. О кавказских корнях мадьяр много писал известный российский этнограф и кавказовед Г. Эркер (Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887), австрийский лингвист, профессор Грацского университета Г. Э. Шухардт. См. подробнее: Дирр А.М. Две статьи о современном кавказоведении/Список материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVII. Тифлис, 1907. С. 7.

³ Будилович А. С. Тысячелетие мадьяр. СПб., 1896. С. 23.

⁴ Будилович А. С. Об основных воззрениях А. И. Добрянского. СПб., 1901. С. 8.

главное цивилизационное противоречие, не способствовавшее проживанию славян и румын в рамках империи Габсбургов. Оно заключалось в том, что немцы и венгры в социокультурном отношении ориентировались на западную, католическую культуру, а славяне и румыны на восточную, православную⁵. Это облегчало задачу создания православной империи.

А. С. Будилович много рассуждал об этнической специфике народов, населявших Венгрию. Венграм (мадьярам) ученый во многом отказывал в принадлежности к европейской цивилизации, подчеркивая их близость к тюркским народам, он констатировал условность границ между славянами и русинами, отрицая наличие украинского этноса⁶.

Эти воззрения нашли отражение и во взглядах известного в России этнографа и военного деятеля, одного из авторов этнографического атласа Европейской России А. Ф. Риттиха, также выступавшего за необходимость активного изучения истории славян и писавшего о неудовлетворительном состоянии российского славяноведения. По его мнению, исследование славянского мира необходимо по двум причинам: 1) важно осмыслить вклад славянских народов в развитие мировой цивилизации; 2) следует спасти славян от идеологических нападков недоброжелателей⁷. А.Ф.Риттих выражал в своих взглядах довольно распространенную в России точку зрения на исторические судьбы народов Средней Европы. Автор полагал, что будущее славянства заключается в его объединении с Россией, а Венгрия в случае, ее отделения от Австрии будет поглощена славянским миром⁸.

Данный подход получил распространение в научно-популярной литературе,

⁵ Будилович А. С. О необходимости укрепления духовных связей России с Червленной Русью // Галицко-Русский вестник. 1894. №1. С. 11.

⁶ Будилович А. С. Тысячелетие мадьяр. СПб., 1896. С. 18; Будилович А. С. О единстве русского народа. СПб., 1903. С. 6; Будилович А. С. О необходимости включить всю Угорскую Русь в состав Российской империи. Харьков, 1914. С. 10-12.

⁷ Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование / сост. А. Ф. Риттих. Варшава, 1885. С. 1.

⁸ Там же. С. 338.

рассчитанной на массового читателя. В брошюре, подготовленной Ф. Ф. Пуцыковичем, прямо говорилось о вере славян Венгрии в «Великую Россию». Практически вся работа Ф. Ф. Пуцыковича пронизана предвзятым отношением к Венгрии. Пожалуй, главный ее лейтмотив звучал в следующих словах автора: «Из всех европейцев венгерцы принадлежат к числу наиболее чуждых и недоброжелательных нам народов»¹. Однако в этом издании прослеживается один важный момент. Автор описывает бедственное положение не только представителей национальных меньшинств, но и венгерских крестьян, также страдавших от малоземелья и низкого уровня аграрной культуры². Ф. Ф. Пуцыкович, одним из первых отмечает обратный результат политики насильственной мадьяризации. По мнению автора, она ведет к национальному сплочению народов (словаки, сербы). Необходимо отметить принадлежность Ф. Ф. Пуцыкович к числу известных российских педагогов, авторов многих учебников для народных школ.

Важное место при исследовании положения славян в Венгрии занимает работа Е. Н. Водовозовой «Жизнь европейских народов». Она дистанцировалась от расистских и мадьярофобских заявлений большинства российских исследователей. Это был один из первых примеров в российской историографии написания социальной истории европейских народов. Е. Н. Водовозова стремилась, многогранно подойти к анализу сложнейших проблем развития Центрально-Восточной Европы. Так, рассуждая о национальном характере венгров, она отмечала, с одной стороны, их храбрость, патриотизм, гостеприимство, добродушие, а с другой стороны низкий уровень культуры большинства населения, некоторую леность и т. д.³. Е. Н. Водовозова обратила внимание на ужесточение отношения венгерских властей, а не венгерского народа к славянам в 70-е гг. XIX в. Она не смешивала в единое целое

«официальную точку зрения» и настроения широких слоев мадьярского населения. Говоря о положении словаков в Венгрии, исследователь отмечает мелочные придирки венгерских чиновников к словакам и ущемление их национальных чувств. В то же время Е. Н. Водовозова не сомневалась в неминуемом крахе политики насильственной мадьяризации, так как она не приведет к ассимиляции славянских народов и румын, на что рассчитывали мадьярские националисты. Более того, в результате естественной ассимиляции словаки постепенно поглощали многие мадьярские и немецкие общины Северной Венгрии⁴. Противоречивые процесс наблюдались в Трансильвании и в Южной Венгрии.

На страницах российских периодических изданий в это время встречается большое количество критических оценок роли Венгрии в развитии Центрально-Восточной Европы, особенно на страницах славянофильских и консервативных. Прежде всего, в России вызывало острое недовольство политика венгерского правительства по отношению к национальным меньшинствам и, прежде всего, к славянам⁵. Она основывалась, по мнению многих авторов, на крайнем мадьярском национализме и патологической боязни венгров панславизма, зачастую мнимого⁶. Даже «Вестник Европы» – рупор либеральной общественности России, осуждал национальную политику Венгрии, включая насильственную мадьяризацию, подчеркивая, крайнее увлечение правящей элиты в Будапеште национализмом и внешней политикой, в ущерб решения острых внутривнутриполитических проблем, способных серьезным образом дестабилизировать ситуацию в стране. По мнению издания, только предоставление автономии национальным меньшинствам и постепенная федерализация могли укрепить Венгрию, но венгерская элита этого не осознавала⁷.

⁴ Там же. С. 559.

⁵ Московские ведомости. 1871. № 141; Русский вестник. 1884. № 5 и др.

⁶ Московские ведомости. 1885. № 3123; За границей // Русский вестник. 1882. № 9. С. 425-426.

⁷ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1896. № 6. С. 104-105.

¹ Венгерцы. Чтения для народа / сост. Ф. Ф. Пуцыкович. СПб., 1897. С. 16.

² Там же. С. 6.

³ Водовозова Е. Н. Жизнь европейских народов. Т. 3. Жители Средней Европы. СПб., 1883. С. 509-517.

Славянофильские и панславистские воззрения в российской историографии встретили мощную оппозицию со стороны либералов и значительной части политической элиты страны. Уже хотя бы потому, что сама Россия нуждалась в серьезной модернизации, а авантюристская политика панславистов могла привести ее к серьезным внешнеполитическим проблемам. Либералы прекрасно понимали, что отсталая, самодержавная Россия была непривлекательна для южных и, особенно, западных славян: «Россия не может стать политическим лидером во главе славянских народов, пока она сама не достигнет надлежащего гражданского и политического благоустройства, пока не станет на высоту образцового славянского государства, нравственно притягивающего к себе однородные политические тела, менее благоустроенные и сильные...»¹. В конце XIX века на одних этнических симпатиях невозможно было строить отношения даже с близкими по происхождению народами. Для этого были необходимы политические, социокультурные, экономические предпосылки. Особенно российских либералов возмущали рассуждения славянофилов о необходимости перевода в православие всех славян, что, дескать, ускорит создание всеславянской империи. По их мнению, эти планы настраивали против России славян-католиков, формируя у них антироссийские настроения².

С конца 90-х гг. XIX в. в России растет интерес к изучению положения славян в Венгрии, отчасти это связано с пышным празднованием в 1898 г. в Будапеште «Миллениума». «Тысячелетие» Венгрии, по мнению правящих кругов страны, должно было продемонстрировать торжество доктрины «венгерской политической нации».

Торжества в Венгрии посетил известный российский публицист, общественный деятель, член Польской социалистической партии Л. Василевский. Он хорошо изучил особенности развития Австро-Венгрии,

будучи с 1893 г. студентом философского факультета Львовского университета, а с 1894 г. Пражского (чешского) университета, где его руководителем являлся профессор Т. Масарик.

Будучи свидетелем отмечания «Миллениума» Л. Василевский опубликовал по этому поводу ряд статей на страницах «Русского богатства». Л. Василевский признавал внушительный рывок, совершенный Венгрией после 1867 г. Это, прежде всего, относилось к экономике, культуре и образованию. И все было бы хорошо, если только не стремления венгерской элиты «денационализировать» национальные меньшинства в стране и сделать из них «первоклассных мадьярских граждан». Инструментом в проведении данной политики, на взгляд Л. Василевского, являлась венгерская школа³. В угоду политики мадьяризации Будапешт пошел даже на нарушение закона «о нациях» 1868 г. Но все эти усилия оказались тщетны, так как празднование «тысячелетия» Венгрии привело не к демонстрации победы доктрины «венгерской политической нации», а наоборот, способствовало всплеску борьбы национальных меньшинств за свои права. Показателем этого стало то, что к оппозиционному движению присоединился самый инертный народ Венгрии, по мнению Л. Василевского – словаки. О том, что насколько неблагоприятно положение национальных меньшинств в стране, на взгляд публициста, говорил и тот факт, как сдержанно и даже критично на «Миллениум» отреагировала австрийская и западноевропейская пресса⁴.

В тоже время праздничные торжества в Венгрии показали Л. Василевскому и ряду других наблюдателей то, что венгры впитали в свою культуру и повседневную жизнь многие черты из культурного наследия других народов, в том числе славян⁵. Это шло в разрез с доминирующими в России оценками взаимоотношений венгров со своими национальными меньшинства-

¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1882. №3. С. 428.

² Австрия, Германия и славяне // Вестник Европы. 1881. №4. С. 863-864.

³ Василевский Л. Из Австрии // Русское богатство. 1898. №7. С. 96.

⁴ Там же. №8. С. 101.

⁵ За границей // Мир Божий. 1896. №4. С. 263.

ми. Такого рода рассуждения показывали возможность межкультурного диалога народов Средней Европы, в том числе естественной ассимиляции. Л. Василевский не сомневался в том, что именно взаимодействие со славянскими народами, румынами и немцами позволило мадьярам выйти из состояния «дикого» «азиатского» народа и войти в семью европейских наций¹.

Словаки – трагедия и надежды славянского народа

Большой резонанс в России вызвала статья В. И. Иванова-Желудкова (Кельсиева), бывшего социалиста, перешедшего на позиции славянофильства, опубликованная несколько ранее в «Русском вестнике», в ней современные исследователи найдут интересный материал о повседневной жизни и традициях словацких крестьян, живших в районе Пожони (Братиславы)². Автор не рисовал в мрачных тонах будущее словаков в Венгрии, и в тоже время, стремясь его не идеализировать. Более мрачные оценки положения словаков в Венгрии давались А. А. Панковым. По его мнению, словаки в Венгрии подвергались систематическому угнетению. В качестве примеров автор приводил неутешительное экономическое положение словацких крестьян и вопиющий факт, когда во время голода 1874 г. венгерские власти вывозили словацких сирот в центральные районы страны для последующей мадьяризации. А. А. Панков отмечал «деградацию» самих мадьяр, если в средние века они отличались терпимостью к другим народам и культурам, то со временем они приобщились к крайнему национализму³.

В 1903 г. выходит книга известного российского педагога и публициста Е. И. де Витте, посвященная положению словаков в Венгрии. Е. И. де Витте придерживалась православно-монархических взглядов, что не могло не отразиться на содержании ее работ. Книга дополняла размышления автора, высказанные ею несколько позже в

путевых очерках, посещенных словацким землям и Подкарпатской Руси. Е. И. де Витте отмечает презрительное отношение венгров к словакам и полное пренебрежение их интересов⁴. По мнению автора, Будапешт стремился ликвидировать национальную идентичность словаков с помощью политики мадьяризации. Е. И. де Витте в качестве одного из инструментов мадьяризации выделяла переименование географических мест, населенных пунктов со словацкого на венгерский язык, изменение имен и фамилий словаков на венгерский лад⁵. Она отмечала, что в наибольшей степени мадьяризации подвергалось дворянство и высшие слои города, в то время как крестьянство и интеллигенция сохраняли национальный дух. Венгерские власти, по ее мнению, делали все, чтобы помешать развитию современной экономики в словацких районах, в том числе создавая препятствия для развития словацких банков, промышленных предприятий и кооперации. Автор критиковала политику запугивания словацких избирателей и фальсификации итогов парламентских выборов. Е. И. де Витте называла парламент Венгрии пародией на парламентаризм и орудием для подавления национальных меньшинств⁶. Крайняя нужда заставляла словаков массово эмигрировать в США. В эмиграции словаков, автор видела, два существенных положительных момента. Первый – словаки, разбогатев в США, возвращались на родину, выкупали землю и развивали хозяйство. Второй – словаки в США приобщались к идеям славянского единства, которые они привозили с собой в Венгрии. Е. И. де Витте проповедовала открытый антисемитизм, поэтому в евреях она видела один из инструментов мадьяризации страны и угнетения славян⁷.

Русины в поисках национальной идентичности

Важным этапом в развитии российско-го славяноведения становится издание в

¹ Василевский Л. Из культурной жизни мелких народностей // Мир Божий. 1896. №9. С. 92.

² Иванов-Желудков В. Словацкие села под Пресбургом // Русский вестник. 1864. №8. С. 5-29.

³ Панков А. А. Невольничество у мадьяр. СПб., 1889. С. 6.

⁴ Витте де. Е. Путевые впечатления с историческими очерками. Словачина и Угорщина. Почаев, 1909. С. 35.

⁵ Витте де Е. Действительность. Почаев, 1903. С. 48.

⁶ Там же. С. 54.

⁷ Витте де. Е. Путевые впечатления с историческими очерками. Словачина и Угорщина. Почаев, 1909. С. 50-53.

1875 г. «Славянского сборника», способствовавшего оживленной дискуссии среди российских интеллектуалов¹. В данном сборнике содержалась статья неизвестного автора, посвященная положению русин (украинцев) в Подкарпатской Руси в 50–70-е гг. XIX в. В представленном очерке оно оценивалось как тяжелое, даже по сравнению с другими славянскими народами Венгрии. Причина этого заключалась в том, что в Подкарпатской Руси национальный гнет русин тесно переплетался с крайним обнищанием населения и более того, среди русин практически отсутствовали попытки национального возрождения, ибо церковь и немногочисленная русинская интеллигенция оказались полностью мадьяризованными. Политикой раскола украинского народа с последующей полной мадьяризацией русин автор считал теорию, выделявшую русин в самостоятельный этнос Средней Европы, которая, по его мнению, не выдерживала никакой критики².

Позже данные оценки положения русин в Подкарпатской Руси развиваются на страницах «Галицко-Русского вестника», издававшегося с 1894 г. в Санкт-Петербурге при активном участии А. С. Будиловича, Ю. А. Яворского и др. Уже в первом номере издания жесткой критике подвергалась политика Будапешта по отношению к русинам. На основе исторических экскурсов редакция «Вестника» показывала процесс потери русинами своей «русской» самобытности, и решающую роль в этом процессе правящих кругов империи Габсбургов и униатского духовенства. Особенно тяжелым положение русин оказывается после заключения дуалистического соглашения: «Мадьярское правительство, чтобы подавить возрождающиеся самосознание угрорусского народа, действовало весьма энергично»³. По сложившейся в России традиции авторы «Вестника» выделяли три течения в национальном движении русин: москофильское, мадьярофильское и

украинофильское. Симпатии российских ученых были на стороне москофильского направления, уничтоженного с помощью репрессий венгерскими властями. Между украинофильским и мадьярофильским течениями они ставили знак равенства, полагая, что лидер украинофилов в Венгрии В. Чопей действует в интересах политики мадьяризации русин.

Большой интерес среди российских этнографов и славяноведов вызвала монография Г. А. де Воллана, где автор опубликовал, собранные им песни угро-руссов (русин) Подкарпатской Руси⁴. В работе автор не касается проблем взаимоотношения русин с венгерским правительством, его больше интересует этнографический материал и региональные идентичности русин. Данный труд автор написал на основе использования работ австро-венгерских ученых и личных наблюдений. Для Г. А. де Воллана не вызывает сомнений принадлежность русин к «великому русскому народу»⁵.

Л. Василевский накануне Первой мировой войны в «Русском богатстве» опубликовал обширную статью, посвященную русинам Венгрии. По обилию фактологического материала и уровню теоретического осмысления процессов, происходивших в Подкарпатской Руси, она значительно отличалась в лучшую сторону по сравнению с предыдущими работами по русинской тематике. Л. Василевский в статье уделил много внимания этнографическим, лингвистическим особенностям русин, условиям их жизни, истории взаимоотношений с Габсбургами. Автор отмечал слабость москофильства среди русин, ибо широкие слои населения не воспринимали русский язык и русскую культуру⁶. Л. Василевский стал первым российским исследователем, проанализировавшим деятельность комиссии Э. Эгана в Подкарпатской Руси и ее результаты, которые в целом оценивались положительно⁷.

⁴ Воллан Г. А. Угро-русские народные песни: с приложением очерка быта угор. русс. и этнографической карты. СПб., 1885.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Василевский Л. Венгерские «руснаки» и их судьбы // Русское богатство. 1914. №3. С. 375.

⁷ Там же. С. 382.

¹ Славянский сборник. Т. 1. СПб., 1875.

² О современном положении русских в Угрии / Славянский сборник. Т.1. СПб., 1875. С. 58.

³ Национальное движение в Угорской Руси // Галицко-Русский вестник. 1894. №1. С. 59.

Хорваты – оплот югославянского движения?

В 60-е гг. появляются первые работы, затрагивающие отдельные аспекты жизни и исторического прошлого хорватов Венгрии. Монография профессора Варшавского университета В. В. Макушева, изданная в 1867 г., полностью посвящается истории хорватов и их взаимоотношениям с соседними народами. Автор много внимания отводил анализу развития хорватской культуры и ее влиянию на хорватское национальное возрождение¹. С 1862 по 1865 гг. В. В. Макушев занимал должность секретаря консульства России в Дубровнике, где он имел возможность собрать материал по истории хорватов. Позже он работал в архивах Италии, накапливая сведения по истории и культуре хорватов в средние века и ранее новое время.

В 80–90-е гг. XIX в. российская историография и публицистика проявили значительный интерес к «хорватской проблеме». Это объяснялось обострением хорватско-венгерских взаимоотношений после оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и отказа Вены и Будапешта от идеи присоединения Боснии и Герцеговины к Хорватии. Российских авторов, рассуждающих о всеславянском единстве, традиционно остро волновал вопрос, как добиться единства между славянами-православными и славянами-католиками, тем более обострение русско-польских взаимоотношений во второй половине XIX в. актуализировало данную тему.

Исследователи хорватской истории попытались доказать на конкретно-историческом материале несостоятельность и даже опасность заблуждения некоторых авторов о возможности отказа славян от католицизма и их перехода в православие, на чем будет основываться пресловутое всеславянское единство. Уже в 1881 г. в одной из редакционных статей «Вестника Европы» прямо указывалось на развитие у хорватов и словаков «идей австрославизма» из-за «русской болтовни» о необ-

¹ Макушев В. Задунайские и адриатические славяне. Очерки статистические, этнографические и исторические. СПб., 1867.

ходимости принятия ими православия². И это, несмотря на всю тяжесть их положения в Австро-Венгрии. Еще более активно данную позицию отстаивал один из известных дореволюционных специалистов по Хорватии М. М. Филлипов. На формирование его взглядов большое влияние оказал М. Дошен, хорватский историк, друг А. Старчевича, поселившийся в 1890 г. в Санкт-Петербурге и другой хорватский общественный деятель К. Геруц³. Оба хорвата активно занимались пропагандой хорватской национальной идеи в России.

В своей монографии «Хорваты и борьба их с Австрией» М. М. Филлипов дал обширный обзор хорватской истории с древнейших времен до конца 80-х гг. XIX в. Особое место автор отводит исследованию взаимоотношений Хорватии с Габсбургами в целом и с Венгрией в частности. М. Филлипов одним из первых в России довольно основательно рассмотрел историю развития и главные составные хорватской теории права, причем явно ей симпатизируя. Это предопределило его негативное отношение к доктрине югославизма и деятельности И. Штроссмайера, что было в целом нехарактерно для российской историографии. М. М. Филлипов будущее Хорватии видел в ее полном разрыве с Венгрией и в создании «Великой Хорватии» полностью независимой, либо находящейся в личной унии с Габсбургами⁴. В настоящее время получило распространение утверждение о соавторстве М. Дошена, К. Геруца с М. М. Филлиповым при подготовке монографии, что предопределило общую канву издания, выдержанную в духе идеологии А. Старчевича и его сторонников⁵.

² Австрия, Венгрия и славяне // Вестник Европы. 1881. №4. С. 863-865.

³ Фирсов Е. Ф. Кавказские гуманитарные проекты хорватского деятеля в России К. Геруца (по чешским архивам) / Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.) СПб., 2011. С. 396.

⁴ Филлипов М. М. Хорваты и борьба их с Австрией. СПб., 1890. С. 13-14.

⁵ См. подробнее Ващенко М. С. Проблема авторства монографии «Хорваты и борьба их с Австрией»: к вопросу о пропаганде хорватской национальной идеи в России // Славяноведение. 2011. №3. С. 69-76.

С взглядами М. М. Филлипова не соглашался другой крупный российский хорватовед А. Л. Липовский, историк и директор знаменитой Санкт-Петербургской школы Карла Мая. В его монографии «Хорваты» содержатся довольно интересные очерки о социально-экономическом, политическом и культурном развитии Хорватии. Для А. Л. Липовского Хорватия – это страна больших контрастов, где вопиющая нищета широких слоев населения сочеталась с высоким уровнем национального самосознания¹. По его мнению, хорватское национальное возрождение возникает в годы реформ императора Иосифа II и Великой французской революции. После поднятия мадьярами в 20–30-е гг. XIX в. вопроса о статусе венгерского языка оно быстро развивается и приобретает очевидную антимадьярскую направленность. На взгляд А. Л. Липовского, теория «Великой Хорватии» скорее всего не будет реализована на практике по трем причинам: 1) неблагоприятная международная обстановка и, прежде всего, на Балканах; 2) раскол между хорватским обществом и правящей элитой, где присутствовало много мадьярофилов; 3) пренебрежение правительством Хорватии интересов широких слоев населения². Известный российский публицист Л. Василевский не столь в мрачных тонах оценивал положение дел в хорватской автономии. На его взгляд, из всех славянских народов Венгрии хорваты занимали исключительное положение: «Пользуясь совершенной автономией, будучи полными хозяевами, у себя дома, хорваты могут посвятить все свои силы внутреннему развитию»³. Это обстоятельство, по его мнению, способствовало грандиозным успехам хорватов в области культуры и образования.

Хорватская проблематика в начале XX в. становится доминирующей в общем потоке информации, приходившем из Венгрии. Большой резонанс в России вызвала смерть архиепископа И. Штроссмайера,

известного деятеля хорватского национального движения. Поэтому по поводу появляется биографический очерк И. Я. Вацлика, написанный с большой симпатией к покойному⁴. Оценивая в целом политику Будапешта в Триедином королевстве, автор прямо говорилось о начале для Хорватии и Славонии с 1866–1868 гг. времен «царствования террора и насилия», а также ущемления хорватского исторического права. В данной публикации делался вывод о необходимости объединения южных славян и их союза с Россией. Особо подчеркивалась важность сближения славян-православных и славян-католиков⁵. В данной связи интересна судьба самого автора очерка. Родившись в Чехии, Я. Я. Вацлик изучал востоковедение в Вене, затем переезжает в Черногорию, где получает должность в МИД страны, в 1867 г. поселился в России. В годы русско-турецкой войны И. Я. Вацлик он являлся корреспондентом газеты «Русский народ».

События 1907–1914 гг. в Триедином королевстве большинством российских исследователей расценивались, как наступление Венгрии на права Хорватии с целью постепенной ликвидации ее автономии. Данный процесс они связывали и со спецификой венгерского конституционализма, основанного на мадьярском национализме и ненависти к славянской расе, что в результате ослабляло позиции Венгрии в ее противостоянии с Цислайтанией и дестабилизировало внутривосточную ситуацию в стране⁶. Н. Борецкий-Бергфельд, Н. И. Кареев, П. И. Звездич признавали положение Хорватии в Венгрии, как наиболее благоприятное. По их мнению, Хорватию долгое время от насильственной мадьяризации защищала конституция 1868 г. Однако в начале XX в. она также столкнулась с попытками Будапешта ограничить автономию 1868 г. и сделать Триединое королевство объектом для мадьяризации⁷.

⁴ Вацлик И. Я. Эпоха Штроссмайера у хорватов // Русский вестник. 1905. №8. С. 632-664.

⁵ Там же. С. 663.

⁶ События в Венгрии и Хорватии // Русская мысль. 1912. №7. С. 11-17; Обзор иностранной жизни // Русское богатство. 1912. №4. С. 109-110.

⁷ Борецкий-Бергфельд Н. История Венгрии в средние века и новое время. СПб., 1908. С. 202; Кареев Н. И.

¹ Липовский А. Л. Хорваты. СПб., 1900. С. 51.

² Там же. С. 158.

³ Василевский Л. Из культурной жизни мелких народностей // Мир Божий. 1896. №6. С. 148.

Особенно резко политика Венгрии в Триедином королевстве критиковалась на собраниях Славянских обществ России. В частности, на заседаниях «Общества славянского научного единения», во главе которого стоял известный российский академик В. М. Бехтерев. Ученый искренне верил в возможность создания в будущем славянского союза, объединяющего все славянские народы Европы, в том числе хорватов¹.

Венгрия: XX век начинается

В начале XX в. в России отмечается рост интереса к различным вопросам внутриполитического развития Венгрии. В 1906 г. в стране выходит первая монография, посвященная Австро-Венгрии. Ее автор Л. М. Василевский, признает демократизм политического устройства Венгрии, что, прежде всего, выражалось в развитой системе местного самоуправления². В то же время, весь политический строй страны ориентировался на сохранение власти в руках венгров и не допущение представителей национальных меньшинств к управлению государством. Правительство, парламент, избирательная система, муниципалитеты, пресса, партии находились в руках венгров. Они для закрепления своего господства, на взгляд Л. М. Василевского, фальсифицировали статистику, завысив численность венгров в Транслайтании. Автор объяснял такое поведение венгров их представлениями о себе, как представителях высшей расы³. Данная политика вела страну к катастрофе. Выходом из сложившейся ситуации могли стать, по мнению автора, демократизация Венгрии и введение всеобщего избирательного права. Политический строй австрийской половины империи Габсбургов вызывал у него больше симпатий.

История Западной Европы в новое время. Т. IV. Ч. 1. СПб., 1910. С. 364; Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах. Т. 2. СПб., 1903. С. 44-45.

¹ Бехтерев В. М. Значения единения родственных народов в общечеловеческой культуре и современные вопросы славянства / Славянский вопрос в его современном значении. Речи и статьи. СПб., 1913.

² Василевский Л. М. Австро-Венгрия. Политический строй и национальные вопросы. СПб., 1906. С. 28.

³ Там же. С. 61.

Значительный вклад в изучение конституционного права Австро-Венгрии внес известный российский юрист и либеральный политик В. М. Гессен. Он обратил внимание на специфику конституционного строя Дунайской империи. Франц-Иосиф I, обладал примерно одинаковыми полномочиями в обеих половинах империи. Однако Цислайтания являлась «конституционной», а Транслайтания «парламентской» монархией, так как в австрийской половине император обладал большими полномочиями в сравнении с Венгрией⁴. В 1918 г. В. М. Гессен публикует монографию «Основы конституционного права», ставшую одной из лучших по конституционному праву зарубежных стран в дореволюционной России, в ней венгерский материал занял достойное место⁵. В. М. Гессене относил Венгрию к числу старейших, наряду с Англией, конституционных монархий Европы, апеллируя к «Золотой булле».

Большую роль в изучение политической системы Венгрии внес П. И. Звездич. Он относится к числу незаслуженно забытых современной российской историографией специалистов по Австро-Венгрии начала XX в. П. И. Звездич (Ротенштерн) родился в Одессе в 1868 г. На рубеже XIX–XX вв. он становится известным в России журналистом и переводчиком, он помимо всего переводил пьесы зарубежных авторов для Малого Художественного театра. П. И. Звездич открыл для российской театральной публики рецензии венских газет на русскую драматургию и последние веяния в развитии австрийской культуры⁶.

В 1906–1909 гг. П. И. Звездич являлся парижским корреспондентом «Русских ведомостей», кроме этого журналист активно сотрудничал с «Русским богатством», «Жизнью», «Современным миром» и различными одесскими газетами. П. И. Звездич прекрасно знал не только российскую журналистику, его очерк «Развитие печати в Австрии» стал хрестоматийным в России,

⁴ Политический строй современного государства. Т. 1. СПб., 1905. С. 170.

⁵ Гессен В. М. Основы конституционного строя. Пг.: Право, 1918. 432 с.

⁶ Звездич П. На Западе (Из Австрии). Новые течения в искусстве // Образование. 1898. №7-8. С. 1-31.

не случайно, его включение в антологию мировой журналистики, изданную в 2001 г.¹ В начале XX в., когда готовился фундаментальный труд, посвященный государственному строю и политическим партиям государств Западной Европы и США, именно П. И. Звездичу поручили написать разделы «Австро-Венгрия», «Австрия», «Венгрия». В своих очерках, П. И. Звездич затрагивает и другие аспекты развития австрийской и венгерской половин империи, включая экономику, демографию, внутриполитическое развитие.

Рассматривая создание дуалистической системы, П. И. Звездич признавал полное равноправие австрийской половины империи Габсбургов и Транслайтании. Более того, Будапешт получил возможность оказывать сильное влияние на формирование политики Австро-Венгрии. Конституцию Венгрии П. И. Звездич относил к числу старейших в Европе. Отмечая ее демократизм, автор, одновременно подчеркивал ограниченный характер конституции. Она ориентировалась на сохранение монополии мадьяр на политическую власть в стране. Решению данной задачи подчинялась вся партийно-политическая система страны. Вслед за профессором Санкт-Петербургского университета Н. И. Кареевым, П. И. Звездич отмечали частичное несоответствие венгерской конституции реальному положению дел в стране. Формально закон 1868 г. «о нациях» и ряд других законодательных актов гарантировали права немадьярской части населения, но на практике их никто не соблюдал². В отличие от ряда авторов, подчеркивавших приверженность только интеллигенции и дворянства Венгрии идеям национализма, П. И. Звездич главную опору партии независимости видел в крестьянстве³. Сохранение мадьярского

характера Венгрии являлась главным политическим лозунгом для правящих кругов Венгрии. Поэтому национальная политика австрийского правительства, по мнению автора, вызывала больше симпатий у национальных меньшинств страны. К сожалению, судьба П. И. Звездича сложилась трагично. После революции он уезжает в Берлин, а затем в Прагу и в Ниццу, где он в 1944 г. стал жертвой нацистского террора.

В начале XX в. в российской публицистике встречаются первые публикации, где говорилось о возможности решения славянского вопроса в рамках Венгрии, если страна пойдет по пути федерализации и демократизации. В противном случае, страна будет обречена на серьезную национальную катастрофу⁴.

По мере обострения ситуации на Балканах, особенно после кризиса 1908 г. в России нарастает интерес к истории и современности южных и западных славян, в том числе проживавших на территории Венгрии. Наиболее популярной темой у российских авторов в это время оставалась оценка национальной политики и ее влияния на славян страны. По мнению Н. Борецкого-Бергфельда, национальные меньшинства венгерское правительство стремились ассимилировать с помощью образовательной политики и дискриминационного избирательного права⁵. Правда, П. И. Звездич, кроме насильственной мадьяризации выделял еще процесс естественной мадьяризации и эти понятия он призывал не смешивать. В целом российскими авторами в начале XX в., включая Н. И. Карева, политико-правовое положение славян в Венгрии расценивалось значительно, хуже по сравнению с их статусом в Цислайтании.

Особое внимание российских авторов привлекала политика в области образования Венгрии. В своей работе А. Н. Сиротин весьма подробно остановился на анализе развития образования в словацких и русинских районах Транслайтании, рассматривая при этом результаты образовательной

¹ Звездич П. Развитие печати в Австрии/ История печати. Антология. Т. II. М., 2001. С. 109-158.

² Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время. Т. IV. Ч. 1. СПб., 1910. С. 364; Звездич П. И. Венгрия/ Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах. Т. 2. СПб., 1903. С. 49.

³ Звездич П. И. Венгрия/ Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах. Т. 2. СПб., 1903. С. 75.

⁴ Ларский И. Торжество абсолютизма в Венгрии // Мир Божий. 1906. №3. С. 68-69.

⁵ Борецкий-Бергфельд Н. История Венгрии в средние века и новое время. СПб., 1908. С. 203-204.

политики венгерского правительства среди словаков и русин. Относясь к ней резко отрицательно, как к дискриминационной и явно ущемляющей национальные чувства национальных меньшинств, автор в то же время признавал, что она имела весьма незначительные результаты, ибо у правительства Венгрии не хватало средств на полную мадьяризацию школ. Кроме этого, значительная часть населения оказалась невосприимчивой к обучению сложному венгерскому языку. Осуждая политику мадьяризации, в качестве главного довода А. Н. Сиротин приводил слова И. Сечени: «...мадьярское слово это не значит мадьярские чувства»¹. Проблемы развития образования нашли отражение в небольшом справочном издании «Школы Венгрии». В нем представлен обширный статистический материал и анализ закона об образовании страны. Большим преимуществом школ Венгрии называлась бесплатность образования для бедных².

Авторитетным в России исследователем австрийской и венгерской системы образования являлась О. Матафтина, совершившая для этой цели поездку в Вену и в Будапешт. Сравнивая состояние школ и гимназий Цислайтании и Транслайтании с российскими учебными заведениями, она отмечала отставание России в этом плане³.

По мере нарастания противоречий на Балканском полуострове в России появляется множество специализированных изданий, посвященных потенциальным противникам и предназначенных для офицеров российской армии. Они содержали сжатый материал, востребованный военными. П. А. Постников подготовил брошюру о венграх. Автор отмечал получение Венгрией полной автономии во внутренних делах после заключения соглашения 1867 г. с правом создания небольшой собственной армии (гонведов). Правда, по его мнению, между гонведами и императорской армией Австро-Венгрии возникла неприязнь и вражда. В то же время, автор

отмечал высокий моральный дух гонведов по сравнению с общеимперской армией⁴.

Военное ведомство России издавало справочники о зарубежных государствах. В 1914 г. выходит последнее издание такого плана, отражающие развитие Австро-Венгрии. В разделе отведенном Венгрии российские офицеры получали основные статистические сведения об экономическом и культурном развитии страны. Данная статистика свидетельствовала об очевидных успехах Транслайтании в данном направлении. В сборнике содержались характеристики основным народам, живущим в Венгрии. О венграх говорилось следующее: «По натуре венгерцы добры и не мстительны, они ленивы, что объясняется климатическими и почвенными условиями»⁵. Представители национальных меньшинств рассматривались через призму симпатий к России. Политика Будапешта по отношению к ним авторами издания осуждалась, как дискриминационная.

Первая мировая война и историческая судьба народов Венгрии

Начало Первой мировой войны вызвало всплеск интереса к славянам Карпато-Дунайского региона в российской историографии и публицистике. Уже в одной из первых монографий, посвященных данной проблематике, крупнейшего слависта России К. Я. Грота прямо указывалось, что Австро-Венгрия, будучи «тюрьмой и вековым насилием западного славянства» в связи с войной вот-вот развалится, и Россия должна подготовиться к территориальному переустройству Карпато-Дунайского региона⁶. Но, для этого необходимо знать историю развития региона и его этнополитические особенности. Интерес с истории взаимоотношений Венгрии со славянами у К. Я. Грота проявился еще в студенческие годы. В 1876 г. он впервые побывал в Чехии и Моравии, а в 1885 г. посещает Вену, Будапешт, Прагу, Загреб, Триест и

¹ Сиротин А. Народная школа у словаков. СПб., 1903. С. 29.

² Школы Венгрии. М., 1907. С. 14.

³ Матафтина О. Из Пешта в Вену (педагогические заметки)// Образование. 1895. №4. С. 324-342.

⁴ Постников П. А. Мадыары. Варшава, 1913. С. 25.

⁵ Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание. Ч. III. районы Северной Венгрии. СПб., 1914. С. 93.

⁶ Грот К. Я. Австро-Венгрия или карпато-дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических исследованиях. Пг., 1914. С. 111.

Любляну, знакомясь с местными архивами и библиотеками.

На основании проведенного историографического обзора, К. Я. Грот приходил к заключению, что российское славяноведение развито очень слабо, а исследование положения славян в Венгрии, как и «мадьяроведение» в целом находятся в зачаточном состоянии, а имеющиеся работы не выдерживают никакой научной критики¹. Кстати, монография К. Я. Грота является одной из первых попыток историографического осмысления наследия российского славяноведения. К. Я. Грот, пожалуй, стал первым российским ученым, призвавшим к созданию отдельного направления во всеобщей истории, специализирующегося на изучении истории Венгрии. Это было неслучайно, в 1881 г. под влиянием и руководством В. И. Ламанского К. Я. Грот защитил магистерскую диссертацию, посвященную заселению венграми Средней Европы. Диссертация издается в виде отдельной монографии². Взгляды К. Я. Грота на эту проблему в свое время вызвали ожесточенную критику в России и за рубежом, особенно в Чехии. Так как, ученый выделял на ряду с отрицательными и положительные стороны поселения венгров в Средней Европе. По его мнению, данное обстоятельство спасло славян от германизации. Будущее Венгрии ученый видел в союзе венгров с немадьярскими народами страны и, прежде всего, со славянами, в противном случае Венгрия погибнет под ударами германизма³.

Взгляды К. Я. Грота на послевоенное будущее Венгрии во многом поддерживал профессор Санкт-Петербургского университета А. Л. Петров, ставший одним из крупнейших специалистов в России по Подкарпатской Руси. А. Л. Петров впервые приезжает в Закарпатье в 1885 г. В дальнейшем он регулярно приезжал в

Ужгород (Унгвар) и другие города Подкарпатской Руси. По его мнению, после войны не следует уничтожать Венгрию, ее лишь следует трансформировать с учетом интересов всех народов, населяющих страну: «Мадьярская гегемония – мы убеждены – довольно хрупкая вещь. Необходимо, конечно, ее разбить и обеспечить свободу национального развития всем народностям Угрии...»⁴. При этом Венгрия может потерять ряд территорий, хотя сам А. Л. Петров не уточнял, что это будут за регионы. Он лишь сомневался в желании румын Трансильвании присоединиться к Румынии, критиковал чехословацкую идею, на том основании, что словаки ее не поддерживают, и вообще они тяготеют больше к России, чем к Праге и признал возможность дальнейшего нахождения Подкарпатской Руси в состав Венгрии⁵. Однако для этого следовало изменить отношение Будапешта к русинам, оказавшимся самым угнетенным народом Венгрии⁶. Уже во время первых поездок в регион А. Л. Петров отметил важную роль униатского духовенства в мадьяризации русин⁷.

А. Л. Петров ставил под сомнение существование «венгерской политической нации». По его мнению, весь ход истории Венгрии за последние 50 лет, отчетливо показал раздельное существование мадьярского (венгерского) народа и национальных меньшинств. Причина данного явления отчасти объяснялась тем, что «Высокий оригинальный оригинальной духовной культуры, которая бы неотразимо влекла и невольно подчиняла себе иные низкие (как думают мадьяры) народности, мадьяры не выработали»⁸. Из личных бесед А. Л. Петров подчеркнул в целом по-

¹ Австро-Венгрия или карпато-дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических исследованиях. Пг., 1914. С. 110-112.

² Грот К. Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала XX вв. СПб., 1881.

³ Грот К. Я. Австро-Венгрия или карпато-дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических исследованиях... С. 97.

⁴ Петров А. Об этнографической границе русского народа в Австро-Угрии, о сомнительной «венгерской» нации и о неделимости Угрии. Пг., 1915. С. 22; Он же. Мадьярская гегемония в Угрии (Венгрии) и Угорская Русь. Пг., 1915.

⁵ Петров А. Об этнографической границе русского народа в Австро-Угрии, о сомнительной «венгерской» нации и о неделимости Угрии. Пг., 1915. С. 24-25.

⁶ Петров А. Л. Мадьярская гегемония в Угрии (Венгрии) и Угорская Русь. Пг., 1915. С. 11.

⁷ Петров А. Об этнографической границе русского народа в Австро-Угрии, о сомнительной «венгерской» нации и о неделимости Угрии. Пг., 1915. С. 21.

⁸ Там же. С. 18.

ложительное отношение венгров к национальным меньшинствам за исключением сербов и румын.

Будущее Подкарпатской Руси особенно волновала российских историков и публицистов в годы Первой мировой войны. В отличие от А. Петрова, они демонстрировали убеждение в необходимости присоединения этой области к России. В 1915–1916 гг. выходит буквально вал литературы об истории и современности Угорской (Подкарпатской) Руси, охватывающей самые разнообразные стороны из жизни русин. Правда, принципиально нового в изучении проблем русин ничего не вносится по сравнению с предыдущими периодами. Публикации имели явно ангажированный, предвзятый характер в оценке национальной политики венгерского правительства¹. В тоже время и среди данных изданий встречались публикации, расходившиеся с взглядами славянофильских кругов. В одном из них шла речь о непопулярности москофильского движения среди русин².

Примерно в таком же духе выдерживались оценки положения словаков, хорватов и сербов в составе Венгрии. В качестве примера можно привести книгу Д. И. Семиза «Австрийские сербо-хорваты и Сербия», где автор, анализируя этнополитические процессы на юге Австро-Венгрии и в Сербии, прямо заявлял, что вся история сербов и хорватов в составе Австро-Венгрии есть пример их нахождения в «австро-мадьярском рабстве» и не более того³. И только Сербия после 1903 г. осознавшая свою историческую миссию на Балканах оказалась способной освободить единый сербо-хорватский народ (!) и всех южных славян⁴.

При анализе тенденций развития интеллектуальной мысли отдельные исто-

рические эпохи, зачастую встречаются интересные и содержательные исключения. В 1916 г. в самый разгар Первой мировой войны Г. Д. Маврокордато, издает двухтомник «Описание Венгрии»⁵. Этот труд по праву можно отнести к разряду революционных историографических исследований. По своему содержанию и оценке исторического развития Венгрии работа коренным образом отличалась от предшествующих исследований по венгерской истории.

Г. Д. Маврокордато создал многоплановое исследование по истории Венгрии. То обстоятельство, что он долгое время жил и работал в стране, посетив многие ее регионы, познакомившись с особенностями национального характера народов, населявших Венгрию, способствовало появлению этого интересного научного исследования. Для Г. Д. Маврокордато проблемы национального и культурного противостояния отходят на второй план, он стремится понять венгров, особенности внутривнутриполитической жизни страны и ее истории. Он прямо отмечает, что Россия и Венгрия, ближайшие соседи, поэтому ее необходимо изучать, так как оба народа обречены на сосуществование. Вся работа автора в целом выдержана в очень уважительном отношении к Венгрии, в ней не встречаются нелицеприятные эпитеты, использованные отечественные авторы при изучении венгерской половины империи Габсбургов.

Российский дипломат уделяет большое внимание экономическому развитию Венгрии в эпоху дуализма, в чем он видел большую заслугу правительства, общественности и предпринимательства. За 50 лет страна достигла впечатляющих результатов в области народного хозяйства, заложив основы современной промышленности. Значительные проблемы автор выделял в венгерском селе. Здесь не сформировался многочисленный средний класс, а значительную часть населения составляли батраки и малоземельные крестьяне. Малоземелье вело к массовой эмиграции крестьян из страны. В то же время и здесь Г. Д. Маврокордато отмечал

¹ Белгородский А. В. Порабощенное славянство (в Австро-Венгрии и Германии). Пг., 1915; Галичина, Буковина, Угорская Русь. М., 1915; Покос А.П. Славянские народы Австро-Венгрии. Краткий очерк их прошлого, быта и современного положения. Киев, 1915.

² Галичина, Буковина, Угорская Русь. М., 1915. С. 85-86.

³ Семиз Д. И. Австрийские сербо-хорваты и Сербия. М., 1916. С.5.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Маврокордато Г.Д. Описание Венгрии. В 2-х Т. Париж, 1916.

положительные действия правительства, стремившегося улучшить положение крестьян, включая национальные окраины¹.

Рассуждая о политической системе Транслайтании, автор восхищался активным участием венгров в парламентской жизни и их решимостью в защите конституции страны. Признавая ущемление прав национальных меньшинств, он одновременно констатировал большие достижения различных народов страны в области экономики, образования, культуры, несмотря на постепенную мадьяризацию школ. Хотя ее влияние на жизнь общества Г. Д. Маврокордато призывал не преувеличивать, на примере Подкарпатской Руси он отмечал незначительные успехи детей в изучении венгерского языка².

* * * *

Российская дореволюционная историография в период своего наивысшего развития на рубеже XIX–XX вв. оставила довольно значительный пласт работ, посвященных истории Дунайской империи. Главным образом, данные исследования посвящались истории славянских народов, оказавшихся в составе империи Габсбургов, в меньшей степени это относилось к неславянским народам австрийской половины империи. История Венгрии выпадала из этого звена, Венгрии для российского исследователя вплоть до начала Первой мировой войны являлась своеобразной «Terra incognita», о Венгрии в трудах отечественных авторов встречаются эпизодические и обрывистые сведения. Имевшиеся исследования, по своему характеру и подходам не могли претендовать на создание некоей целостной картины исторического развития Венгрии в XVIII – начале XX вв.

Возникает вопрос, чем объяснялось такое отношение отечественных авторов к истории Венгрии? Можно выделить несколько причин. Первая – это незнание реального положения дел в Венгрии. Владение венгерским языком являлось большой редкостью в России, венгерские архивы,

значительная часть периодики и исследований венгерских авторов оказались недоступными для россиян. Поэтому, они черпали сведения о развитии венгров в основном из работ славянских авторов Цислайтании и Венгрии, и прежде всего чехов, которые, решая, собственные политические и прочие проблемы не очень жаловали венгерскую историю и современность, сознательно в некоторых случаях идя на подтасовку исторических фактов. Вторая – это формирование в России образа «австро-венгерского врага», особенно после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Столкновение интересов двух империй на Балканах, их борьба за умы и чаяния разделенных народов (украинцы, поляки) привели к созданию в общественном сознании россиян устойчивого мнения о том, что Австро-Венгрия является, чуть ли не главным противником России на геополитической карте мира. Третья причина – это распространение в российском обществе славянофильских и панславистских настроений. В этой связи Дунайская империя выступала в качестве основного препятствия в деле объединения славянских народов. Вся история Венгрии и Цислайтании начинает рассматриваться через призму борьбы славянства с германизмом и мадьяризмом на протяжении многих веков существования империи Габсбургов. Первая мировая война только укрепила мадьярофобию в кругу российских интеллектуалов и среди части российского общества.

Таким образом, история Венгрии и венгерского народа в российской дореволюционной историографии формировалась под жестким гнетом идеологических и геополитических факторов, что привело к весьма предвзятому отношению отечественных авторов к историческому наследию венгерского королевства. Для них венгры, как правило, выступали в качестве отсталого, полуварварского народа, способного только к восприятию чужих достижений и абсолютно неспособного на созидание. Некоторые исследователи, апеллируя модными в то время расовыми теориями, отказывали венграм в принадлежности к семье ев-

¹ Маврокордато Г. Д. Описание Венгрии. В 2-х Т. Париж, 1916. С. 141-142.

² Там же. С. 150.

ропейских народов, относя их числу азиатских, варварских племен, этим самым, объясняя жестокость, шовинизм венгров и их неприменимость к славянской культуре. Ориентализм все больше начинает определять восприятие венгров в России в начале XX в., особенно данная тенденция была присуща российской публицистике.

Мадырофобия становится доминирующей тенденцией в развитии российской

историографии в последней трети XIX – начале XX вв. Исследования, выдержанные в духе «некоторой симпатии» к венграм, практически полностью отсутствовали. Данная тенденция плавно переключалась в советскую историографию 20–40-х гг. XX в., отчасти определяя восприятие венгерской истории и в современной исторической науке России.

А. Н. Птицын

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ ПО ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

83

Миграционное взаимодействие являлось одним из аспектов многообразных взаимоотношений между Австро-Венгерской и Российской монархиями. Оно было тесно связано с другими проблемами двухсторонних отношений – международно-политическими и международно-правовыми вопросами, торгово-экономическим сотрудничеством, деятельностью по обустройству пограничной, таможенной и транспортной инфраструктуры и др.

Трансграничная миграция между двумя империями носила двухсторонний характер и была весьма оживленной. Ежегодно десятки тысяч людей приезжали на территорию соседнего государства, а часть из них оставалась там на постоянное жительство. Во второй половине XIX – начале XX в. масштабы миграционного обмена между Австро-Венгрией и Россией постоянно возрастали. Так, по данным таможенной статистики, среднегодовое количество поездок габсбургских подданных в Россию составляло по десятилетиям:

в 1860-е гг. – 88 тыс., в 1870-е гг. – 132 тыс., в 1880-е гг. – 223 тыс., в 1890-е гг. – 276 тыс., в 1901–1914 гг. – 617 тыс.¹. Таким образом, за полвека интенсивность миграционного движения возросла в 7 раз.

Среди лиц, выезжавших из Австро-Венгрии в Россию на небольшие сроки, подавляющее большинство составляли торговцы. Второе место здесь занимали сезонные и временные рабочие. Кроме того, жители дуалистической монархии приезжали с туристическими и лечебными целями, для посещения осевших на российских просторах родственников, для учебы, в научные командировки, на гастроли и т. д.

Некоторая часть приезжавших в нашу страну габсбургских подданных оставалась здесь на длительные сроки или на постоянной основе. Изначально рассматривали себя в качестве иммигрантов чешские колонисты, основавшие в 1860–1870-е гг. ряд поселений на Волы-

¹ Посчитано по: International Migrations. Vol. I: Statistics / Ed. W.F. Willcox. New York, 1929. P. 798-799, 804.

ни, в Крыму, Северном Причерноморье и Черноморском побережье Кавказа. В России активно трудоустраивались австро-венгерские специалисты экономической, образовательной и культурной сфер – инженеры, техники, квалифицированные рабочие и служащие, учителя, музыканты и т. д. В случае успешной адаптации они, как правило, оставались на постоянное жительство. Также в Россию переселялись австро-венгерские предприниматели, открывавшие промышленные и торговые предприятия. Австро-венгерская иммиграция в России носила многонациональный характер. В ее структуре большинство составляли представители славянских народов – чехи, русины, галицийские поляки, словаки и др., также широко были представлены австро-немцы¹.

По данным единственной дореволюционной российской переписи населения 1897 г., в России на постоянной основе проживало 107 тыс. австро-венгерских уроженцев, что составляло 18 % от числа всех иностранных уроженцев. Переселенцы из Дунайской монархии занимали второе место среди осевших на российской территории иностранцев, уступая лишь выходцам из Германии. Габсбургских подданных в России насчитывалось в то время еще больше – 122 тыс.². Разница в количестве австро-венгерских уроженцев и подданных объясняется тем, что по тогдашним российским законам россиянки, вышедшие замуж за иностранцев, автоматически переходили в гражданство мужа, а дети иностранцев, родившиеся уже в нашей стране, сохраняли гражданство родителей.

Миграционное движение из России на территорию Австро-Венгрии был гораздо меньшим, чем противоположный переселенческий поток. Подавляющее большинство среди российских подданных, приезжавших в дуалистическую монархию, составляли туристы и курортники.

¹ См.: Птицын А. Н. Структура австро-венгерской иммиграции в Российской империи // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 3. С. 44-59.

² Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи, произведенной 28 января 1897 г. Ч. 1. СПб., 1905. С. 116, 228.

При этом многие россияне посещали эту страну транзитом, направляясь в Италию, Францию, Швейцарию и Южную Германию. Кроме того, на временной основе посещали габсбургские земли российские торговцы, сезонные рабочие, артисты, ученые и др. В вузах Австро-Венгрии получали образование тысячи студентов, приехавших из России. Так, по данным российских консульств, в 1907 г. в Вене насчитывалось несколько сот российских студентов, преимущественно евреев, а во Львове – полторы тысячи студентов из числа российских поляков³.

Собственно иммигрантская община российских подданных на территории Габсбургской монархии состояла в своем большинстве из евреев, недовольных своим неравноправным положением в Российской империи. Также в эту страну переселялись российские поляки, главным образом, из числа шляхты и интеллигенции, среди них было немало деятелей национального движения. Особую группу российских иммигрантов в австро-венгерских землях составляли участники революционного движения, в своем большинстве также евреи.

По данным первой австро-венгерской переписи 1869 г., в дуалистической монархии проживало 4,1 тыс. российских подданных. Они занимали 4-е место среди иностранцев (после германских, итальянских и швейцарских граждан) с долей в 3,3 %⁴. Последующие переписи зафиксировали значительный рост российских подданных на австро-венгерской территории: в 1880 г. их было 11,7 тыс., в 1900 г. – 21 тыс., в 1910 г. – 41 тыс.⁵. Подавляющее их большинство относилось к постоянному населению. Таким образом, за четыре десятка лет (с 1869 по 1910 г.) община российских имми-

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 155 (II Департамент). Оп. 408. Д. 1352. Л. 27 об.; Ф. 172 (Посольство в Вене). Оп. 514/2. Д. 358. Л. 177.

⁴ Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. Т. 1. СПб., 1878. С. 80.

⁵ Статистика Российской империи. Сборник сведений по России за 1884-1885 гг. СПб., 1887. С. 57; Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 17.

грантов в Австро-Венгрии выросла в 10 раз. Следует отметить, что фактическое количество переселенцев было выше указанных цифр, поскольку многие из них со временем отказывались от российского и приобретали австро-венгерское подданство.

Если сопоставить данные близких по времени переписей – российской 1897 г. и австро-венгерской 1900 г., можно сделать вывод о том, что численность габсбургских иммигрантов на территории нашей страны превышала количество российских переселенцев в дуалистической монархии в 5–6 раз. При этом еще и следует иметь в виду, что по численности своего населения Австро-Венгрия уступала России в 3 раза.

Для совместного регулирования миграционных процессов между Россией и Австро-Венгрией была сформирована правовая база, включавшая ряд двухсторонних договоров и соглашений.

Основным документом, определявшим сотрудничество двух империй в неполитических сферах, являлся российско-австрийский «Трактат о торговле и мореплавании», заключенный 2 (14) сентября 1860 г. Ряд его статей был посвящен миграционной проблематике. Данный договор фактически узаконил свободное трансграничное перемещение населения, что имело огромное значение для развертывания массовых миграций. В частности, 13-я статья трактата гласила: «Подданные каждой из обеих высоких договаривающихся сторон, сообразуясь с законами страны, будут пользоваться: полной свободой с их семьями приезжать, путешествовать или проживать в какой бы то ни было части государства и владений другой договаривающейся стороны»¹.

Единственное исключение из закрепленного этим договором либерального миграционного режима касалось евреев. По настоянию российского правительства в него было внесено положение о том, что «ограничения, установленные относительно евреев в государстве одной из высоких договаривающихся сторон, будут равным

образом применяться и к подданным другой стороны, принадлежавшим к тому же вероисповеданию»².

В договоре 1860 г. закреплялось право подданных, проживавших в сопредельном государстве, владеть и распоряжаться там собственностью, а также заниматься предпринимательством. В частности, подданные одной державы на территории другой обладали «правом нанимать, в городах и в портах, дома, магазины, лавки и земли, которые им будет нужны или владеть таковыми», а также «правом производить свою торговлю, как лично сами, так и посредством агентов по своему выбору»³. При этом в сфере предпринимательской деятельности и налогообложения переселенцы фактически были приравнены к местным жителям. Ограничения, установленные в данной области для российских евреев, распространялись и на австрийских подданных – евреев⁴.

Трактат о торговле и мореплавании 1860 г. закрепил также ряд других прав подданных Австрии и России, проживавших на сопредельной территории. В частности, они освобождались от обязательной службы и соответствующих выплат. В 15-й статье документа говорилось: «Подданные каждой из высокой договаривающихся сторон будут изъяты в государстве и во владениях другой стороны от всякой обязательной военной службы, как в сухопутных войсках или во флоте, так и в национальной гвардии или в милициях. Равным образом они будут свободны от службы в каких-либо судебных или общественных должностях, а также от всякой повинности денежной или натурой, установленной взамен личной службы; наконец от всякого принужденного займа и от всяких повинностей для военных потребностей или военной реквизиции»⁵. Исключения из этого правила устанавливались в отношении тех должностей, налогов и повинностей, которые были связаны с владением недвижимостью или ее арендой⁶.

² Там же. С. 89.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 89-90.

⁶ Там же. С. 90.

¹ Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т. 1. СПб., 1902. С. 88.

«Трактат о торговле и мореплавании» разрешал правительствам договаривающихся стран иметь в другой стране консулов и консульских агентов, которые оказывали соотечественникам покровительство и помощь, а также оказывали содействие в торговых делах и участвовали в разрешении наследственных дел, возникавших «в случае смерти русского подданного в Австрии или австрийского подданного в России»¹.

Торговый договор 1860 г. неоднократно продлялся и оставался основой для сотрудничества двух стран вплоть до начала XX в. 6 (18) мая 1894 г. он был дополнен особой торговой конвенцией, которая ввела в двусторонние экономические отношения принцип наибольшего благоприятствования, согласно которому все права и привилегии экономического и налогового характера, полученные гражданами третьих стран в Австро-Венгрии либо России, автоматически распространялись и на их подданных².

2 (15) февраля 1906 г. в Петербурге уполномоченные двух правительств подписали новый договор о торговле и мореплавании, пришедший на смену прежнему трактату и конвенции. Срок его действия был рассчитан до конца 1917 г., но фактически он действовал до начала Первой мировой войны³.

В целом, статьи торгового договора 1906 г., касавшиеся правового положения переселенцев, дополняли и развивали положения предыдущих соглашений. В 1-й статье документа говорилось: «Уроженцы одной их договаривающихся сторон, постоянно или временно проживающие в пределах территорий другой стороны, будут пользоваться равноправностью с туземцами по производству торговли и промыслов, и не будут облагаться иными, или более тяжелыми сборами, чем туземцы. Они будут пользоваться во всех отноше-

ниях на территориях другой стороны теми же правами, преимуществами, льготами и изъятиями, какие дарованы подданным наиболее благоприятствуемой державы»⁴.

Таким образом, сохраняя содержание предыдущих соглашений по существу, договор 1906 г. несколько изменил состав лиц, на который распространялись его действия – вместо подданных в нем упомянуты уроженцы стран-участниц. Это было связано со сменой подданства многими из иммигрантов.

Торговый договор 1906 г. закреплял право уроженцев двух стран на территории другого государства обращаться в суды и пользоваться в этом отношении такими же правами, как и местные жители. В нем давалась и более полная трактовка прав на приобретение, владение, распоряжение, отчуждение и наследование движимой и недвижимой собственности на территории другой страны⁵.

В договор 1906 г., в отличие от предыдущих соглашений, по настоянию австро-венгерского правительства были включены статьи, защищавшие права австро-венгерских евреев на российской территории. В отношении правил визирования паспортов и правил ведения торговли в России они были приравнены к остальным австро-венгерским гражданам. Так, если раньше австро-венгерским (как и вообще иностранным) евреям паспортная виза на пребывание в России давалась на 3 месяца, то теперь – на 6 месяцев, как и прочим иностранцам. Ранее иностранные евреи могли вести в России торговлю только по 1 гильдии, теперь же австро-венгерские евреи получили право получать любые промысловые свидетельства. Договор также разрешил свободный проезд в Россию австро-венгерских коммивояжеров, независимо от их вероисповедания⁶.

Примечательно, что в ходе предварительных переговоров о заключении торгового договора 1906 г., проходивших в Вене, российская делегация предложила отменить для подданных обеих стран паспорт-

¹ Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т. 1. СПб., 1902. С. 90.

² Там же. С. 95.

³ Сборник торговых договоров и других, вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами. Пг., 1915. С. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 6-7.

⁶ Там же. С. 7-8, 30.

ные визы, ссылаясь на огромный размах миграции. Однако это революционное по тем временам предложение было отвергнуто правительством Австро-Венгрии, которое опасалось утратить контроль над миграционными процессами¹.

Помимо торговых договоров, проблемы трансграничного перемещения населения затрагивались в ряде других соглашений, заключенных между Габсбургской монархией и Россией в рассматриваемый период.

В 1867 г. было подписано российско-австрийское соглашение о взаимном признании акционерных обществ и других компаний, которое давало право австрийским и российским компаниям действовать на территории другой страны. Они могли создавать в сопредельной стране свои отделения и представительства, открывать промышленные и торговые предприятия². Создание в России представительств и предприятий австро-венгерских компаний сопровождалось перемещением туда иностранного персонала.

3 (15) октября 1874 г. правительства Габсбургской и Российской империй подписали конвенцию о взаимной выдаче преступников, согласно которой граждане одного из государств, совершившие уголовное преступление на родине и укрывавшиеся на территории другого государства, подлежали выдаче в случае, если им грозило наказание, превышающее годичный срок тюремного заключения. В то же время, выдаче не подлежали политические преступники, а также собственные подданные³. В рамках правоохранительного сотрудничества в 1880–1890-е гг. Австро-Венгрия выдала российскому правительству нескольких иммигрантов-революционеров, обвиненных в преступлениях террористического характера⁴.

¹ АВПРИ. Ф. 155 (II Департамент). Оп. 408. Д. 1. Л. 176 об.

² Собрание ныне действующих торговых трактатов России с иностранными государствами. СПб., 1877. С. 14.

³ Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т. 2. СПб., 1906. С. 539–548.

⁴ Гросул В. Я. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. М., 1988. С. 201–202.

1 (13) декабря 1886 г. российское и австро-венгерское министерства иностранных дел обменялись нотами, установившими порядок «взаимной высылки нищих, бродяг и беспаспортных». В соответствии с ними высылке на родину подвергались подданные одной из стран, проживавшие на территории другого государства, в случаях «недостаточности их средств к существованию, а также вследствие бродяжничества или неимения паспорта»⁵. По вопросам высылки австро-венгерских граждан российские губернаторы должны были обращаться в министерство иностранных дел, которое вступало в соответствующую переписку с австро-венгерскими дипломатическими представительствами в нашей стране⁶. Подобных документов в архиве российского МИДа сохранилось немало.

Одной из проблем в сфере трансграничных миграций являлся вопрос об отбывании переселенцами воинской службы. Еще в 1815 г. между Россией и Австрией было подписано особое картельное соглашение, которое предполагало «взаимную высылку лиц, подлежащих в отечестве воинской повинности»⁷. Однако в 1870 г. российское правительство денонсировало данное соглашение, посчитав его невыгодным в условиях начавшегося в то время массового переселения габсбургских подданных в нашу страну. Причиной этого шага, по словам товарища министра иностранных дел В. И. Вестмана, было то, что постановления этой конвенции «оказываются крайне стеснительными для нашего правительства и предоставляют все выгоды одной Австрии»⁸.

В дальнейшем российские власти категорически отказывались рассматривать обращения австро-венгерских властей относительно того, чтобы проживавшие в России молодые мужчины из числа габсбургских подданных возвращались на родину для отбывания воинской повинно-

⁵ Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб., 1891. С. 311.

⁶ Там же. С. 311–313.

⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 189. Д. 971. Л. 42.

⁸ Там же. Л. 43.

сти¹. Однако на деле многие иммигранты сами проявляли сознательность и возвращались на родину для прохождения военной службы.

Таким образом, трансграничная миграция между Австро-Венгрией и Россией регулировалась целым рядом двухсторонних договоров и соглашений. Они базирова-

лись на принципах взаимности и фактически вводили свободный режим миграционного обмена с некоторыми исключениями, касавшимися евреев. Такой режим миграционного взаимодействия сформировал условия для массового трансграничного перемещения населения двух империй во второй половине XIX – начале XX века.

Б. С. Котов

МАРМАРОШ-СИГЕТСКИЙ ПРОЦЕСС 1913–1914 гг. В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

88

В конце 1913 – начале 1914 гг. внимание российского общества привлек громкий политический процесс в соседней Австро-Венгрии. В небольшом городе Мармарош-Сигет, расположенном в Венгерской части монархии Габсбургов, недалеко от российской границы, на скамье подсудимых оказалось несколько десятков крестьян русинской национальности² и православный священник Алексей (Александр Кабалюк). Все они обвинялись – ни много ни мало – в государственной измене, а именно в стремлении отделиться от Венгрии населенные русинами земли и, перейдя в подданство русского царя, присоединить их к Российской империи. Мармарош-Сигетский процесс стал ярким проявлением как обострения отношений между Россией и Австро-Венгрией в пред-

дверии Первой мировой войны, так и тех этно-политических процессов, которые происходили на национальных окраинах империи Габсбургов.

Русинами (*die Russinen*) или рутенами (*die Ruthenen*) в Австро-Венгрии традиционно называли восточнославянское население Галиции, Буковины и нескольких комитатов Венгрии (Мармарош, Берег, Угоча, Унг, Земплен, Шарош, Сепеш). В начале XX в. русины составляли 8 % населения Австро-Венгерской монархии (около 4 млн чел.)³. Территории с преобладающим русинским населением в разное время и в силу разных исторических обстоятельств оказались под властью Габсбургов. Угорская (т.е. Венгерская) Русь была присоединена к владениям дома Габсбургов в 1526 г. после разгрома венгров турками в битве при Мохаче как часть Венгерского королевства, в составе которого она находилась с конца XI века. После преобразования монархии Габсбургов в 1867 г.

¹ АВПРИ. Ф. 155 (II Департамент). Оп. 369. Д. 15. Л. 2-3.

² В данной статье нами используется этноним «русины», а не «украинцы», поскольку именно так называло себя большинство восточнославянского населения Австро-Венгрии в рассматриваемый период и именно он использовался в австрийских официальных документах в начале XX в.

³ *Die Habsburgermonarchie 1848–1918 / Hrsg. von A. Wandruszka und P. Urbanitsch. Bd. III. Die Völker des Reiches. 1. Teil. Wien, 1980. S. 559.*

в дуалистическую Австро-Венгерскую империю населенные русинами земли по южному склону Карпатских гор остались в венгерской части (так называемой Транслейтании), а Галиция и Буковина, где русины жили бок о бок с поляками и румынами, оказались в составе австрийской части (Цислейтании).

В 1910 г. венгерских русин (для обозначения которых в литературе используются также термины «угрорусы» и «карпатороссы») насчитывалось более 472 тыс. чел. Их положение было весьма тяжелым: они не имели национальных прав и подвергались ассимиляции: преподавание в школах велось на венгерском языке, проповеди в униатских церквях произносились также на венгерском (со времени заключения Ужгородской унии 1646 г. венгерские русины являлись грекокатоликами). Как писал в начале XX в. историк Ф. Ф. Аристов, «особенно сильный удар угрорусскому национальному и вообще культурному развитию был нанесен введением дуализма в 1867 году. С этих пор началась усиленная мадьяризация Угорской Руси, не прекращавшаяся вплоть до великой войны 1914 года»¹. Проводниками мадьяризации были униатские священники, воспринимавшие себя авангардом венгерской культуры среди отсталого славянского населения. Тяжелая экономическая ситуация в крае и мадьярский гнет приводили к массовой эмиграции русин: с 1881 г. до 1912 г. около 170 тыс. русин покинули Венгрию, переселившись главным образом в страны Нового Света (США, Канада и Бразилию)².

Реакцией русинского населения на усиленную мадьяризацию стало движение за переход русин-униатов в лоно православия. Центром возрождения православия стало село Иза в Мармарошском комитате. Этому способствовала деятельность униатского священника Ивана Раковского, который с 1859 до 1885 г. был настояте-

лем прихода в этом селе. Будучи почитателем православной веры и русской культуры Раковский, не порывая официально с униатской церковью, содействовал распространению среди угрорусов интереса к православию и русскому литературному языку. Впоследствии уже после его смерти крестьяне Изы стали массово переходить в православие.

Движение за переход в православие вызвало беспокойство венгерских властей, расценивших его как угрозу национальной безопасности и неповиновение властям. В Будапеште усматривали в этом религиозном движении политическую подоплеку и опасный зародыш сепаратистских настроений в русинском крае. Чтобы положить конец распространению «схизмы» среди угрорусов, венгерские власти инициировали в 1904 г. в административном центре Мармарошского комитата г. Сигете судебный процесс над русинами из села Иза, желавшими перейти в православие (так называемый первый Мармарош-Сигетский процесс). На скамье подсудимых оказались 22 человека, обвинявшиеся в «подстрекательстве против мадьярской народности». Трое из них были признаны виновными и приговорены к 14 месяцам тюремного заключения и уплате значительного штрафа.

Несмотря на судебные преследования и разорение вследствие высоких штрафов, православные крестьяне Изы не собирались сдаваться и возвращаться в унию, уже не отвечавшую их духовным запросам. Православное движение в Угорской Руси не только не было задавлено, но распространилось и на другие, соседние с Изой деревни. В 1911 г. с Афона сюда прибыл первый за многие годы православный священник, уроженец этих мест иеромонах Алексей (Александр Кабалюк), получивший благословение вселенского константинопольского патриарха Иоакима III на миссионерскую деятельность среди карпатороссов. Венгерские власти пытались воспрепятствовать его деятельности: отцу Алексею было разрешено служить лишь в его родном селе Ясиня, не выезжая за его пределы. Нарушение этого предпи-

¹ Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. Исследование по неизданным источникам. Т. 1. М., 1916. С. 32.

² Magocsi P.R. A History of Ukraine. The Land and Its Peoples. Toronto, 2010. P. 451. Подробнее о положении русин в Венгрии в конце XIX – начале XX вв. см.: Крючков И. В. Венгрия и славянский мир в последней трети XIX – начале XX в. Ставрополь, 2001. С. 181-191.

сания привело к вынужденному отъезду священника из Австро-Венгрии в США, где находилась большая община карпатороссов. Однако его недолгая миссионерская деятельность в Угорской Руси привела к переходу в православие целых деревень.

Для венгерских властей это стало сигналом к началу масштабных репрессий против православных крестьян. Около 200 чел., в основном жителей Изы, было арестовано в 1912 г. по подозрению в государственной измене и шпионаже в пользу России: утверждалось, что русины за русские рубли принимают православие. Узнав о подготовке судебного процесса над своей паствой, из Америки в Венгрию вернулся отец Алексей, добровольно сдавшись венгерским властям. Он и стал главным обвиняемым на втором Мармарош-Сигетском процессе, который начался 29 дек. (16 дек. по ст. ст.) 1913 г. Вместе с ним судили еще 94 угрорусских крестьян (из-за того, что 19 обвиняемых, не дожидаясь суда, покинули страну и уехали в Америку, а 3 находились в больнице, на скамье подсудимых оказались 72 человека).

В обвинительном акте, составленном венгерским королевским прокурором Андором Иллешем, утверждалось, что подсудимые поддерживали контакты с руководителем «Галицко-русского благотворительного общества» графом В. А. Бобринским, епископом Волынским Антонием (Храповицким), епископом Холмским Евлогием (Георгиевским) и другими политиками и церковными деятелями России. От них подсудимые, якобы, получали деньги на антивенгерскую пропаганду, нацеленную на отделение русинских земель от Венгерского королевства и присоединение их к России. Несмотря на бездоказательность обвинения венгерский коронный суд 3 марта (18 февр. по ст. ст.) 1914 г. вынес обвинительный приговор отцу Алексию (осужден на 4,5 года). Еще тридцать угрорусских крестьян получили от 2,5 лет до 6 месяцев тюремного заключения. Остальные обвиняемые были оправданы¹.

¹ Подробнее о Мармарош-Сигетском процессе см.: Гёнци А. Мармарош-Сигетский русинский процесс / Взаимодействие и конфликты на конфессионально и

В России Мармарош-Сигетский процесс получил широкую огласку в периодической печати, особенно право-консервативного направления. Хотя на официальном уровне Россия никогда не оспаривала принадлежность населенных русинами территорий, признавая их неотъемлемой частью Австро-Венгрии, на неофициальном уровне, среди определенных кругов российской общественности с конца XIX в. распространялось восприятие Галиции, Буковины и Угорской Руси как исторического достояния России, как части «русского мира», которая рано или поздно должна вернуться в состав общерусского национального государства. Особенно активно пропаганду подобных идей осуществляло основанное в 1902 г. в Санкт-Петербурге «Галицко-русское благотворительное общество» под руководством видного политика-славянофила, депутата Думы 2-го, 3-го и 4-го созывов графа Владимира Бобринского². В качестве общественной трибуны для изложения своих взглядов Бобринский использовал одну из влиятельнейших газет России начала XX в. «Новое время», на страницах которой регулярно появлялись его статьи о положении русинского населения в Австро-Венгрии, а также информация о деятельности «Галицко-русского общества».

этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы 1517–1918. М., СПб., 2016. С. 303-320; Клопова М. Э. Этноконфессиональные аспекты Мармарош-Сигетского процесса 1913 г.: взгляд из России/ Там же. С. 321-331.

² Своей задачей «Галицко-русское общество» ставило через пропаганду среди австрийских и венгерских русин русской культуры, русского языка и православной веры содействовать их культурному единению с Россией и русским народом. Оно оказывало определенную материальную поддержку русским периодическим изданиям и русским образовательным учреждениям на территории Австро-Венгрии, но объем и характер этой помощи до сих пор остается спорным. Следует отметить, что, несмотря на активную деятельность «Галицко-русского общества», интерес к австрийским и венгерским русинам был характерен лишь для консервативно-славянофильски настроенной части русского общества и не вылился в широкое и активное общественное движение.

Подробнее о деятельности «Галицко-русского благотворительного общества» и роли гр. В. А. Бобринского в поддержке русофильского движения на территории Австро-Венгрии см.: Wendland A. V. Die Russophilen in Galizien: ukrainische Konservative zwischen Österreich und Russland, 1848–1915. Wien, 2001. S. 468-478.

Редакция «Нового времени» позиционировала свою газету как печатный орган, активно борющийся за интересы «подъяремной Руси», то есть населенных русинами территорий Австро-Венгрии. Газета пыталась привлечь внимание к русинской проблеме как русского общества, так и высших правительственных сфер, публикуя многочисленные материалы о тяжелом положении русин в соседней империи, росте симпатий русин-униатов к православию и административном давлении австрийских и венгерских властей на ту часть русинского населения, которая стремилась к духовному и культурному сближению с Россией. Не удивительно, что из всех российских газет именно «Новое время» уделило судебному процессу над угрорусскими крестьянами и священником Алексием Кабалуком наиболее пристальное внимание. Редакция отправила в Мармарош-Сигет своего австрийского корреспондента Дмитрия Янчевецкого и подробно информировала читателей о ходе судебного разбирательства. Всего с конца ноября 1913 г. до вынесения приговора обвиняемым в начале марта 1914 г. газета опубликовала более двух десятков материалов, посвященных этому делу. Их лейтмотивом было стремление показать надуманность обвинений в государственной измене, выдвинутых против угрорусских крестьян. Газета подчеркивала, что главной причиной процесса является желание венгерских властей положить конец распространявшемуся среди угрорусов движению за переход из унии в православие. «Новое время» подробно рассказывало о многочисленных эксцессах, имевших место в населенных русинами венгерских комитатах при попытках властей силой вернуть отпавших от унии в греко-католические церкви; сообщалось о пытках, избиениях и запугиваниях угрорусов, которые, однако, не могли остановить движение за возвращение в православную веру¹.

Особенное возмущение «Нового времени» вызвало сообщение о том, что венгерские власти приказывали срубить

установленные угрорусскими крестьянами деревянные православные кресты. Так, например, жандармами был вырыт большой деревянный крест в селе Иза, установленный там отцом Алексеем Кабалуком. Этот крест был затем доставлен в Мармарош-Сигет в качестве «улики», изобличающей «измену» угрорусских крестьян, принявших православие. «Если бы Венгрия не причислялась к числу христианских стран, – писала в связи с этим инцидентом газета в феврале 1913 г., – можно было бы подумать, что в Мармарош-Сигете сидят исключительно мусульманские власти, которые решили поглумиться над самым главным символом христианства»². Благодаря сообщениям «Нового времени» большую огласку получил также факт разгрома женской монашеской общины, созданной недалеко от Изы монахиней Василисой (сестрой Алексея Кабалука). Она была разогнана венгерскими жандармами в январе 1913 г. При этом одиннадцать девушек-монахинь подверглись издевательствам: по сообщениям газеты, их зимой загнали по пояс в реку, приток Тисы, где продержали продолжительное время. Некоторые после этого тяжело заболели.

Австрийские и венгерские преследования православных русин напоминали газете мрачные времена средневековья. По ее словам, правительство двуединой империи «с удовольствием воздвигло бы вновь костры для некатоликов, как во время священной инквизиции»³. «Новое время» предупреждало, что репрессии против православных в империи Габсбургов негативно отразятся на двусторонних русско-австрийских отношениях. В феврале 1913 г., когда только раскручивалось дело об «измене» угрорусских крестьян, газета писала: «Можно весьма сомневаться, чтобы эти новые преследования и насилия могли содействовать сближению России с Австрией, и рассеять то чувство глубокого возмущения, которое эта многолетняя постыдная

¹ Внешние известия. Мученики за православие // Новое время. 1913. 8 марта.

² Внешние известия. Новый суд над русскими крестьянами в Венгрии // Новое время. 1913. 13 февраля.

³ Внешние известия. Преследования русских в Буковине // Новое время. 1914. 14 января.

травля, недостойная культурных стран, вызывает во всем русском обществе»¹.

Когда стал известен текст обвинительного акта, составленного венгерским королевским прокурором Иллешем, «Новое время» презрительно написало, что текст этот более похож на бред сумасшедшего, чем на судебный акт. Газета настаивала на том, что все обвинения против подсудимых вздорны, а венгерские власти в этом деле нарушают венгерские же законы². По ее информации, венгерские жандармы избивали заключенных в тюрьму русин, выбивая признания в государственной измене. В результате трое обвиняемых от длительного тюремного заключения и побоев, якобы, сошли с ума³.

Сигетский суд, подчеркивало «Новое время», является процессом-устрашением, он должен отбить у карпатороссов всякое желание даже думать о православии. Еще до окончания судебного разбирательства, в начале февраля 1914 г. «Новое время» писало, что мало кто сомневается теперь в обвинительном приговоре. По словам газеты, весь процесс был затеян венгерским премьер-министром Иштваном Тисой для того, чтобы остановить переход угрорусов в православие. И если обвиняемые будут оправданы, то провалится «эта авантюра венгерских властей», которые приписали религиозному движению русин коварные политические цели⁴.

Правда, «Новое время» сообщало своим читателям, что далеко не все в Венгрии поддерживают политику Тисы. Корреспондент газеты Янчевецкий писал в декабре 1913 г., что венгерская пресса не едина в оценке Мармарош-Сигетского дела. Некоторые влиятельные издания выступают против организованного правительством показательного процесса над угрорусами, требуя изменить ужасные условия, в ко-

торых живет этот народ. Особенно резко осуждают действия венгерских властей и настаивают на невиновности угрорусов популярная независимая газета «Az Est» и редактируемая известным венгерским социологом и историком Оскаром Яси демократическая газета «Vilag»⁵.

Большое внимание положению русинского населения в Австро-Венгрии уделяла и умеренно правая газета «Московские ведомости», редактировавшаяся до конца 1913 г. видным консервативным мыслителем Львом Тихомировым. Обращаясь к положению русин в Венгрии, «Московские ведомости» писали, что их переход в православие, представляемый венгерскими властями как «государственная измена», есть лишь естественная реакция этнического меньшинства на нестерпимый национальный гнет и жесткую политику мадьяризации. Не имеющие своих политических партий и органов печати, не представленные в венгерском парламенте, угрорусы лишены даже возможности получить образование на родном языке⁶.

«Московские ведомости», так же как и «Новое время», связывали Мармарошский процесс с желанием венгерского правительства силой пресечь национальное возрождение угрорусов, проявившееся в их массовом переходе из унии в православие. В начале 1914 г. эта газета отмечала, что до последнего времени в Венгрии не принималось действенных мер по мадьяризации закарпатских русин: венгры были убеждены, что среди малообразованных и незнающих своей истории угрорусов русское национальное чувство едва теплится и скоро совсем потухнет. Однако события последних лет, связанные с миссионерской деятельностью отца Алексея Кабальюка, показали, насколько ошибочным было такое мнение⁷.

Суд в Сигете «Московские ведомости» характеризовали как «процесс против все-

¹ Внешние известия. Новый суд над русскими преступниками в Венгрии // Новое время. 1913. 13 февраля.

² Внешние известия. К угрорусскому процессу // Новое время. 1913. 19 декабря, 29 дек. «Винновность угрорусов по данным обвинительного акта», 31 декабря. «Винновность угрорусов по данным обвинительного акта».

³ Внешние известия. Процесс угрорусов // Новое время. 1914. 6 февраля.

⁴ Там же.

⁵ Внешние известия. Дело 94 угрорусов в венгерском суде // Новое время. 1913. 15 декабря; 1914. 4 января. «Внешние известия. Процесс угрорусов»; 1914. 8 января. «Внешние известия. Процесс угрорусов».

⁶ Русские в Венгрии // Московские ведомости. 1913. 20 августа.

⁷ Угрорусский процесс // Московские ведомости. 1914. 10 января.

го угрорусского народа, изнемогающего под диким мадьярским гнетом в борьбе за свою православную веру и русскую народность»¹. В данной связи газета предупредила, что религиозные преследования, как правило, вызывают лишь подъем национального самосознания, а потому Вене и Будапешту лучше отказаться от «политики «создания процессов»», так как она приносит обратные результаты². «Московские ведомости» предполагали, что император Франц Иосиф не одобряет преследования угрорусов, но, предоставив венграм свободу рук в венгерской части империи в 1867 г., он никак не может повлиять на то, что происходит в Мармарош-Сигете, где ставится крест на «прежней цивилизаторской миссии дома Габсбургов»³.

Крайне негативно был воспринят процесс над угрорусами двумя влиятельными органами крупной русской буржуазии – октябристским «Голосом Москвы» и прогрессистским «Утром России». На протяжении всего Мармарош-Сигетского процесса они призывали российскую дипломатию вмешаться и потребовать от властей Австро-Венгрии прекратить преследования русин, пожелавших перейти в православие. «Голос Москвы» рассматривал суд над угрорусскими крестьянами и священником Алексеем Кабальюком как дерзкий вызов России: «сама возможность возникновения подобных процессов, дышащих ужасами средневековой инквизиции, не может быть допустима, – отмечалось на страницах этого октябристского издания в декабре 1913 г. – Россия не имеет права дольше молчать. Издевательству над ее великодержавным достоинством должен быть положен предел»⁴. А спустя месяца та же газета в еще более резкой форме писала: «На России лежит нравственный долг сказать венгерским палачам, что их деяния давно уже привлекают внимание цивилизованного мира и что пора бы им

вспомнить, что они... «тоже европейцы» и живут в XX столетии»⁵.

По мнению «Утра России», инициированный будапештским правительством процесс доказывает, что «страх перед Россией, чисто животный страх перед нею, служит альфой и омегой не только внешней, но, как видно, и внутренней политики двуединой монархии Габсбургов»⁶. Газета считала, что спасти подсудимых от расправы могла только дипломатическая поддержка из России: представление русского правительства в пользу обвиняемых, сделанное в дружественной форме, будет принято во внимание в Вене и Будапеште и благоприятно повлияет на исход судебного разбирательства. «В Австро-Венгрии, несомненно, не могут не считаться с тем фактом, что угнетение русского элемента, хотя бы и австрийского подданства, чревато роковыми последствиями»⁷, – предостерегало «Утро России».

За активное вмешательство России в ход судебного процесса выступало и черносотенное «Русское знамя». «Настало время, – писала эта газета в январе 1914 г., – когда молчать нельзя, когда всем русским людям, всем славянам необходимо властно сказать австрийцам: бросьте ваше постыдное дело, прекратите позорный суд и отпустите с миром несчастных угрорусов, виновных только в том, что они исповедуют святое православие!»⁸. Если же венгры не будут считаться с мнением российского общества по этому вопросу, угрожали черносотенцы, «великая и могущественная Россия найдет другие средства воздействия на австро-венгерское правительство».

Что касается либеральной прессы, то она, в целом осуждая власти Австро-Венгрии за преследования угрорусов, возлагала значительную долю ответственности за Мармарош-Сигетский процесс на русских панславистов, которые своей активной поддержкой православного движения

¹ Новое венгерское безобразие // Московские ведомости. 1913. 19 декабря.

² Буковина. Гонение на русское православное население // Московские ведомости. 1914. 29 января.

³ Бедствия подъяремной Руси // Московские ведомости. 1913. 21 декабря.

⁴ Дело угрорусов // Голос Москвы. 1913. 19 декабря.

⁵ Процесс угрорусов и Россия // Голос Москвы. 1914. 25 января.

⁶ «Сближение» с Россией // Утро России. 1913. 20 декабря.

⁷ Зарубежная Русь // Утро России. 1913. 21 декабря.

⁸ Австро-жидовское издевательство // Русское знамя. 1914. 23 января.

по ту сторону Карпат придали ему политическую окраску и таким образом спровоцировали Будапешт на репрессии. «Русское слово» в ноябре 1913 г. писало, что гонения, которым подвергаются православные в Венгрии, «позорны для культурной страны в XX столетии»¹. Однако поддержка, которую оказывали российские славянофилы угрорусским крестьянам, по мнению данной газеты, только вредила последним: «Отношения русин с гр. Бобринским и епископом Евлогием позволили венгерской власти прилепить к чисто культурному движению политический ярлычок и оправдать притеснения требованиями государственной безопасности»².

Старейшая либеральная газета России «Русские ведомости» в редакционной статье, посвященной началу суда над угрорусскими крестьянами, писала: «Это типический венгерский процесс, процесс страны, политический уклад которой основан на искусственном преобладании национального меньшинства, где под внешними формами политической свободы кроется тяжелый национальный гнет»³. По мнению австрийского корреспондента этой газеты П. Звездича (П. И. Ротенштерна), причины роста православного движения в Угорской Руси были чисто экономическими: нищие русинские крестьяне настолько задавлены поборами униатского духовенства, что в переходе в православие видят единственную возможность избежать этих поборов⁴. К тому же русинское униатское духовенство давно отреклось от своей национальности: оно выступает в качестве знаменосца мадьяризации, превратившись в «священническую касту», с которой народ не имеет и не может иметь ничего общего⁵. П. Звездич напоминал, что первоначально угрорусы обращались к патриарху венгерских сербов Бранковичу и румынскому право-

славному митрополиту с просьбой прислать им священников для отправления православных богослужений, и только после того как венгерские власти помешали деятельности сербских и румынских священников в Прикарпатской Руси, угрорусы вынуждены были обратиться за помощью к русской православной церкви. Политический оттенок православному движению в русинских комитатах Венгрии, по мнению корреспондента, придали русские панслависты во главе с графом Бобринским: их деятельность позволила государственным обвинителям на Мармарошском процессе раздуть вызванное экономическими причинами религиозное движение в опасный для целостности королевства сепаратистский заговор.

Под влиянием российского общественного мнения, возмущенного преследованиями православных русин в Австро-Венгрии, скорректировала свою позицию редакция главной кадетской газеты «Речь». Если раньше газета фактически отрицала факты преследований по национальному и религиозному признаку в соседней державе, то в декабре 1913 г. в статье «Украинская ирредента», опубликованной вскоре после начала Мармарош-Сигетского процесса, выражалось негодование «чудовищной мадьяризацией» невенгерских народностей и «варварским подавлением всех проблесков “инородческой” жизни» в Венгрии⁶. Венский корреспондент главной кадетской газеты Марк Ратнер отмечал, что «при чтении обвинительного акта трудно удержаться от содрогания» и «нет слов, чтобы заклеить эту новую позорную страницу в грязной книге инсценированных политических процессов». С чувством высокомерного пренебрежения, с которым русская пресса почти всегда отзывалась о Дунайской монархии, Ратнер писал: «Пестрый и неуклюжий конгломерат “коронных земель” и безнадежно топчущихся на них национальностей, именуемый современной Австро-Венгрией, представляет собою благодатную почву, на которой беспрестанно расцветают раз-

¹ Дело угрорусов // Русское слово. 1913. 12 ноября.

² Там же.

³ Редакционная статья // Русские ведомости. 1913. 21 декабря.

⁴ Иностранные известия. В поисках “дешевой” религии // Русские ведомости. 1913. 21 декабря.

⁵ Иностранные известия. Процесс угрорусов // Русские ведомости. 1913. 24 декабря.

⁶ Украинская ирредента // Речь. 1913. 22 декабря.

ные обвинения в политическом сепаратизме, в “государственной измене”¹.

На вынесение коронным судом в Мармарош-Сигете обвинительного приговора отцу Алексею Кабалуку и тридцати угрорусским крестьянам большинство органов российской прессы отреагировало резкими антиавстрийскими и антивенгерскими выпадами.

«Этот приговор является новым вызовом не только всему русскому общественному мнению, но и всему православному миру»², – отмечалось в редакционной статье «Нового времени». Ведущий публицист этой газеты Михаил Меньшиков писал, что процессы против православных русин в Австро-Венгрии стали возможны, в том числе, благодаря просчетам и ошибкам российской дипломатии. Он напоминал, что Россия неоднократно могла в прошлом присоединить Галицию и Буковину и тем самым завершить дело объединения всех русских земель. Однако эти возможности были упущены по вине российского правящего класса, лишенного, по мнению Меньшикова, здравого национального чувства. Бросив на произвол судьбы несколько миллионов червонорусов (галичан) и угрорусов, власти Российской империи, по словам публициста, в течение двух веков отстаивали немецкие интересы, заботливо оберегая Австрию и Пруссию, содействуя их территориальному росту и благополучию. Особенно была благодетельствована русскими царями Австрия, та страна, «на которую здравый национальный инстинкт обязывал глядеть как на первого врага, содержащего в плену миллионы русских людей»³.

«Гнусностью» и «возмутительной расправой» назвало приговор мармарошского суда «Русское слово». В передовой статье, опубликованной 20 февраля 1914 г. и судя по стилю написанной, скорее всего, главным редактором «Русского слова» Власом Дорошевичем, отмечалось, что осуждение отца Алексея и еще тридцати угрорусских

крестьян «претит справедливости, издевается над законностью и оскорбляет здравый смысл»⁴. Действия венгерских властей сравнивались здесь с поведением не имеющих понятия о европейском праве азиатов: «Венгрия страна, стоящая как-то в стороне от большого света. Она забронирована своим языком, которого никто не понимает. О ней знают гораздо меньше, чем о других европейских странах. Мармарош-сигетское дело осветило ее словно бенгальским огнем. Мы увидели Венгрию. Что за аванпост Турции! Что за баши-бузуцкое правосудие! Что за власти с приемами азиатских вали! ... Есть ли еще в Европе общественное мнение? Сомневаемся. Имеет ли оно какое-нибудь значение? Сомневаемся. Иначе в государстве, претендующем считать себя не азиатским государством, не разыгрывалось бы таких процессов, не выносилось бы таких приговоров, не оглашалось бы во всеуслышание таких мотивировок. Нынче в Европе можно делать безнаказанно все, что угодно... Можно смело действовать по-азиатски»⁵.

Неожиданным оказался обвинительный приговор для «Голоса Москвы». По словам октябристской газеты, судебное разбирательство настолько ясно выявило невинность угрорусских крестьян и надуманность обвинений в государственной измене, что возникает подозрение – не выполнял ли суд политический заказ высших правительственных сфер Австро-Венгрии. По мнению «Голоса Москвы», Мармарош-Сигетский процесс, этот «пережиток инквизиционной эпохи», возвращает Венгрию в средние века: угрорусы подвергаются гонениям лишь за свое желание вернуться к вере предков и отказаться от насильственно навязанной им унии. «Построенный на подлогах, провокации, терроре и глумлении над православием и основами юстиции мармарошский процесс навсегда будет заклеимен историей»⁶. Для ограждения религиозных прав русских,

¹ Украинская ирредента // Речь. 1913. 22 декабря.

² Чудовищный приговор // Новое время. 1914. 19 февраля.

³ Сроки близятся // Новое время. 1914. 22 февраля.

⁴ Мармарош-Сигет // Русское слово. 1914. 20 февраля.

⁵ Там же.

⁶ Отголоски процесса угрорусов // Голос Москвы. 1914. 20 февраля.

«имеющих несчастье быть австрийскими подданными», «Голос Москвы» предложил немедленно учредить русское консульство в пределах Закарпатской Руси¹.

«Московские ведомости» подчеркивали, что венгерский суд так и не смог доказать факта государственной измены, и угорорусы во главе с отцом Алексеем осуждены фактически за переход из унии в православие и за восхваление русского царя и России. Последнее обстоятельство казалось газете особенно абсурдным, поскольку ни в одной стране мира не предусмотрено уголовное наказание за положительные отзывы о главе другого государства. «Чудовищный приговор мармарошского суда – единственный по своим мотивам в летописях европейского, да, вероятно, и азиатского судопроизводства, единственный, бесспорно, и по полному отсутствию данных для обвинения»², – делала вывод московская газета.

Консервативная «Земщина» использовала результаты Мармарош-Сигетского суда для того, чтобы подчеркнуть лицемерие конституционных режимов³. В Австрии, напоминала эта газета, еще в 1848 г. было декларировано равноправие всех национальностей и свобода вероисповедания. Несмотря на это, угорорусы осуждены фактически за свое желание оставаться православными. Исход дела 94-х, по мнению «Земщины», еще раз доказывает, что как раз при «конституционном правовом порядке» царит вопиющее бесправие, поскольку в условиях отсутствия единой власти начинается борьба, а в политической борьбе мало заботятся о правах противника и о бумажных гарантиях.

«Русское знамя» также рассматривало результаты Мармарошского суда как весьма поучительные для России. Они, по мнению черносотенной газеты, должны внушить русскому обществу и властям осознание полной законности и целесообразности политики русификации и

подавления национальных меньшинств. «Пример Австро-Венгрии должен укрепить русское правительство в его решительных действиях по адресу тех инородцев, которые мечтают о развале России и возрождении погибших уже своих государств. Он показывает, что обрусение есть вполне законное и естественное правительственное мероприятие и что, если культурнейшие народы так поступают, то тем более нет основания для России от этого отступить»⁴.

На фоне большинства органов русской периодической печати выделялась позиция «Речи». Рупор кадетской партии скептически относился к тому шуму, который поднимала вокруг результатов Мармарош-Сигетского процесса русская правая печать. Критикуя воинственные выпады против Австро-Венгрии ряда влиятельных газет с «Новым временем» во главе, «Речь» писала: «русское же общество в подлинном смысле воевать с Австрией из-за угорорусов не собирается»⁵. Кадеты подчеркивали, что антиавстрийская агитация русских националистических и панславистских кругов, в некоторых случаях переходящая в прямые призывы к войне против Австро-Венгрии, используется в Вене и Берлине для возбуждения общественного мнения против России, что только осложняет ее международное положение. «Вот почему игра на эпизодах вроде Мармарошского процесса представляется нам не только глупым, но и вредным делом»⁶, – подводила итог «Речь».

В преддверии Первой мировой войны Мармарош-Сигетский судебный процесс стал еще одним раздражающим фактором в отношениях между Россией и Австро-Венгрией. Он достаточно широко освещался в российской прессе, которая считала его несправедливым и политически мотивированным. Наибольшее количество материалов, посвященных этому делу, появилось на страницах влиятельной газеты «Новое время», тесно связан-

¹ Отголоски процесса угорорусов // Голос Москвы. 1914. 20 февраля.

² Несправедливость восторжествовала! // Московские ведомости. 1914. 20 февраля.

³ «Конституционные гарантии» // Земщина. 1914. 20 февраля.

⁴ У соседей. Австро-Венгрия // Русское знамя. 1914. 27 февраля.

⁵ Печать // Речь. 1914. 28 февраля.

⁶ Там же.

ной с думской фракцией националистов во главе с графом Бобринским, а также другой умеренно правой газеты «Московские ведомости». В отличие от них крайне правые (черносотенные) и либеральные издания уделяли меньше внимания положению русинского населения в венгерском Закарпатье и судебному процессу в Мармарош-Сигете.

Спустя несколько дней после его завершения в административном центре австрийской провинции Галиция г. Лемберге (Львове) начался аналогичный суд над несколькими представителями галицко-русской интеллигенции, занимавшимися пропагандой православия, русского языка и русской культуры. Хотя львовский процесс закончился оправданием всех обвиняемых и их немедленным освобождением, он был расценен российской прессой как еще одно наступление властей Австро-Венгрии

на права тех русин – подданных императора Франца Иосифа, которые считали себя частью единого русского народа, стремясь поддерживать культурные и иные связи с русским обществом и русской православной церковью. Преследования православных и прорусских элементов среди русинского населения Австро-Венгрии были использованы российской прессой для усиления антиавстрийской и антивенгерской пропаганды накануне войны 1914 года. Они содействовали формированию «образа врага» в лице империи Габсбургов, которая на страницах российских газет представляла уже не только угрозой для православных славянских государств Балканского полуострова, но и угнетательницей тех «русских», которые волею исторических судеб оказались под властью династии Габсбургов.

DISFAVOURED TEXTBOOK AUTHORS IN HUNGARY AND IN THE SOVIET UNION BETWEEN THE TWO WARS*

This paper focuses on how the norm change in the middle of the 1930s in educational policy influenced possibilities of history textbook writers compared to their work in the 1920s. What are the similarities in the textbooks' case in Kuno Klebelsberg's¹, Anatoly Lunacharsky's², Bálint Hóman's³ and Andrei

Sergeyevich Bubnov's⁴ educational system? How in the 1920s strongly supported authors became disgraced after the norm change in educational policy by the middle of the 1930s? Our research pays special attention to mapping the parallel biographies of Sándor Domanovszky and Mihail Pokrovsky, who were outstanding figures of the Hungarian and the Soviet-Russian textbook writing. Our aim is to enrich the knowledge of the Hungarian-Soviet contactology researches in the textbook issue.

* This study is an edited version of the lecture held at the Hungarian Conference of Science of Education on 9th November 2017.

¹ Kuno Klebelsberg, Minister of Education and Religious Affairs between 1922 and 1931.

² A. Lunacharsky (1875–1933), Public Education Commissar in between 1917 and 1929.

³ Bálint Hóman, Minister of Education and Religious Affairs 1932–1938 and 1939–1942.

⁴ A. S. Bubnov, Public Education Commissar 1929–1937.

Writing textbooks in Hungary and in the Soviet Union in the 1920s

By the 1920s textbook usage became an integral part of teacher's work, and politics started to show great interest in history textbooks and teaching history.

In Hungary the new political system¹ defined itself 'counter-revolutionary'² in opposition to the revolutions of 1918–1919. Its ideology in the 1920s was built on Christian-national values and revisionist foreign policy.

While Kuno Klebelsberg was the minister in Hungary, new history textbook series were released in phasing-out system, and published between 1926 and 1931.

Five publishers³ offered six textbook series⁴ for secondary schools. It proves that the nature of textbook market was plural and varied. In this period, from the beginning of the 20th century, textbook choice was influenced partly by religious separation, and insistence on old, so called 'multigenerational' history textbooks. The Roman Catholic boys' schools chose the textbooks of Szent István Association. The Calvinists preferred Pál Madai's (and his co-authors') textbooks with public law approach that were strongly based on the traditions of the Hungarian independence. The demand for methodologically new textbooks increased, especially in the capital city. István Ember and István Dékány's intellectual history textbooks met this market needs⁵.

The Hungarian Ministry of Education tried to keep the elite-training feature of secondary schools by charging the University Press to publish textbook series solely for state-run schools. The Ministry tried to ensure the monopoly position of the University Press in the textbook market. The Royal Hungarian University Press invited academically known authors with great professional reputation to write the new textbook series. The complete history textbook series⁶ for secondary schools was created by Sándor Domanovszky, the noted cultural historian of the period.

After the Bolshevik power takeover in Soviet-Russia, Lunacharsky's educational policy (1917–1929) was characterized by Marxist class approach, internationalist perspective (expecting the world revolution), and path-searching (socialism and democracy).

The state-centered pedagogy changed into child-centered pedagogy. Giving marks was banned, instead of traditional disciplines-based academic subjects so called «complex subjects» were introduced. The traditional Herbart's frontal classwork and lecture-based teaching was changed into group work, and project-method. Students governments were active. The American trends of reform pedagogy, in particular John Dewey and Helen Parkhurst's reform-pedagogical concept had a great impact on evolving the new state education⁷. V. Sulgin, the famous

¹ Horthy-era (1920–1944), the form of government was 'kingdom without a king'. In the absence of the king, Miklós Horthy was the governor of Hungary.

² History textbooks consistently avoid using the word 'revolution' in chapters about the Revolution in Pest in 1848.

³ Royal Hungarian University Press, Szent István Association, Franklin Association, Lampel.

⁴ Franklin launched two parallel textbook series. One of them was preferred by Calvinist secondary schools.

⁵ Ember I. Világtörténelem. III. Újkor (World History. III. Modern History) A középiskolák VI. osztálya számára. Budapest, 1929; Ember I. Világtörténelem. IV. Legújabb kor (World History. IV. Recent History) A középiskolák VII. osztálya számára. Budapest, 1930; Ember I. and Dékány I. A magyar nemzet története (History of the Hungarian Nation) a középiskolák III. osztálya számára. Budapest, 1926; Ember I. and Dékány I. Világtörténelem. I. Ókor. (World History. I. Ancient History). A középiskolák IV. osztálya számára. Budapest, 1927; Ember I. and Dékány I. Világtörténelem. II. Középkor (World History. II. The Middle Ages). A középiskolák V. osztálya számára. Budapest, 1928.

⁶ Domanovszky S. Magyarország története (History of Hungary). A középiskolák III. osztálya számára. Budapest, 1926; Domanovszky S. Az ókor története Kr. u. 180-ig (Ancient History till 180 B.C.) a középiskolák IV. osztálya számára. Budapest, 1927; Domanovszky S. Világtörténelem a katonacsászárok korától a középkori intézmények virágkoráig (World History from the Soldier Emperors until heydays of medieval institutions). A középiskolák V. osztálya számára. Budapest, 1928; Domanovszky S. Világtörténelem a középkori intézmények hanyatlásától a felvilágosodás koráig (World History from the decline of medieval institutions till Enlightenment.) A középiskolák VI. osztálya számára. Budapest, 1929; Domanovszky S. Világtörténelem. A francia forradalom kitörésétől napjainkig (World History. From the outbreak of the French Revolution until now) a középiskolák VII. osztálya számára. Budapest, 1930; Domanovszky S. Magyarország története (History of Hungary). A középiskolák VIII. osztálya számára. Budapest, 1931.

⁷ cf.: Sáska G. A pedagógiai normák változása az 1920-as, 30-as évek Szovjet-Oroszországában. (Pedagogical norms' changing in the 1920s and 30s in Soviet-Russia). Pedagógia történelmi szemle. 2015. 1. évf. 1. sz. C.31-52.

Marxist educator aptly describes the aims of schools: «We are not dedicated to educate the Russian child, the child of the Russian state, but the citizen of the world, the internationalist, who entirely understands interests of the working class and is able to fight for the world revolution»¹.

In the spirit of the ideology of «socialism and democracy» curriculum experiments and alternative history teaching concepts appeared. In practice, teaching History as an independent academic subject was abolished; social history, based on abstract schemes was introduced instead. The most popular history textbook of the 1920s was written by Mikhail Pokrovsky.

From success to the first criticism: Domanovszky's and Pokrovsky's textbook-writing work

Domanovszky's (1877–1955) family motivation (his father was a noted Dante researcher), his education (e.g. Eötvös Collegium, where he listened to Sándor Mika's² lectures), or his lecturers' guidance at the Faculty of Arts in Pest (Mika, László Fejérpataky, Henrik Marczali) determined Domanovszky's professional historian career. He taught history at the Main Real School in Pozsony (from 1899), and later at the Budapest Trade Academy (1904–1914). His experience contributed to writing textbooks for secondary schools and other secondary educational institutions. As a professor at the Department of Culture History in Pest University (from 1914) he conducted researches that exceeded the former Head of Department, Remig Békefi's researches in Church History. That's why in his textbooks there was a special emphasis on cultural history parts³. He came from an intellectual Lutheran family, which also influenced his textbook-writing

¹ Шульгин В. Н. Педагогика переходного периода. М., 1997; Quoted by: M. Heller, A. Nyekrics (2003): A Szovjetunió története /History of the Soviet Union/. In.: Orosz történelem II. kötet. Osiris Kiadó, Bp. 2003. 162.

² Sándor Mika, popular scientist-teacher of Eötvös Collegium. His textbooks written at the beginning of the century were in use for several generations. In Klebelsberg period his textbooks were revised by Ferenc Marczinkó, secondary school teacher.

³ Among the contemporary textbook writers only Domanovszky mentions e.g. the gigantic work on canal building in Egypt.

career. Even though his textbooks are characterized by cool distance-keeping of a scientist, yet in the depth of his soul – in agreement with Professor Romsics's idea – «he felt sympathy with the Hungarian independence, rather than the Viennese, aulic tradition»⁴. In his textbooks he didn't miss to write about the persecution of Protestants, and the Protestant lords' fights against the Habsburgs. All these significantly affected the approach of his textbooks. Also, his researches in chronicles, and examination fields of government- and office history⁵ were deliberately built into their textbooks.

A few features to the Pokrovsky-portray! Mikhail Nikolayevich Pokrovsky (1868–1932) was born in a clerk family, in Moscow. He was Kluchevsky's and Vinogradov's student; he got a degree in History at the University in Moscow. He entered the Bolshevik Party in 1905. He had to emigrate, later he participated in the preparation of the October Revolution. He laid the foundations of the Soviet Marxist history, was the rector of the Red Professors Institute, and the editor-in-chief of the journals *Krassnyi Arkhiv*, *Istoriik Marxist* and *Borba Klassov*⁶. Like Domanovszky, he was an outstanding scholar, establishing a new school of thought in Soviet historiography.

Pokrovsky's textbook⁷ is short and well-edited. When writing the book the author was guided by the need to work out complex history. He wanted to present the whole life, the harmony of nature, society and work, and explain abstract definitions of socio-economic formations. Pokrovsky revised the history of Russia from the after-1917 class fight's aspect, where the freedom seeking nation is in the centre. (Headlines⁸ of the second chapter and

⁴ Romsics I. Clio bővületében: magyar történetírás a 19-20. században – nemzetközi kitekintéssel. /In Clio's enchantment: Hungarian historiography in the 19th and 20th centuries – with international outlook./ Osiris. Bp., 2011. 317.o

⁵ E.g. In his textbooks appreciation of the Habsburg Palatines.

⁶ Pokrovsky's biography see: Krausz T. Pokrovskij és az orosz abszolutizmus vitája az októberi forradalom után. /Pokrovsky and the debate of the Russian absolutism after October revolution/ Történelmi Szemle. №23:(4). 1980. C. 627-648. 627.

⁷ Покровский М. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1934.

⁸ Industrial capitalism, Serf state, Revolutionary citizenship, Revolution of Narodniks, Movement of workers.

the illustrations reflect this revolutionary approach). An example is from the picture material of the chapter «Revolutionary citizenship». In the «revolutionary portrait hall» we can see the enlightened thinker Alexandr Ragyishchev, three leaders of the Dekabrist uprising, Kindrat Rileyev, Pavel Pestyel, Muravyev-Apostol, and Mikhail Butasevich-Petrasevskiy, one of the leading figure of the Russian radical socialists. While there are numerous leaders portraits of peasant uprisings and revolutions attached by the author, we can point out that illustrations depicting monarchs are mostly missing from the textbook.

Both authors textbooks can be considered methodologically innovative. Several Hungarian professional monographies appreciate the methodological innovations of Domanovszky's textbooks, the usage of chronological charts, index and colourful maps¹. Pokrovsky closes his book with a comparative chart and a detailed index of names and subjects².

In the 1920s, like Domanovszky, Pokrovsky also had the confidence of the Ministry of Education. Klebelsberg trusted in Domanovszky, and Pokrovsky was Lunacharsky's deputy.

Domanovszky took part in the work of the Hungarian Public Educational Council between 1921 and 1926. His special review³, and numerous proposals (e.g. a textbook should end with a flourishing description of the period) were the base of the national history curriculum for secondary schools in 1924. History was built in the subject of Social Sciences in Soviet-Russia in the 1920s. Pokrovsky worked out the draft of complex history. His popular textbook was in use for a decade, even after his death in 1932.

Domanovszky in his textbook writing work was supported by Klebelsberg; while

Pokrovsky's textbook was written by Vladimir Ilyich Lenin's recommendation. Lenin thought Pokrovsky's book original and suggested translating it into European languages. In Lenin's opinion it was essential to use Pokrovsky's work as a textbook. But for this it was necessary to complete it with a chronological guide, and a brief summarizing chart of results of the civilian world and a chart of the Marxists' results.

Domanovszky and Pokrovsky were participants of the conferences organized by the International Committee of History. They took part at the conference of history in 1928, and both gave an interview to the Norwegian *Aftenposten* newspaper⁴. Domanovszky participated in the transnational textbook revision work⁵, knew the contemporary curriculums and textbooks in history in other countries (e.g. the German Reimann Publisher or the Polish Dabrowski's textbooks). We assume that Pokrovsky also knew the events of the textbook-revision movement. The Soviet historian learnt the moments-history of the Hungarian textbook-revision at the Oslo conference in 1928 from Domanovszky and Imre Lukinich's letter of 27th April, 1929⁶.

First criticism of both authors appeared in the second half of the 1920s. It was foreseeable in 1927 and 1928 that demand for Domanovszky's textbooks would fall on the textbook market. It was not because of the professionalism, but the language, the abundant material of the textbooks, and because it was difficult to study from them⁷. Pokrovsky was first criticized by Stalin in 1927.

⁴ Professor Pokrovsky uttaler sig til "Aftenposten" Aftenposten, 17. aug. 1928. Ungarsk historisk videnskap. Ensamtale med professor Domanovszky fra Budapest. Aftenposten 18. august 1928.

⁵ Numerous organizations joined the textbook revision movement after the Great War. Aim of the movement was to examine the books –in particular history textbooks –, and to "detoxify" them from distorted, false, prejudiced manifestations directed to other nations and countries.

⁶ АРАН. Ф. 1759. Он. 4. 338. In the letter Pokrovsky was informed about the Slovakian author, Frantisek Loubal's critical writing about Hungarian History textbooks, which contained numerous distorted, false statements.

⁷ The teacher of History in Mátyás Király Reálgymnázium (King Matthias Real Secondary Grammar School) requested the revision of Domanovszky's textbooks from the aspect of style, language and simplified grouping. MTAК Kézirattár, Ms. 4532/42. Dr. Szentirmay Imre 1928. VI. 27-i levele a T. Kiadóhivatalhoz (letter to the Publisher of 27th June, 1928).

¹ Unger M. A történelmi tudat alakulása középiskolai történelemtankönyveinkben. /Evolution of historical consciousness in our textbooks for secondary schools./ Tankönyvkiadó. Bp., 1976. C.179; Albert B. G. Súlypontok és hangsúlyeltolódások. Középiskolai történelem tankönyvek a Horthy-korszakban. /Emphases and focus-shifts. History textbooks for secondary schools in Horthy-era./Pannon Egyetem Bölcsészettudományi Kar Neveléstudományi Intézet Pedagógiai Kutatóközpont Pápa. №50. 2003.

² Покровский М. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1934. С. 192-228, 245-259.

³ Minutes of the session of Hungarian Council of Public Education held on 27th November, 1923 Hungarian Library and Museum of Pedagogy.

Disfavoured textbook writers in the thirties

Political interest in teaching history intensified in both countries in the middle of the 1930s. In Hungary between 1932 and 1938 (later between 1939 and 1942) Bálint Hóman was the Minister of Education. He established unified secondary schools, increased the significance of national knowledge-based subjects (history, Hungarian literature, geography), and emphasized the importance of education. The curriculum draft in 1934 was followed by a long discussion. Finally, in the spirit of the curriculum and instructions of 1938 the new history textbooks were completed and published between 1938 and 1942. These textbooks followed Bálint Hóman's strongly present-centered concept of teaching history. The new textbooks' approach was characterized by the good relationship with the Italian fascist state, alignment with the German geopolitical space, the proclamation of the holy state of St. Stephen, and evolution of the complete Horthy-legend. The authors set the role of Hungary in the Second World War as the defender of the civilised Europe against bolshevism'. In the textbooks – especially in the Roman Catholic ones – intensifying anti-Semite expressions appeared¹. Textbook market narrowed, and the Ministry's strong textbook control became unquestionable.

Popular authors in the Klebelsberg-period, Pál Madai and István Ember weren't invited to write textbooks any more. Pál Madai's textbooks with public law and independence approach didn't fulfil the new political expectations. Sándor Domanovszky didn't participate in the new curriculum draft in 1934. He moved back because his positivist textbooks were attacked and he didn't agree with the spirit of the new history curriculum. Instead of scholar authors secondary school teachers wrote the new textbook series².

In the Soviet Union Anatoly Lunacharsky was replaced by Andrey Sergeyevich Bubnov in 1929. In the Bubnov-period ideological

subjects, – like history – became questions of current politics³. Reckoning with Pokrovsky-school meant breaking with intellectual traditions of the 1920s (international approach, alter nativity and traditional class approach)⁴. The nature of the new, Soviet concept of history teaching was based on the symbiosis of Russian patriotism and socialism. Pokrovsky criticized the Russian Tsars' colonization policy and unveiled their sins⁵. Stalin made history serve his own interest, and the ideology of the party. This way, according to the new interpretation of history the negatively judged Alexandr Nevsky turned into a positive hero, a real patriot who held back the German conquering aspirations⁶. Alexandr Nevsky gained completely new characteristics from political motivation of the period. In the middle of the 1930s history had to meet the requirements of ideological expectations of the party.

Professor Shestakov (one of the new generation of textbook writers) said in 1935 "Red Professors are not 'academicians,' but fighting Communists"⁷. Those who didn't understand the words of the new era could be victims of Stalin's terror. Pokrovsky's most talented student, the leader of the new soviet generation of historians, Nikolai Nikolayevich Vanag also belonged to this circle⁸.

³ cf. Szamborovszkyné Nagy I. Oktatáspolitikai és történelemtanítás a Szovjetunióban és Ukrajnában (1945–2010). I. kötet. Szovjetunió (1945–1991) / Education policy and history teaching in the Soviet Union and in Ukraine (1945–2010) Volume I. Soviet Union (1945–1991) / Lira Poligráfcentrum. Ungvár, 2013. C. 31-48.

⁴ cf. MTAKK D 9716. A szovjet-orosz történelmi-politikai gondolkodás a 20-as években / Viták az orosz történelmi fejlődés sajátosságairól / Kandidátusi disszertáció / The Soviet-Russian historical-political thinking in the 1920s (Debates about features of the Russian historical development). 1981. C. 193; Пеллепина Н. И. Из истории народного образования в СССР в 1930-х годах: работа над школьным учебником отечественной истории // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. 2013. №2. C. 19-32.

⁵ cf. Heller M., Nyekrics A. A Szovjetunió története / History of the Soviet Union // Orosz történelem II. kötet. Bp. 2003. C. 276.

⁶ Там же. C. 277.

⁷ Шестаков М. Совецание преподавателей Института красной профессору. (1935). Quoted by Dorotich D. A Turning Point in the Soviet School: The Seventeenth Party Congress and the Teaching of History. History of Education Quarterly. 1967. №7. 3. sz. C. 307.

⁸ Vanag's biography see: Артизов А. Н. Николай Николаевич Ванга (1899–1937) // Отечественная история. 1992. №6. C. 95-109.

¹ cf. Unger M. A történelmi tudat alakulása középiskolai történelemtankönyveinkben / Evolution of historical consciousness in our textbooks for secondary schools. Tankönyvkiadó. Bp., 1976. C. 270-272.

² Там же. C. 242-243.

On the 8th August, 1934 Stalin, Zhdanov and Kirov commented on the «History of the Soviet Union» textbook-draft¹. It was an attack against the group of textbook writers led by Vanag, which «didn't fulfil the task, in fact, they didn't even understand it»². «The draft takes over the civil historians particular, worn out and completely unscientific definitions

and they forget that our youth needs Marxist, science-based definitions»³. It resulted in eliminating the whole Pokrovsky-school. Vanag became a victim (he was arrested in 1936 and executed in 1937⁴) because of the changed political climate. His tragic faith also points at the differences in disfavour.

¹ I. Sztálin, A. Zsdanov, Sz. Kirov Megjegyzések a „Szovjetunió története” c. tankönyv tervezetéhez / Comments on the draft of “History of the Soviet Union” textbook / Pravda, 1936. január 27. 25. (6632) sz. Péter Anna szerk. Az SZKP, a szovjet kormány és a Komszomol határozatai a szovjet iskoláról. Tankönyvkiadó Vállalat. Bp., 1954.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ See also: Markwick R/D: Censorship and Fear: Historical Research in the Soviet Union // Groniek Historisch Tijdschrift, Nr. 201 (2013) 371-386. C. 376. <https://ugp.rug.nl/groniek/article/view/22633/20103> (download 3 December 2018).

Раздел III ИСТОРИЯ РОССИИ (СССР)

М. Е. Колесникова

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ИСТОРИОПИСАТЕЛИ – ПРЕПОДАВАТЕЛИ И ВЫПУСКНИКИ СТАВРОПОЛЬСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ

Развитие исторической мысли в различных российских провинциях имело свои особенности и специфику, в разное время и по-разному шло формирование исследовательских традиций, складывание интереса к истории родного края у представителей местной интеллигенции. Северокавказская исследовательская традиция зародилась в период присоединения региона к России, во второй половине XVIII в., и стала составной частью отечественного казаведения и исторической науки в целом. Сильное влияние на ее развитие оказала академическая наука, взаимодействие со столичными научными обществами и учреждениями.

Во второй половине XIX – начале XX в. продолжилось развитие научных и культурных традиций в области провинциальной историографии. Шло обновление местной тематики, пополнялась источниковая база исторических исследований, создавались труды по истории отдельных территорий и областей Северного Кавказа. Авторами их были не только историки-профессионалы, но и историки-любители, большинство их – выходцы из среды образованного чиновничества и учительства, отчасти из среды духовенства. В это время, как отметил В. А. Бердинских, был сформирован тип личности провинциального историка-любителя, что стало существенным вкладом в развитие науки и культуры страны. Рассмотренный им на примере вятской историографии тип историка-любителя позволил установить общие закономерности, по которым шло развитие исследова-

тельских и краеведческих традиций на местах, и определить одно из перспективных направлений современных исторических исследований – изучение богатого исторического наследия провинциальных исследователей, «не только историков первого круга, но и историков второго и третьего круга», к которым относились люди, длительное время занимавшиеся историей и оставившие результаты своей деятельности¹. Труды их порой были несовершенны, спорны и незрелы, но вместе с тем отличались разнообразием тематики. Круг интересов историков-любителей был широк: это и археология, и этнография, и история, и география местного края. Благодаря им развивалась местная проблематика, завоеывая свое место в отечественной исторической науке. Сотни исторических трудов, написанных силами историописателей, создали перспективы рассмотрения и изучения местных сюжетов на фоне общероссийского исторического процесса, что позволило учесть местные традиции при создании обобщающей концепции российской истории.

Все чаще исследователи обращаются к биографиям и научной деятельности отдельных исследователей, рассмотрению корпуса письменных источников, которые сложились в результате их научно-просветительской деятельности в определенном социокультурном пространстве. Биографиям историописателей Северного Кавказа посвящены ряд монографий, вышедших в

¹ Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003. С. 481.

последние годы: об общественно-просветительской деятельности ученого секретаря Ставропольского статкомитета И. В. Бентковского и известного исследователя, археолога, просветителя, музейного деятеля Г. Н. Прозрителева¹, о научном наследии известного общественного деятеля, просветителя и исследователя Е. Д. Фелицына², о научной и общественно-просветительской деятельности известного библиографа, публициста Б. М. Городецкого³, о деятельности выдающихся кубанских исследователей Ф. А. Щербины, П. П. Короленко, И. Д. Попко⁴, о жизни и творчестве основоположника бюджетной статистики, историка казачества Ф. А. Щербины⁵. Каждый из них оставил свой след в исторической науке Северного Кавказа.

Среди северокавказских историков-любителей, просветителей и общественных деятелей было немало выпускников Ставропольской мужской гимназии, оказавших большое влияние на просвещение горских народов, развитие истории и культуры народов Северного Кавказа: К. Л. Хетагуров, А.-Г. Кешев, И. П. Крымшамхалов, И. М. Байрамуков, С. Халилов, И. А.-К. Хубиев, Ч. Ахриев, И. Тхостов, Султан-бек-Абаев, Е. Д. Фелицын, Н. Я. Динник и многие другие.

Ставропольская мужская гимназия в середине XIX в. входила в число лучших в России. Она была открыта в 1837 г. и стала первым светским средним учебным заведением, открывшим доступ к образованию северокавказскими народам. В 1839 г. при гимназии был открыт «благородный пансион» для «доставления чиновникам, служащим в Кавказской области, средств к воспитанию детей их» и для воспитанников из детей Кавказского линейного казачьего войска. В 1842 г. при гимназии было обра-

зовано «отделение для приготовительного воспитания горских мальчиков, из которого они должны уже поступать в кадетские корпуса или другие военно-учебные заведения». До начала 1850-х гг. гимназия являлась единственной на Северном Кавказе. Ставропольская мужская гимназия прославилась именами своих педагогов-просветителей, таких как Я. М. Неверов (директор с 1850 по 1861 гг.), У. Х. Берсей, Н. И. Воронов, М. К. Вольнский, П. С. Патканов, Н. С. Рындовский, П. И. Хицунов, Ф. В. Юхотников, В. И. Смирнов, С. Л. Кузьмин, И. Д. Белкин, Н. И. Гулак, И. П. Спасский, И. Л. Песоченский, С. С. Третьяк-Перетятко (учитель истории, выпускник Харьковского университета), В. Д. Бенеvский, Я. А. Солнцев, Ф. Д. Илляшенко, В. Д. Терзиев, В. Ф. Миловидов и др. Ряд из них занимались историческими исследованиями, как, например, Н. И. Воронов, П. И. Хицунов, Ф. В. Юхотников, чьи статьи регулярно печатались на страницах местных периодических изданий.

Воспитателем гимназического пансиона и преподавателем латинского языка в гимназии был Николай Ильич Воронов (1832–1888). Выпускник историко-филологического факультета Харьковского университета, он в 1854 г. получил назначение в Ставрополь по рекомендации ректора университета. Талант педагога, знания, умение интересно и ярко объяснить предмет сделали уроки по «скучной» латыни уроками жизни для многих его воспитанников, сформировали у них прогрессивное мировоззрение. Во многом тому способствовали и взгляды самого Н. И. Воронова, который «зачитывался» статьями Белинского, а наставником его в университете был Д. И. Каченоvский, племянник известного московского историка, одного из руководителей «скептической школы». Преподавал Воронов и русский язык (для младших классов), и уроки словесности (для старшеклассников), временно замещая других педагогов или вакантные ставки. Именно он участвовал в подготовке учащихся к конкурсу сочинений. Продолжил он эту работу и после того, как должность старшего преподавателя словесности занял приглашенный директором

¹ Колесникова М. Е. Ставропольские краеведы: Библиографические очерки. Ставрополь, 2004.

² Бойчук С. Г. Общественно-просветительская и научная деятельность Е. Д. Фелицына (1848–1903). Науч. ред. Л. М. Галутво. Краснодар, 2010.

³ Золотарева И. Д. Б. М. Городецкий. Научная и общественно-просветительская деятельность. Краснодар, 2003.

⁴ Трехбратов Б. А. Кубанские краеведы. Краснодар, 2005.

⁵ Якаев С. Н. Федор Андреевич Щербина. Вехи жизни и творчества: [К 155-летию со дня рождения]. Краснодар, 2004.

гимназии Неверовым учитель Калужского училища Федор Юхотников, которого рекомендовал сам профессор Грановский¹.

С 1852 г. в Ставропольской мужской гимназии ежегодно проводились конкурсы на лучшее сочинение на русском языке среди учащихся, наиболее интересные из них печатались на страницах «Ставропольских губернских ведомостей»². Темы сочинений были разнообразными, затрагивали и вопросы истории³. Помимо типового (для гимназий) перечня предметов в Ставропольской губернской гимназии изучались кавказские языки, история и этнография местных народов, так как это учебное заведение было, прежде всего, ориентировано на подготовку из русских молодых людей чиновников, годных для службы на Кавказе.

В гимназии Воронов занимался выпускном пансионного сборника, обсуждал с гимназистами наиболее интересные произведения литературы. Позже, в 1858 г., уже служа в Екатеринодаре, в своем очерке «Ставрополь» он опишет этот ставропольский кружок любителей чтения⁴. Очерк, опубликованный в «Одесском вестнике» в серии «Дорожные заметки на разных путях Южной России», содержал подробное описание степного Предкавказья, Ставропольской губернии и Кубанской области,

исторические и этнографические сведения о казаках. Он знакомил русского читателя с отдаленным еще тогда «русским» Кавказом. После выхода в отставку в 1861 г. Воронов активно сотрудничал с журналом «Русское слово», печатался в газете «Кавказ», занимался историей изучения Кавказа⁵. В 1861 г. он совершил поездку в Лондон, где встречался с Герценом и Огаревым, по возвращении был арестован в Тифлисе и отправлен в Петропавловскую крепость. Предъявленное ему обвинение по «делу о 32 лицах, обвиняемых в связи с лондонскими пропагандистами» удалось снять только в 1863 г.⁶ Во второй половине 1860-х гг. Н. И. Воронов работал в Кавказском горском управлении в Тифлисе, где начал выпускать «Сборник сведений о кавказских горцах», на страницах которого были собраны богатейшие этнографические данные, имеющие научную ценность и сегодня⁷. В период 1876–1880 гг. Н. И. Воронов был редактором самой крупной на юге России газеты «Кавказ», являвшейся своеобразной трибуной историков, этнографов, краеведов. За «Сборник статистических сведений о Кавказе» (Тифлис, 1869 г.) Н. И. Воронов получил большую серебряную медаль Императорского Русского Географического общества. Многочисленные труды Николая Ильича охватывают самые разнообразные темы из исторического прошлого Северного Кавказа, но особенно выделяются работы по этнографии местных народов. Среди них «Из черноморского края» (1856), «Из Тифлиса» (1860), «Рассказы из жизни уездного городка» (1861), «Из очерков Западного Кавказа и Закавказья» (1864), «Одна из настоятельных потребностей для многостороннего изучения России: [По поводу изд. «Географическо-статистического словаря Российской империи» (Вып. 1–6.

¹ Юхотников Ф. Нечто о горцах, учащихся в Ставропольской гимназии // Кавказ. 1858. №100. 21 декабря.

² См.: Магулаева Ф. А. Конкурсные сочинения воспитанников Ставропольской мужской гимназии в контексте газеты «Ставропольские губернские ведомости» / Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я. М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века / под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь, 2006. С. 602-608.

³ Сочинения воспитанников Ставропольской губернской гимназии / Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я. М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века / под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь, 2006. С. 234-315; Анализ их см.: Маловичко С. И., Стрелов В. И. Романтическая дискурсивная практика в ставропольском историописании о развитии образования в губернии (историология провинциального эрудизма) // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы региональной науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя. Ставрополь, 2002. С. 115-127.

⁴ Воронов Н. И. Ставрополь: Очерк // Одесский вестник. 1858. Март-ноябрь.

⁵ Воронов Н. И. По поводу сведений Риттера о Кавказе // Кавказ. 1865. №98-100; Его же: Статистические этюды // Кавказ. 1866. №73, 78, 79.

⁶ Коршунов М. Н. И. Воронов: педагог, журналист, кавказский этнограф (К 165-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1997 год. Библиографический указатель литературы. Ставрополь, 1997. С. 53-54.

⁷ Сборник сведений о Кавказских горцах / Изд. Кавказского горского управления. Тифлис, 1868–1881.

СПб., 1862–1864]» (1864), «Критико-биографический обзор географическо-статистического материала, накопившегося в газете «Кавказ» в 1863–1865 годах» (1866), «Из путешествия по Дагестану» (1868) и др.¹.

Этнографические и лингвистические исследования проводил старший преподаватель гимназии поручик Умар Халхалович Берсей (1807–1872). Им была составлена азбука черкесского языка, одобренная в 1853 г. Академией наук, издан в 1885 г. в Тифлисе букварь, разработан звуковой метод обучения грамоте с учетом основных особенностей языка. В течение всей жизни он интересовался историей и этнографией родного народа, собирал легенды, черкесские народные сказки, басни, совместно с К. Ф. Сталем работал над «Этнографическим очерком черкесского народа»².

Гимназию прославили десятки ее выпускников, многие из которых стали известными учеными. Среди них Всеволод Александрович Васильев (1881–1964), окончивший после гимназии историко-филологический факультет Московского университета, его стараниями в 1912 г. в Ставрополе был открыт учительский институт, основной задачей которого была подготовка педагогических кадров для горских училищ. Студентом факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета стал выпускник гимназии Саид Магомедович Халилов (1887–1921), с именем которого связана организация народного просвещения в Карачае. Гимназистом был и известный ученый-энтомолог с мировым именем Виктор Николаевич Лучник (1892–1936), окончивший курс биологии в университетах Москвы и Киева, с его именем связана история музейного дела на Ставрополье (в период с 1925 по 1930 г. возглавлял Ставропольский краеведческий музей) и история Ставропольского государственного университета (в 1930-х гг.

являлся профессором Ставропольского государственного педагогического института). Выпускником Ставропольской губернской гимназии был и известный исследователь Кавказа Николай Яковлевич Динник (1847–1917), окончивший позже естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Будучи преподавателем естественной истории и физики в Ольгинской и Александровской женских гимназиях г. Ставрополя, он активно занимался общественной и просветительской деятельностью, изучал природу, историю Кавказа, посвятив этому свои статьи³.

Ставропольскую гимназию окончил и известный историк, археолог, краевед, статистик и общественный деятель Северного Кавказа Евгений Дмитриевич Фелицын (1848–1903). В 1864 г. он поступил на военную службу унтер-офицером в 74-й пехотный Ставропольский полк. В 1872 г. окончил Тифлисское юнкерское училище, был переведен в Екатеринодарский конный полк и прикомандирован к штабу Кавказского казачьего войска. С 1888 г. Е. Д. Фелицын руководил канцелярией Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кавказского казачьего войска. В 1892 г. исполнял обязанности председателя Кавказской археографической комиссии в г. Тифлисе. После выхода в отставку он вплотную занялся историческими, археологическими, этнографическими исследованиями, вопросами музейного дела.

Особое место в трудах Е. Д. Фелицына занимала казачья тематика, история покорения Кавказа. Тщательное изучение местных архивов, выявление документов по истории кубанского казачества позволило ему собрать и опубликовать все распоряжения и документы, относившиеся к линейцам Кубани⁴. Он автор более 90 трудов по истории, этнографии, археологии и статистике Северного Кавказа, отличающихся источниковедческим характером и научной добросовестностью, большая

¹ Библиографический список трудов Н. И. Воронова см.: Ставропольский хронограф на 1997 год. Краеведческий сборник. Ставрополь, 1997. С. 54–55.

² Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа / сост. Ген. штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник. Т. 21. Тифлис, 1900. С. 1–178.

³ Динник Н. Я. Кубанская область в верховьях рек Уруштена и Белой. Тифлис, 1898; Его же: Поездки в Балкарию в 1886 и 1887 годах. Нальчик, 2009.

⁴ Фелицын Е. Д. Материалы для истории Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1897.

часть которых еще не опубликованы. Занимался он и краеведческими исследованиями, вел работу по изучению пребывания М. Ю. Лермонтова в Тамани, был инициатором сбора пожертвований на памятник Лермонтову в г. Пятигорске, увлекался фотографией, снимая места исторических событий и природу Северного Кавказа.

В период 1879–1892 гг. Е. Д. Фелицын являлся первым секретарем созданного при его участии Кубанского областного статкомитета, был редактором «неофициальной части» «Кубанских областных ведомостей» (1879–1892). Под его редакцией вышли два тома «Кубанского сборника» (1883, 1891) и семь «Памятных книжек Кубанской области» (1878–1881). Высоко оценены его исследования в области археологии и этнографии Северного Кавказа. Е. Д. Фелицын занимался исследованием древнехристианских храмов за Кубанью, по течению рек Б. Зеленчук, Теберда, положил начало изучению многих археологических культур Северного Кавказа, в том числе курганов Прикубанья и дольменов. Участвовал он и в подготовке V Археологического съезда (1881, г. Тифлис). По инициативе и при участии Е. Д. Фелицына в 1879 г. был основан археологический музей Кубанского областного статкомитета в г. Екатеринодаре, в основу которого легли его личные коллекции.

Выдающимся выпускником Ставропольской губернской гимназии был и известный осетинский поэт, художник, журналист, историк, общественный деятель и просветитель Коста Леванович Хетагуров (1859–1906). Прожив почти двадцать лет в Ставрополе, он называл его своей второй родиной. Здесь он сформировался как поэт, публицист, историк-исследователь. К. Хетагуров родился в знатной семье в горном осетинском ауле Нар, расположенном в верховьях Алагирского ущелья. Рано лишившись матери, он воспитывался отцом, который всю жизнь служил в русской армии. О такой же военной карьере Леван Елизбарович Хетагуров мечтал и для сына. Он добился разрешения обучать сына в русской школе, что было недоступно для простых горцев. Коста Хетагуров

учился в Нарской церковно-приходской школе и Владикавказской прогимназии, уже там обнаружив способности к литературе и живописи. В 1871 г. он поступил в Ставропольскую губернскую гимназию, и здесь благодаря чуткости, такту и вниманию со стороны учителя рисования В. И. Смирнова стал развивать свои способности и нашел свое призвание. Его рисунки выставлялись в Москве на Всероссийской выставке работ и были признаны лучшими среди работ учащихся средних учебных заведений. В 1881 г., еще до окончания гимназического курса, Коста Хетагуров сдал экзамены в Петербургскую Императорскую Академию художеств и стал ее студентом. Из-за материальных трудностей и отсутствия стипендии он вернулся во Владикавказ и занялся обширной и многообразной общественно-культурной и литературной деятельностью. Свои художественные и публицистические произведения К. Хетагуров публиковал на страницах газеты «Северный Кавказ», в которой долгие годы работал секретарем, позже – редактором. Заметки Хетагурова «По городу», корреспонденции, статьи и фельетоны отличались разнообразием тем, живым языком и были посвящены истории и быту народов Северного Кавказа, обычным людям, живущим с ним в одном городе. В Ставрополе он читал публичные лекции на естественно-научные и исторические темы в воскресной школе, участвовал в постановке спектаклей, сам писал декорации, организовал первый детский театр и кружок изящных искусств.

Литературные и публицистические произведения К. Хетагурова печатались на страницах столичных изданий, в петербургских газетах «Сын Отечества» и «Санкт-Петербургские ведомости». После опубликования его статьи «Неурядицы Северного Кавказа» по ходатайству Начальника Терской области генерала Каханова опальный поэт был выслан в Херсонскую область «во избежание преступных между осетинами событий и для успокоения умов местного населения». Херсонская ссылка длилась год. Там К. Хетагуров начал работать над историческими поэмами «Хетаг»

и «Плачущая скала», посвященными прошлому своего народа.

Коста Хетагуров был видным литературным и общественным деятелем, ведущим кавказским публицистом в русской периодике того времени. Его поэтический сборник «Ирон Фандыр» («Осетинская лира») был переведен на многие языки не только в нашей стране, но и за рубежом. Он блестяще знал русскую литературу и историю. Считая русский своим вторым родным языком, поэт многие произведения писал на этом языке.

Он пропагандировал русскую культуру, литературу, произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова.

Их творческие биографии дают возможность исследовать не только отдельные сюжеты истории, но и процесс самой творческой деятельности, позволяют воссоздать историю интеллектуальной жизни провинциальных исследователей, научных практик и идей, преломленных через специфику провинциального социума.

Т. А. Колосовская

**ВОЕННО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ КАВКАЗА
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОРИЕНТАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА
В РОССИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)**

К дискуссионным темам современной исторической науки относится имперское прошлое России и Европы сквозь призму взаимоотношения власти и науки¹. В этой связи особый интерес приобретает проблема формирования комплекса знаний и представлений о Кавказе в составе Российской империи. В сознании русского общества дореволюционного периода этот регион воспринимался в качестве «своего Востока». Общеизвестен сюжет из биографии кавказоведа А. П. Берже, который планировал по окончании восточного факультета Петербургского университета (1851 г.) для изучения Востока отправиться в Египет, на что император Николай I заметил: «Берже не для чего ехать за границу, на восток, так как Россия имеет свой

¹ См. об этом: История. 2014. Вып. 4 (27). Тема номера: Ученые, знания и власть в колониальных и континентальных империях.

Восток, это – Кавказ, пусть он туда и отправляется...»².

В рамках настоящей статьи обратим внимание на особенности организации исследовательских практик на Кавказе в условиях его постепенной интеграции в имперское пространство и их влиянии на формирование восприятия региона в российском обществе того времени.

Процесс познания Кавказа в России был весьма долгим и трудным. Исследование региона и его постепенная интеграция в государственное пространство империи шли рука об руку. В последней четверти XVIII – начале XIX в. научное изучение новой окраины проводилось, прежде всего, в рамках организуемых Российской Академией наук экспедиций и поездок отдельных ученых. Путешествия И. А. Гильденштедта,

² Цит. по: Семевский М. Адольф Петрович Берже // Русская старина. 1886. Т. 3. С. 729.

С.-Г. Гмелина, И. П. Фалька, Ф. Черного, П.-С. Палласа позволили собрать богатые и разносторонние материалы.

При этом нельзя не отметить, что проведение полевых исследований в регионе наталкивалось на ряд серьезных затруднений. По верной оценке известного кавказоведа Л. И. Лаврова, «то был настоящий подвиг, так как ученые в экспедиции годами находились в отрыве от дома, испытывали множество транспортных трудностей, терпели различные лишения, часто встречали непонимание, а то и враждебность со стороны населения и местной администрации и даже рисковали собственной жизнью»¹. Их передвижение в приграничных районах Северного Кавказа осуществлялось под сильным воинским конвоем и в виду войск Кавказской линии. Свои маршруты путешествий им приходилось составлять с учетом планов российского командования и общей обстановкой в горах. «...Каждый раз надо было сообразоваться с обстоятельствами и с положением вещей, – писал И. А. Гильденштедт. – Вероломство, лицемерие, хищничество, коварство, жестокость и непостоянство кавказских князей ни с чем несравнимо. Князь, который вчера торжественно признавал Россию, завтра будет строить козни и послезавтра станет открытым врагом. Если бы я не соблюдал всевозможную осторожность и осмотрительность, то я наверняка стал бы мучеником естественной истории»².

Даже при сильном конвое, необходимо было соблюдать осторожность и проявлять внимание. Но и это не всегда помогало. В Осетии И. А. Гильденштедт был захвачен в плен. Для его освобождения с Кавказской линии пришлось отправить значительный воинский отряд и в конечном итоге заплатить выкуп³. Та же участь постигла К. Арнольди, участника экспедиции Ф. Черного, который был захвачен под

Моздоком «черкесами», несколько раз перепродан и освобожден из плена только через 7 лет. После случившегося Арнольди просил освободить его от работы в Академии наук и принять на военную службу, где он мог быть полезен как человек, знающий несколько кавказских наречий⁴. Академик С.-Г. Гмелин был захвачен в плен дагестанским владетелем уцмием Кайтагским и, пробыв в плену полгода, скончался от истощения и лихорадки. К счастью, материалы его были отданы отпущенным из плена спутникам ученого, студенту Ивану Михайлову и переводчику Федору Бауру, которые и доставили их в Академию наук.

Признавая заслуги участников академических экспедиций второй половины XVIII в., работы которых знакомили русского и европейского читателя с Кавказом, нельзя не согласиться с мнением М. О. Косвена о том, что «собственные сборы этих авторов, не владевших ни русским, ни тем более местными языками, могли быть только весьма ограниченными» и многие приводимые ими сведения просто заимствовались из русских источников, в том числе из исследований российских военных⁵. Об этом же пишет еще один авторитетный ученый. По замечанию историка Н. И. Покровского в кавказоведческой литературе этого времени «встречаются имена русских писателей и ученых, западноевропейских путешественников и исследователей. Но, анализируя материал, который дают эти работы, мы почти всегда можем увидеть, что авторы заимствовали сообщаемые ими факты у представителей русской военной администрации, чаще всего у офицеров Кавказской армии»⁶.

На фоне усилившегося на рубеже XVIII–XIX вв. интереса российской полити-

¹ Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России / Лавров Л. И. Избранные труды. Нальчик, 2009. С. 450.

² Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 39.

³ Осетины во второй половине XVIII века по наблюдениям И. Штедера. Документы подготовил к изданию и снабдил введением Г. Кокиев. Орджоникидзе, 1940. С. 7.

⁴ См. об этом: Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.: Л., 1940. С. 47.

⁵ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. 1. Обзор дореволюционной литературы по этнографии Кавказа, в том числе материалов, публиковавшихся в газете «Кавказ» / Кавказский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1955. С. 283.

⁶ Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 27.

ки к Кавказу, военными был создан целый ряд работ, описывающих положение дел в различных его регионах. Прежде всего, в фокусе внимания оказалась Восточная Грузия, чья территория сначала попала под российский протекторат (1783 г.), а затем была включена в пределы государственных границ Российской империи (1801 г.).

Одним из первых военных исследователей стал капитан лейб-гвардии Семеновского полка Николай Данилович Языков (1740 – ?), отправленный в 1770 г. в Грузию, по государственным делам. В составленной для него инструкции указывалось на необходимость сбора различных сведений о стране и ее жителях. «Сколько допустит вам время и удобства представятся, – отмечалось в инструкции, – не излишне вы сделаете, примечая положение вообще тамошней земли, нравы и качества жителей, власть и силу владетелей и их между собой соответствие, дабы по возвращении Вашем вы были бы в состоянии нам подать точные и надежные о всем уведомления для размеру и распоряжения наших мер относительно до того края и на будущие времена»¹. В итоге Языкову удалось составить «Записки», содержащие историческую и этнографическую информацию о Восточной и Западной Грузии.

В 1793 г. полковником Степаном Даниловичем Бурнашевым (1743–1824) были выпущены две работы, содержащие политическое описание Восточной Грузии и Азербайджанских областей Закавказья. Обе книжки были написаны в бытность его представителем российского правительства при дворе грузинского царя Ираклия II и являлись самыми ранними русскими печатными сочинениями, специально посвященными Кавказу².

В последней четверти XVIII в. в условиях форсированной российской колонизации Северного Кавказа изучение региона стало одним из важных направлений деятельности кавказской военной администрации. Ярким тому подтверждением является исследовательская деятельность

Павла Сергеевича Потемкина (1743–1796) – командующего войсками Кавказской линии и первого Кавказского наместника.

Составленное Потемкиным в 1784 г. «Краткое описание о кабардинских народах» получило значительное распространение в рукописном виде и позднее было несколько раз пересказано рядом авторов начала XIX в. В настоящее время рукопись этого сочинения хранится в Российском государственном военно-историческом архиве³. «Описание» Потемкина представляло собою сравнительно краткую, но весьма разностороннюю характеристику кабардинского народа и в целом давало для своего времени довольно обстоятельные, точные и совершенно новые сведения. При этом данные Потемкина основывались на непосредственном знакомстве автора с кабардинцами.

Описание мер, которые надлежит принять, для того чтобы привлечь закубанских горцев на сторону России, а также их этнографическая характеристика составили основное содержание «Замечаний о закубанских народах», написанных полковником Иваном Кираевым в 1796 г.⁴.

Изучение северокавказских территорий, вошедших или с течением времени входивших, в сферу русского политического и культурного влияния, являлось обязанностью чинов квартирмейстерской части. При Екатерине II на основе квартирмейстерской части был образован Генеральный штаб. Как вспомогательный орган военного управления и командования в его обязанности входило в мирное время заниматься вопросами подготовки к будущим войнам. Одной из важных функций, выполняемых Генеральным штабом, было ознакомление с соседними армиями и основательное изучение театров войны⁵. В рассматриваемый период круг выполняемых квартирмейстерами поручений на Кавказе включал изучение местности, где

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 18473. Дело с кратким описанием о кабардинских народах, составленным генерал-поручиком Павлом Потемкиным, в 1784 г.

⁴ Косвен М. О. Указ. соч. С. 283.

⁵ Генеральный штаб/ Военная энциклопедия. Т. VII. СПб., 1912. С. 234-235.

¹ Цит. по: Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа... С. 279.

² Косвен М. О. Указ. соч. С. 279.

войска действуют, проведение военно-топографических съемок, ведение военно-исторического журнала всем происходившим событиями составление военных карт¹.

Одним из таких военных исследователей Центрального Кавказа и путей в Грузию стал подполковник Леонтий Леонтьевич фон Штедер. Даты рождения и смерти Л. Штедера неизвестны, а его биография еще ждет своего исследователя. Те отрывочные сведения, которые имеются о нем, сводятся к тому, что он состоял на русской военной службе на Кавказе и занимал должность дивизионного квартирмейстера.

Неся службу на Кавказской линии, по поручению командования в 1781 г. он был отправлен в Осетию и прилегающие к ней районы, где занимался картографированием и минералогическими разведками. «Это путешествие, – писал впоследствии Штедер, – было предпринято с целью исследовать центральную часть Кавказа, особенно путь в Грузию и Имеретию, составить военно-географическую карту, описать горское население поселений в степи у подножия гор и провести исследование в царстве минералов»². С отрядом в 50 казаков и несколькими переводчиками отправился Л. Штедер из Моздока в поисках удобного пути в Грузию через Центральный Кавказ.

В его поле зрения оказались территории, расположенные южнее Кавказской линии и полностью не подконтрольные российской администрации. В ходе обозрения местности Л. Штедер вел записи, в которых отразил сведения об особенностях ландшафта, описал автохтонное население, охарактеризовал его образ жизни, взаимоотношения между собой и с российскими властями. Написанное с позиций «белого человека» сочинение Штедера пронизано оценками местных жителей, которые сегодня могут показаться оскорбительными: «разбойники, которые

нам так мало известны», «дикие и пылкие на вид, податливы на ласку и грабители по бедности и привычке»³. При этом нельзя не заметить явного любопытства Л. Штедера по отношению к наблюдаемому им «другому миру» и даже некоторое восхищение местной «экзотикой». Последнее прослеживается в описании героического поступка молодого кабардинского князя-проводника, не побоявшегося рискнуть своей жизнью, чтобы спасти тонущего узденя; в подробном рассмотрении священного места с «не тлеющими телами», которое, по словам самого Л. Штедера, производит «впечатление сказочности», наконец, в выводе о том, что «при их (ингушей – прим. Т. К.) гостеприимстве, при похвальном равномерном распределении того, что дает им счастье и случай, теряют они облик дикарей и предстают более человечными, чем наши алчные благовоспитанные люди»⁴.

Записки Л. Штедера полны желанием понять нравы и обычаи местных жителей, объяснить их «дикость» и «воинственность». «В их (осетин. – прим. Т. К.) характере отметить можно черты хороших от природы людей, – подчеркивает Штедер, – которые только благодаря привычкам и предрассудкам получили ложное направление»⁵. И это не случайно. Ведь наряду с подробной рекогносцировкой местности в обязанности Л. Штедера входило установление контактов с населением и поиски подходов для привлечения их на сторону российского правительства. Вывод, к которому пришел Л. Штедер полон оптимизма: «Считать безопасные сношения с этими варварами за невозможное – является простым предрассудком. Наше собственное поведение является причиной многих неприятностей. Справедливое и уступчивое поведение сделало бы из этих горцев давно наших друзей и, конечно, хороших подданных»⁶.

³ Там же. С. 203, 210.

⁴ Там же. С. 205-218.

⁵ Штедер Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году / Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.) Орджоникидзе, 1967. С. 41.

⁶ Там же. С. 42.

¹ Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. Т. I. СПб., 1883. С. 16.

² Штедер Дневник путешествия в 1781 году от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа / Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. С. 202.

Впервые дневник Л.Штедера был опубликован П.-С. Палласом в 1797 г. без указания автора на немецком языке. Это подтверждает факт обращения участников академических экспедиций к сведениям, собираемым о северокавказских территориях офицерами квартирмейстерской части. Более того, сам П.-С. Паллас называл Л. Штедера сведущим лицом, сообщившим ему много полезных сведений о кавказских горцах.

Во время Персидского похода В. Зубова чинами квартирмейстерской части было поручено провести съемку местности для составления карты западного побережья Каспийского моря. В ходе выполнения поручения были составлены описания отдельных территорий: майором Д. И. Тихоновым – Северного Дагестана, Ф. Ф. Симоновичем – Южного Дагестана, И. Т. Деревянкиным – Ширвана. Рукописи этих сочинений включают информацию о географии расселения местных жителей, сведения военно-топографического и статистического характера. Майором Черноморского гренадерского корпуса А. Г. Серебровым было подготовлено историко-этнографическое описание Дагестана обобщающего характера¹.

В 1810 г., под руководством подполковника Андрея Мартыновича Буцковского (1781 – ?) проводились съемки и рекогносцировки, на основе которых в 1819 г. разработали подробную 15-ти верстную карту Грузии с прилегающими к ней территориями².

В этом же году А. М. Буцковский был командирован на Кавказскую линию для сбора сведений о населении Кавказской губернии и соседних с ней горских и кочевых народах. В рапорте на имя управляющего квартирмейстерской частью генерал-адъютанта князя Волконского от 1 август 1812 г. он сообщал, что «...я в течение более 2-х годового здесь пребывания, посетив неоднократно сии народы в жилищах их, упо-

требил все старания дойти до ближайшего познания их состояний... и работы по возложенному на меня поручению почти выполнены»³. В условиях военного времени Буцковский предлагал воспользоваться имеющимися у него сведениями о хозяйственной жизни населения и использовать их на практике для организации поставок лошадей и рогатого скота в действующую армию, не вызывая при этом возмущений со стороны местных жителей.

Составленное Буцковским военно-статистическое и топографическое описание Кавказской губернии и соседних с ней областей⁴ стало типичным описанием, разработанным для решения военно-экономических и стратегических задач. Оно включало сведения о расселении, характере социальных отношений, степени лояльности местного населения к российской администрации.

Отрывочные сведения о трудах по Кавказу, выполненных офицерами квартирмейстерского ведомства встречаем в исследовании Н. П. Глиноецкого. Опираясь на приказы по квартирмейстерской части, он упоминает о рукописи поручика Михаила Николаевича Муравьева «Описание кавказских народностей». Она была подготовлена поручиком в ходе его двухлетнего пребывания на Кавказе и в 1816 г. подарена Военно-топографическому депо⁵.

В целом, создаваемые офицерами квартирмейстерской части описания отдельных частей Кавказа, по своему содержанию продолжали традиции, сформировавшиеся еще в петровскую эпоху. Однако это уже не были сухие и схематичные перечисления этнических групп, главным критерием классификации которых выступала степень лояльности российскому правительству. В них прослеживаются первые попытки сбора и систематизации разноплановых сведений этнографического характера. Объяснение такого подхода

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16 Д. 18474. Дело с описаниями Северного и Южного Дагестана, Персии, Ширванской и других закавказских провинций, составленными майором Серебровым. 1796 г.; опубликовано в «История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы». М., 1958. С. 126-194.

² Глиноецкий Н. П. История Русского Генерального штаба. Т. 1. СПб., 1883. С. 347.

³ Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 5. Тифлис, 1873. С. 854.

⁴ РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300. Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, сочиненное квартирмейстерской части подполковником Буцковским.

⁵ Глиноецкий Н. П. Указ. соч. Т. 1. С. 358.

находим у Н. Ф. Дубровина: «Войскам и администрации решительно нет необходимости в знании, кто был родоначальником их противника и которое, по счету, поколение живет на месте столкновения; но войскам необходимо знать, храбр ли его противник или трус, а администрации – каковы его силы, и в чем заключается источник значения или могущества неприятеля. Ей необходимо знать характер и быт того народа, с которым она приходит в столкновение и среди которого проявляется ее власть и значение»¹.

Собираемые военными сведения о Кавказе и его жителях, вместе с материалами академических экспедиций, пополняли ту эмпирическую базу, на основе которой стали создаваться обобщающие работы по кавказской тематике. В числе их авторов были и российские офицеры, принимавшие непосредственное участие в военно-политических событиях в регионе. Среди них особо выделялись труды П. Г. Буткова², С. М. Броневского³ и И. Л. Дебу⁴.

С одной стороны, исторические курсы в их исследованиях формировали представления о Кавказе как о территории, связи с которой русское государство традиционно поддерживало и укрепляло с XVI в., обосновывая тем самым законность притязаний России на эти земли. С другой стороны, сведения о политическом устройстве и непростых взаимоотношениях его жителей с российской администрацией и между собой приводили к формированию устойчивых представлений о «дикости» и «своеволии» местного населения – стереотипов, которые закрепля-

лись в общественном сознании и влияли на общее отношение к Кавказу в дальнейшем.

Таким образом, часто разрозненные, но отличающиеся высокой степенью достоверности, исследования военных способствовали накоплению сведений о Кавказе и во многом открывали его для российского и европейского общества. Их записки и походные дневники, содержащие описание увиденного ими самими, образовали целый пласт ценнейших материалов по истории, географии и этнографии региона, и нередко служили источником информации для участников Академических экспедиций.

Военными исследователями, преимущественно офицерами квартирмейстерской части, были составлены краткие обзоры народов Кавказа и ранние описания его отдельных территорий. Создавались такие сочинения в рамках выполнения служебных заданий, поэтому, в первую очередь, преследовали прагматические цели: решение военно-стратегических задач и освоения ресурсов присоединенных территорий. Сборы топографических и этнографических сведений, осуществляемые квартирмейстерами, образовали тот фундамент, на основе которого стали создаваться первые обобщающие работы по кавказской тематике. В рассматриваемое время опубликованными, и, следовательно, доступными широким кругам общественности оказались не многие из них. Тем не менее, даже находясь в рукописях, кавказские материалы военных активно использовались следующими поколениями исследователей, задавая тему общего восприятия Кавказа в России как своего «Востока» и закладывая основы российского ориентализма.

¹ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. С. XIV.

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. / ред. Л. Броссе. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1869. Ч. I. 545 с.; Ч. II. 592 с.; Ч. III. 620 с.

³ Броневский С. М. Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах / Подготовка текста к изд., предисл., прим. И. К. Павловой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 464 с.

⁴ Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседствующих горских народах / Собр. И. Дебу с 1816 по 1826 г. СПб., 1829. 463 с.

Ю. Ю. Клычников

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕВДОКИМОВ И ЗАВЕРШЕНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

Начавшийся 1859 г. был ознаменован энергичной подготовкой российским командованием решающего удара против имамата Шамиля. Одним из главных вдохновителей и организаторов этой операции был Н. И. Евдокимов, чей авторитет в войсках и в глазах наместника А. И. Барятинского был непоколебим. С первых чисел наступившего 1859 г. Николай Иванович проводит рекогносцировку Басского ущелья и приступает к рубке просек¹. Эти работы, завершившиеся к середине месяца, позволяли российским войскам беспрепятственно и быстро оперировать на этой территории и готовиться к прорыву на Ведено – столице имамата.

В свою очередь, Шамиль строил укрепления и собирал ополчение из сохранявших ему преданность горских обществ. Имам также прилагал усилия, чтобы получить информацию о замыслах противника, а потому, узнав об угрозе, нависшей над Ведено, он осенью 1858 г. созвал в Шали общественное собрание, на котором «произошли большие совещания и рассуждения относительно русских. Шамиль сказал: «Не пугайтесь русских! Я из Ахульго вышел с 7-ю человеками, а теперь вот каким сделался, с помощью вас! Не думайте, что я вас оставлю без всякой помощи и уеду в горы! Нет, я умру здесь, в земле вашей. Вы такие смелые и храбрые! Будьте покойны и ничего не бойтесь!»².

Помимо лести, не обошлось и без угроз: «О, народы и общества Дагестана и Чечни! Знайте, что я вам говорю истину.

Я не требую от вас денег. Нет! желание моё, чтобы вы сражались с русскими и не имели бы с ними никаких сношений. Ей-богу, они не имеют никакой другой цели относительно этих бедных жителей Чечни и Дагестана, расточая столько денег и погубляя солдат, как только то, чтобы брать вас в солдаты, а жён ваших в матушки (русская женщина). Они отберут у вас оружие и даже не позволят иметь ножа. Всех почётных ваших сошлют в Сибирь, и вы будете, после того, как мужики. Вы подождите немного – и увидите, что будет после. Вы будете раскаиваться и грызть себе пальцы; но ничто вам тогда не поможет»³.

Как показали дальнейшие события, слова имама не произвели должного впечатления на подвластных ему людей. Желающих рискнуть своими жизнями находилось всё меньше, а потому при малейшей угрозе или неудаче собранные Шамилём отряды предпочитали просто разбежаться.

Долину Басса горцы перегородили несколькими завалами, за которыми укрылись многочисленные стрелки, готовые встретить противника шквальным огнём. Штурм таких позиций мог дорого стоить российским войскам, а потому Н. И. Евдокимов решил совершить обходной маневр, и пока 15 января 1859 г. один русский отряд отвлекал внимание мюридов, имитируя подготовку к лобовой атаке их укреплений, другой обошёл завалы с тыла. Оказавшись меж двух огней, горцы бросились бежать, и на их плечах русские ворвались в селения Хатуни и Таузенъ.

Близость желанной цели не вскружила голову Н. И. Евдокимову. Войска вновь начали прокладывать дорогу, доступную для

¹ Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. Т. II. М., 1890. С. 136.

² Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 52.

³ Там же.

колесного транспорта, не затягивая, но и не форсируя подготовку к штурму Ведено. Ему было известно, как опасается возможной длительной осады этого селения А. И. Барятинский, и на это имелись все основания. Кавказские ветераны помнили о кровавых боях за Гергебиль, Салты и Чох¹. Следовало сделать всё возможное, чтобы подобный сценарий не повторился.

На пути к Ведено располагалось селение Алистанжи (Элистанжи), к которому двинулись основные силы русского отряда. Предполагалось встретить сопротивление неприятеля, но мюриды не приняли боя и сожгли селение. Противник был явно деморализован и никаких серьезных действий не предпринимал. Как доносила разведка, Шамиль уже заранее смирился с падением своей столицы и спешно выводил оттуда своё имущество².

Не сомневался в победе и Н. И. Евдокимов. Он предложил А. И. Барятинскому скорректировать планы относительно будущих действий в долине Андийского Койсу. Если первоначально планировалось осуществлять вторжение из Салатавии, то в свете последних успехов генерал считал целесообразным избрать в качестве плацдарма Ведено и Аргунское ущелье. В письме главнокомандующему от 20 января 1859 г. он отмечал, что если «удастся мне покорить и выселить народонаселение Чечни между Бассом и Хулхулау, мы получим тогда кратчайшую и безопасную колесную дорогу до Веденя, где могли бы образовать второй складочный пункт с тем, чтобы направить войска в Андию не по одной дороге, через Буртунай, а по двум – и через Ведень. Движение это, отделив чеченцев и ичкеринцев от гор, вынудит покориться окончательно и тех, кои не принесут её (покорности), зимою; после чего мы будем иметь в тылу своем вновь покоренные племена и два пути для наших подвозов, – что без сомнения весьма облегчит все действия в Андийской долине»³. Этот

замысел нашёл полную поддержку со стороны А. И. Барятинского, в очередной раз высказавшего генералу своё уважение и признательность за боевые заслуги. Вновь к Н. И. Евдокимову было отправлено полсотни Георгиевских крестов, чтобы он мог наградить отличившихся. Самого же генерала, по мнению Александра Ивановича, «наградит достойно царь», подразумевая, что лишь ему по праву чествовать столь славного воина.

Перед штурмом Ведено генерал рассчитывал дать своим уставшим подчинённым небольшой отдых, но тревожные сведения о том, что к Шамилю должны подойти новые силы, заставили Н. И. Евдокимова изменить свой замысел. Передышка сейчас – завтра стоила бы большой крови. Об этом же говорил и находившийся в его отряде майор милиции Бата (Бота) Шамурзаев, бывший наиб Шамиля, который перешёл на сторону русских и стал близким товарищем для А. И. Барятинского. Наместник прислушивался к его советам и доверял ему. В оценке сложившейся ситуации взгляды Н. И. Евдокимова и Б. Шамурзаева полностью совпадали, и было принято решение немедленно отправить в обход Ведено отряд под командованием полковника Александра Алексеевича Баженова, а вслед за ним двинуть к селению и основные силы.

Утром 7 февраля 1859 г. мюриды обнаружили, что у них в тылу оказались русские войска. Как и рассчитывал Н. И. Евдокимов, горцы, которые прикрывали прямую дорогу на Ведено от Элистанжи, покинули занимаемые позиции и скрылись в селении. Но генерал столкнулся с препятствием, которое поставило под угрозу всю операцию. Сильно пересечённая местность оказалась непроходимой из-за начавшейся оттепели. Орудия и повозки вязли в глубокой грязи, и когда авангард отряда вышел к Ведено, арьергард даже не покинул лагеря. Колонна растянулась и не могла обеспечить собственную охрану, не говоря уже о том, чтобы оказать помощь силам А. А. Баженова. В случае нападения мюридов он мог рассчитывать лишь на себя, а потому встревоженный Н. И. Евдокимов стал посы-

¹ Зиссерман А. Л. Указ. соч. С.137.

² Тахир Мухаммед ал-Карахи. Три имама/ Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Махачкала, 1926. Вып. 45. С.192.

³ Цит. по: Ореус И. И. Граф Николай Иванович Евдокимов (1804–1873) // Русская старина. 1889. №7. С. 85.

лать к нему одного гонца за другим с приказом отступить. К счастью, противник не решился на активные действия, и русские войска благополучно соединились, разбив бивуак возле брошенного селения Джантемир-Юрт, к северу от Ведено. Генерал лично возглавил отряд кавалерии и находился на острие удара. Выбив неприятеля с близлежащих высот, Н. И. Евдокимов предупредил его попытку обстрелять русский лагерь и одновременно начал энергично разрабатывать дорогу к своему новому плацдарму, с которого собирался ударить по столице имамата¹.

Внимательно следивший за действиями генерала А. И. Барятинский не скрывал своего восхищения достигнутым результатом. На этот раз он отправляет Н. И. Евдокимову сто Георгиевских крестов, т. к. высланные ранее нашли своих заслуженных героев. «Скаредность» здесь была неуместна. Люди генерала действительно не щадили себя, проявляя мужество и воинское мастерство в борьбе с опытным и фанатичным неприятелем.

Для помощи Н. И. Евдокимову решено было активизировать действия в Дагестане, в частности, направить к селению Аух отряд ген.-ад. Александра Евстафьевича Врангеля, чтобы не дать местным сторонникам Шамиля прийти к нему на выручку. Сам же Н. И. Евдокимов тщательно готовился к предстоящему штурму веденской твердыни. Он накапливал силы и средства, продолжая совершенствовать дорогу к своему лагерю. Сам факт столь близкого соседства русских заставлял сторонников Шамиля испытывать всё усиливающееся беспокойство по поводу исхода борьбы. Имам принимает решение покинуть Ведено, а оборону селения поручить сыну – Казим-Магомеду².

О произошедшем в горском обществе изменении настроений близкий приверженец Шамиля Абдурахман Газикумухский (Сайид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ал-Дагестани)

впоследствии писал следующее: «...когда увидел Шамиль, что у народа отсутствует решимость оказывать сопротивление русским, потому что каждая личность из различных горских народов с их многочисленными языками, независимо от того, ра'ис (начальник – Ю. К.) он или простой, знатный или незнатный, – [все они] обращаются к русским, отказываясь от того дела, которое было возложено на них первым имамом Дагестана...»³.

В нелёгких трудах по подготовке наступления на Ведено завершился февраль и начался март. Как бы ни хотелось А. И. Барятинскому ускорить решительный штурм оплота мюридов, он проявлял выдержку и всячески поддерживал своего осмотрительного подчинённого. В письме к Н. И. Евдокимову генерал Д. А. Милютин писал: «Сообщаемые вами известия радуют князя Александра Ивановича. Каждый новый факт служит как бы новым, торжественным подтверждением непогрешимости и прочности принятой вами системы движений. Успехи ваши должны более и более укреплять нас в намерении и на будущее время продолжать действовать столь же основательно и методически, не делая ни одного шага на авось»⁴.

Учитывая важность Ведено и удобство его расположения, генерал Н. И. Евдокимов предполагал и в дальнейшем держать здесь на постоянной основе воинское подразделение, а потому в полутора верстах от аула начали возводить штаб-квартиру Куринского пехотного полка.

Наконец к середине марта работы по строительству дороги были завершены, и можно было приступить к долгожданному штурму. Ведено представляло собой достаточно хорошо подготовленную по местным меркам фортификацию. «Горские укрепления состояли из толстых и высоких брустверов, сложенных из брёвен, пересыпанных землёй, с прикрытием для стрелков, рвами, палисадами, блиндажа-

¹ Зиссерман А. Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880). Т. III. СПб., 1881. С. 321–322.

² Гаджи-Али. Указ. соч. С. 53.

³ Сайид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ал-Дагестани. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля / Пер. с араб., введ., коммент., указ. Н. А. Тагировой. М., 2002. С. 46.

⁴ Цит. по: Ореус И. И. Указ. соч. // Русская старина. 1889. №7. С. 93.

ми и тур-бастионами», которые, по сведениям лазутчиков, защищали около семи тысяч человек во главе с сыном имама¹.

Для взятия селения Н. И. Евдокимов сосредоточил 13,5 батальонов, которые при поддержке артиллерии в ночь с 16 на 17 марта 1859 г. начали возводить редуты, батареи и вести траншеи в непосредственной близости от аула. Попытки горцев помешать работам отражались боевым охранением.

Как писал Мухаммед Тахир ал-Карахи, «мюриды, во главе с Гази-Мухаммедом, очутились в железном кольце. Не было запасов продовольствия, не было топлива. Холод и голод мучил защитников. Трудно было чего-нибудь достать»². Боеспособность неприятеля таяла с каждым днём.

К концу месяца всё было готово для решительной атаки. Утром 1 апреля начался артиллерийский обстрел т. н. Андийского редута – ключевой точки Ведено. Длился он до вечера, хотя к полудню в стенах укрепления были пробиты бреши. Но понапрасну проливать кровь своих солдат Н. И. Евдокимов не желал и максимально использовал преимущество в пушках, к которым побеспокоился подвезти необходимое количество боеприпасов. Прошли те времена, когда горцы безнаказанно расстреливали русские колонны, идущие в отчаянные штыковые атаки на надёжно укрывавшегося от них в своих крепких саклях неприятеля. Теперь защитники Ведено гибли под руинами ставшего ловушкой укрепления, даже не имея возможности забрать жизнь своего врага.

Впрочем, осаждавшим расслабляться не приходилось. Горцы не прощали беспечности и старались из дальнбойных штуцеров поразить тех, кто неосторожно выглядывал из-за бруствера. Один из офицеров-участников осады оставил следующие воспоминания о последних часах сопротивления столицы имамата: «Любопытство заставляло меня искать удобного места для осмотра аула и редута. Большая часть бойниц, образованных из мешков с землёю или из дернин, была занята стрел-

ками. Я считал возможным посмотреть и через верх траншеи, но вскоре убедился в неудобстве такого рода наблюдений: лишь только папаха моя показалась на гребне траншеи, в ту же минуту просвистела пуля и упала в трёх шагах от меня, ударившись о камень. Пуля была штуцерная. После этого предостережения я стал осторожнее, однако мог ясно рассмотреть печальное положение неприятельского редута...

– Организм нашей армии в полной исправности – заметил Николай Иванович. – Артиллеристы работают, инженеры отдыхают, солдаты хранят многозначительное молчание»³.

Появившийся в отдалении Шамиль не решился атаковать русские войска и ограничился тем, что выслал пехоту в поддержку осаждённому в ауле. Но это уже не могло изменить ситуацию. Когда артиллерийский огонь был перенесён на само селение, а на штурм Андийского редута двинулись русские колонны, в авангарде которых действовали «штуцерные» роты, мюриды подожгли Ведено и начали спасаться бегством⁴. В своё оправдание они говорили, что «русские повели такое сильное наступление, что у них не было никаких сил сражаться с ними и оказать им какое-либо сопротивление»⁵. К 10 часам вечера селение оказалось в руках победителей. Благодаря разумным приказам и выдержке успех стоил Н. И. Евдокимову 2 убитых и 24 раненых.

Любопытно описание этой боевой операции, сделанное приближённым имама Гаджи-Али, который, будучи неразлучен с Шамилём⁶, вполне мог передать его эмо-

³ Шабанов И. Воспоминание о зимней экспедиции 1859 года в Чечне // Военный сборник. Т. LI. СПб., 1866. С. 330-331.

⁴ Цезарский А. Описание боевой жизни 3-го Кавказского стрелкового батальона / Под ред. ген.-м. Чернявского. Б. м., 1881. С. 17.

⁵ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / Перевод с арабского А. М. Барабанова, предисловие И. Ю. Крачковского. М., Л., 1941. С. 243.

⁶ Сам Гаджи-Али отмечал: «Я никогда не разлучался с Шамилём ни в походах, ни дома, и он, наконец, удивившись в моей преданности, поручил мне следить за поступками и поведением его приближённых и учёных» (Гаджи-Али. Указ. соч. С. 3-4). Таким образом, он относился к числу близких доверенных лиц имама.

¹ Фадеев Р. А. Кавказская война. М., 2003. С. 83.

² Тахир Мухаммед ал-Карахи. Указ. соч. С. 192.

ции и оценку последствий падения его столицы. Он не без досады поведал, что «Евдокимов окружил Дарги, однако же, не мог взять их лицом к лицу, а успел в этом только хитростью. Он, траншеями подошёл до Даргов, начал бросать туда ядра, бомбы и гранаты, что очень ослабило осаждённых. Поутру, в четверг 23-го рамазана, целый день продолжалась сильная канонада из всех орудий по Даргам, так что залпы сливались в один протяжный гул, и кроме дыму и пыли ничего не было видно. Вечером, когда осаждённые приготовились к совершению намаза, русские вдруг, как саранча, бросились с криком с четырёх сторон на Дарги. Мусульмане не в силах были выдержать штурма и бежали. Там остались только горсть храбрецов, чтобы забрать оставшиеся пожитки, захватив которые, они пришли вслед за главными силами в Харачой. После того, как русские завладели Чечнею, Шамиль потеряв всякую надежду на возвращение оной, отправился с сыном Кази-Мухаммедом в сел. Старые Дарги. С этого времени Шамиль день ото дня клонился к упадку. Потеря в этот раз простиралась до 135-ти убитыми; раненых было около 205-ти человек»¹.

В приказе наместника по случаю взятия Ведено были простые, но многого стоившие слова: «Слава генералу Евдокимову! Спасибо храбрым сподвижникам его!»². В личном письме А. И. Барятинский от всей души благодарил победителя и вновь отправил двести знаков отличия для награды достойнейших³. А император пожаловал генералу орден Святого Георгия 3-й степени и возвёл его в графское достоинство⁴. Как писал биограф Николая Ивановича, «таким-то образом сын

темного армейского солдата, не имевший никаких сильных связей, достиг одного из высших почётных званий в государстве. Зависть и недоброжелательство должны были смолкнуть перед неотразимой силой фактов...»⁵.

Обласканный вниманием начальства генерал в свою очередь старался наградить своих отличившихся подчинённых. Зная, какой ценой достаются на Кавказе ордена, он с самыми искренними чувствами чествовал достойных. Одному из солдат-тенгинцев, который обратил на себя внимание храбростью и находчивостью в бою за Ведено, он «трижды поцеловал перед фронтом и прикрепил ему на грудь знак отличия военного ордена»⁶.

Чтобы закрепить плоды победы, Н. И. Евдокимов отдал распоряжение разрушить веденские укрепления. Возникла заманчивая идея воспользоваться тем эффектом, который произвело на горцев падение «столицы» имамата, и разгромить силы мюридов, укrywшихся в глубине Ичкерии. Но, столкнувшись с нехваткой продовольствия и фуража, Н. И. Евдокимов решил не форсировать события и предпочел увести большую часть отряда на равнину, оставив под Ведено около семи батальонов для контроля над занятой территорией. Ещё два батальона были отправлены поддерживать верхнеаргунских чеченцев, которые выступили против Шамиля на стороне русских.

Напрасно имам, собрав чеченцев в селении Эрсеной, призывал их продолжить борьбу, не жалея на это красивых слов: «Во всём Дагестане храбрее вас нет, чеченцы! Вы свечи религии, опора мусульман. Вы были причиной восстановления исламизма после его упадка. Вы много пролили русской крови, много забрали у них имущества, пленили знатных их. Сколько раз вы заставляли трепетать сердце их от страха! Знайте, что я товарищ ваш и постоянный ваш кунак, пока я буду жив.

¹ Сам Гаджи-Али отмечал: «Я никогда не разлучался с Шамилем ни в походах, ни дома, и он, наконец, убедившись в моей преданности, поручил мне следить за поступками и поведением его приближённых и учёных» (Гаджи-Али. Указ. соч. С. 3-4). Таким образом, он относился к числу близких доверенных лиц имама. С. 53-54.

² Ореус И.И. Указ. соч. // Русская старина. 1889. №7. С. 94-98.

³ Письма князя А. И. Барятинского к Н. И. Евдокимову // Русская старина. 1886. Т. 52. С. 183.

⁴ Гизетти А. Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901. С. 141-142.

⁵ Ореус И. И. Указ. соч. // Русская старина. 1889. №7. С. 99.

⁶ Лавров А. Н. Краткое описание боевой жизни и деятельности 77-го пехотного Тенгинского Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича полка. 1700-1900. Тифлис, 1900. С. 120.

Ей богу, я не уйду отсюда в горы, пока не останется ни одного дерева в Чечне»¹. Но горцы хотели верить не словам, а делам Шамиля. Поражения выставляли имама неудачником в глазах чеченцев, и они, «не видя никакой пользы от его речи, оставили его и разбрелись по домам»².

Тяготы последних сражений сказались на здоровье Николая Ивановича. Он слёг и вынужден был передать командование над Чеченским отрядом ген.-м. Павлу Ивановичу Кемпферту. Тот продолжил действовать в соответствии с выработанной Н. И. Евдокимовым тактикой: рубил просеки, прикрывал переселяющиеся поближе к русским укреплениям чеченские общества. Их пример благотворно действовал на колеблющихся «немирных» соплеменников, которые в первой половине мая также заявили о покорности и просили защиты от угрозы со стороны Кази-Магомеда. Получив её, ичкеринцы приняли участие в отражении нападения дагестанских мюридов, которые окончательно были вытеснены в Андию.

Оправившись от недуга, Н. И. Евдокимов немедленно, 20 июня 1859 г., прибыл в Ведено, а оттуда в высокогорное селение Хорочой. Вновь предстояло немало потрудиться, чтобы обеспечить бесперебойное продвижение обозов по растянутым коммуникациям. Дальнейшие действия должны были происходить в горных теснинах Дагестана, где суждено было поставить точку в затянувшейся на долгие десятилетия военной драме³.

Благодаря достигнутым успехам ситуация поменялась кардинально. Анализируя произошедшие события, военные историки отмечали, что «завоевания двух предыдущих годов изменили коренным образом стратегические условия наступления на Дагестан. До сих пор мы могли проникнуть в него только с двух сторон: с южной и восточной. Южная сторона защищена снежным хребтом, за которым нельзя было утвердиться; восточная – широкой оборонительной полосой, где продолжительная

война обратила каждую деревню в крепость. И там, и здесь наступающие войска должны были теснить горцев от окружности к центру, в неизведанные глубины края, слишком обширного, чтоб его можно было пройти в один раз; с каждым шагом, внутри страны силы горцев возрастали, а для нас увеличивались затруднения продовольствия и сообщения. С завоеванием Чечни и Ичкерии, мы открыли наступлению третью сторону Дагестана, прямо в глубь гор, где ни люди, ни жилища не были приготовлены для энергичной обороны»⁴.

Последний удар по неприятелю решил возглавить лично А. И. Барятинский, который прибыл в Чеченский отряд 14 июля 1859 г. За день до этого он вместе с Н. И. Евдокимовым побывал в Дарго, остановившись на том самом месте, где ровно четырнадцать лет назад находился другой русский наместник – М. С. Воронцов. Но тогда его предшественнику приходилось думать, как вырваться из западни, устроенной Шамилем. А теперь толпы восторженных горцев, подражавшие русским криками «Ура!», встречали «урус-сардаря», сумевшего загнать в угол, казалось, непобедимо-го имама⁵.

А. И. Барятинский воочию мог убедиться в том, какие усилия предприняли войска, чтобы обеспечить грядущую победу. В письме императору он даже признался, что «был далёк от действительного знания, до каких размеров достигли их успехи»⁶. Продолжая обустраивать дороги и проводя рекогносцировку на пути будущего наступления, командующий одновременно занялся переговорами с представителями местных обществ, которые одно за другим спешили выразить свою преданность русской власти.

Прежнего упорства, которое демонстрировали горцы в борьбе с полками Кавказской армии, больше не наблюдалось. При малейшей угрозе они предпочитали оставлять занимаемые позиции и спасать-

⁴ Петров А. История 83-го пехотного Самурского Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича полка. Петровск, 1892. С. 325.

⁵ Зиссерман А. Л. История 80-го пехотного... Т. III. С. 339.

⁶ Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. Т. II. С. 222.

¹ Гаджи-Али. Указ. соч. С. 54.

² Там же. С. 55.

³ Фадеев Р. А. Указ. соч. С. 85.

ся бегством. Чувствовалось, что боевой дух неприятеля сломлен.

Но отступать от правила разумной осторожности А. И. Барятинский не собирался. Каждый шаг на пути к желанной цели предпринимался с соблюдением необходимых мер предосторожности. Опасаясь возможных нападений со стороны мюридов при форсировании реки Андийское Койсу, командующий приказал заложить на её правом берегу укрепление Преображенское, которое позволяло беспрепятственно переправляться войскам во время планируемого похода. Таким образом, выработанная и неоднократно опробованная Н. И. Евдокимовым тактика продолжала давать победные плоды, а сам генерал своими советами предостерегал князя от возможной опрометчивости.

Это не значит, что князь А. И. Барятинский всегда принимал точку зрения Николая Ивановича. Так, вопреки советам Н. И. Евдокимова и высказывающего аналогичное мнение Д. А. Милютин, он приказал Дагестанскому отряду не останавливаться на линии Андийского Койсу, а сразу продолжить наступление на Аварю¹. По мнению А. Л. Зиссермана, «граф же Евдокимов, очевидец и участник печальных событий в Дагестане 1843 года, пред глазами которого вероятно ещё рисовались кровавые катастрофы, вследствие которых мы в несколько недель потеряли весь бывший в наших руках Дагестан, со всеми укреплениями и гарнизонами, и очутились в безвыходном положении, запёртые в Темир-Хан-Шуре, блокируемые полчищами Шамиля, – без сомнения, тоже не мог не опасаться возможной неудачи. Наконец, не доверяя способностям других начальников войск, не заявивших себя в последнее время особенно успешными результатами, между тем, как сам он, в каких-нибудь два года, действительно достиг изумительных успехов, граф Николай Иванович Евдокимов мог полагать, что, укрепившись на линии Андийского

¹ Казбек Г. Военная история Грузинского гренадёрского Е. И. В. Великого князя Константина Николаевича полка, в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865. С. 241.

Койсу и подготовив всё для дальнейшего наступления, вся операция будет поручена ему, и тогда довершение дела будет вполне обеспечено. И не следует в этом случае видеть его в исключительно самолюбивых расчетах, которые могли играть тут слабую роль в сравнении с действительным желанием общей пользы»².

Над А. И. Барятинским прежний трагичный опыт не довлел, а потому он рискнул, и, как показали дальнейшие события, не ошибся в своих расчётах. Настроения в горских обществах господствовали уже далеко не те, с которыми пришлось столкнуться шестнадцать лет назад. Теперь «огульная нищета, подавленность, совершенный упадок духа, потеря множества лучших людей, давно скрытое недовольство деспотическим, беспощадным режимом, ослабление фанатизма, ряд беспрестанных неудач и т. д. превратили всё Шамилёвское здание в колеблющуюся в своём основании огромную башню, для которой достаточно было одного сильного толчка, чтобы она рухнула»³.

Этот вывод подтверждают и горские авторы. В своих воспоминаниях Абдурахман Казикумухский отмечал, что Шамиль оказался в весьма затруднительной ситуации: «между князем Барятинским и местом, где находился имам, не было тогда и часа пути при умеренной ходьбе. И если бы двинулся отряд Барятинского против нас в это время, то нам было бы трудно найти спасение»⁴. И раньше ему приходилось оказываться в окружении неприятеля, но тогда горский лидер мог рассчитывать на поддержку значительной части населения, которое верило своему вождю. Однако за время своего господства он немало сделал, чтобы разрушить такие симпатии. На пути к торжеству «истинной веры» его не останавливали «ужасные убийства, пленения и грабежи»⁵. Теперь наступил час расплаты, и находилось немало тех, кто

² Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. Т. II. С. 228.

³ Там же. С. 228.

⁴ Саййид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайн ал-Газигумуки ал-Дагестани. Указ. соч. С. 51.

⁵ Там же. С. 59.

стремился вернуть долг крови некогда могущественному имаму.

«Ополченцы, особенно те, кто был товарищами имама в период процветания, разграбили богатства и имущество Шамиля... Народ торопился к встречам с русскими с послушанием и повинованием. Они спешили к русским, особенно бывшие приближённые имама и те, кто были у него наибами и возвеличенными. Затем Шамиль, его сын Гази Мухаммед и те, кто находился с ними с их багажом и наиболее ценным имуществом ушли... с намерением подняться на плато Гуниба, а народ грабил их по мере своих возможностей», – с горечью писал Мухаммед Тахир ал-Карахи¹.

Такой исход в немалой степени предопределили военные успехи Н. И. Евдокимова. Примечательно, что в день закладки укрепления (6 августа) Николай Иванович был удостоен звания императорского генерал-адъютанта. Выказывая своё уважение к боевому соратнику, князь пригласил его проехать вместе по Дагестану. Военачальники посетили многие селения, в которых некогда происходили жаркие сражения, а теперь их жители с радостью встречали русские войска, которые освободили их от тирании Шамиля. При посещении селения Унцукуль граф показал А. И. Барятинскому то место, где получил свою рану, которая чуть не стала для него фатальной. Можно предположить, что эта поездка была полна воспоминаний старого воина, которому было о чём поведать своему товарищу².

Неслучайно и то, что, отправляясь к последнему оплоту имама – Гунибу, А. И. Барятинский взял с собой Николая Ивановича, столько сделавшего для того, чтобы этот день торжества русского оружия стал возможным. И хотя формально он был лишь наблюдателем распоряжений своего ко-

мандира, в шагах наместника явно чувствовалась «евдокимовская школа».

В воспоминаниях Ивана Давыдовича Лазарева, который участвовал в переговорах с Шамилём, убеждая его сдаться на милость русского командования, есть любопытный эпизод, который, возможно, связан с Николаем Ивановичем. Так, Шамиль, затягивая переговоры, выразил готовность отправить в русский лагерь своих сыновей, но в ответ пожелал принять у себя одного из генералов. И. Д. Лазарев не называет его имени, лишь отмечает, что «генерал этот занимал один из важнейших постов в Кавказской армии»³. Не исключено, что гарантом должен был выступить Н. И. Евдокимов, тем более что ни для кого не было секретом, как его ценил командующий. Это пожелание было отвергнуто, и от имама потребовали лично явиться в лагерь к А. И. Барятинскому.

Финал известен. 25 августа 1859 г. бывший «владыка гор» сдался на милость победителей и был увезен с Кавказа в почётную ссылку. Примечательно, что именно Н. И. Евдокимову князь доверил присматривать первое время за Шамилём⁴. Как знать, возможно, они вспомнили свою первую встречу в 1837 г. и поведали друг другу о тех причудливых поворотах судьбы, которые им пришлось пережить.

Достигнутый русскими успех имел серьёзный внешнеполитический резонанс. Примечательно, что «один из крупных дипломатов Европы, когда пришло известие о сдаче Шамиля, выразился даже, что вместе с этим не стало ни независимой Турции, ни независимой Персии»⁵. Это было предупреждение тем, кто рассчитывал на слабость России после неудач Восточной (Крымской) войны, весомый аргумент в споре с её недоброжелателями.

³ Филиппов В. Несколько слов о взятии Гуниба и пленении Шамиля. (Составлено по запискам и со слов генерала Лазарева) // Военный сборник. Т. XLIX. СПб., 1866. С. 128.

⁴ Филиппов В. Указ. соч. С. 136.; Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. Т. II. С. 294.

⁵ Пахомов Д. А. Подвиги русских орлов на Кавказе // Каспари А. А. Покорённый Кавказ. М., 2016. С. 436.

¹ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 245.

² Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. Т. II. С. 274-275.

Д. С. Ткаченко

ОБРАЗЫ «СТРОИТЕЛЕЙ ИМПЕРИИ» В КОММЕМОРАЦИОННОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ НА КАВКАЗЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

«Нигде не гибнет столько произведений искусства, как в России. Памятники художественной старины, последние остатки былой красоты исчезают бесследно и никто не поддерживает того, что некогда составляло предмет восхищения современников. ... Запущенные, забытые памятники... доживают свои последние дни, и если теперь же о них не вспомнить, то через несколько лет все то немногое, что осталось от красивого прошлого нашей жизни, все это будет только одним воспоминанием»¹, – гневно отмечал в конце XIX в. один из современников, описывая состояние надмогильных памятников в Петербурге. Ни имя выдающегося в свое время деятеля, ни композиция памятника, созданная именитым архитектором или скульптором не спасала имя человека от забвения. Автор статьи, барон А. Врангель отметил существование и иной проблемы: в случае, если речь шла о коммеморации личности, чья деятельность неоднозначно воспринималась его потомками, вероятность забвения места его последнего упокоения увеличивалась в несколько раз².

Необходимость сохранения памяти о тех, кто отдал жизнь за «умиротворение Кавказа», при всей скользкости тематики, понимали не только жители столицы, но и региона. Казаки ставили памятники своим атаманам и сослуживцам, военные разыскивали могилы павших однополчан, администраторы региона – тем, кого они считали примерами для подражания. Работу вели и «сверху» и «снизу»: В. А. Потто и сменивший его А. Томкеев вели грандиозную работу по коммеморации памятников

Кавказской войны и составлению реестра объектов, которые можно считать памятниками. И это направление было востребовано людьми своего времени.

В 1825 г. в городе Георгиевске и крепости Грозной одновременно появились два памятника – генералам Д. Т. Лисаневичу и Н. В. Грекову, убитым в Герзель-ауле во время переговоров с мюридами.

Фоновые истории обеих памятников, отсылавших ко временам начала борьбы имперских властей с мюридизмом, прежде всего превозносили военные таланты погибших генералов, занимавших высокие посты в Кавказском корпусе: бывший командующий 7-й пехотной дивизии Д. Т. Лисаневич по личному выбору императора был назначен командующим войсками Кавказской линии и военным губернатором Кавказской области, а командир 43-го Егерского полка, расположенного в крепости Грозной, Н. В. Греков служил под его непосредственным руководством, являясь начальником левого фланга Линии.

Имперские идеологи высоко оценивали заслуги каждого. Так, приехавший на Кавказ в 1805 г. Н. В. Греков, по оценке В. А. Потто, за 12 лет службы в Кабардинском полку был уже в чине полковника, а его военно-организаторские таланты были награждены самим А. П. Ермоловым и «казалось, что под его железной рукой буйная Чечня, изрезанная им вдоль и поперек широкими просеками, затихла окончательно»³. Д. Т. Лисаневич, в свою очередь, начав военную карьеру во времена персидского похода графа Зубова, имел еще более солидную боевую школу, уча-

¹ РГИА. Ф. 789. Оп.13. Д. 190. Л. 60.

² Там же. Л. 63.

³ Потто В. А. Памятники времен утверждения русско-го владычества. Т. II. Тифлис, 1909. С. 179.

ствуя во многих знаковых военно-политических событиях на Кавказе. «Он был при поражении лезгин на Иоре, в 1800 г., участвовал в ганжинском штурме ... Ему обязан был Небольсин своими блестящими победами в 1808 году, когда с небольшим отрядом два раза разбил главную персидскую армию у Кара-бабы, и наконец венцом его известности является знаменитый бой под Ахалкалаками...»¹.

Фоновая история обеих памятников была связана с событиями на Северо-Восточном Кавказе. Летом 1825 г. в Чечне вспыхнули очередные беспорядки и мятеж вскоре перекинулся на Кумыкскую плоскость, где повстанцам удалось захватить Амир-Аджи-Юрт – укрепленную переправу через Терек, и заблокировать форт Герзель-Аул. Обстановка требовала от командования не только срочных военных мер, но и личного присутствия в мятежном регионе. Из Ставрополя Д. Т. Лисаневич прискакал в Наурскую, где из имевшихся в распоряжении Н. В. Грекова резервов Левого фланга Линии с трудом набрал отряд (три роты пехоты, четыре сотни казаков и шесть орудий). С ним генералы двинулись на помощь осажденному гарнизону Герзель-Аула. Рассказывая историю военной операции, В. А. Потто подчеркивает героизм поведения обоих русских генералов, лично возглавивших атаку на мятежников, приводит их патриотические призывы к изнуренным солдатам, и описывает их вклад в операцию, окончательно «рассеявшую толпы мятежников». При этом, образы генералов имперской идеологией явно идеализировались: в описании Потто, генерал Д. Т. Лисаневич в первых рядах атакующих войск скачет с казачьим копьём наперевес, а его опережает генерал Н. В. Греков, который не дождавшись, пока отворятся ворота укрепления на коне перемахивает через вал «приветствуемый восторженным “ура” всего гарнизона»; измощенные почти недельной осадой солдаты тут же забывают о своих невзгодах и «бодро выступают из ворот», организуя контратаку. Русским «отцам-командирам»

¹ Потто В. А. Памятники времен утверждения русско-го владычества. Т. II. Тифлис, 1909. С. 183.

противопоставлялся образ трусливых лидеров повстанцев, которые «спасая свои головы одними из первых покинули поле сражения. Паника охватила весь край, и жители с трепетом ожидали теперь суда и наказания», – подводит итог экспедиции имперский идеолог².

Вместе с тем, обстоятельства гибели Н. В. Грекова и Д. Т. Лисаневича, свидетельствовали о явном просчете военных в организации их отношений с побежденными. Начальник Кавказской области «хотел показать пример строгости и прежде всего, потребовал выдачи виновных», когда чеченские старейшины были собраны в Герзель-Ауле. Боясь наказания, один из них – мулла Учар-Ходжа при попытке его разоружить, выхватил кинжал и кинулся на попрекавших горцев русских командующих. Греков был убит на месте, а Д. Т. Лисаневичу нападавший нанес смертельную рану. «Прочие кумыки бросились бежать. Солдаты поспешно заперли ворота, и началось истребление всех, кто был в укреплении. Многие кумыки, видя беду, схватили из сошек солдатские ружья, другие защищались кинжалами, убили 4-х солдат, 19 ранили, однако же и сами полегли на месте», – комментирует событие В. А. Потто. Вместо успокоения мятежа, конфликт в Герзель-Ауле его еще больше подогрел, однако фоновая история памятников делала акцент не на этом и даже не на явных ошибках генералов, которые были настолько уверены в своей силе, что даже не позаботились о разоружении горской делегации, а на героической гибели русских «отцов-командиров» на своем посту.

Раненый Д. Т. Лисаневич был перевезен в Георгиевск, где медикам так и не удалось его спасти, и генерал был погребен на городском кладбище – в самой середине старого погоста. Памятник на его могиле представлял собой приподнятый четырехгранный постамент, на котором была установлена высокая, более сажени в высоту, колонна из серого камня. По своей форме монумент напоминал то ли церковный колокол, то ли дуло мортиры. На западной стороне постамента на табличке

² Там же. С. 183.

из белого мрамора помещалась памятная надпись: «Здесь погребено тело Димитрия Тихоновича Лисаневича, скончавшегося 1825 года июля 22-го от раны, нанесенной 16-го июля в Старом юрте от муллы, и погребенного 25-го июля на сорок восьмом году от рождения»¹. Судя по невероятно заброшенному виду этого памятника на фотографии, одиноко стоявшего посреди голой степи, в которую после перевода губернского управления в Ставрополь, стало превращаться георгиевское войсковое кладбище, памятник Д.Т.Лисаневичу в глазах жителей Кавказской губернии так и не приобрел никакого общественного значения и оставался лишь одним из многочисленных частных захоронений. Сам же генерал, пробыв в должности начальника Кавказской области всего несколько месяцев – с марта по июль 1825 г. сделал для области так мало, что даже не вошел в официальный список начальников и губернаторов Ставрополя².

Погибший в Герзель-Ауле Н. В. Греков был перевезен в крепость Грозную, где был погребен не на общем кладбище, а «на виду у всех, на крепостной площадке, где ныне, заботами города устроен городской общественный сад. Могила Грекова находится теперь в самом центре его, между старой часовней, на месте бывшей полковой церкви Куринского полка и круглой площадкой... Сам памятник, имеющий вид небольшой четырехгранной колонны, с остроконечным верхом, сложен из жженного кирпича, снаружи облицован цементом, выбелен и обнесен решеткой»³. В отличие от заброшенного памятника Д. Т. Лисаневичу в Георгиевске, этот монумент в Грозной был уже не частным надмогильным памятником. Н. В. Греков не имел семьи и детей, однако, как популярный начальник Левого фланга Линии, пользовался авторитетом в Кавказских войсках и частях Грозненского гарнизона, которые решили похоронить генерала непо-

далеку от своей главной полковой церкви. Об общественной значимости, которую в русской общине города приобрел памятник после завершения Кавказской войны, сообщает в своем отчете атаман Терской области, отмечая, что памятник, сооруженный родственниками убитого «поддерживается городом»⁴. Для фиксации фоновой истории, связанной со смертью генерала, на нем была укреплена табличка: «Погребено тело Максима Ивановича Грекова 1-го, убитого изменнически 16-го Июля 1825 года на 40 году жизни в укреплении Герзель-Аульском»⁵. О том, что эта надпись была сделана на памятнике не современниками, а потомками бывших солдат Куринского полка, составивших на рубеже XIX–XX вв. значительную часть русской общины Грозного, свидетельствует ошибка в имени Н. В. Грекова, на которую указывает в своем труде В. А. Потто. «К тому же не обозначено ни чина, ни звания, чего, по нашему мнению, при том высоком служебном положении, которое занимал Греков, быть не могло»⁶, – добавляет он.

Для большего эффекта имперскому идеологу так же хотелось заменить краткую надпись на более пространный рассказ о подвигах и обстоятельствах гибели русского генерала. «Могила Грекова на людном месте, на глазах играющих детей, может и должна иметь для них громадное воспитательное значение, – писал он. – Теперь резвящиеся дети видят перед собой только безмолвный гранит, ничего не говорящий ни их уму, ни сердцу, ни воображению. А сделайте надпись, расскажите в коротких словах, о том, кто покоится под этим камнем, – и вы увидите, что надпись сначала привлечет к себе простое любопытство, а потом незаметно, но неизгладимо врежется в... память. А вместе с именем они усвоят себе и благородную деятельность, и самый характер, и дух совершенных им подвигов, заставляющих видеть в них образцы, достойные подражания»⁷. Коммеморация Н. В. Грекова, таким

¹ Потто В. А. Памятники времен утверждения русско-го владычества. Т. II. Тифлис, 1909. С. 188.

² Главноначальствующие на Кавказе // Энциклопедический словарь Ставропольского края / под ред. А. Л. Черногорова, В. А. Шаповалова. Ставрополь, 2006. С. 451–452.

³ Потто В. А. Указ. соч. Т. II. С. 189.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 397. Л. 3.

⁵ Там же.

⁶ Потто В. А. Указ. соч. Т. II. С. 189.

⁷ Там же. С. 190.

образом, из сферы сохранения памяти о человеке, переходила в область дидактики – наставлений ныне живущим. Однако реальность многонационального города требовала не столько напоминаний его жителям о Кавказской войне, сколько сглаживания межэтнических трений. О том же, какими глазами чеченская община смотрела на монумент, напоминающий и о мятеже 1825 г., и о поведении как представителей русского командования, так и одного из старейшин, спровоцировавших новый конфликт, и о последующем избиении заложников в Герзель-Ауле, имперский идеолог не задумывался. Неудивительно, что табличка даже с той краткой надписью, о которой сообщает в своем отчете атаман Терской области, к 1909 г. – ко времени написания работы В. А. Потто – была уже снята с памятника¹.

Не только имена Н. В. Грекова и Д. Т. Лисаневича, но и других войсковых начальников были коммеморированы в Кавказской монументальной практике. В 1845 г. во Владикавказе в ограде центральной Спасо-Преображенской церкви был похоронен командир Навагинского пехотного полка – полковник Бибилов, убитый во время Даргинской экспедиции М. С. Воронцова². Погибшие командиры и других полков Кавказского корпуса, в первую очередь те, кто при жизни проявлял заботу о своих подчиненных, часто находили свое последнее пристанище на церковной земле полковых штаб-квартир. О памятниках на их могилах с большим уважением рассказывают в своих записках их современники-сослуживцы, такие, как В. А. Стахурский, служивший в начале XX века в Самурском пехотном полку в Дагестанском селении Дешлагар³. Однако, все данные объекты оставались лишь частными захоронениями и не приобретали ни фоновой истории, ни статуса общественного памятника. Один лишь памятник начальнику Кавказской области – Карлу Федоровичу Сталю имел яркую фоновую историю, связанную, правда, не с военной деятельностью генерала, а с пре-

вращением его трудами солдатского поселения вблизи Константиногорской крепости в город Пятигорск.

Остзейский немец по происхождению, К. Ф. Сталь связал всю свою службу с Кавказом, где появился еще 19-ти летним юношей и стал учеником П. Д. Цицианова. Он участвовал в военных экспедициях в Осетии, Хевсурии, Кабарде, подавлении мятежа в Кахетии, а за проявленную при штурме Ханкальского ущелья в Чечне храбрость, получил георгиевский крест. В 1815 г. Сталь был назначен военным губернатором Грузии, а с прибытием на Кавказ А. П. Ермолова получил пост командующего войсками на Линии и военного губернатора Кавказской губернии, сосредоточив в своих руках военное и гражданское управление краем. При нем началось преобразование Кавказской губернии: сам К. Ф. Сталь получил должность первого начальника области. Он же был одним из инициаторов переноса центра управления областью в Ставрополь.

Инициативе начальника Кавказской области «обязаны началом своего благоустройства и наши Кавказские минеральные воды. Он вложил в это дело всю свою душу, и скоро под его непосредственным наблюдением возник возле укрепления Константигорского небольшой, но красивый и чистенький городок, – нынешний Пятигорск, привлекающие теперь тысячи посетителей со всех концов России, и составляющий лучший памятник своему основателю»⁴. Современники описывали разительные перемены, произошедшие в возникающем курортном центре, где вместо калмыцких кибиток начала XIX века, «стояли чистенькие деревянные домики, образуя красивые и правильные улицы; появилась казенная гостиница, здание которой сохранилось до нашего времени, базары и даже лавки с предметами первой необходимости, по склону горы Машуки проведен бульвар, обсаженный липами»⁵, а на месте источников минеральной воды были устроены стационарные здания ванн.

¹ Потто В. А. Указ. соч. Т. II. С. 189.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 397. Л. 2.

³ СГМЗ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.

⁴ Потто В. А. Указ. соч. Т. II. С. 139.

⁵ Там же. С. 140.

К. Ф. Сталь лично следил за благоустройством Пятигорска, «часто посещал любимый им городок, и тут же на горячих водах 28-го июля 1824 года внезапно скончался от апоплексического удара. Рассказывают, что за несколько дней до смерти, проезжая верхом по склону Машуки, вместе с архитектором, заведовавшим постройкой города и любясь очаровательным видом, открывавшимся на молодой городок, расстилавшийся под его ногами, он указал место, выбранное им для городского кладбища и прибавил, шутя: «Надо, чтобы здесь для начала был погребен кто-нибудь из важных лиц» – и он сам первый лег на пятигорском кладбище»¹. Эта история была востребована современниками, так как рассказывала не о военном покорении региона, а о начале налаживания в нем мирной жизни.

Над могилой основателя Пятигорска, в самом центре будущего некрополя, был установлен массивный памятник в виде квадратного саркофага над которым на круглом цоколе на артиллерийских ядрах помещался обелиск в виде пирамиды с золоченым крестом наверху. На лицевой стороне саркофага помещалась краткая надпись: «Карл Федорович фон-Сталь. Скончался 28 июля 1824 г.» Она по своему характеру напоминала больше надписи на частных захоронениях, не фиксируя никакой фоновой истории, которую памятник мог бы непосредственно передать современникам и их потомкам, а не читателям произведений В. А. Потто.

Кроме того, расположенный на кладбище, а не в самом городе, монумент не привлекал к себе особого внимания и образ К. Ф. Сталя вместе со всей историей основания раннего Пятигорска, начал стираться из исторической памяти жителей. Посетивший в середине XIX в. могилу генерала, В. А. Потто пишет, что через четверть века после его смерти, памятник, хоть и ничем не огороженный, находился в хорошем состоянии, а площадка вокруг него была даже обсажена сиренью и цветами². Однако, еще через 50 лет – в нача-

ле XX века памятник стоял уже полуразрушен – от него осталось только квадратное основание с выщербленной надписью. «Теперь ничего этого нет – ни цветов, ни сирени! Сам памятник забыт и заброшен; камень зарастает мхом, и надпись с каждым годом все более и более стирается»³ – писал тот же автор, призывая городские власти восстановить памятник начальнику Кавказской области.

Более удачно в Пятигорске был расположен памятник другому участнику Кавказской войны – человеку, фактически ее завершившему – графу Н. И. Евдокимову. Это так же был надмогильный памятник, точнее, часовня, воздвигнутая над его захоронением в ограде Пятигорского собора.

В истории Кавказской войны Н. И. Евдокимов был яркой, но довольно противоречивой личностью, выдвинувшейся на высокие посты на Кавказе благодаря своим военным подвигам и административным талантам. Он пользовался личным расположением как Кавказского наместника А. И. Барятинского, так и лично императора Александра II. При этом, дворянское окружение не могло до конца жизни простить Н. И. Евдокимову его быстрое выдвижение и незнатное происхождение: первый начальник Кубанской области был выходцем из семьи выслужившегося в прапорщики бывшего крестьянина Уфимской губернии, изначально взятого в солдаты по рекрутскому набору. Сам же Евдокимов в 16 лет поступил вольноопределяющимся в Тенгинский пехотный полк, где 3 года прослужил нижним чином. Он участвовал во многих знаковых событиях военно-политической истории Кавказа XIX века, начиная с Русско-Персидской войны 1826–1828 гг. и заканчивая военными событиями в Дагестане, Чечне и на Северо-Западном Кавказе. Имя Н. И. Евдокимова было связано с защитой Дербента от Гази-Магомеда, с воспетым М. Ю. Лермонтовым сражением отряда генерала Галафеева под Валериком, с Ичкерийской экспедицией генерала П. Х. Граббе, с обороной от Шамиля российских укреплений в приморском Дагестане в 1843 г., с попытками М. С. Воронцо-

¹ Потто В. А. Указ. соч. Т. II. С. 141.

² Потто В. А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. Т. II. СПб., 1893. С. 128.

³ Потто В. А. Памятники.... Т. II. С. 137.

ва захватить Гергебиль и Салты, а так же с военными действиями А. И. Барятинского в Чечне – прежде всего с блокадой и захватом укрепленного аула Ведено, ставшие прологом к завершению войны на Северо-восточном Кавказе. За активное участие в пленении Шамиля Евдокимов получил звание генерал-адъютанта и титул графа, на гербе которого Александр II начертал девиз: «С боя». Сам герб так же говорил о военной карьере и происхождении графа: на нем были помещены государственный двуглавый орел, полуразрушенная башня и крестьянская борона, а щитодержателями выступали фигуры черкеса с красным знаменем и филина. Последний символизировал бдительность.

За годы своей службы Н. И. Евдокимов проявил себя так же и как опытный администратор, а исполняя должность Койсубулинского пристава, едва не погиб во время переговоров с мюридами в ауле Унцукуль. Он так же был задействован при совершенствовании охраны Кисловодской кордонной линии, устройстве укреплений по р. Сулак, в Чечне и в основании казачьих станиц в Закубанье.

В начале 1860 г. Н. И. Евдокимов, получив право командовать всеми войсками на правом фланге Линии стал деятельным участником в покорении Западного Кавказа, закончившегося в 1864 г. полной победой и выдворением черкесов с Черноморского побережья (чему Н. И. Евдокимов был самым горячим сторонником). По завершению Кавказской войны, летом 1864 г. Н. И. Евдокимов приобрел в Пятигорске деревянный двухэтажный дом и уйдя в 1865 г. в отставку по состоянию здоровья, поселился на Водах где проходил курс лечения. На пожалованной ему земле под Железноводском он устроил хутор Новый Ведень, занимался сельским хозяйством, а в Пятигорске выстроил большой каменный дом в квартале у Базарной площади. 22 мая 1873 г. Н. И. Евдокимов скончался и с воинскими почестями был погребен у пятигорского Спасского собора. Над его могилой была воздвигнута небольшая часовня из серого кавказского гранита с образом Спасителя внутри и неугасимой

лампадой. В 1878 г. в часовне был установлен мраморный пьедестал и бюст Н. И. Евдокимова работы известного Петербургского скульптора Н. А. Лаверецкого¹. (Ныне этот памятник находится в экспозиции пятигорского краеведческого музея).

Сохранились довольно четкие рисунки современников, показывающие, что по своей архитектуре часовня была достаточно оригинальной и отличалась от традиционных церковных конструкций. Ее квадратное основание было украшено стилизованными башнями с зубцами, делавшими всю часовню похожей на крепость. Крепостные зубцы шли по верхнему краю стен и вершине приделов, а четыре башенки, укрепленные по углам крыши, имели даже стилизованные бойницы. По обеим сторонам входа на стене были укреплены стволы артиллерийских орудий, а над входом – на фронтоне, выполненном так же в стиле укрепления крепостных ворот, размещался герб графа Евдокимова. Крышу часовни простой треугольной, а не церковной-луковичной формы, венчал шар, на котором возвышался ажурный крест. Человек, закончивший Кавказскую войну и вошедший в имперский пантеон героев этой войны, таким образом, должен был покоиться в строении, всем своим видом напоминающем зрителю известный афоризм, сравнивавший Кавказ с большой крепостью. Судя по отсутствию документов, описывавших какие-либо общественные конфликты вокруг возведения памятной часовни, посвященной довольно неоднозначной фигуре Кавказской военно-политической истории XIX в., образ генералов – героев этой войны на «русской» стороне бывшей Кавказской линии воспринимался достаточно позитивно и вполне однозначно. Общественность видела в таких памятниках лишь частные надмогильные сооружения и не вкладывала в них какого-то политического и тем более, этнического смысла. Взгляды же посетителей Пятигорска на рубеже XIX–XX вв. больше привлекали не могилы известных в свое время генералов, таких, как К. Ф. Сталь

¹ Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко. Т. 9. СПб., 1912. С. 276-278.

или Н. И. Евдокимов, а памятные места, связанные с деятельностью М. Ю. Лермонтова и сам памятник поэту, расположенный неподалеку от часовни Евдокимова.

С функцией конструирования имперского образа Кавказской войны были тесно связаны и монументы многим другим ее участникам и прежде всего – лицу, занимавшего первое место в списке ее официальных героев – Алексею Петровичу Ермолову.

Бывшие сослуживцы генерала, многочисленные имперские биографы А. П. Ермолова, официальные идеологи и даже поэты и писатели составили в своих трудах грандиозную фоновую историю для памятника этому человеку. С именем генерала связывалось как изменение общего подхода к политике России на Кавказе, так и частные политические успехи; как грандиозные военные экспедиции Кавказской войны, так и мелкие инспекторские проверки частей военного корпуса; как афоризмы о всей Кавказской войне, так и колкие высказывания по отношению к отдельным противникам империи и своим нерадивым подчиненным. Военные при его имени вспоминали реорганизации Кавказского корпуса, казаки – создание новых укрепленных линий и станиц, чиновники – административную реорганизацию Кавказской области, а горцы – жестокие «превентивные» экспедиции на их сторону Лини. Полное умиротворение Кавказа путем беспрекословного подчинения его жителей имперскому правлению и российским законам было конечной целью действий генерала. Для ее достижения он считал абсолютно неизбежным применение в регионе грубой военной силы по отношению к тем, кто добровольно не желал принимать российские порядки. «Никто лучше его не постигал задач России на Востоке, и никто не избирал более прямой и верной дороги к этой заветной исторической цели»¹, – подвел итог деятельности А. П. Ермолова начальник военно-исторического отдела Кавказского округа В. А. Потто, комментируя известный афо-

ризм о том, что Кавказ как крепость, защищаемую полумиллионным гарнизоном надо брать путем правильной осады.

Место коммеморации образа первого «проконсула Кавказа» с точки зрения военно-политической истории региона было определено безукоризненно – основанная им крепость Грозная, долгое время являвшаяся и местом пребывания начальника Левого фланга Линии, и символом российского военного присутствия в регионе. Мемориализация объектов, связанных с деятельностью генерала, шла в бывшей российской крепости в 70–80 гг. XIX в. «Ермолову нет нигде официального монумента, но памятником ему на Кавказе служит та скромная, уединенная землянка, в которой во время возведения Грозной, жил и трудился Алексей Петрович»², – писал В. А. Потто.

Этот объект, как и землянка Петра I в Дербенте, не сразу приобрел статус имперского мемориала, хотя, как место памяти он совершенно однозначно ассоциировался с событиями Кавказской войны. «Кто не знает из кавказцев знаменитую землянку А. П. Ермолова в крепости Грозной, – писал А. П. Берже, называя ее «памятником славной ермоловской эпохи – владычества русских» и предупреждая российскую общественность о намерении местных властей снести ветхое строение³. Это намерение, судя по всему, не было осуществлено на практике и в 80-е годы землянка выступала уже как официально признанный памятник. «Она тщательно сберегается, и всякий путешественник, был ли то царственный муж или простой человек, посещая Грозный, с одинаковым благоговейным чувством приходил поклониться этой бедной землянке, – писал В. А. Потто. – Перед входом в нее, на каменном пьедестале, стоит колоссальный бронзовый бюст Ермолова...; на крыше землянки разведен богатый цветник, а со стороны улицы землянка обнесена изящной чугунной решеткой с такими же воротами. На воротах короткая, но полная

² Там же. С. 233.

³ Берже А. П. Землянка Ермолова // Русская старина 1873. № 12. С. 999.

¹ Потто В. А. Указ. соч. Т. II. С. 219.

значения надпись: «Здесь жил Алексей Петрович Ермолов»¹.

О превращении землянки в знаковый имперский мемориал говорит и начальник Терской области в своем отчете о состоянии памятников, добавляя, что «ограда у входа в землянку и пьедестал у бюста Ермолова сооружены терским областным правлением, а бюст был прислан бывшим командующим войсками Кавказского военного округа князем Дондуковым-Корсаковым»².

Ни атаман Терской области в своем отчете, ни ведущий имперский идеолог В. А. Потто не смогли указать точной даты открытия памятника А. П. Ермолову в Грозном, свидетельствуя этим о том, что процесс мемориализации – превращения места памяти в монументальный мемориал здесь шел достаточно стихийно. Скромный общий внешний вид мемориального комплекса компенсировался тем идеологическим воздействием, которое он, по мнению современников, должен был оказывать на зрителя, особенно зрителя военного, знакомого через историю своего полка с той или иной стороной деятельности А. П. Ермолова на Кавказе. Эту мысль особенно подчеркивал В. А. Потто, говоря, что в начале XX в. начальник Грозненского гарнизона, «пользовавшийся каждым случаем, чтобы поддерживать и охранять в войсках старые кавказские предания сделал распоряжение, чтобы команды, проходящие мимо землянки, отдавали этому памятнику все установленные воинские почести»³.

В статусе имперского мемориала землянка особенно ярко выступила во время празднования 10 июля 1908 г. девяностолетнего юбилея основания крепости Грозной. Описания этого мероприятия в работе В. А. Потто, занимали то место, которое должно было занимать описания торжеств открытия памятника, в ходе которого основатели монумента в своих речах оглашают и символическое значение памятника для людей своей эпохи, и определяют тот свет, в котором должна трактоваться фоновая

история монумента, и пытаются предсказать то, какое послание их творение будет нести потомкам.

Торжества в Грозном носили характер сугубо военного праздника. Военнослужащие 82-го Дагестанского полка и 252-го Грозненского резервного батальона вместе с казаками 1-го и 2-го Кизляр-Гребенских полков составили почетный караул, выставленный вокруг землянки; семейства офицеров и почетные горожане, собравшиеся к памятнику, составили целевую аудиторию мероприятия; начальник Грозненского гарнизона вместе с прибывшим в крепость генерал-губернатором Терской области генералом Колюбакиным руководили парадом.

Сами торжества были организованы по традиционному сценарию: по украшенной флагами и цветами главной улице процессия городского и военного духовенства совершила крестный ход из городского собора к землянке А. П. Ермолова, где было отслужено торжественное богослужение и проведен парад войск. Начальник гарнизона лично вместе с войсками и казаками прошли церемониальным маршем перед бюстом Ермолова, отдавая честь мемориалу. После этого для начальства и почетных граждан был организован праздничный обед, а вечером было проведено народное гулянье, которое «прошло очень оживленно и затянулось до поздней ночи»⁴. Описание торжеств подтверждало идею западных исследователей о том, что «коммеморация – это всегда многообразный спектакль, включающий в себя речи уважаемых ораторов, в промежутках между парадом, фейерверками, украшательством, состязаниями, на фоне знамен и транспарантов, а иногда и рядом с традиционным памятником»⁵. Роль последнего выполняла скромная землянка с бюстом А. П. Ермолова перед ней.

Во время мероприятия, ораторы озвучивали официальный подход к трактовке памяти А. П. Ермолова. Умерший генерал,

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Commemoration in America. Essays on Monuments, Memorialization, and Memory/Ed. by D. Gobel, D. Rossell. Charlottesville, 2013. P. 6.

¹ Потто В. А. Указ. соч. Т. II. С. 233.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 397. Л. 2 об.

³ Потто В. А. Указ. соч. Т. II. С. 233.

прежде всего, должен был выступать зримым символом старых традиций Кавказской армии. «Да воскреснет, да оживится облик твой мощный, благородный, обаятельный в нашей памяти, в наших сердцах. Да витает дух твой меж нами»¹, – провозглашал протоиерей И. Попов во время торжественного молебна около землянки.

Кроме этого, память Ермолова должна была напрямую служить текущим политическим целям самодержавного режима. «После двух сильных толчков – Японской войны и нашей революции – русское самосознание проснулось, – продолжал тот же оратор. – Оно растет, и наш долг поддержать это самосознание в самих себе и вдохнуть его вокруг себя. Недостаточно одних наименований – улицы города Грозного, соседней станицы и одного источника на курортах “Ермоловскими”. Недостаточно теперь даже этого бюста и отремонтированной землянки, где жил Алексей Петрович»². Как памятник Екатерине II в Екатеринодаре, так и памятник А. П. Ермолову в Грозном должен был для казачества стать символом его служения самодержавию – в этом современники видели главный политический смысл монумента. «Воскресни Ермолов!», – закончил свою речь священник, призывая собравшихся после этого присоединиться к «провозглашению многолетия Государю императору»³.

Мысли священника было еще более детализированы в речи начальника Грозненского гарнизона для собравшихся вокруг памятника терских казаков. Генерал Кузмин-Караваев, в памятнике А. П. Ермолову видел уже зримый символ текущей имперской национальной политики в Терской области. Область в это время была разделена на округа по национальному признаку, причем сам Грозненский округ, где жили этнические чеченцы, состоял из двух частей, отделенных друг от друга землями Кизлярского и Сунженского отделов, где проживали казаки. Последний так же был не компактен, а казачьи земли чересполосно разделяли соседние с ними

этнические территории⁴. На первый взгляд странное административное деление объяснялось тем, что имперские власти делали ставку на казачество: оно выполняло роль своеобразного буфера, между исторически враждующими друг с другом этническими группами – такими, как осетины и ингуши, что существенно снижало этническую напряженность в области. «Вы молодцы, казаки, – говорил у памятника А. П. Ермолову генерал Кузмин-Караваев, – вы всегда были на всех границах Руси нашим авангардом, охранявшим ее покой, а вы (обращаясь к войскам) шли их поддержать и закрепить за Русью ими занятое. Долго длилось это, особенно здесь, в этой окраине, которую мы сейчас занимаем. Десятки лет прошли в набегах и разбоях с одной стороны, в экспедициях – с другой, пока не явился вождь, указавший, как за дело взяться, как прекратить навсегда дерзкие набеги, стать здесь твердой ногой, дать покой вашим станицам, гребенцы. Вождь этот – Алексей Петрович Ермолов, чье славное имя носите вы, казаки первого полка, потомками сподвижников его являетесь вы, гарнизон Грозного»⁵. Образ генерала, таким образом, должен был в сознании смотрящего на его бюст, легитимизировать направления политики современных властей.

Сам же памятник становился зримым символом казачьего доминирования в Терской области. Он очень хорошо подтверждал мысль западных исследователей коммеморации о том, что «памятники практически всегда возводятся заинтересованными партиями, которые тем самым заявляют, что выражают «национальную благодарность». Выставляя монумент в общественном месте, его создатели провозглашают, что они говорят от лица всех. Это – базовая, и совершенно необходимая для монумента функция, но тем не менее, это – лишь фикция. Далеко не все социальные страты общества обладают привилегией воздвигать монументы и тем самым

¹ Потто В. А. Указ. соч. Т. II. С. 237.

² Там же. С. 237.

³ Там же.

⁴ Терская область // Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. Т. II. СПб., 1913. С. 71.

⁵ Потто В. А. Указ. соч. Т. I. С. 236.

делиться своими ценностями и культурным багажом»¹. Памятник в Грозном мог, конечно, воздействовать лишь на русскую, прежде всего – казачью этническую группу, оставляя вне своего идеологического фокуса широкую чеченскую диаспору города Последняя так же помнила генерала А. П. Ермолова, но у нее с образом «проконсула Кавказа» были связаны далеко не позитивные ассоциации. Однако, в начале XX века это еще не имело особого значения для одного из самых скандальных памятников будущего советского Грозного: во времена империи его целевая аудитория была еще достаточно монолитна и воспринимала «послание», заложенное в памятник его строителями в том идеологическом свете, который в него изначально и закладывался.

В целом, официальные имперские памятники, начиная с памятников особам царской династии и заканчивая монументами «верных царских слуг» отражали не только то, какой хотели видеть свою политику на Кавказе официальные имперские власти, но и, косвенно, их желания того, каким следует быть человеку, смотрящему

монумент. Подданные, конечно, должны были трепетно любить своего монарха, поклоняясь символу его бывшего присутствия на их земле; глядя на триумфальную арку неколебимо верить в военную мощь империи и незыблемость ее внутренних традиций; смотря на памятник официальному лицу, почитать назначенную свыше администрацию и, в целом, быть готовыми при первой же возможности выполнять любые поручения в борьбе, как с внешними, так и с «внутренними» врагами. Этот идеальный образ представителя «целевой аудитории» официальных памятников оставлял за своими рамками все другие проявления общественной жизни в регионе и прежде всего – социальные и этнополитические противоречия, которые с каждым десятилетием все больше и больше давали о себе знать. И грядущий революционный кризис, сметший с лица Северного Кавказа не только самодержавный режим, но и его застывшую в камне и бронзе идеологию показал, что целей своей «монументальной пропаганды» официальные памятники так и не достигли.

¹ Commemoration in America. Essays on Monuments, Memorialization, and Memory... P. 28.

А. В. Танцева

**«ЧЕЛОВЕК ИЗ БУДУЩЕГО»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА
ВОЖДЯ В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ В 1920-е гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»)**

Образ власти являлся основополагающим в советской идеологии, его правильное отражение прямым образом влияло на политические процессы, идущие в стране. Ключевым каналом трансляции образа советской власти в 1920-е г. являлась печать. О ее особой роли в процессе отражения новых идей и ценностей говорил В. М. Молотов, выступая на совещании работников печати в октябре 1925 г.: «Печать должна обратить внимание, на то чтобы идеи партии и ее политика в целом находили в ней свое правильное отражение, чтобы искажения этой политики встречали должный и решительный отпор»¹. Под правильным отражением понималось соответствие публикуемых материалов официальному курсу партии, а по сути – освещение того или иного явления действительности исключительно с положительной стороны. Журнал «Огонек» как массовый еженедельник был активно включен в этот процесс.

Вопрос репрезентации власти был связан с процессом персонификации и развитием культа личности в образе вождя. Уже с начала 1920-х г. образ власти начинает приобретать персонифицированные черты и все чаще ассоциироваться с лидерами государства. Это нашло отражение в культе В. И. Ленина, появление которого было обусловлено тем, что его фигура достаточно быстро приобрела знаковый характер и сознательно ассоциировалась с образом власти, несмотря на авторитет других лидеров советского государства. Постепенно шло формирование его культа, с ним стали связывать светлое коммунистическое будущее.

¹ Большевицкая печать: сборник материалов. Ч. II. М., 1945. С. 159.

Обращаясь к теории культа личности, исследователи выделяют три составляющих его формирования: стремление к власти, наличие у лидера политической воли и единомышленников, способных сформировать востребованный позитивный образ вождя². При этом необходимо заметить, что в первой половине 1920-х г. образ власти еще олицетворялся со многими партийными лидерами, а не только с Лениным. Это нашло отражение и в увековечивании их имен в названии городов и улиц. Так, в 1922 г. еще до переименования Петрограда в Ленинград г. Гатчина был переименован в г. Троцк, в честь Л. Троцкого «экстракта революции» и ее «души»³. На страницах журнала «Огонек» в первые годы его издания можно встретить материалы, посвященные разным революционерам и политикам, часто публиковались и их портреты.

«Культ Ленина складывался постепенно, с течением времени, – отмечает Н. Тумаркин, – организационная основа была подведена под него в 1923 г., когда Ленин отошел от дел ввиду болезни; в форму гражданской религии общенационального масштаба культ вылился сразу же после смерти вождя в 1924 г.»⁴. С этого периода многие исследователи говорят о начале формирования такого явления, как лениниана. Формирование ленинианы как особого социально-культурного явления имело свои причины. По мнению Н. Тумаркина, «культ отвечал нуждам молодого

² Бурлацкий Ф. Культ личности: как это делается // Культ личности. 1998. № 2. С. 2-3.

³ Устинов Г. Ф. Трибун революции. М., 1920. С. 10.

⁴ Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С. Л. Сухарева. Т. 12. СПб., 1997. С. 14.

Советского государства: это был, в сущности, строго регламентированный набор символов и мероприятий, старательно разработанный партией и правительством для привлечения к себе неграмотных масс. Между тем, происхождение этого культа глубоко коренится в российском прошлом, история его развития наглядно демонстрирует всю силу иррационального начала в формировании советской политической культуры»¹.

При создании ленинианы в 1920-е г. перед печатью ставились определенные задачи: конструировать и транслировать образ Ленина как вождя мировой революции и пролетариата, мыслителя с одной стороны, и как простого товарища, близкого друга каждого советского человека, с другой. Были выработаны определенные визуальные каноны изображения и преподнесения данного образа, которые массово тиражировались печатью. Через отражение образа вождя и сама власть приобретала такие черты, как сакральность, почитаемость и одобрение. Пик публикаций темы «культ вождя» приходится на 1924 г., что связано с кончиной В. И. Ленина и началом процесса его сакрализации. В процесс создания ленинианы были включены известные деятели литературы и искусства. К примеру, фотожурналист «Огонька» П. А. Оцуп в 1924 г. работал над «Альбомом Ильича».

Нашла отражение лениниана и на страницах «Огонька». До середины 1924 г. публикации, посвященные Ленину, были немногочисленны, но уже в них можно проследить черты формирующегося культа, вылившиеся после смерти вождя в почитаемый образ. Как писала Н. Тумаркин, зарождению культа В. Ленина способствовало почитание на вождя, его болезнь, все это «породило новую риторическую формулу для выражения солидарности с большевистской политикой: непомерное возвеличивание личности вождя. Ее фразеология была самой разнородной. Одни образы были заимствованы из религии,

другие восходили к фольклору, широко использовалась и военная терминология. Стиль этих дифирамбов отличался повышенной эмоциональностью. В целом язык пропаганды свидетельствовал о социальной и политической однородности его носителей, а также о богатстве и пестроты революционной риторики в тот ранний период, когда закладывались основы советской культуры»². Обложкой «Огонька» № 24 за сентябрь 1923 г., например, был снимок с изображением вождя революции и подписью: «В. И. Ленин после выздоровления в августе 1923 года»³.

Главный редактор журнала «Огонек» М. Е. Кольцов в своей статье «Человек из будущего» соотносил образ вождя с миссией, с будущим коммунизма: «Отлично известно отношение партии к Ленину. Единственное в истории неповторимое сочетание доверия благоговения страха восхищения с дружеской фамильярной спайкой с грубоватой рабочей лаской, с покровительственной заботой матери о любимом сыне... В. И. Ульянов (Ленин) – грозный глава республики победительницы, и Ильич – простой, близкий, старший брат... в Ленине даже враги его видят нездешнего человека-пришельца из другого неминуемого будущего мира, пионера оттуда, из мира осуществленного коммунизма, мира который раньше или поздно с отсрочкой или без, но все равно наступит»⁴. На страницах «Огонька» помещалось значительное количество фотографий Ильича, которые также влияли на формирование образа вождя. Фотоочерк «Подарок Ленину от тульских оружейников» через фоторяд и текст повествовал о любви рабочих к главе государства⁵. Подобные публикации свидетельствуют о персонификации образа вождя в лице Ленина.

Целая серия материалов в журнале «Огонек» посвящена проблеме сохранения образа вождя. Фотоочерк А. Тулеса «Мавзолей на могиле Ленина» в № 17 за

² Там же. С. 87.

³ Огонек. 1923. № 24. Обложка.

⁴ Кольцов М. Е. Человек из будущего // Огонек. 1923. № 24. С. 1-2.

⁵ Подарок Ленину от тульских оружейников // Огонек. 1923. № 15. С. 5.

¹ Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С. Л. Сухарева. Т. 12. СПб., 1997. С. 15.

1924 г. освещает ход работ по возведению мавзолея вождю революции на Красной площади в г. Москве по проекту А. С. Щусева¹. А уже в следующем номере журнала размещен его же фоторепортаж «К великой могиле», который освещал прощание с вождем². Фотоочерк «Восток скорбит о смерти Ленина» отражал переживания трудящихся других стран и солидарность с рабочим классом страны Советов³.

Публикации, посвященные переживанию народом утраты, постепенно сменяются на новые, в которых Ленин жив и находится рядом с каждым советским человеком. Так постепенно рождался новый идеологический миф: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» Уже в апрельском номере журнала «Огонек» 1924 г. была напечатана фотография Ленина за трибуной с ярким заголовком: «Живой Ленин»⁴. Лениниана была одним из элементов конструирования и отражения образа власти. Репрезентация в журнале «Огонек» идеализированного образа вождя в его различных ипостасях была средством укрепления самой власти, с помощью ее представлялась тесная связь между вождем и обществом, которая не была утрачена после его смерти, а наоборот стала еще сильнее.

Мифологизированный образ вождя придавал особый сакральный смысл всем мероприятиям власти, проводившихся под его эгидой. Так открытие новых предприя-

тий и пуск заводов, представлялся не только как путь важных достижений советской власти, как вклад всего народа, но и как правильный, верный путь, определенный самим вождем. Фотоочерк «Ленинский посев взошел!» был посвящен открытию в г. Волхове гидроэлектрической станции, названной в честь В. И. Ленина, который еще в 1918 г. предложил идею ее строительства. Фотографии запечатлели митинг, на котором перед рабочими выступал член правительства А. И. Рыков, и сопровождалась цитатами из его речи: «Этим мы обязаны не только Ленину, советской власти и партии, но и той настойчивости и упорству, которые в этом проявил ленинградский пролетариат»⁵.

Процесс персонификации власти осуществлялся посредством определенной формы репрезентации вождя революции, в первую очередь, Ленина, которые и концентрировали в себе идеальные черты официального образа советской власти. Немалое значение имело построение эмоционально-психологической привлекательности данного образа. Данные пропагандистские приемы журнала «Огонек» способствовали утверждению легитимного и положительного образа советской власти и служили инструментом для создания благоприятных социокультурных и политических предпосылок для начавшихся реформ, получивших воплощение в сталинской модернизации.

¹ Тулес А. Мавзолей на могиле Ленина // Огонек. 1924. № 17. С. 1.

² Тулес А. К великой могиле // Огонек. 1924. № 18. С. 2.

³ Огонек. 1924. № 17. С. 3.

⁴ Живой Ленин (фото Леонидова Я. Л.) // Огонек. 1924. № 14. Обложка.

⁵ Кармен Р. Ленинский посев взошел // Огонек. 1927. № 2. С. 1.

О. А. Елдинов

НАРАСТАНИЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ СССР В СЕРЕДИНЕ 80-х гг. (НА ПРИМЕРЕ Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ)

Период 80-х – 90-х гг. XX века был отмечен как время больших институциональных перемен, связанных с процессами демократизации в рамках политического пространства Советского Союза. Январский пленум ЦК КПСС 1987 года утвердил положение о развитии самоуправленческих начал во всех сферах общественной жизни. Одной из новаций в общественно-политической сфере стал принятый 30 июня 1987 года Закон СССР «О всенародном обсуждении важных вопросов государственного управления». Реализация основных положений этого закона была ориентирована на местное сообщество, трудовые коллективы. Им надлежало обсуждать проекты решений местных Советов, их исполкомов о комплексных планах экономического и социального развития, вопросы, связанные с реализацией гражданских прав¹. По сути, в эти годы создавалась нормативная база для реализации самоуправления на предприятиях, законодательно были определены органы этого самоуправления (общее собрание, собрание трудового коллектива)². Впоследствии запуск этих тенденций был поддержан решениями XIX Всесоюзной конференции КПСС³. Инициированные союзным центром процессы демократизации и гласности проявили себя в пределах развития городского социума.

Однако у большинства представителей номенклатуры, руководителей организа-

ций и предприятий отсутствовал реальный опыт работы в новой системе согласования интересов – государственных, общественных, производственных и индивидуальных⁴. В результате методы, которыми реализовывалась эта государственная политика, часто оставались традиционными. Господствовавшие формализм, бюрократические структуры и официальный язык штампов становились основным объектом критики общественности. Таким образом, декларирование «новой политики» в локальном контексте не означало эффективного развития публичной сферы.

Трудности в реализации политических преобразований перестройки в Ростовской области во многом были связаны с острым социально-экономическим кризисом, корни которого уходили в предшествующий период. В первой половине 80-х гг. руководство Ростовской области реализовывало политику укрепления структур корпоративного типа: производственных, научно-производственных, торговых, агропромышленных. Эта политика была направлена на поддержание крупных производственных предприятий по типу ЛОМО, «Электросилы», «Ростсельмаша» и т. д. Именно в системе управления этих структур рождалась идеология «бюрократического корпоративизма»⁵, представляющего собой способ неформальных взаимодействий между «группами интересов» и носителями партийно-государственной власти. Такого рода взаимоотношения по-

135

¹ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-3737. Оп. 15. Д. 66. Л. 12.

² Попова Н. А. Политико-властные отношения в контексте идей общественного саморазвития в России (к. 80-х гг. XX столетия – 2004 г.). Ростов на Дону, 2013. С. 39.

³ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 года. Стенографической отчет. В 2-т. М., 1988.

⁴ Попова Н. А. Политико-властные отношения в контексте идей общественного саморазвития в России (к. 80-х гг. XX столетия – 2004 г.). Ростов на Дону, 2013. С. 40.

⁵ Венков А. В., Стариков Н. В. И. А. Бондаренко: жизнь и судьба. Ростов на Дону, 2010. С. 390.

рождали неэффективность существующих в городе и области предприятий дефицит товаров и развитие «теневой экономики». К середине 1980-х годов ВВП СССР в расчёте на душу населения составлял около 37 % от уровня США. Прирост производительности труда вплотную приблизился к нулевой отметке. На единицу национального дохода в советской экономике расходовалось в 1,5–2 раза больше электроэнергии, топлива, металла и других ресурсов, чем в промышленно развитых странах¹.

Критерий, по которому можно было бы судить о развитии макроэкономических показателей, напрямую связан с динамикой численности городского населения. На общем фоне неблагоприятных тенденций в России 60–80-х годов, в Таганроге наблюдалось снижение динамики численности населения. При этом инфраструктура городского населения Таганрога демонстрировала динамику социальных изменений, характерных для большинства среднестатистических городов РСФСР/РФ, Ростовской области.

Показательным примером, свидетельствующим о кризисном состоянии экономики городов Ростовской области, является выступление руководителя области И. А. Бондаренко 3 декабря 1983 года на XXIX отчётно-выборной партконференции города Таганрога. На тот период около 20 предприятий города скорректировало свои планы в сторону уменьшения производства на сумму 53 млн рублей². Неуклонно росла текучесть кадров: предприятия и стройки города за два года приняли на работу 57000 чел., а уволили – 55000 чел. Ежедневно в Таганроге за нарушение общественного порядка задерживали до 120–130³. И. А. Бондаренко отметил, что в условиях такого кризисного состояния главной задачей партийного руководства было изменение подходов к управлению

предприятием и городом. Необходимо «по-настоящему реализовывать Закон о трудовых коллективах», а «главная задача горкома – мобилизация, сплочение всех сил на повышение требовательности за неукоснительное исполнение принимаемых решений»⁴ – говорил И. А. Бондаренко. Только через поддержку общественных форм социальных действий, изменение форм участия и вовлеченности горожан в общественно-политические процессы возможен был выход из этого кризиса.

Сложное экономическое положение усугублялось спецификой политической системы. Локальная конфигурация политической власти во многом повторяла союзный и республиканский формат – сохранялось двоевластие партийных и советских органов. Городские партийные органы являлись основными центрами принятия решения в общественно-политическом пространстве города. Во главе ростовских коммунистов в исследуемый период стояли А. А. Донцов (08.10.1984 – 10.10.1988 гг.), В. Д. Козлов (10.10.1988 – 28.05.1991 гг.) и Ю. А. Семенов (28.05–23.08.1991 гг.). Городские советы народных депутатов работали в качестве совещательного органа, поддерживающего и обсуждающего государственные решения. Однако через исполкомы советов решалось немало количество местных проблем, местные советы занимались конкретной деятельностью⁵. Горсовет в те годы возглавляли Л. А. Иванченко (октябрь 1984 – апрель 1986 гг.), Г. И. Зоренко (апрель 1986 – декабрь 1989 гг.), В. Ф. Чуб (январь – апрель 1990 г.), В. Н. Анпилогов (апрель 1990 – октябрь 1991 гг.).

Из выступления первого секретаря горкома А. А. Донцова перед представителями прессы становятся ясными цели политики городских властей. Поводом для выступления стало выявление перспективы стратегического развития города на период XII пятилетки. В предыдущие годы городом было реализовано внеплановой продукции на 170 млн рублей. Контрольные задания пятилетки перевыполнены

¹ Тимошина Т. М. Экономическая история России: Учебное пособие. М., 2009. [Электронный ресурс]: URL: http://iovpni.spb.ru/attachments/380_ЭКОНОМИЧЕСКАЯ%20ИСТОРИЯ%20РОССИИ.pdf (дата обращения 15.05.2014).

² Там же. С. 392.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 393.

⁵ ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 15. Д. 23. Л. 4.

на 2 %, а по производительности труда – на 4,5 %. При этом констатировалось, что доля выпуска товаров народного потребления составила 35 %, сверх плана было выпущено товаров массового производства на 0,3 млн рублей¹. Всё это в глазах областного и республиканского руководства выглядело как значительное достижение.

Отдельным приоритетным направлением, которое курировал горком было развитие инфраструктуры города. Строительство водопроводной системы, структур теплоснабжения и транспорта находилось под постоянным контролем партийных органов, в связи с тем, что решение проблем местного характера было принципиально важным для городской общественности. Вопреки значительным проблемам с товароснабжением в 1986 году всё-таки вырос товарооборот – его рост по сравнению с началом пятилетки составил 10,6 %². Отдельное внимание в докладе было уделено вопросам организации подсобных хозяйств и предприятий города, которых в 1986 году насчитывалось 28. Для целей реформирования возникала необходимость изменить существующие порядки: нужны были «ломка традиционных методов хозяйствования, повышение теоретического и профессионального уровня подготовки кадров»³. Все эти процессы были продиктованы постановлением Совета министров СССР от 21.11.1985 № 1133 «О мерах по дальнейшему развитию в 1986–1990 годах городского хозяйства Ростова-на-Дону». Основная цель программы – выход на республиканский уровень обеспеченности по многим показателям социально-экономического развития.

Восприятие горожанами результативности декларируемых реформ и социально-экономического положения кардинально отличалось от позиции властей. «Трудящихся города» волновали вопросы тепло- и водоснабжения, функционирова-

ния городского общественного транспорта и коммунальных служб, обеспечения жителей Ростова продуктами питания. На 1989 год состояние коммунальных сетей Ростова-на-Дону характеризовалось значительной изношенностью. На обустройство инфраструктуры не хватало ни ресурсов, ни политической воли городских властей.

Среди первостепенных проблем жители отмечали загрязнение окружающей среды. Например, жителями улиц Магнитогорская, Кузнечная и переулка Молодогвардейского поднимался вопрос об ускорении строительства очистных сооружений на гипсовом заводе. Аварию на Чернобыльской АЭС жители города восприняли как угрозу безопасности жизни и здоровью. В городе стремительно распространялись слухи о повышении фона радиоактивности в Ростове-на-Дону, радиоактивных дождях, «лица склонные к употреблению алкоголя поддерживают слух о его пользе при профилактике лучевой болезни»⁴. Горожане активно обсуждали информацию о том, что жертвы на Чернобыльской АЭС будут занимать квартиры очередников-ростовчан. Парткомам было поручено усилить разъяснительную работу в трудовых коллективах и по месту жительства относительно положения дел в Чернобыле⁵.

Отдельно надо отметить и проблему дефицита продовольственных товаров, которая стояла перед жителями города наиболее остро во вт. пол. 80-х гг. Сложность состояла в «неоперативном решении вопросов увеличения завоза продукции»⁶. Проблемы с обеспечением хлебной и мясной продукции возникали на Новом поселении в присоединённом к Ростову посёлке Александровка. В 1987 году в вечернее время повсеместно возникали сложности с обеспечением населения хлебом (в утреннее и вечернее время у магазинов

¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 13. Оп. 20. Д. 132, Л. 3-7. К выступлению первого секретаря Ростовского-на-Дону горкома КПСС тов. Донцова А. А. на встрече с представителями прессы.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 20.

⁴ ЦДНИРО Ф. 13. Оп. 20. Д. 130. Л. 1. Вопросы, поднимаемые жителями города в период с 19 по 23 мая 1986 г.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ ЦДНИРО Ф. 13. Оп. 20. Д. 257. Л. 2. Информация о вопросах, обсуждающихся трудящимися и населением города Ростова-на-Дону в период со 2 по 8 февраля 1987 года.

скапливалось по 100–120 человек)¹. Рост цен, дефицит овощей и фруктов, «дикие» рынки, где товары народного потребления продавали перекупщики, порождали в городской среде проблему нетрудовых доходов. Недостаточная осведомленность населения о «Постановлении о борьбе с нетрудовыми доходами» привела к тому, что «отдельные граждане, опасаясь, что их доходы будут отнесены к нетрудовым, приостановили реализацию продукции своих подсобных хозяйств»². Создавались студенческие базары, деятельность которых, в целом, оценивалась горкомом положительно, так как она частично решала проблему обеспеченности городского населения товарами.

Примечательно, что структура занятости городского населения менялась на протяжении 30-летнего развития позднесоветских городов. Ситуация в этой сфере существенно трансформировалась. В СССР вся система занятости была государственной, что позволяло осуществлять административное управление этой сферой экономики. Свободный рынок рабочей силы не был признан даже в качестве экономической концепции. Он не имел места на практике.

Прямым следствием процессов либерализации экономики (начавшихся в конце 80-х гг.) в целом стало возникновение рынка труда, выразившегося в создании частных предприятий и системы наемного труда. Это резко расширило область свободы выбора видов занятий и рабочих мест для всех категорий населения, придало сфере занятости большую гибкость и динамичность. Возрос сектор теневой экономики, государство было вынуждено бороться с всё возрастающей тенденцией получения горожанами нетрудовых доходов. Впоследствии государственное регулирование было «свернуто» в пери-

од серьезного кризиса командно-административной системы и в условиях, когда рыночные механизмы еще не успели сложиться. Результатом такой политики, проводимой центром, стало то, что в городах сфера труда и занятости оказалась в «институциональном вакууме». Появлявшиеся центры занятости и кадрового развития не отвечали требованиям сложившейся экономической ситуации³: безработица, социальная незащищенность городского населения стали неотъемлемыми чертами социального развития городов.

Развитие транспортной инфраструктуры также значительно отставало от роста населения, замечалась ее повышенная перегруженность: в середине 80-х гг. внутригородской транспорт города перевозил за сутки 1,2 млн пассажиров⁴. Неудовлетворительная работа городского транспорта приводила к росту конфликтности в городе. Жителями города обсуждался вопрос о введении, «по опыту других городов страны, в Ростове-на-Дону единой оплаты на все виды транспорта и единых, согласованных между собой графиков»⁵. Особенно от транспортных проблем страдали жители городской периферии – жители 2-го посёлка Орджоникидзе, Северного жилого массива.

В тот же период экономическая инфраструктура города переживала революцию: создавались промышленные зоны города (Западная промышленная зона, промзона «Каменка», «Заречная», район ГПО «Ростсельмаш»). Строительство этих кластеров было как преимуществом, так и недостатком для городской среды, однако в конце 80-х – начале 90-х в связи с экономическими и социальными проблемами дальнейший рост промышленных пространств города остановился. Параллельно промышленному расширилось рекреа-

¹ ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 20. Д. 257. Л. 2. Информация о вопросах, обсуждающихся трудящимися и населением города Ростова-на-Дону в период со 2 по 8 февраля 1987 года.

² ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 20. Д. 130. Л. 6-7. Вопросы, поднимаемые жителями города по обеспечению жителей города сельскохозяйственной продукцией 10 июля 1986 года.

³ См. напр.: Коровкин А. Дихотомия «дефицит-безработица» на российском рынке труда. [Электронный ресурс]: URL: // www.demoscope.ru (Дата обращения 24.05.2014); Плышевский Б. Результат реформ – экономика перераспределения // Российский экономический журнал. 1996. № 11-12.

⁴ Город и власть (1749–2000). Ростов на Дону, 2000. С. 56.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 20. Д. 130. Л. 1. Вопросы, поднимаемые жителями города с 19 по 23 мая 1986 года.

ционный пространство города: создаются Северное водохранилище, парковая зона на реке Темерник, разбивается парк «Плевиен» в Западном жилом массиве.

Будучи столицей области, в 70-е–80-е гг. Ростов-на-Дону переживал строительный бум: выросли новые районы в соответствии с генеральным планом города. Появились такие жилые кварталы, как: Северный жилой массив, микрорайон Темерник, район улицы Содружества. Но уже в 1987–1988 гг. для городских властей насущной проблемой становится увеличение жилой площади, в связи с ростом городского населения и реализуемой жилищной политикой. На 1 января 1990 года вся жилая площадь в Ростове составляла 288 тыс. кв. км., из которых более 20 % приходилось на частные домовладения¹. Город, который в 1986 году стал «миллионником», испытывал значительные проблемы с обеспеченностью жильем.

В исследуемый период значительной проблемой продолжала оставаться проблема жилищного строительства. Проблема вокруг строительства дома на улице Содружества вызвала критику работы стройтреста № 11 Главсевкавстроя еще в 1985 году. Критика обрушилась на главу стройтреста – Ращейкина В. И. (был поднят вопрос о несоответствии занимаемой должности). Председателю профкома Афонасьевой О. Н. был вынесен строгий выговор за «ущемление прав работников». Фильшину В. И., директору элеватора, был вынесен выговор за «заключение неправомерного договора со стройтрестом № 11, повлекшее к волоките по заселению жилого дома»².

Горожане отмечали отсутствие гласности в жилищном вопросе³: практически не было информации о количестве построенного жилья (исчисляемого в квартирах) в

¹ Город и власть (1749–2000). Ростов на Дону, 2000. С.56-57.

² ЦДНИРО ф. 13. Оп. 20. Д. 78. Л. 1-2. Документы по рассмотрению фактов злоупотреблений в сфере распределения жилья, направления в загранкомандировки, приобретения легковых автомобилей, деятельности садоводческих товариществ.

³ ЦДНИРО ф. 13. Оп. 20. Д. 130. Л. 15. Информация о вопросах, обсуждаемых в общественном мнении г. Ростова-на-Дону с 9 по 23 ноября 1986 года.

текущем году, возникали проблемы с его распределением, особенно среди предприятий, принимающих участие в долевым строительстве (УСК – 3, НПО «Атомкотломаш»).

Неудовлетворительное состояние ведомственного жилья в 1986 году спровоцировало конфликт в Пролетарском районе города Ростова-на-Дону. Совет пароходства обязал подведомственные предприятия произвести ремонт коммуникаций и жилья по следующим адресам: дом № 6 по ул. Каяни, а также дома №№ 3, 5 по ул. Нольной, и дом 4. по 2-линии⁴. За 1985–1986 гг. заменено было более 3000 кв. м. кровли, заменены оконные блоки, выполнены плотницкие, малярные и штукатурные работы.

Учитывая неудовлетворительное состояние коммунального жилого фонда, плохой уход за неизолированными квартирами руководством ведомства, ответственного за дом – Азово-Донского пароходства, с целью улучшения содержания жилья и улучшения условий проживания кроме мер воспитательного характера принято решение о постепенной ликвидации коммунальных квартир посредством расселения жильцов и закрепления освободившегося фонда за проживающими в коммунальных квартирах с принятием мер по ремонту⁵.

Тридцать семей улучшили свои условия. Сумма ремонтных работ составила 2495 руб. Однако также были улучшены жилищные условия транспортного прокурора Зайцева В. А. Прокуратура РСФСР дважды – в 1984 и 1986 гг. проверяла, но не нашла нарушений законодательства. Улучшение жилищных условий Чурочкина А. И., еще одного из руководителей, также вызвало судебное разбирательство.

24 ноября 1986 года состоялось собрание жильцов, написавших жалобу в газету «Правда», с участием секретаря парткома

⁴ ЦДНИРО ф. 13. Оп. 20. Д. 78. Л. 4. Документы по рассмотрению фактов злоупотреблений в сфере распределения жилья, направления в загранкомандировки, приобретения легковых автомобилей, деятельности садоводческих товариществ.

⁵ Там же. Л. 5.

Огарева А. В., Ларина Н. И. – замначальника пароходства, Горяинова Б. Ф.

На собрании были приняты решения:

– о ежеквартальном информировании трудящихся о ходе ремонтных работ по восстановлению жилого фонда и расходованию средств;

– о еженедельном участии представителей домкомов в планировании и контроле производства ремонта жилого фонда микрорайона;

– об оперативном принятии мер по ликвидации аварийных ситуаций, имеющих в настоящее время в фондах ЖКО.

Начальнику Волго-Донского пароходства Мостовому И. Ф. было указано на ослабление контроля за соблюдением жилищного законодательства «и предложено было более строго подходить к решению вопросов предоставления жилья руководящим кадрам пароходства»¹.

Важно отметить, что бум советской урбанизации пришелся на 50-е – 60-е гг. XX века. Процесс исторического развития городских сообществ в 1985–1991 гг. характеризовался постепенным снижением темпов роста городского населения. Это было связано с изменением экономической структуры общества. Города продолжали привлекать наиболее активных представителей общества, они оставались центрами административной, культурной, социальной жизни.

В исследуемый период важно отметить возрастающее недовольство горожан тесной связью преступности и власти. Катализатором общественного недовольства становились одиозные политические дела, порождавшие городские слухи. Возмущение ростовчан вызвал факт пышных похорон К. М. Будницкого. К. М. Будницкий, бывший начальник областного управления торговли, в 1984 году был осужден на 15 лет с конфискацией имущества. В уголовном деле фигурировали многотысячные взятки, загранпоездки, дачи-дворцы. При

этом союзные СМИ активно включались в обсуждение этих преступлений: документальный фильм об этом уголовном деле был показан по центральному телевидению. Похороны К. М. Будницкого стали первой ростовской «перестроечной» массовой демонстрацией. Главный «снабженец» области в публичных выступлениях некоторых представителей номенклатуры представал «экономическим диссидентом»². Присутствие на похоронах чиновников вызвало возмущение ростовчан. В газетах «Вечерний Ростов» и «Молот» появились сообщения о заседаниях горкома и обкома КПСС. В них участие в похоронах К. М. Будницкого стояло в одном ряду с другими проявлениями безответственности, политической незрелости коммунистов и беспартийных³. Публикации упоминали тех, кто понес наказание за организацию похорон. В их числе оказались как те, кто нарушал нормы коммунистической нравственности, так и те, кто должен был эти нарушения предотвратить. За серьезные упущения в партийно-воспитательной работе понесли наказание секретари горкома и райкомов партии, работники милиции, коммунальных служб. «Вечерний Ростов» сообщал, что исключены из рядов КПСС управляющий трестом «Тяжстройкомплект» Гольдшляк, заведующий юридическим отделом Юго-Западного отделения ВААП Кожевников, строгие партийные взыскания объявлены заместителю начальника «Главростовстроя» Мазяру, заведующей магазином № 5 Ворошиловского продторга Костиной и другим⁴.

Концентрация социального и политического недовольства не могла не вылиться в общественный протест. Эти митинги аккумулировали протестный потенциал значительного числа горожан, столкнувшихся с социально-экономическими проблемами 1985–1987 гг. В эти годы зарождалась городская демократическая оппозиция – люди, которые пока что выступали в роли

¹ ЦДНИРО Ф. 13. Оп. 20. Д. 78. Л. 8. Документы по рассмотрению фактов злоупотреблений в сфере распределения жилья, направления в загранкомандировки, приобретения легковых автомобилей, деятельности садоводческих товариществ.

² Неизвестный Ростов. Динамический архив и студии. [Электронный ресурс]: URL: <http://rostov-80-90.livejournal.com/> (дата обращения 15.05.2014).

³ «Как они нас хоронили» // Литературная газета. 1987. 7 января.

⁴ Там же.

городских маргиналов, но которые в 1988-1990 гг. станут во главе ростовского неформалитета.

Таким образом, к середине восьмидесятых годов во внутренней жизни городских сообществ Ростовской области накопился целый комплекс проблем, которые негативно сказывались на положении населения. Это были экономические и социальные проблемы, а также неспособность властей в городах справиться с криминальными проявлениями. Обострялась жилищная проблема и проблема дефицита товаров широкого потребления и продовольствия. Все более заметным

становилось бессилие городских руководителей в решении вопросов, относящихся к инфраструктуре и экологии городов. Среди городского населения усиливалось недовольство существующим положением. В то же время в городах к концу восьмидесятых годов стали сказываться признаки перехода к рыночной экономике. Это способствовало, с одной стороны, расширению сферы занятости населения, но, с другой, при отсутствии правового регулирования, делало наемных рабочих незащищенными. Все это вело к обострению внутренней социальной напряженности в городах Дона.

Раздел IV МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

P. Bertalan, K. Kovács

CLASH OF CIVILIZATIONS, NEW PARADIGM SYSTEM, GEOPOLITICAL MODELS IN THE SECOND DECADE OF THE 21TH CENTURY

142

Approaching a forthcoming turn of a century or a millennium, public attention turns to the future of humanity. Mysticism, natural curiosity and far-sighted thinking all contribute to that. Public interest is also amplified at a revolution which politicians did not expect. Collapse of the Soviet Union was such a major transformation. Along the fault line stretching from the Baltic to the Black Sea on the geopolitical map, which can be called a political firing line with a technical term borrowed from geology, humanity experienced an enormous change in 1991. In such cases, the philosophers of history raise the question of how to proceed.

The three author Francis Fukuyama, in his monography *The End of History and the Last Man*, Samuel P. Huntington, in his book *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, and Zbigniew Brzezinski, in his work *Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power* seek answer to the question. Each philosopher of history deals with the common theme from a similar aspect, from the perspective of globalization. Similar thinking can be discerned from the title of Fukuyama and Brzezinski's work. Both of them philosophize in a utopian manner. Historical utopia has a long history as a genre and as an aspect as well. To the basic question of Fukuyama's work, which promotes social and economic model of the US global victory as a utopian future, history has already provided the answer. The outbreak of the Ukrainian crisis in Central and Eastern Europe proves that the «time stream», which goes its own way, cannot be stopped.

The title of Brzezinski's monograph indicates with the word vision that the book is about a subjective view whose realization is only contingent. The subtitle, crisis of the USA and the global power already refers to reality – to that extent, it is related to Huntington's way of thinking. The similarity of their logic raises another aspect. The question is which of their positions is more likeable. This does not mean a value judgment criterion, but only an evaluation from the aspect of their optimism. Brzezinski also undertakes the aspect of continuity, which is a fundamental characteristic of history, however, Huntington emphasizes discontinuity according to which the clash of civilizations means that «long-term future may not be determined by the Enlightenment and rationalism, not the spread of Western values, but the tribal form of life organized around instincts, local values and prejudices. It might not be the trio of freedom, equality and solidarity that will be the core value which determines how to coexistence, but the permanent conflicts of largely incompatible values of different cultures and civilizations, which can be reconciled for a while, but always threaten with their recurrence»¹.

As a Polish American, Brzezinski considers the world from the geopolitical situation of the US and Europe, accounts for the historical opportunities and prospects. Unlike Huntington, the author is concerned with the basic idea of the paradigm system of *Pax Americana*. This is not a power aspect. Some principles are consistently considered by

¹ Huntington S. P. *A civilizációk összecsapása és a világrend átalakulása*. Budapest: Európa, 1998.

Brzezinski. The most important among them are the ability to compromise, patience and ideological independence. His system of political view is considered to be the theory of relativity in political science. Pax Americana equals world peace. This is indicated by the term vision in the title of his monograph.

From the position of the USA he takes those power points into account starting from which the stable geopolitical network system of world peace can be constructed. This network has more than one centers. The USA is main starting point. He weighs his position as oppose to Fukuyama's approach. While according to Fukuyama the USA is able to impose its socio-political network model on the world, Brzezinski also accounts for a decline. Fukuyama's unipolar world becomes multipolar in Brzezinski's paradigm system. The geopolitically correct world network, which is based upon a realistic approach can be logically built up this way. The title and table of contents of Brzezinski's monograph are innovative and prove a harmonious geopolitical vision.

It indicates the importance of the questions raised up by the author that besides Jimmy Carter, the 39th president of the USA, senator Richard Lugar and Joseph S. Nye Jr., a professor of Harvard University classify the monograph as an excellent work. The principle of construction is that Brzezinski emphatically highlights the respects in the titles and subtitles of the chapters of his work that he regards as important. The title *The Receding West* indicates that the global, and especially the economic power the USA declines on the global stage. It owned fifty percent of the world GDP in 1945, while today none of the superpowers reach thirty percent of it. Despite the US victory in the Cold War, the Western political dominance has been decreasing for a long time. This trend of power may be increased by – though doubted by many – EU becoming a global power. The next subtitle is *The Emergence of Global Power*. This is a fresh historical geopolitical concept. Its historical synonym is the term empire, whose meaning became relative over time. The clearest manifestation of the modern concept of globalization is the expansion of the network of international organizations.

Bank exchange network, the system of the United Nations with its worldwide network, the exclusive club of the rich Western countries, the G-8, and the group of the world's richest countries, the G-20 can be mentioned here. Globalization is a flexible notion. This is documented by one of the subtitles of the first chapter: The Rise of Asia and the Dispersal of Global Power.

It is well-demonstrated by the fact that the increase of the world's economic performance is primarily due to the formation of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) with the participation of Japan, China, South Korea and Taiwan, as well as the development of Indonesia, India.

In terms of the world's power balance the author also weighs the European Union. In his opinion the EU has not become a unified political entity after the Cold War. The economic unit is currently called into question by England challenging the world currency role of the euro. Russia has to be listed among the geopolitical leaders due to its gas and oil reserves, and nuclear power, but its global political influence gradually increases. India cannot be considered a great power due to its internal and external opportunities. Japan does not want to transform its political and economic power to political power. These thoughts of Brzezinski inspire further research.

The 20-21st century is the period of rapid flow of information. The main reason for this is that the electronic media network becomes global. The consequence of the global political awareness is the awakening of the world's nations. The world networks of visual communication – television, Internet, mobile phones – have contributed to the polarization of geopolitical power. Brzezinski believes that the world becoming multipolar is a liquid state, source of a long-term imbalance. It is therefore necessary to establish several political power centers. Along the force vectors which start from those centers, it is possible to create the horizontal and vertical power networks that ensure the basic conditions for world peace. Some ideas of the first chapter already refers to this important geopolitical exploration. An important suggestion of the

monograph is that the global power has shifted from west to east¹.

The author with a philosopher attitude is cautious. He knows his conclusion cannot be considered final due to the «pantarhei», the constant change of history. By searching for power points, a significant part of the book indirectly deals with the issue of the creation of networks of power.

Starting from the question whether the USA is able to create multipolar world by itself, the author weighs the position of the country which won Cold War. He examines the position of the USA by the SWOT analysis method. By the help of the counterpoints of strength and weakness Table 1 assesses the conditions of the world's first power.

The balance of the USA	
Weaknesses	Strengths
Public debt	General economic power
Dysfunctional financial system	Potential of innovation
Increasing social inequality	Demographic dynamism
Deteriorating infrastructure	Reactive mobilization
Ignorance of the population	Geographical position
Deadlock in political life	Democratic attraction

Table 1 (source: Brzezinski Z. *Stratégiai vízió*. Budapest, 2013. P. 87).

America's economic strength, its percentage share of global GDP is shown in Table 2:

	1970	1980	1990	2000	2010
USA	27,26	26,18	26,76	28,31	26,30
Europe	35,92	33,77	31,70	31,92	28,30
China	0,78	1,00	1,80	3,72	7,43
India	0,87	0,82	1,07	1,40	2,26
Russia	4,27	4,09	3,84	1,50	1,86
Japan	9,84	10,68	11,88	10,25	8,74

Table 2 (source: Brzezinski Z. *Stratégiai vízió*. Budapest, 2013. P. 88).

The ranking formed on the basis of the economic indicators (entrepreneurship, economic competitiveness, and the general indicator of trade logistics) are shown in Table 3.

¹ Brzezinski Z. *Stratégiai vízió*. Budapest, 2013. P. 15-62.

Country	Place in world ranking
USA	7.
China	31.
India	50.
Brazil	51.
Russia	71.

Table 3 (source: Brzezinski Z. *Stratégiai vízió*. Budapest, 2013. P. 92).

The ranking established on the basis of social and political indicators (corruption, human development, education and general index of press freedom) based on Table 4 are as follows:

Country	Place in world ranking
USA	20.
Brazil	75.
Russia	110.
India	111.
China	112.

Table 4 (source: Brzezinski Z. *Stratégiai vízió*. Budapest, 2013. P. 92).

In the textual evaluation of the strength of the USA America's dominance in education is outstanding even at a global level. In the ranking of the best universities in the world, eight of the top ten, while seventeen in the top twenty are American. The United States does not suffer from population ageing and a decline of population. By 2050, 403 million people are going to live in the country, and 21.6 % are going to be over the age of 65. By comparison, during this period the EU population drops from 497 million to 493 million. Per thousands of people, current migration rate is 4.25 % in the USA, 2.19 % in Germany, 2.15 % in the UK, 1.47 % in France, 0.28 % in Russia, 0.34 % in China. The US currently has large natural resources (shale gas), and it is in a strategically advantageous geographical situation². The reality is, however, somewhat darker. By his politician vein, Brzezinski is urged to take stock of our present and recent past happenings as well. He constructs the other half of the SWOT analysis accordingly, where the weaknesses are

² Ibid. P. 91-93.

discussed. He provides analyst-intentioned comments to each point on the list of weaknesses. The title of this chapter is eloquent: *Beyond Self-delusion*. Instead of the widespread positive image of America, the reader is rather able to know reality.

As the first aspect, Brzezinski mentions the increasing public debt of the USA. This was 60 % of GDP in 2010. This rate is not a shocking data, because the Japanese government debt was 115 % and Italy reached 100 % at this time. Due to the facts the economic predictions are pessimistic: according to them, by 2025 public debt can reach the largest level ever, it can be 108.6 %. The financial prospects for the period after 2020 are post-apocalyptic. The flawed financial system will jeopardize the global economy because of the dollar's world currency positions. It has been indicated by the crisis of 2008 as well. The economy distorts even the social structure of society.

The growing income gap and the stagnant social mobility are long-term threats. By the help of two illustrative sets of data Brzezinski confirms that similar processes take place globally too. America is known throughout the world as the country of technical wonders. This innovative network-based natural science plays a big role in this. The author also regards the worsening infrastructure, which plagues the United States, as a shortcoming. The fast train used in Europe and Japan is not operated by America. China drew the world's attention with the globally unique, five thousand kilometers long rail, which is suitable for super-fast train transport. Shanghai airports have an advantage of decades over those of Washington and New York. Modernization of China's infrastructure is a best practice example for the world. «In its issue published in 2009 The American Society of Engineers gave the American transport infrastructure in general a grade two on a scale of one to five, considering the partial results, aviation got grade 2 two, rail transport received a three...»¹. The landscape of cities glittering with luminous advertisements is in a strong opposition to the image of the

slums. There is still room for improvement in housing conditions as well.

The author persuasively presents the backwardness of the cultural level of population. Americans do not know too much about world geography, neither do they about current world news. Historical awareness is on a similar level. The high quality of universities, by contrast, is a consequence of the so-called «brain drain». «A survey on the American youth found that, while 63 % of them could not identify Iraq on a map of the Middle East, 75 % cannot find Iran, 88 % cannot spot Afghanistan, at a time when America takes costly military actions in the region ...»². In the author's opinion, the main reason for the lack of knowledge is the weak public education system.

The American democracy praised by Fukuyama also loses from its attraction. Brzezinski criticizes extremely rebellious, sharp, divisive tone of the media. He mentions the particular impact of the financial support of political campaigns. The author writes about the political war between the left and right as well³. The emphasized strengths make weaknesses little known to the world. By his Americanness and Polish Europeanness, Brzezinski is forced to make a considerate assessment of reality. This is evidenced by the chapter America's Long Imperial War. The title suggests that the US leadership lives in the illusion of a global world power even after the Cold War victory. But reality contradicts to the demand of being a world power. On 11 September 2001, the sense of inviolability security of the US has been shattered. The author's view is acceptable: «the Cold War meant stability only in the sense that its fragile mutual self-restraint depended upon the common sense of a couple of fallible men»⁴. The Cuban crisis is an example of this. The US remained alone without any competitors. Its diplomacy sought to develop good relations with China, and the EU supported its policy. 11 September 2001 urged tough actions against the Al-Qaeda targets.

² Ibid. P. 83.

³ Ibid. P. 63-98.

⁴ Ibid. P. 99.

¹ Ibid. P. 82.

US President Bush began military actions in Afghanistan, supported Israel's war against the PLO. In the spring of 2003 the Americans invaded Iraq. Brzezinski's short conclusion: «Overall, the appearance of a racial and a religious element in the war on terror dented the democratic credentials of America, while – one and a half years after 11 September 2001 – the war in Iraq has proved to be a costly by-martial scene»¹.

The Allies – even if reluctantly – have supported and are supporting the lengthy war. Russia and China reacted and respond to the diplomatic steps of the US military policy carefully and following their own interests. The majority of American citizens is probably going to remember the recent war in Vietnam with its fifty thousand American and three million Vietnamese casualties.

The ambivalent situation and mood must be eased and lifted. Knowing the facts, the modern network discipline political science undertakes outlining the future trends as well. Among the historical regularities the statistical ones are the most accepted. Numbers are facts based on which historical trends it can be outlined in advance. Considering the statistical data, the author recognizes that the global balance of East and West could be tipped in favor of the latter. The third chapter of the monograph is entitled *The World after America: by 2025, not Chinese but Chaotic*. The author instinctively assumes that Asia's largest power can take over the leading role in the world. The fourth chapter is entitled *Beyond 2025: a New Geopolitical Balance*. In these two chapters, the author assesses the possible perspectives for the future on a hypothetical and alternative basis. First, he takes a look on his native land, Poland. There are two relevant factors that determine the position of the Central East region. The first is a new Cold War triggered by the crisis in Ukraine, the other is Russia's rising economic and political dominance in the region. The challenge of superpowers is still undecided. Beside the position of military power, it also involves economic power challenge. Based on the two components it is difficult to

predict the final outcome. A diplomatic agreement between the major powers could be a suitable way out.

Middle East is the other unstable region. This area, which is located between Europe and Asia has strategic importance for the superpowers due to the energy supply. There are several critical points of this region. The political and economic position of Afghanistan is the most questionable. It is an arena of religious and military conflicts and a starting point of terrorist acts. US withdrawal can be expected. This would lead to an unwanted increase in the role of Pakistan. A possible consequence might be an inhuman war of religion.

Afghanistan might sink into the morass of long war. This area might become a center of international terrorism after the US withdrawal. The strongest geopolitical breaking point is the conflict of Israel and Palestine. The resulting contrast threaten with a world war. The monograph warns to this in an implicit form. The work lists the powers involved. It refers to the fact that the US has created a balanced situation 35 years ago. He tried to establish good relations with Saudi Arabia, Egypt, Turkey, and Iran. Because of the complex system of power relations, it seems difficult to find an alternative. The current state of the Middle East region can be compared to the Balkan in the beginning of the 20th century. It is the Huntington an world of war of all against all. Clash of civilizations and religions means is the uncertainty of the transformation of world order indeed.

It is difficult to find a fixed point in this instability. The author regards Turkey as the guarantee of the region's power balance. Turkey the only controversially modernizing Islamic state in the region. Currently, the Islamic Republic of Iran seems to be a similarly powerful with its fundamentalist regime, so it is very dangerous. Turkish modernization launched by Kemal Ataturk is the only relevant guarantee geopolitical stability of the region. On the one hand, it proves that modernization and democracy are not incompatible with Islamic traditions. On the other hand, Turkey is committed to be on good terms with its neighbors in the Middle East. This country plays a

¹ Ibid. P. 104-105.

leading role in the region. Its importance is also increased by taking advantage of existing regional and cultural relationship between the people of the old Ottoman Empire and the post-Soviet Central Asian states. The author sees the prospect that the position of Turkey could undermine the attractiveness of Islamic extremism, so it increases regional stability in Central Asia not only in his own favor but for also the benefit of Europe and Russia. Apparently, it is an optimistic idea what the author explains as follows: «Nevertheless, it is important to America, Europe and Russia that Russia could develop a good relationship with the West rooted in common political and economic values»¹. This brings us to the implicitly hidden geopolitical view of the world whose best-known representatives are Spy man and Mackinder. Their world view is shared by the Anglo-Saxon geopolitical schools as well. One of its essential elements is that in terms of world power the most important region is the so-called core area, which extends from the common border of Central and Eastern Europe and the Ukraine to River Lena. One subsection of the monograph proves that the author expects the merge of the core area and Europe. The title of the subchapter is *Eurasia's geopolitical volatility*². By the end of the monograph the network-based vision of future has been outlined: a cooperation between East and West which is built upon a network consensus and based on a new geopolitical balance model. Though the author gives Pax Americana up, the opportunity for the realization of world peace is the source of his hypotheses. He measures enormous region of the Far East from this aspect as well. The number of potential sources of conflict is great here too. In contrast with the historical discontinuity of present, there is a global peace, although geopolitical points of fire, threats of a new world war, still exist. These are needed to be overcome in order to create power balances. The main target is to eliminate the chaos after the United States. Slow protracted decline the US should be expected. Nevertheless, it has to be considered that it can significantly influence world politics in

the near future. The author is likely to accept the foreign policy of the current American administration. In the Far East, America expects balance in India, which has to be regarded as a great power, and China. China's economic development is an outstanding performance. The failure of the war in Vietnam, which was partly due to China, serves as an eternal lesson to the US leadership. The careful, patient policy might bring success in the region. If China wants to gain more influence, its neighbor India is needed to be involved because of the weakening of China's aspirations. If that alone is not enough, Vietnam is also a possible partner. The most important factor of the Asia-Pacific US policy is Japan. The outstandingly hottest geopolitical point of area is Taiwan, which is required by China. The example of Hong Kong and Macau demonstrates that «one country, two systems» principle works. Application of this principle of parity is a guarantee of peace in the case of Taiwan as well. China's power intentions prevail slowly. The management of the vast country is careful. The slow economic expansion might be a means of it. Due to the collapse of the Soviet Union Russian influence is weakened in Mongolia. China can obtain the economic treasures of this great area by peaceful economic means. If it succeeds, it can look further, to Siberia. Loss of Siberia would result in the collapse of the Russian power dreams. Tsar Peter the Great Russian imagined future together with Europe. The coordinated economic and foreign policy of the EU, the US and Russia could lead to peaceful diplomatic relations based on consensus and co-operation, which mean a long-term mutually beneficial economic development for each partner. A consequence of this might be the creation of the Eurasian free trade zone which extends from the Atlantic Ocean to the eastern border of Siberia. This prevents China's intentions of conquest in Siberia.

Looking to our region, and taking its interests into account, a final conclusion of the monograph must be received: «For America to succeed as the promoter and guarantor of a renewed West, close American-European ties, a continuing US commitment to NATO,

¹ Ibid. P. 95.

² Ibid. P. 173-185.

and careful American-European management of a step-by-step process of embracing, perhaps in varying ways, both Turkey and a truly democratizing Russia into the West will be essential. The United States must encourage the deeper unification of the European Union and guarantee its geopolitical relevance by remaining active in European security, while pushing Europe to increase its own political and military activity. The close cooperation between Britain, France, and Germany—Europe's central political, economic, and military alignment—should continue and broaden. Additionally, the expanding German-French-Polish consultations regarding Europe's eastern policy—critical to the EU's eastern accommodation and expansion—must simultaneously strengthen and expand»¹.

New world power network can be created on the basis of the outlined of geopolitical ideas, network models – this is the task of future.

Conclusion

The latest challenge is the acquisition of making people think in networks. Our complicated modern world is woven through by economic, social network links, which are difficult to model. Making the individual recognize the laws of motion of networks, and raising its awareness on the scientific application of network connections is an elevated, but also very responsible and complicated task. In the epoch where the unstoppable flood of information rushes upon the individual on the information superhighway, it is a very complicated and complex task to show the students the difference between valuable and worthless information.

We need to be aware of that without knowing the facts of history and their context, we can lose our way, we can be discouraged and misleading, therefore, we cannot run on the course to which the Hungarian are destined according to its talents.

¹ Ibid. P. 254.

Раздел V ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

А. С. Стыкалин

**«МИР, КОТОРЫЙ Я ЗДЕСЬ ВСТРЕТИЛ,
ПРОИЗВЕЛ НА МЕНЯ ОЧЕНЬ ГЛУБОКОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ».
К ИСТОРИИ ПОЕЗДКИ В СССР В 1945 г.
ВЕНГЕРСКОГО НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА АЛЬБЕРТА СЕНТ-ДЕРДИ***

В центре внимания настоящей статьи и прилагаемых к ней, публикуемых ниже документов из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) – фигура выдающегося венгерского ученого и общественного деятеля лауреата Нобелевской премии Альберта Сент-Дёрди (1893–1986), вскоре после освобождения Красной Армией Будапешта зимой 1945 г. и выхода из подполья «изъявившего желание приехать в Москву для установления личного контакта с советскими учеными». Интерес руководства СССР к персоне Сент-Дёрди оказался настолько велик, что в заботы о послевоенной судьбе этого ученого и политика был непосредственно вовлечен даже второй по своему влиянию человек страны – В. М. Молотов. Двухмесячное пребывание Сент-Дёрди в СССР в мае – июле 1945 г. помогло ему стать, пусть на короткий срок, увлеченным пропагандистом советского опыта и советских моделей организации науки и – шире – общественного обустройства. Довольно скоро, правда, пришло разочарование и один из крупнейших биохимиков мира, человек кембриджской выучки сделал окончательный выбор в пользу прозападной ориента-

ции Венгрии и навсегда покинул родину в 1947 г., переехав в США.

Альберт Сент-Дёрди родился в 1893 г. в Будапеште в интеллигентной семье дворянского происхождения, где высоко ценилось естественнонаучное знание, среди его родственников по материнской линии были университетские профессора и видные врачи. По окончании реформатской гимназии, одной из лучших в венгерской столице, он поступил на медицинский факультет будапештского университета, который с отличием закончил в 1917 г. Во время первой мировой войны провел немало месяцев на фронте в качестве врача, в том числе во время отступления австро-венгерской армии вследствие Брусиловского прорыва, был удостоен боевых наград. Революционные события 1918–1919 гг. (распад монархии Габсбургов, Венгерская Советская республика 1919 г.) застали его на родине, однако, уже начиная с первой половины 1920-х годов, он подолгу жил и работал на Западе. Избрав делом своей жизни биохимию, А. Сент-Дёрди еще в молодости вышел как исследователь на международную орбиту – стажировался сначала в Германии, Голландии, а в 1926–1930 гг. в Британии, в Кембридже, где начиная с 1928 г. публикуются его работы, представившие миру выдающиеся открытия, прокладывавшие новые пути, прежде всего в фармацевтике (получение витамина С).

На протяжении всей своей долгой жизни А. Сент-Дёрди, даже в период крат-

* Работа подготовлена в рамках комплексной Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы», проект «Евразийство в политических проектах стран Центральной и Юго-Восточной Европы, XX век».

современного, но при этом весьма серьезного увлечения советским опытом, продолжал считать своей духовной родиной Кембридж, поддерживал, насколько мог, связи с британскими учеными, как и с коллегами из других стран, стажировавшимися в престижном Кембриджском университете. Очевидно, именно там, в Кембридже, сформировалось его очень последовательное (а временами даже радикальное) сциентистское мировоззрение. А. Сент-Дёрди до конца своих дней сохранял веру в высокую миссию естествознания как одной из фундаментальных основ мировой цивилизации, в способность науки (особенно естественных наук) решающим образом влиять на глубокие и всеобъемлющие социальные изменения. Это предполагало, согласно его представлениям, не только огромную ответственность ученых за поступательный цивилизационный прогресс, но и постепенное повышение общественного престижа их деятельности, веса их мнения по ключевым вопросам мирового развития, что открывало, конечно, пути и к определенной политизации науки, ведь стоявшие перед ней задачи имели, несомненно, и свое ярко выраженное политическое измерение. Тем более что без поддержки власть имущих (не только финансовой, но зачастую и сугубо политической) никак не было возможно осуществление многих амбициозных сугубо научных проектов.

Сциентизм А. Сент-Дёрди, нашедший отражение во многих его высказываниях, публицистических выступлениях разных лет, сосуществовал с политическим либерализмом довольно левого толка. Будучи в 1919 г. непосредственным свидетелем Венгерской советской республики с ее леворадикальными эксцессами, молодой ученый не симпатизировал большевизму, и позже, уже в зрелые годы, писал о том, что пережитой в 1919 г. опыт не прошел для него бесследно, приведя к разочарованию в радикалистских социальных проектах¹. Консерватором он тем не менее не

¹ См.: *Modernity versus Democracy: The Politics of Albert Szent-Györgyi, 1945–1947* // Péteri Gy. *Academia and State Socialism. Essays on the Political History of Academ-*

стал. На его духовное формирование, очевидно, в немалой мере повлияла и царившая в Кембридже 1920-х годов леволиберальная атмосфера, не чуждая интереса к идеям социализма, марксизма, проектам глубоких, при этом выполненных на «строго научной» основе общественных преобразований². Сциентизм немарксиста Сент-Дёрди, верившего в то, что научное знание и владение научными методами управления обществом позволят радикально изменить мир, сделать его более рациональным, цветущим и совершенным, свободным от насилия, до некоторой степени перекликался с представлениями коммунистов о «подлинно научном» марксистском мировоззрении.

Международный резонанс научных открытий А. Сент-Дёрди был уже в конце 1920-х годов настолько велик, что о талантливом молодом венгерском биохимике слышали в будапештских правительственных кабинетах. Программа культурной политики хортистского правительства графа Иштвана Бетлена, лишь частично осуществленная, была связана с именем многолетнего министра просвещения и культов графа К. Клебельсберга. Она была направлена на создание в стране мощной инфраструктуры отвечающих современным европейским стандартам элитарных культурных институций (университеты, научные лаборатории, библиотеки, музеи и т. д.), что было призвано в качестве идейной и морально-психологической компенсации огромных территориальных потерь – утраты более двух третей территории страны по Трианонскому мирному договору 1920 г. – утвердить в новых условиях роль Венгрии как главного «бастиона культуры» в Дунайско-Карпатском регионе. В математике и целом ряде областей естествознания на кафе-

ic Life in Post-1945 Hungary and Eastern Europe. Highland Lakes. New Jersey – New York, 1998. P. 117.

² Можно отчасти согласиться с мнением видного норвежского историка венгерского происхождения Д. Петери о том, что именно к Кембриджу и существовавшей там духовной атмосфере восходят истоки того серьезного интереса Сент-Дёрди к реформированию системы научных институций и планированию науки по советским образцам, который проявился сразу после второй мировой войны (Ibid. P.118).

драх и в лабораториях венгерских университетов (в Будапеште, Сегеде, Дебрецене) старались, насколько позволяли средства, поддерживать высокий по европейским и мировым меркам уровень научных исследований. Другое дело, что у среднеразвитой аграрно-индустриальной страны, какой была межвоенная Венгрия, средств для проведения дорогостоящих научных изысканий явно не хватало (особенно после экономического кризиса 1929–1933 гг., нанесшего громадной силы удар по всем задуманным проектам). Многие талантливые ученые, получившие первоклассную подготовку именно в венгерских университетах, рано или поздно были вынуждены переехать в более развитые и благополучные страны. Вклад уроженцев Венгрии в науку первой половины – середины XX в. чрезвычайно высок. Достаточно назвать имена гениального математика и кибернетика Я. Неймана (без работ которого не было бы компьютерной техники), «отца» американской водородной бомбы Э. Теллера, его коллег по ядерной физике Э. Вигнера и Л. Силарда, физика-экспериментатора Д. Бекеша, основоположника голографии Д. Габора, специалиста в области аэродинамики Т. Кармана, химика Р. Жигмонди, радиохимика Д. Хевеши, астрофизика З. Бая (близкого друга А. Сент-Дёрди). Многие из перечисленных – лауреаты Нобелевской премии. Однако один лишь А. Сент-Дёрди получил эту премию, работая в Венгрии.

Итак, заслышав об успехах молодого венгра в Кембридже, граф Клебельсберг уже в 1928 г. направил ему персональное приглашение возглавить создаваемый институт биохимии в Сегедском университете, который власти стремились сделать одним из главных средоточий венгерской фундаментальной науки (г. Сегед, где в 1919 г. так и не была установлена власть коммунистов, а, напротив, функционировало альтернативное контрреволюционное правительство, рассматривался идеологией режима М. Хорти как центр исконно венгерской национальной духовности, не поддавшейся чуждым разрушительным веяниям). А. Сент-Дёрди воспользовался этим приглашением, но несколько позже,

фактически он возглавил кафедру только по возвращении домой в 1930 г. Поддержка фонда Рокфеллера позволила ему продолжить научные исследования в Сегеде на столь же высоком, «кембриджском» международном уровне.

Человек леволиберальных убеждений, А. Сент-Дёрди никогда не скрывал своего презрения к глубоко консервативному истеблишменту хортистской Венгрии, сами манеры и стиль его поведения в высшем венгерском обществе тех лет были до некоторой степени вызывающими и фронтёрскими¹. Его отношение к полуфеодалным социальным устоям, засилью аристократов и церковников нашло отражение и в публикуемых ниже документах, записях бесед с советскими эмиссарами зимой 1945 г. Тем не менее, в 1935 г., учитывая международную известность работ А. Сент-Дёрди, его скрепя сердце избрали членом Венгерской академии наук, продолжавшей оставаться одним из оплотов консерватизма. В октябре 1937 г., когда в Советском Союзе, впоследствии, после Второй мировой войны восхвалявшемся (хотя и не долго) Альбертом Сент-Дёрди, достиг своего апогея сталинский террор, в Швеции было объявлено о присуждении венгерскому биохимику Нобелевской премии по биологии и медицине. В венгерском (особенно интеллигентном) обществе, переживавшем тяжелейший посттрианонский синдром, с трудом осваивавшемся в непривычно узких новых границах страны и очень мало избалованном знаками благорасположения со стороны Запада, это было воспринято как хотя и ограниченный по своему масштабу, но все-таки настоящий национальный триумф.

По мере того как увенчанный лаврами А. Сент-Дёрди, единственный в Венгрии Нобелевский лауреат, становился все более публичной фигурой, возрастал его интерес к политике и общественной деятельности. Журналисты, то и дело бравшие у него интервью, спрашивали его мнение по многим вопросам, далеким от естествознания. А. Сент-Дёрди, как правило, охотно

¹ См. воспоминания о нем: Memoriam Albert Szent-Györgyi. Szeged, 1987.

высказывался, что, по всей видимости, изначально, что он не был чужд некоторым общественно-политическим амбициям. Как и многие другие азартные люди, достигшие серьезных успехов в избранной ими сфере деятельности, он не прочь был попробовать проявить себя и на ином поприще, в том числе политическом.

Хотя явно леволиберальные убеждения А. Сент-Дёрди были мало уместны, вызывая сильнейшее раздражение в высших политических кругах страны, где начиная с 1932 г. сменяли друг друга правые или крайне правые правительства, его как единственного в Венгрии лауреата престижнейшей в мире премии ввели в 1939 г. в высшую палату парламента. Скорее всего власти сделали это в стремлении несколько задобрить собственную, крайне недовольную продолжающимся дрейфом Венгрии к открытому фашизму полулиберальную, правоцентристскую интеллигенцию (с которой вынуждены были считаться вплоть до оккупации страны вермахтом в марте 1944 г.), равно как и западные демократии, между которыми и Третьим рейхом приходилось в это время балансировать хортистской Венгрии. Именно желанием придать чуть больше блеска своей совсем потускневшей витрине в глазах либерального Запада было мотивировано назначение А. Сент-Дёрди в 1940 г. ректором Сегедского университета. Это было сделано с санкции тогдашнего премьер-министра графа Пала Телеки (не только очень консервативного политика, но и европейски известного ученого-географа) в условиях, когда страна еще продолжала лавировать на международной арене, сохраняя нейтралитет в начавшейся войне и не прерывая связей (в том числе культурных и научных) с западными державами. Впрочем, этого могло и не произойти без некоторых жестов А. Сент-Дёрди, вполне созвучных внешней политике хортистского режима. Так, в конце 1939 г. он резко осудил советское вторжение в Финляндию, связанную с Венгрией тесными культурно-языковыми узами. Более того, перечислил небольшие личные средства в финский Красный Крест.

С внутренней политикой режима у него такого созвучия не было, особенно после принятия ряда антисемитских законов, ограничивших в правах немало его коллег и хороших знакомых и вообще в корне расходившихся с исповедуемой им системой ценностей в самых ее основаниях. Гораздо позже, уже живя в США, А. Сент-Дёрди писал, что его «демократические убеждения не могли примириться с наступающей волной фашизма. Я вовсе не собирался втягиваться в политику, она сама вторглась в нашу жизнь. И когда я видел, как жгли книги и преследовали моих еврейских друзей, я должен был спросить себя: да или нет. И я ответил: нет»¹.

Когда к концу 1941 г. хортистская Венгрия при премьер-министре Л. Бардоши (сменившем застрелившегося в дни апрельской антиюгославской кампании вермахта графа П. Телеки) оказывается в состоянии войны не только с СССР, направив свои войска на восточный фронт, но также с Великобританией, а после Пирл-Харбора и с США, в сознании А. Сент-Дёрди усиливается тотальное неприятие всей политики режима. В 1942 г. под эгидой министерства внешней торговли создается при его непосредственном участии легально действовавшее общество умеренно антигерманской направленности с участием авторитетных людей, представителей экономической и политической элиты. Строились планы установления, насколько это было возможно в условиях войны, по неофициальным каналам мостов, ведущих к западным державам, союзницам по антинацистской коалиции. А. Сент-Дёрди возглавил это общество, при выборе его главы сыграли свою роль не только международный авторитет и англофильская ориентация ученого, но и его тесные связи с британским интеллектуальным, особенно научным сообществом. Это общество опиралось на негласное покровительство нового, довольно гибкого премьер-министра М. Каллаи, на некоторых его полулегальных заседаниях осторожно затрагивался вопрос о

¹ Цит. по: Palló G. A tudós demokratizmusá. A politikus Szent-Györgyi Albert // Világosság, 1994. 11 sz. S. 5.

путях выхода Венгрии из войны – эта тема воспринималась широким общественным мнением как особенно насущная после сокрушительного разгрома венгерской армии на Дону зимой 1942/1943 г. и гибели десятков тысяч солдат. Будучи некоторое время высокопоставленным государственным служащим (ректором второго по величине университета страны), А. Сент-Дёрди в то же время не скрывал своей антивоенной позиции от довольно широкого круга единомышленников, к которому относились и многие другие чиновники госаппарата. В 1943 г. происходили, правда, не увенчались успехом попытки создать легальную партию либеральной ориентации – гражданскую демократическую во главе с А. Сент-Дёрди. Крупный ученый поддерживал связи и с образованным в 1942 г. Венгерским фронтом национальной независимости, явно оппозиционным нелегальным объединением антинацистски настроенной интеллигенции.

Венгерский ученый к 1943 г. хорошо осознавал, что вследствие неминуемого поражения нацистской Германии усилится советское влияние в Дунайском регионе. Послевоенный концерт великих держав он не представлял себе без активной роли Советского Союза, воспринимавшегося им, прежде всего как мощная антинацистская сила. Позже он писал: несправедливая финская война понемногу стала забываться, «мои симпатии, впрочем, как и симпатии многих других венгров, были теперь на стороне СССР. Мы знали, что Советы в союзе с США и Англией воюют против тоталитаризма, за демократию. Коммунизм был противником гитлеризма, а мы ненавидели гитлеризм». Были у нас, продолжает А. Сент-Дёрди, и другие соображения, основанные на наших собственных национальных чаяниях: «Гитлер подавлял нас, малую страну. Но мы слышали, что в России большие и малые народы пользуются равными правами. Мы поверили в то, что Россия поможет нам, малой стране, встать на ноги, гарантирует полную свободу, покажет миру, как должна обращаться большая нация с малой»¹. У венгерского

профессора-биохимика довольно долго сохранялись иллюзии, что СССР в интересах улучшения своего имиджа предпочтет дать в этом плане пример другим державам. Кроме того, он рассчитывал на определенную способность советской системы под влиянием победоносной войны под антифашистскими идеалами эволюционировать от левой большевистской диктатуры к несколько более демократичной модели общественного устройства.

К 1943 г. А. Сент-Дёрди негласно воспринимался как в Венгрии, так и за ее пределами, в частности на Западе, как один из потенциальных лидеров будущего либерального фланга венгерской политической жизни со всеми присущими человеку, занимающему такое положение, амбициями. В недовольных участием страны в губительной для нее войне антигерманских кругах (а к ним все более тяготели виднейшие политики, включая самого выдающегося премьер-министра межвоенной эпохи графа И. Бетлена) иногда негласно высказывались соображения о том, что после неминуемого поражения нацистской Германии именно А. Сент-Дёрди стал бы оптимальной кандидатурой на пост премьер-министра в силу своих британских связей и однозначно хорошей репутации в Британии и США.

В феврале 1943 г., сразу после оглушительного разгрома венгерской армии на Дону, с ведома премьер-министра М. Каллаи и самого регента М. Хорти состоялась секретная миссия А. Сент-Дёрди в нейтральную Турцию, в Стамбул, где он встречался с представителями британских спецслужб. Задачей миссии было прозондировать возможности разрыва с Германией и установления сепаратного мира с западными демократиями. Как и некоторые другие либеральные венгерские интеллектуалы (не говоря уже о прагматиках-хортистах из окружения М. Каллаи), А. Сент-Дёрди питал надежды на то, что западные союзники высадятся на Адриатике и тем самым удастся избежать советской оккупации Венгрии. Хотя венгерские власти находились в курсе его поездки, это не означало, что он был склонен последовательно

¹ Цит. по: Palló G. Szent-Györgyi Albert és a szovjet kapcsolat // Magyar tudomány 1993. № 10. S.5.1268.

вести игру в интересах сохранения существующего режима, свою миссию он согласовал не только с премьер-министром, но и с представителями антигерманской оппозиции – социал-демократами, деятелями партии мелких хозяев, а также и с антинацистски настроенными монархистами-легитимистами¹. Таким образом, к некоторому неудовольствию М. Каллаи, он выступал как независимый политик, представлявший широкий спектр политических сил (в том числе и либеральных), часть которых воспринимала его как кандидата на пост премьер-министра послевоенной Венгрии. Соответственно в ходе переговоров он и сам до некоторой степени позиционировал себя как возможный будущий премьер, пользующийся поддержкой основных антинацистских политических течений и группировок. В свою очередь и англичане отнеслись к нему достаточно серьезно, поскольку он рассматривался ими как человек, олицетворявший в Венгрии именно те круги, с которыми державам-победительницам предстояло иметь дело после победоносной войны. Именно в таком духе они информировали о миссии А. Сент-Дёрди своих союзников – как американского, так и советского². Оповещаая Наркоминдел СССР, британская сторона исходила из необходимости выработки в рамках антигитлеровской коалиции согласованной политики в отношении сателлитов Германии с учетом специфики каждого из них. В письме в Москву по итогам своих контактов с независимым венгерским

¹ Это была не единственная такого рода миссия, имело место несколько попыток договориться с западными союзниками об условиях сепаратного мира, причем в качестве эмиссаров в целом ряде случаев выступали люди, близкие к оппозиционным кругам, и даже политэмигранты (включая военного деятеля революции 1918–1919 гг. социал-демократа В. Бёма), так как к ним было больше доверия на Западе и с этим должны были считаться в правительственных кругах, рассчитывавших, что серьезные уступки либералам в послевоенной Венгрии станут той ценой, которую неизбежно придется заплатить ради спасения страны от сокрушительного поражения. См.: Juhász Gyula. Magyar-brit titkos tárgyalások 1943-ban. Budapest (далее – Вр.), 1978. См. также: Стыкалин А.С. Выход Венгрии из войны и западные союзники // Великая Отечественная война. 1944 год / Отв. редактор В. С. Христофоров. М., 2014. С. 135-148.

² Juhász Gyula. Magyar-brit titkos tárgyalások 1943-ban. S. 5.105.

эмиссаром она не скрывала мнения о том, что Сент-Дёрди, поддержанный ведущими антинацистскими силами своей страны, имеет большой политический потенциал и может рассматриваться как подходящий кандидат для того, чтобы возглавить послевоенное правительство³.

Справедливости ради все же надо заметить, что в венгерских либеральных кругах отношение к будущей роли А. Сент-Дёрди как политика не было однозначным. Хотя и видно было, что это человек с растущими политическими амбициями, однако далеко не все считали его перспективной в этом плане фигурой и связывали с ним большие надежды. И саму его миссию в Стамбуле не могли считать слишком успешной, в узком кругу посвященных единомышленников она вызвала скорее разочарование, показав огромные трудности, стоящие на пути заключения сепаратного мира.

Не возмев большого успеха, эта миссия все же создавала почву для дальнейших контактов (не только непосредственных, но и при помощи радио). А. Сент-Дёрди брал на себя определенные обязательства по части поддержания связей с антигитлеровскими кругами внутри Венгрии. Обсуждались возможности организации саботажа венгерских солдат действиям по отпору англо-американским войскам в случае их вступления в Венгрию со стороны Адриатики, и более того, создания воинских отрядов, готовых повернуть против Германии на стороне западных союзников. Миссия А. Сент-Дёрди способствовала формированию в Британии более четкого представления о позиции венгерской леволиберальной публики и выработке дальнейшей

³ Péteri Gy. Modernity versus Democracy: The Politics of Albert Szent-Györgyi, 1945–1947. 120 p. Согласно доносению американского Управления стратегических служб, предшественницы ЦРУ, в Москве якобы разделяли мнение о А.Сент-Дёрди как о фигуре приемлемой для того, чтобы встать во главе послевоенной Венгрии (Ibid). Нам все же кажется, что в советском руководстве даже в 1943 г. едва ли считали этот выбор оптимальным, поскольку могли рассчитывать на приведение к власти в послевоенной Венгрии людей менее прозападных и более зависимых от СССР. Это был явно не тот человек, на которого Москва могла делать ставку, тем более что была памятна его жесткая антисоветская позиция в период финской войны.

политики в отношении Венгрии, как и других малых союзников Германии.

Для немецкой разведки стамбульская миссия Сент-Дёрди не составила секрета, нацисты знали о ней через широкую сеть своей агентуры, как в Венгрии, так и в нейтральной Турции. В результате ученый был объявлен врагом Германии. В 1943 – начале 1944 г. его выручало, прежде всего, покровительство премьер-министра М. Каллаи. Но 19 марта 1944 г., чтобы воспрепятствовать потере ненадежного союзника, германский вермахт оккупирует Венгрию¹, сам М. Каллаи, дабы избежать ареста, скрывается в турецком посольстве. На смену его правительству приходит абсолютно лояльное Третьему рейху правительство Д. Стояи. Внутриполитические условия меняются, в стране фактически именно в это время устанавливается тотальная фашистская диктатура, начинается процесс массовой депортации венгерских евреев в концлагеря. Над А. Сент-Дёрди со всей остротой нависает угроза ареста. Предоставление ему шведским посольством гражданства нейтральной Швеции хотя и дало некоторый шанс на спасение, но всё же не устранило опасности физической расправы.

Скрывавшийся, как и другие лидеры венгерской либеральной оппозиции, в подполье от германских спецслужб А. Сент-Дёрди поддерживал связи со своими единомышленниками². Со временем многим из них становилось всё яснее, что западные союзники не торопятся с высадкой на Адриатике, а это значит, что Венгрии

¹ Этому предшествовали в начале 1944 г. предпринятые при участии А. Сент-Дёрди усилия по созданию антинацистской политической партии с прицелом на захват власти.

² Некоторые из них были причастны к созданию в Венгрии вооруженных групп сопротивления (хотя размаха это не получило). Связи А. Сент-Дёрди с представителями антинацистского сопротивления и его преследования в 1943–1944 г. описывает его друг и единомышленник ученый-астрофизик с мировым именем Золтан Бай (после эмиграции в конце 1940-х годов в США известный в англоязычном мире более как Бей). См.: Bay Z. Emlékeim Szent-Györgyi Albertről // Valóság, 1983. № 11. О деятельности А. Сент-Дёрди в годы войны см. также: M. Kiss. I. A politizálgatástól az ellenállásig. A Szent-Györgyi Albert vezette politikai mozgalom és ellenállási csoport történetéből // Mozgó világ. 1983. № 11.

в процессе освобождения от нацистской оккупации, скорее всего, придется иметь в большей степени дело с Советским Союзом и Красной Армией. Пробританские и проамериканские политические симпатии становятся чем-то виртуальным, не способным найти прямое практическое применение, тогда как советская альтернатива выступала все более весомо и зримо. В этих условиях возросло значение «восточных», умеренно просоветских политических ориентаций, в венгерском обществе существовали (хотя отнюдь не доминировали) и определенные надежды на то, что поддержка СССР не помешает, а, напротив, поможет найти эффективный выход из того тупика, в который загнал Венгрию союз с нацистской Германией. СССР по праву воспринимался как одна из главных антинацистских сил, союзник США и Великобритании, и позитивы в оценке его будущей роли в послевоенном мире всё более преобладали над негативами в сознании и некоторой части венгерских либералов – эта позиция А. Сент-Дёрди, сформировавшаяся в годы войны, получила потом закрепление в результате его поездки в мае – июле 1945 г. в Советский Союз и вынесенных из нее весьма благоприятных впечатлений о состоянии научной жизни в СССР.

В конце августа 1944 г. сложилась ситуация, когда А. Сент-Дёрди едва не был востребован в целях реализации новых планов, направленных на разрыв Венгрии с нацистской Германией. 23 августа в Румынии вследствие государственного переворота, поддержанного молодым королем Михаем, была свергнута диктатура маршала Й. Антонеску, а новое правительство объявило войну Третьему рейху. В условиях явного ослабления к этому времени позиций Германии в окружении регента М. Хорти, сменившего профашистское правительство на несколько более умеренный кабинет генерала Г. Лакатоша, возникает идея командировать А. Сент-Дёрди в расположение советских войск для выяснения условий сепаратного мира. В хортистской элите, очевидно, осознавалось, что задержка Венгрии в деле разрыва с нацистской Германией ставит ее в глазах

антигитлеровской коалиции в заведомо неблагоприятное положение в сравнении со своей вечной соперницей, соседней Румынией в свете претензий обоих государств на Трансильванию¹. Миссия, однако, не состоялась, верхушке хортистского режима не хватило решимости и последовательности, что, в конце концов, привело в середине октября 1944 г. к перевороту, свержению самого М. Хорти и установлению фашистской диктатуры Ф. Салаши, лояльной Третьему рейху. Под властью нилашистов во главе с Ф. Салаши Венгрия продолжала оставаться сателлитом нацистской Германии и тогда, когда все прочие ее европейские союзники один за другим переключались в противоположный стан.

Осенью 1944 г. А. Сент-Дёрди поддерживал в подполье связи с некоммунистическим крылом движения сопротивления, с группой Э. Байчи-Жилински, после прихода к власти нилашистов готовившей попытку государственного переворота. В этих кругах строились планы тайно переправить ученого во главе миссии в распоряжение советских войск, уже приступивших к освобождению Венгрии, к командующему 2-м Украинским фронтом маршалу Р. Я. Малиновскому, а может быть и дальше, в Москву, в целях ведения переговоров о будущем Венгрии. Было составлено письмо, на котором поставил свою подпись Байчи-Жилински². Но начавшиеся аресты членов этой подпольной организации помешали поездке.

Взятие Красной Армией Будапешта после тяжелых кровопролитных полуторамесячных боев (конец декабря 1944 г. – 13 февраля 1945 г.) А. Сент-Дёрди воспринял не только как решающую акцию по освобождению Венгрии от нацистского зла³, но и как устранение постоянной угрозы быть схваченным нацистами и нилашистами. Свою встречу с советскими войсками он

описывает и в автобиографических заметках 1949 г., написанных в США, и в более поздних мемуарных текстах и интервью⁴.

Публикуемые ниже архивные документы дополняют новыми немаловажными деталями картину, известную из других источников. Альберта Сент-Дёрди при освобождении Будапешта искали специально по приказу маршала Р. Я. Малиновского, который в свою очередь получил указание В. М. Молотова. Найдя его, в конце концов, отвели профессора в безопасное помещение, обеспечив всем необходимым. На соседних улицах еще слышались выстрелы и разрывы бомб и гранат. Известного ученого обеспечили настолько хорошим питанием, насколько это было вообще возможным в тех условиях. Позаботились и о членах его семьи. Как он позже вспоминал, радушию и гостеприимству советских офицеров не было границ – вплоть до того, что специально для него установили кинопередвижку, вызвав киномеханика⁵. Оказанный прием был настолько хорош, что А. Сент-Дёрди, по собственным позднейшим воспоминаниям⁶, получил в это время возможность узнать русский народ с самой лучшей стороны и совершенно искренне готов был забыть всё плохое, что знал, теперь он ожидал от России и русских воплощения многих своих чаяний. Полученные в эти недели впечатления явились одной из опор, на которых строились его надежды. А. Сент-Дёрди провёл в расположении советских войск несколько недель, потом выехал в Сегед, чтобы узнать, в каком состоянии находились к концу войны возглавляемые им научные лаборатории – город был взят Красной Армией сходу еще в октябре 1944 г. и университетские корпуса мало пострадали. Основная работа ждала его, однако, в Будапеште, где уже 7 мар-

¹ См. подробнее: Стыкалин А. С. Выход Венгрии из войны и западные союзники.

² Обо всем этом известно, прежде всего, по мемуарам участников событий, но не по документальным источникам. См., в частности: Palló G. A tudós demokratizmusa. A politikus Szent-Györgyi Albert.

³ Освобождение территории Венгрии стоило жизни как минимум 140 тыс. советских солдат.

⁴ См.: Palló G. Szent-Györgyi Albert és a szovjet kapcsolatok. 1265.o. См. среди прочего его интервью середины 1970-х годов журналистам из социалистической Венгрии: New Hungarian Quarterly. Vol. XVI. № 57. Spring 1975. Автобиографическая рукопись 1949 г. хранится в библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. В ней раскрывается и его неоднозначное отношение к СССР и советскому опыту.

⁵ См.: Palló G. Szent-Györgyi Albert és a szovjet kapcsolatok. 1265. S. 5.

⁶ См.: Ibid.

та состоялось первое после изгнания немецких оккупантов общее собрание Венгерской академии наук (ВАН), за которым последовали и другие. С самого начала А. Сент-Дёрди выступал не только за радикальное обновление членского состава Академии, удаление из нее крайне правых элементов и вливание свежих сил, но и за повышение роли естественных и технических наук в Академии, ее структурную реорганизацию с учетом насущных потребностей страны, приступавшей в условиях глубокой послевоенной разрухи к восстановлению¹. 27 апреля, буквально накануне своей поездки в СССР, А.Сент-Дёрди возглавил институт медицинской химии в структуре будапештского университета.

Почему академик А. Сент-Дёрди был так хорошо принят советским командованием? Заключалась ли причина этого только в его всемирной известности либо имели место и какие-либо другие соображения? Очевидно, и это подтверждается публикуемыми ниже документами (см. док. 2), отражающими немалую политическую амбициозность ученого, вплоть до его готовности стать «знаменем политического направления» и даже церемониальным президентом новой Венгрии, в кабинетах Наркоминдела СССР осознавали его общественно-политический вес, с которым надо было как-то считаться и использовать, насколько это было возможно, в интересах советской политики. С одной стороны, А. Сент-Дёрди могли рассматривать как одного из потенциальных харизматических лидеров (и знамен) формирующегося либерально-прозапад-

ного крыла венгерской политической жизни, которое воспринималось как жёсткий оппонент коммунистической перспективы, а потому не могли оставить бесконтрольной его общественную активность. Для того чтобы изолировать его от нежелательных для Москвы связей, его надо было поместить в своего рода «золотую клетку». Когда в марте 1945 г. с А. Сент-Дёрди хотели вступить в контакт лица, занимавшиеся созданием новой политической партии либеральной ориентации (гражданской демократической партии), и предложить ему присоединиться к этой партии и даже стать ее лидером, советская военная администрация воспрепятствовала этим контактам. В работе этой партии он не принимал участия и в дальнейшем, а в венгерский парламент (Национальное собрание, а затем Госсобрание) вошел в том же 1945 году как независимый депутат.

С другой стороны, руководство СССР совсем иначе обошлось в это же самое время с еще более знаковой фигурой венгерской элиты – Иштваном Бетленом, премьер-министром в 1921–1931 гг., с которым была связана консолидация хортистского режима, а в годы второй мировой войны харизматическим лидером не либерального, а консервативно-антифашистского (при этом тоже вполне пробританского) направления в венгерской внутривнутриполитической жизни. Граф Бетлен тоже был изолирован от своих потенциальных сторонников, однако не так, как А. Сент-Дёрди – вскоре после прихода советских войск в Будапешт он был арестован и депортирован в Москву, где в 1947 г. скончался на восьмом десятке лет в Бутырской тюрьме².

Применительно к графу Бетлену было совершенно очевидно, что политик такого масштаба (никогда не скрывавший своих не только антинацистских, но и жёстких антикоммунистических убеждений) станет знаменем сил, выступающих против коммунистической альтернативы развития, и не было никаких оснований надеяться, что один из организаторов и лидеров правоконсервативного центра

¹ На общем собрании Венгерской академии наук (ВАН), состоявшемся 7 марта, А. Сент-Дёрди высказался за отставку всех членов академии и созыв специальной общественной комиссии, которая бы проверила деятельность всех академиков и вернула бы в ВАН некомпрометируемых. Первая послевоенная статья А. Сент-Дёрди о роли науки в новом обществе была опубликована уже 1 апреля 1945 г. и, что показательно, в газете венгерской компартии "Szabad Nép". В ней содержался призыв к удалению фашистов из научного сообщества. В мае прошли новые выборы в ВАН, были избраны ее новые члены. Временно исполнять обязанности президента Академии был уполномочен консервативный философ Д. Корниш. 3 академика, в том числе видный историк Б. Хоман, были выведены в 1945 г. из ВАН за сотрудничество с крайне правыми силами.

² Из литературы см.: Лукьянов Ф. Е. Исчезновение графа Бетлена // Славяноведение. 1994. № 6. С. 81-87.

власти, упорно противостоявшего в 1919 г. Венгерской Советской республике, в 1945 г. вдруг согласится по доброй воле играть на венгерской политической сцене по правилам, продиктованным из Москвы. В случае с леволиберальным А. Сент-Дёрди была избрана другая установка – всерьез взвешивались возможности использовать его каким-то образом в интересах СССР в качестве попутчика коммунистов (в целях расширения поддержки новой власти со стороны интеллигенции). При этом, в отличие от Вашингтона и Лондона, связывавших с ним, по крайней мере в 1943 г., определенные политические надежды, в Москве, очевидно, не видели в нем фигуры, подходящей для выполнения одной из ключевых государственных функций. Руководство СССР не было заинтересовано в далеко идущих политических амбициях либерального профессора, которого никак не могло рассматривать в качестве своего ставленника. Оно скорее предпочло бы, чтобы его будущая деятельность всецело ограничилась сферой науки, культуры и образования, и чтобы, заняв здесь достаточно видные позиции, А. Сент-Дёрди, в соответствии со своими явно антинацистскими, реформаторскими и не лишенными даже некоторой левизны настроениями, оказал бы посильное содействие коммунистам в осуществлении чисток венгерской духовной жизни от реальных и мнимых пособников фашизма, вытеснении глубоко консервативного духа из венгерской университетской, академической среды. Для того чтобы укрепить готовность крупного и при этом политически активного ученого сотрудничать с новой властью (причем ее левым флангом), и было решено сразу откликнуться на его желание посетить СССР: поездка А. Сент-Дёрди, чуть ли не исключительная по длительности пребывания в 1945 г. в СССР зарубежного ученого, была организована по каналам Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС).

О мотивах поездки венгерского ученого в СССР и о ее подготовке узнаем из записки зама наркома иностранных дел

СССР, курировавшего венгерское направление, В. Г. Деканозова председателю ВОКСа В. С. Кеменову от 16 апреля 1945 г. Как писал В. Деканозов, А. Сент-Дёрди в беседе с представителями Союзной Контрольной Комиссии (СКК) «выразил желание поехать в Советский Союз для изучения возможности продолжения своей научной деятельности и издания своих трудов»¹. Из цитируемого документа, таким образом, следует, что весной 1945 г., в условиях послевоенной разрухи в Венгрии А. Сент-Дёрди в принципе не исключал как одну из альтернатив продолжение своей научной деятельности в СССР, где уже имел возможность побывать в 1935 г. на научном конгрессе, получив определенное представление о положении дел в биологической науке и познакомившись с ведущими советскими учеными в своей области (В. А. Энгельгардтом и др.)². Установление более тесных контактов с советскими коллегами и более глубокое ознакомление с СССР явились главными целями его поездки³.

Для Наркоминдела СССР в апреле 1945 г. вопрос о продолжении А. Сент-Дёрди своей профессиональной деятельности именно в Советском Союзе оставался открытым. «Не предрешая вопроса о его дальнейшей научной работе в СССР, что должно быть предметом особых бесед с ним», НКВД считал в то же время его приезд в Москву возможным, причем полагал целесообразным пригласить его от

¹ Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 077. Оп. 25. Папка 115. Д. 42. Л. 20.

² Поездка 1935 г. в Советский Союз не ограничилась его участием в научном конгрессе (в области физиологии), он побывал в научных институтах, познакомился с основными направлениями исследований. В своих интервью венгерским газетам он довольно дружелюбно отзывался об СССР, высоко оценил состояние науки в Советском Союзе, за что подвергался нападкам крайне правой прессы. См.: Там же. Ф. 05. Оп. 16. Папка 118. Д. 43. Л. 11.

³ Сопровождавшей его по Москве референту ВОКС В. Морозовой, насколько можно судить по ее отчету своему начальству, А. Сент-Дёрди говорил, что охотно посещает учебные заведения, чтобы, изучив позитивный советский опыт, применить его потом на родине. При этом он интересовался даже мелкими подробностями организации дела. См.: Там же. Ф. 077. Оп. 25. Папка 115. Д. 42. Л. 26.

ВОКСа¹. 29 апреля, еще до капитуляции Германии, ученый прибыл на поезде в СССР.

Взяв академика под свою опеку, представители советской военной администрации вместе с тем не могли его полностью изолировать от венгерских реалий весны 1945 г. Так, А. Сент-Дёрди не раз был свидетелем сцен насилия советских солдат над мирными венграми, о чем также упомянул в своих выше приведенных нами автобиографических записках, написанных в конце 1940-х годов в США. Упомянул, искренне признавшись в том, что готов был, но только до известной степени, объяснить происходившее пережитым в годы войны многими людьми опытом, равно как и условиями военного времени. А. Сент-Дёрди среди прочего донес по назначению жалобу всемирно известного композитора Золтана Кодая о том, что советские солдаты экспроприировали у него рояль: разумеется, инструмент довольно быстро вернули владельцу. Однако в те недели случались и истории куда более обременительные для красноармейского командования. Рассчитывая, очевидно, на определенное политическое влияние в новой Венгрии, А. Сент-Дёрди иногда позволял себе шаги, которые едва ли мог позволить человек, вовсе лишенный политических амбиций. Так, настояв на встрече с довольно высокопоставленными советскими офицерами, он весьма резко потребовал облегчить условия жизни большой

группы венгерских военнопленных, которых косил тиф в лагере на территории Венгрии, где они были размещены. Кроме того, А. Сент-Дёрди, хотя и сам выступал за решительное очищение Венгерской академии наук от крайне правых элементов, через считанные недели счёл всё же слишком радикальными проводившиеся новой властью при содействии СКК чистки госаппарата от лиц, выполнявших определенные функции при прежнем режиме, поскольку их жертвами стало немало людей, не имевших отношения к преступлениям, совершенным крайне правыми элементами. Поскольку в беседах с советскими представителями венгерский академик своего мнения по ряду острых вопросов в принципе никогда особенно не скрывал, это (как можно предполагать) вело к дальнейшему разочарованию в нем как в политике, готовом безропотно выполнять указания из Москвы, и укрепляло в соответствующих советских органах желание по возможности ограничить его общественно-политическую активность деятельностью на культурном фронте.

Формировавшееся отношение к А. Сент-Дёрди представителей СССР имело много общего с отношением к нему в руководстве венгерской компартии, где тон задавали коминтерновцы, вернувшиеся на родину из СССР. Весной 1945 г. он впервые встретился с лидером венгерских коммунистов М. Ракоши, который был любезен, не скрывал, что воспринимает его как попутчика своей партии, на которого возлагаются большие надежды в деле создания новой Венгрии. Ученый изъявил готовность внести посильный вклад в восстановление страны, но выразил при этом озабоченность преследованиями многих людей, которые не могут защитить себя от ложных обвинений в причастности к преступлениям прежнего режима. М. Ракоши старался его успокоить, сказав, что всё происходящее вполне объяснимо настроениями военного времени, и превышению власти на местах едва ли стоит придавать слишком большое значение. По более позднему признанию А. Сент-Дёрди, после этой весьма откровенной беседы их

¹ В этой связи В. Деканозов просил Кеменова представить свои соображения о посещении венгерским профессором советских научных учреждений. В НКВД считали возможным принять его с семьей в соответствии с его пожеланием. Кеменов в ответ 18 апреля направил В. Деканозову проект программы пребывания А. Сент-Дёрди в СССР (Там же. Л. 21). Ученому было послано приглашение посетить Советский Союз (при желании с семьей) в целях ознакомления с достижениями советской медицины, естественных наук и системы образования. В план пребывания (Л. 25) было включено посещение академических институтов в области биохимии, физиологии и т.д., была обеспечена культурная программа в соответствии с его интересами. Во время поездки, продолжавшейся два месяца, А. Сент-Дёрди побывал, кроме Москвы, в Ленинграде, Киеве (по пути в Москву), Грузии, Армении, принял участие в составе венгерской делегации в юбилейной сессии к 220-летию Академии наук, провел с женой несколько дней отдыха на черноморском побережье в Абхазии.

отношения стали прохладнее, чем в минуту знакомства. Лидер венгерских коммунистов, очевидно, понял, что этот «сентиментальный буржуазный интеллигент» еще не раз встанет у него на пути при проведении идеологически выдержанной, «правильной» линии, избранной компартией по согласованию с Москвой¹.

Недовольство А. Сент-Дёрди действиями советских военных было весной 1945 г. настолько сильно, что, по собственному признанию, сделанному уже 23 июля, сразу по возвращении из СССР, на собрании профсоюза венгерских педагогов², он испытывал колебания, надо ли ехать в СССР, не будет ли его поездка воспринята венгерским общественным мнением как попытка закрыть глаза на творимые красноармейцами беззакония. В конце концов, перевесило иное чувство, победило вполне естественное желание увидеть собственными глазами и поближе узнать великую державу, в сфере влияния которой оказалась по итогам войны его родина на обозримое будущее. В своем интересе к СССР, современным советским реалиям А. Сент-Дёрди, конечно же, не был одинок среди людей своего круга³.

¹ См.: Palló G. Szent-Györgyi Albert és a szovjet karsolat. S.5.1266. «Мы часто слышим от “благоклонных” посторонних лиц о том, что влиянию нашей партии вредят злоупотребления Красной Армии по отношению к населению», – писал М. Ракоши тогдашнему главе отдела международной информации ЦК ВКП(б) Г. Димитрову по итогам своих бесед с А. Сент-Дёрди и рядом других представителей интеллигенции. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 782. Л. 232.

² См.: Az orosz írók magyar szemmel. V / Szerk. Kámán E. Bp., 1992. 28-35.o. Первая публикация: Kulturális törekvések a Szovjetunióban // Embernevelés. 1945. № 1-2. S. 5.59-60.

³ «Многое в мире зависит от сверхдержав... Каждая нация, если она желает сохранить себя, должна учитывать точку зрения этих стран... Нация, не знающая великие народы мира, играет своей судьбой», – отмечал в программной статье своего первого номера летом 1945 г. иллюстрированный еженедельник “Jövendő” («Йовендэ», «Будущее»), орган образованного в это время венгерско-советского культурного общества (в его редколлегию входил ряд видных венгерских либералов, в том числе из круга близких знакомых академика). С послевоенным изменением границ Советский Союз станет нашим соседом, продолжал журнал (вопрос о передаче Чехословакией Советскому Союзу Закарпатской Украины был к этому времени решен, сделав возможной общую советско-венгерскую границу). «С этим

Кроме того, при всем своем более чем сдержанном отношении к поведению красноармейцев на занятой ими венгерской территории, А. Сент-Дёрди не только очень высоко оценивал роль СССР в победе над нацизмом (и разделял в этом смысле настроения многих западных интеллектуалов в 1945 г.⁴), но и воспринимал Советский Союз как долгосрочного и близкого, уже в силу геополитических факторов, партнера Венгрии на международной арене⁵. Он считал важным налаживание взаимопонимания соседних народов, установление и поддержание корректных советско-венгерских отношений, предвидя, как и многие другие наблюдатели⁶,

фактом одинаково должны считаться и те, кто с радостью, и те, кто со страхом принимает такое соседство. В любом нашем действии, – заключает автор статьи, – мы не можем не учитывать интересы СССР, а, значит, не можем обойтись без знания соседней державы». См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 17. Д. 128. Л. 57-58.

⁴ Вот что писали члены советской делегации в своем отчете о поездке на международный конгресс юристов в Париж в октябре 1946 г.: «К СССР на Конгрессе господствовало очень благожелательное отношение... Заявление представителя французской делегации... (о том – А. С.), что Советскому Союзу народы обязаны своим спасением от порабощения фашизмом, было встречено одобрением всего Конгресса, перешедшим в овацию» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 395. Л. 124). Уважительное отношение к СССР проявилось и во внутреннем документе, подготовленном весной 1945 г. в Pentagonе. В пособии военного министерства США «СССР – порядки, учреждения и народ», предназначенном для офицеров американской армии, которым предстояло на Эльбе вступить в контакт с советскими солдатами, отмечалось, что за годы войны «мир начал признавать силу правительства и армии Советского Союза, высокий моральный уровень его народа и величину его вклада в наше общее дело» (Там же. Д. 391. Л. 42). И едва ли был не прав председатель ВОКСа В. Кеменов, писавший в августе 1945 г. в докладной, адресованной ЦК ВКП(б), о «происшедшем переломе» в признании СССР и советской культуры за границей, который «налагает на ВОКС огромные обязательства» (Там же. Д. 371. Л. 138). См. также: Стыкалин А. С. Советская пропаганда и настроения интеллигенции стран Центральной Европы (вторая половина 1940-х годов) // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948 / Отв. редактор В. В. Марьяна. М., 2002. С. 38-60.

⁵ Ср. с позицией крупного историка, последовательно консерватора Дюлы Секфю, в 1946–1948 гг. первого посланника, а затем посла Венгрии в СССР: Секфю Д. После революции. М., 2011.

⁶ «В противоположность своему положению в конце первой мировой войны, из которой Советский Союз вышел экономически разбитым и политически отверженным, к концу настоящей войны СССР появится на миро-

усиление внешнеполитического веса советской державы по итогам второй мировой войны.

Согласившись поехать в СССР, А. Сент-Дёрди вместе с тем не оставил намерения поставить перед официальными советскими инстанциями вопрос о злоупотреблениях красноармейцев в отношении мирного венгерского населения. Из его вышеупомянутой мемуарной записки, написанной в 1949 г. в Америке, выясняется, что, прибыв в Москву, он обратился к принимающей стороне с письмом с просьбой быть принятым Сталиным или Молотовым. Позже он вспоминал, что уже через считанные дни улыбнулся своей наивности, позволявшей надеяться на возможность быть выслушанным на столь высоком уровне. Его принял, в конце концов, зам. наркома иностранных дел В. Деканозов, настороженно задававший наводящие вопросы. Позиционировав себя как «посла доброй воли» и многократно подчеркнув свою искреннюю приверженность делу дружбы с СССР, А. Сент-Дёрди в то же время осторожно затронул вопрос о схваченных советскими солдатами и интернированных в массовом порядке венграх¹.

вой арене, конечно, несколько ослабленный потерями, но по-прежнему сильный, со значительно возросшим престижем и уверенностью в себе и сможет выступить на мировом совете с требованиями, по меньшей мере равными требованиям остальных наций – главных членов победоносной коалиции», – так, на наш взгляд, довольно точно охарактеризовали послевоенную ситуацию составители вышеупомянутого американского документа «СССР – порядки, учреждения и народ» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 391. Л. 25). Причем усиление позиций Советского Союза особенно проявилось в Центральной и Юго-Восточной Европе, регионах, явившихся в силу своего географического положения объектами первоочередных внешнеполитических устремлений СССР.

¹ О возможности получить аудиенцию у Молотова А. Сент-Дёрди интересовался и у Кеменова, который принял его 19 мая в ВОКСе. В беседе с влиятельным членом Политбюро и наркомом иностранных дел профессор предполагал затронуть вопрос о непонимании в СССР, судя по некоторым проявлениям, венгерской внутривластной ситуации. В частности, интернирование советской военной администрацией около 50 тыс. венгерских граждан, в том числе невинных и демократически настроенных, создает плохое впечатление в стране, препятствует укреплению дружбы народов (АВПР. Ф.077. Оп. 25. Папка 115. Д. 42. Л. 36). Надо заметить, что высказывания А. Сент-Дёрди о злоупотреблениях советских военных властей, зачастую задерживающих лиц, ничуть не скомпрометированных сотрудничеством

Разговор шёл на немецком языке, которым В. Деканозов, служивший до июня 1941 г. послом СССР в Германии, прилично владел. Поняв, какова была главная цель прихода А. Сент-Дёрди, «маленький человек подпрыгнул и начал кричать: что, разве вы не знаете о том, какие разрушения нам принесли венгерские войска, и о том, что это вовсе не Советский Союз развязал войну, и т. д., и т. п.? Он кричал и кричал, и я вдруг внезапно осознал: то, что я раньше считал результатом чрезмерного усердия местных начальников, было на самом деле результатом хорошо продуманного приказа из Москвы. Я незаметно выскользнул из кабинета и удалился» с Кузнецкого моста². Часть иллюзий в этот момент, очевидно, развеялась³.

За несколько дней до беседы с В. Деканозовым А. Сент-Дёрди был принят в ВОКСе. Запись его беседы с Кеменовым от 19 мая свидетельствует о том, что от венгерского академика всё ещё ждали ответа, предпочтет ли он продолжить свою научную дея-

с нацистами, перекликались с тем, что говорили Кеменову и другие посетившие в те же месяцы Москву деятели венгерской культуры. «На вопрос о настроениях венгерской интеллигенции Гонт (речь идет о симпатизировавшем компартии театральном режиссере Ф. Хонте – прим. А. С.) заявил, что вначале приход Красной Армии вызвал огромный подъем и волну симпатий к Советскому Союзу. В дальнейшем были проведены нашими военными властями мероприятия по выявлению фашистской агентуры, вызвавшие многочисленные аресты. В число арестованных попало и некоторое количество людей, известных своими активными антифашистскими выступлениями... Этот факт привел к заметному снижению симпатий к СССР» (Там же. Л. 52-53).

² Цит. по: Palló G. Szent-Györgyi Albert és a szovjet kapcsolatok. S. 5.1267.

³ Под впечатлением острой беседы с В. Деканозовым А. Сент-Дёрди, очевидно, всё еще находился через несколько дней во время обеда в ресторане гостиницы «Националь» с Эндре Шиком (Андреем Александровичем Шийком), венгерским политэмигрантом, ведущим сотрудником института этнографии АН СССР, одним из основоположников советской африканистики, в это время готовившимся к возвращению на родину (позже посол Венгрии в США, зам. министра, а в 1958–1961 гг. министр иностранных дел Венгрии). А. Сент-Дёрди привез из Будапешта для Э. Шика письмо от брата, католического поэта Шандора Шика. Э. Шик вспоминает напряженность своего собеседника, весьма критически настроенного к некоторым сторонам советской политики в Венгрии, но теперь уже не склонного быть слишком искренним в беседе с человеком венгерской компартии. См.: Sík Endre. Vihar a levelet... Második, javított kiadás. Bp., 1988. S. 5.468-470.

тельность в СССР, где для этого существуют все необходимые условия, или всё же вернуться домой (очевидно, этот вопрос до тех пор считали открытым). Поблагодарив за возможность получить представление о Советском Союзе, А. Сент-Дёрди выразил желание возвратиться в Венгрию, где его присутствие необходимо в существующей серьезной политической обстановке¹. Кеменов, приняв это к сведению, не стал развивать тему, сочтя вопрос окончательно закрытым, и предложил ученому съездить в одну из советских союзных республик, где можно было бы сочетать отдых с ознакомлением с развитием культуры и науки². В ходе беседы ученый пока еще не избегал острых политических тем³, однако затем разговор переключился на создание в Венгрии и последующее материальное обеспечение общества дружбы с СССР (так называемого венгерско-советского общества), для которого в Будапеште уже подыскивали помещение, организационное же собрание было запланировано на лето. Судя по относящейся к маю 1945 г. корреспонденции ВОКС⁴, в Москве, считая более вероятным возвращение академика домой, а не продолжение им своей научной деятельности в СССР, рассматривали его как кандидата на пост председателя общества (на учредительном собрании, состоявшемся в июне в отсутствие А. Сент-Дёрди, еще не успевшего вернуться из СССР, он был избран почетным председателем, тогда как председателем стал писатель Л. Зилахи, впоследствии, как и А. Сент-Дёрди, эмигрировавший из Венгрии).

Ознакомительная поездка венгерского ученого по СССР, между тем, продолжалась. В Москве были заинтересованы в том,

чтобы сделать её максимально удачной, рассчитывая на его последующие, по возвращении в Венгрию, благожелательные заявления об СССР. Вполне естественным было стремление использовать приезд А. Сент-Дёрди в интересах улучшения имиджа СССР среди венгерской интеллигенции (эта цель, как мы увидим, в общем была достигнута). В своих более поздних (1949 г.) автобиографических заметках ученый писал, что ему показали всё, что он хотел увидеть; при посещении музеев и театров он получил возможность познакомиться с выдающимися творениями культуры и убедиться в довольно бережном отношении к наследию, в ходе контактов с людьми познал лучшие, самые восхитительные качества русского народа⁵. Интенсивным и плодотворным было общение с советскими коллегами, специалистами в области биологических наук академиком В. А. Энгельгардтом и др., проявившим очень большой интерес к новым исследовательским планам А. Сент-Дёрди и делившимся с ним своим профессиональным опытом⁶. При этом собеседники старались по возможности не касаться политики и тем более избегали политических дискуссий, что в полной мере отвечало принятым в СССР негласным правилам общения с иностранцами, которых не только подчеркнуто придерживались хозяева, но быстро усваивали и гости. Хорошее впечатление на А. Сент-Дёрди и его супругу произвело посещение детского сада на окраине Москвы и художественной школы. Как отмечалось в отчете сопровождавшей академика сотрудницы ВОКСа⁷, ученый вначале проявлял и некоторое недоверие,

¹ Представляются в этой связи не совсем искренними высказывания А. Сент-Дёрди, нашедшие отражение в док. 5 (см. ниже).

² Двухнедельная поездка в Грузию и Армению включала в себя и отдых на черноморском побережье в Абхазии.

³ АВПР. Ф.077. Оп. 25. Папка 115. Д. 42. Л. 36. Коснувшись злоупотреблений в Венгрии красноармейцев, А. Сент-Дёрди затронул также и другой вопрос – о том, что в главном городе Трансильвании Коложваре (Клуже) румынские власти, восстановив свой контроль над краем, выселили венгерский университет из занимаемого им помещения.

⁴ Там же. Л. 40.

⁵ Palló G. Szent-Györgyi Albert és a szovjet kapcsolat. 1267.o.

⁶ Через два года, уже готовясь к отъезду на Запад, А. Сент-Дёрди тем не менее согласился войти в круг авторов книги, которую близкое компартии издательство готовило к 30-летию революции 1917 г. в России. В своей статье он поделился позитивными впечатлениями о состоянии естественных наук в СССР. См.: Szent-Györgyi A. Élményeim a szovjet természettudománnyal kapcsolatban // A harmincéves Szovjetunió, 1917–1947. Vp., 1947. S. 5. 164–167. С В. А. Энгельгардтом А. Сент-Дёрди состоял в многолетней переписке, не выходящей за рамки обсуждения профессиональных проблем.

⁷ АВПР. Ф. 077. Оп. 25. Папка 115. Д. 42. Л. 26.

что в ВОКСе привычно объясняли ни чем иным как влиянием на него «буржуазной пропаганды». Он, в частности, засомневался, не привели ли его в показательный детский сад, и успокоился только тогда, когда потом зашли и в другой, расположенный по соседству. А. Сент-Дёрди довольно высоко оценил на основе увиденного в Москве стремление учителей и воспитателей к выявлению творческих потенциалов каждого ребенка, его индивидуальности, и по приезде домой в своем довольно пространном выступлении на собрании профсоюза венгерских педагогов¹ рассказывал о положительных сторонах советской системы образования, которая, хотя и не может похвастать такой же глубиной традиций, как некоторые европейские школы (и вообще, как и многое в Советском Союзе, не может быть должным образом оценена по привычным для западного либерального сознания меркам), но выгодно отличается во многих отношениях от сложившейся в хортистской Венгрии глубоко консервативной системы образования и воспитания, способной загубить таланты на корню.

Примерно 2 недели из двухмесячной поездки А. Сент-Дёрди в СССР заняло его участие в составе венгерской делегации в юбилейной сессии АН СССР по случаю 220-летия основания в 1725 г. Петром I в России Академии наук². Не только дома, в

¹ Az orosz írók magyar szemmel. V / Szerk. Kámán E. Bp., 1992. S.5.28-35.

² Заседания сессии проходили в июне 1945 г. в Москве и Ленинграде. Материалы публиковались в издании «Вестник Академии наук». Из описаний этой сессии ее зарубежными гостями см.: Ashby Eric. Scientist in Russia. New York, 1947. Ch.6. Science on Show. P. 126-145 (автор этих мемуаров, опубликованных по довольно свежим следам, австралийский ученый и тогдашний посланник Австралии в Москве). Из литературы о сессии см.: Досталь М.Ю. Международные научные связи советских славистов в 40-е годы XX в. // Славянский альманах. 2003. М., 2004. С. 245-250. В составе венгерской делегации кроме А.Сент-Дёрди находились медик-невролог Кальман Шанта, юрист Геца Мартон, виднейшие историки Дюла Секфю (через полгода с небольшим он приедет в Москву в качестве посланника) и Шандор Домановски. Среди гостей сессии были и выходцы из Венгрии, работавшие в других странах (в частности, Т. Карман). О своих беседах с венгерскими участниками сессии вспоминает Э. Шик. По его оценке, наименее критичным из них к СССР (во всяком случае, проявлявшим наибольшее понимание мотивов советской послевоенной политики) оказался, как это ни па-

Венгрии, но еще более в Советском Союзе, А. Сент-Дёрди чувствовал себя в «золотой клетке», находясь под неослабным контролем спецслужб. Он сразу обратил внимание на попытки ограничить его связи с западными коллегами, гостями юбилейной сессии. Любые контакты были весьма скоротечны, если не мимолетны, поскольку организаторы его пребывания в СССР постарались свести общение венгерского академика с «западниками» к минимуму. Тем не менее, такое общение состоялось. Западные ученые знали, что А. Сент-Дёрди был приглашен в СССР с долгосрочным визитом в интересах укрепления советско-венгерских культурных связей, при этом они обратили внимание не только на очевидную искренность его усилий в пользу наведения мостов между Венгрией и СССР в венгерских интересах, но и на его открытость «англосаксонскому миру», самую живую заинтересованность в возобновлении тесных связей с ним. В беседе с австралийцем Э. Эшби, знакомым по Кембриджу, он не скрывал страстного желания посетить Англию или США, но признал, что ему это едва ли позволят сделать в ближайшее время даже на короткий срок, поскольку «русские» (на самом деле Союзная Контрольная Комиссия во главе с маршалом К. Е. Ворошиловым, в которой решающее слово действительно оставалось за советской стороной) до подписания с Венгрией мирного договора контролируют в стране все западные визы. Даже переписка его просматривалась и у А. Сент-Дёрди не было уверенности, что письмо в британское Королевское общество или кембриджский университет дойдет до места назначения. Венгерский нобелевский лауреат, очевидно, уже понимал, что ему уготовано на обозримое будущее пребывание в «золотой клетке»,

радикально, не леволиберал А. Сент-Дёрди, а один из идеологов хортизма в 1920-е годы консерватор Д. Секфю. См.: Sik Endre. Vihar a levelet... Bp., 1988. 468-470.o. Между тем, не только Д. Секфю, но и К. Шанта, а также А. Сент-Дёрди выступили потом в венгерской прессе с доброжелательными комментариями о работе сессии. А.Сент-Дёрди это сделал дважды, 6 июля и 2 августа, причем на страницах коммунистической газеты «Szabad Nép».

хозяева которой будут прилагать все усилия для того, чтобы ограничить его западные связи, как, впрочем, и связи других венгерских интеллектуалов. Причем в сложившейся ситуации он готов был принимать правила игры, не хотел нарушать навязанного ему образа жизни, возможно, опасаясь оказаться в положении графа Бетлена. Как бы то ни было, с А. Сент-Дёрди удалось конкретно договориться о присылке его новых статей, отражающих свежие научные замыслы, для публикации в британских журналах. Особый интерес ученый проявил к поддержке некоторых своих будущих проектов фондом Рокфеллера, при этом подчеркнул желательность инициативы именно со стороны фонда, поскольку любое его письмо в этот фонд будет наверняка перехвачено «русскими», которые пообещают материально поддерживать все его начинания, лишь бы он не возобновлял свои западные связи. Как заметил Эшби в письме одному из коллег по итогам своей непродолжительной беседы с венгерским ученым, «русские» хорошо обращаются с А. Сент-Дёрди, но цена этого хорошего обращения – полная утрата им интеллектуальной свободы¹.

Между тем, представления А. Сент-Дёрди, если не об интеллектуальной свободе, то о советском режиме и целесообразности применения советского опыта реорганизации науки, очевидно, не в полной мере совпадали с представлениями классических западных либералов его генерации даже на момент 1945 г., когда на Западе в условиях эйфории победы несколько усилилось увлечение советскими моделями². Как отмечалось выше, венгерский академик, по собственному признанию, сделанному в позднейших мемуарных текстах, втайне надеялся, что в ходе пребывания в СССР ему представится шанс увидеться со И. Сталиным и искренне поделиться с ним своими мыслями о том, что же мешает дружбе и взаимопониманию двух

народов. И. Сталина он действительно увидел вблизи, однако совсем при других обстоятельствах – на приеме в Кремле в торжественной атмосфере, очевидно после парада Победы на Красной площади 24 июня. Свои впечатления он описал по свежим следам, вскоре после своего возвращения из СССР, в коммунистической газете «Szabad Nép». Уже в ходе своих повсеместных встреч с советскими гражданами, будь то в Москве, Ленинграде, Грузии или Армении, А. Сент-Дёрди обратил внимание на искреннее, как ему показалось, уважение народа к И. Сталину и безоговорочную поддержку его политики, и он не был склонен объяснять это только опасениями за преследование иных точек зрения. Еще сильнее его поразила реакция нескольких сот собравшихся на появление в большом кремлевском зале И. Сталина и других советских лидеров. Судя по тональности статьи, он и сам до некоторой степени поддался не только навязанным правилам игры, но и ложному обаянию диктатора, сумевшего предстать в этот праздничный вечер перед подданными в облике заботливого «отца народов», призвавшего соотечественников, залечив фронтовые раны, обратиться к мирному созидательному труду. Является ли И. Сталин диктатором, какие были и в более раннее, и в новейшее время в истории других государств – вопрос этот А. Сент-Дёрди ставил перед собой со всей определенностью и пытался дать на него свой непредвзятый ответ, руководствуясь только лишь увиденным. И дал в то время на него ответ скорее отрицательный. У венгерского академика создалось впечатление скромности и простоты И. Сталина, демократичности его манеры общения, отсутствия огромной дистанции между вождем и собравшимися в зале: в субъективном восприятии многих из них он отнюдь не диктатор, а скорее именно отец народа³. Как бы не относиться к

¹ О впечатлениях Эшби о встречах с А. Сент-Дёрди в Москве 1945 г. см.: Péteri Gy. *Modernity versus Democasy*. P. 124-125.

² См.: Стыкалин А. С. Советская пропаганда и настроения интеллигенции стран Центральной Европы (вторая половина 1940-х годов).

³ В год своего 90-летия А. Сент-Дёрди не возражал против перепечатки этой статьи в сборнике своих избранных статей, опубликованном в кадаровской Венгрии, вероятно, считая, что она передавала его аутентичные представления 1945 г. См.: Szent-Györgyi A. *Válogatott tanulmányok*. Bp., 1983. S. 5.42.

И. Сталину, продолжает А. Сент-Дёрди, очевидно одно: это человек большого масштаба. Восприятие И. Сталина одним из крупнейших биохимиков мира в триумфальном для Красной Армии 1945 году вполне переключается с восприятием его в 1945–1946 гг. многими другими европейскими интеллектуалами, деятелями культуры¹.

Венгерский ученый в той же связи задавался и другим вопросом: что дает основания говорить о современном российском авторитаризме (определение «тоталитаризм» еще не получило в 1945 г. широкого распространения)? Только то, что в России нет ничего похожего на демократию западного типа, когда «каждому позволено вникать во всё»? Конечно, в России мы видим совсем иное: доверие народа наделяет широкими полномочиями людей, которые обладают властью постольку и до тех пор, пока пользуются этим доверием. И это оправданно, продолжает А. Сент-Дёрди, поскольку власть неизменно сталкивается с проблемами, которые никак (а тем более в условиях большой войны, навязанной Советскому Союзу) нельзя решить посредством дискуссий, да и вообще не может быть двух капитанов на одном корабле. В России же каждая институция – это корабль, доверенный одному капитану, и до тех пор, пока тот хорошо выполняет свою работу, пусть он ее делает и дальше. Как видим, венгерский нобелевский лауреат, как, впрочем, и многие другие европейские интеллектуалы того времени, уступил соблазну оценить деятельность И. Сталина, совершенно абстрагируясь от моральных категорий, а прежде всего с точки зрения эффективности менеджмента сталинской системы. Он исходил из того, что в России и СССР в силу иных исторических, культурных традиций существуют другие критерии демо-

кратии, не похожие на западные. Власть здесь легитимизируется не привычными для Запада электоральными принципами, в основе которых лежат строгие демократические процедуры, она основывается на совершенно иных проявлениях всеобщего доверия подданных и легитимизируется именно этим доверием. Один из исследователей политической деятельности А. Сент-Дёрди, видный норвежский историк венгерского происхождения Д. Петери, пытаясь ответить на вопрос, почему ученый по возвращении из СССР поставил себя на какое-то время на службу советской и коммунистической пропаганде, увидел истоки его тогдашнего отношения к И. Сталину и его системе в приверженности последовательного сциентиста Сент-Дёрди идеалам отнюдь не демократии, а меритократии, в его конкретном случае интеллектуальной меритократии. Речь идет о признании им исключительного права некоей когорты избранных, наделенных большим авторитетом лиц не только на политическую власть, но – шире – на полномочия в рамках любой системы управления. Причем критерии отбора элиты, меритократии связаны с реальным вкладом этих людей в культуру, науку, их общественной харизмой и не имеют ничего общего с принципами электоральной демократии. Пренебрежение демократическими принципами, склонность к авторитарному стилю управления проявились, согласно Петери, и в планах А. Сент-Дёрди по реформированию Венгерской академии наук, о чем речь пойдет несколько ниже².

По возвращении из СССР А. Сент-Дёрди сделал ряд достаточно восторженных заявлений, как в своих публичных выступлениях, так и в прессе, в том числе в изданиях венгерской компартии³. «Главной

¹ Так, в отчете о поездке группы советских кинематографистов на первый Каннский фестиваль в 1946 г. отмечалось: хотя в фестивальном жюри не было ни одного коммуниста и состав съехавшейся аристократической публики «не давал оснований предполагать, что в ее лице мы встретим почитателей советской культуры... каждое появление тов. Сталина (при демонстрации советского пропагандистского фильма «Клятва» режиссера М. Чиатурели – прим. А. С.) вызывало аплодисменты как жюри, так и зрительного зала» (Там же. Д. 469. Д. 58, 62).

² Péteri Gy. Modernity versus Democracy. Согласно довольно жесткому выводу Петери, общественная деятельность Сент-Дёрди в Венгрии 1945–1947 гг. явилась фактором, способствовавшим ослаблению сопротивляемости венгерского научного сообщества диктату тоталитарной коммунистической власти в последующие годы.

³ Szent-Györgyi A. Szovjet-oroszországi utazásom benyomásai // Szabad Nép, 1945, augusztus 2. В своей критике консервативного руководства академии А. Сент-Дёрди нашёл союзника в лице вернувшегося

целью моей поездки в Москву, – говорил он, – было установление связей с советскими деятелями умственного труда. Мне удалось это в полной мере. Но если бы только это, я отложил бы свою поездку, ведь у нас дома сейчас так велика нужда в рабочих, строящих руках. Наш мир рухнул, и мы должны его выстроить заново. Там, в России тоже 28 лет назад рухнул прежний мир и на его месте был потом построен новый». Помимо естественного для меня интереса к советской науке, продолжал А. Сент-Дёрди, меня привели в СССР «еще две цели: увидеть, каков этот мир, который там построили, и определить, что из этого опыта мы можем применить с пользой для себя. А еще одна цель моего приезда заключалась в том, чтобы увидеть русский народ у себя дома, на родине, ибо это поможет нам лучше понять, чего мы можем ожидать от него в дальнейшем. Мир, который я здесь встретил, произвел на меня очень глубокое впечатление. Я глубоко убежден, что нашу страну поставить вновь на ноги мы сможем только при применении тех же принципов, которые подняли эту страну. Но я убедился и в том, что Советский Союз не хочет навязывать нам свои принципы или общественное устройство. От нас ждут только добрых намерений, окончательного выкорчевывания фашизма, того, чтобы народ Венгрии не смог стать снова оружием в разбойничьем походе на Советский Союз»¹.

Более внимательное прочтение текстов выступлений А. Сент-Дёрди, в том числе на собрании профсоюза венгерских педагогов 23 июля, позволяет сделать вывод о неоднозначности полученных им при посещении СССР впечатлений. Об этом же свидетельствуют и публикуемые ниже документы. Более откровенными в сравнении с высказываниями со страниц коммунистической прессы представляются его рассуждения в позднейших ав-

31 августа 1945 г. из московской эмиграции всемирно известного философа-марксиста Дьердя Лукача, опубликованного 2 апреля 1946 г. в “Szabad Nép” статью о несоответствии ВАН новым требованиям.

¹ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 115. Л. 15-16. Перевод выступления А. Сент-Дёрди, сделанный в ВОКСе, дается нами в несколько отредактированном виде.

тобиографических заметках: когда развеялись надежды, что западные союзники первыми войдут в Венгрию, приоритетной задачей стало выстраивание максимально корректных и даже дружественных отношений с СССР, это было в сложившихся условиях совершенно рациональной и естественной позицией. Более того, заключил А. Сент-Дёрди свою мысль, из сложившегося положения надо было постараться извлечь определенную выгоду для своего государства². Как бы то ни было, позитивы в его отношении к увиденному в СССР в 1945 г., очевидно, преобладали над негативами. Советский Союз он воспринял как страну огромного социального эксперимента, при всей своей противоречивости приносящего свои реальные плоды. Особенное воодушевление он испытал при ознакомлении с советской системой организации фундаментальной, академической науки, опыт которой счел вполне применимым и в венгерских условиях.

Таким образом, ожидания инициаторов его приглашения в СССР, надеявшихся, что по возвращении домой академик станет не только пропагандистом советского опыта, но и одним из проводников курса на коренную реорганизацию научной жизни и образовательной сферы в Венгрии с оглядкой на советские стандарты, в немалой степени себя оправдали. Причем его заявления, как мы видим, отнюдь не ограничивались дифирамбами в адрес советской науки. В более общем плане их суть сводилась к тому, что Советский Союз преследует в своей политике мирные цели, ищет дружбы и сотрудничества с соседними странами, не стремится к господству над ними. Что же касается внутренней жизни, то в СССР, по его мнению, высказанному, в частности, на собрании венгерских педагогов, создаются условия для свободного и всестороннего развития личности, если под свободой иметь в виду не только политическую свободу. Проецируя свою позицию на внутриполитическую ситуацию в самой Венгрии, А. Сент-Дёрди

² См.: Palló G. Szent-Györgyi Albert és a szovjet kapcsolatok.

приходил к выводу о необходимости тесного сотрудничества с венгерской компартией как динамичной и нацеленной на глубокие системные реформы политической силой, поддержанной Советским Союзом, державой, доминирующей в среднеевропейском регионе, с которой Венгрия должна находиться в состоянии долгосрочного мира и дружбы. Это предполагало и его активное участие в проектах, инициированных в Венгрии компартией при содействии СССР. Проектах, направленных на формирование и укрепление в венгерском обществе дружественных настроений в отношении СССР. Став летом 1945 г. почетным председателем венгерско-советского культурного общества, А. Сент-Дёрди принял непосредственное участие в его деятельности, согласился стать редактором пропагандистских изданий этого общества, призванных знакомить венгерскую публику с достижениями советской науки¹. Если русские выбрали коммунизм, писал А. Сент-Дёрди в связи с началом работы общества, это их дело, а наше дело – в установлении и поддержании связей между двумя культурами, налаживании взаимопонимания двух народов, поскольку это отвечает интересам Венгрии. Ведь огромный Советский Союз «стал нашим соседом, нам придется рядом жить», и потребность в диалоге, поддержании научных и культурных связей очень велика. «Русский народ, – академик ссылался здесь на свои впечатления, полученные при посещении СССР, – не злопамятен, предпочитает забывать дурное, ищет мира, понимания и веселья. Все душевные предпосылки отпущены ему для искренней дружбы с другими. Хотя, конечно, «дружба» и «любовь» могут быть лишь пустыми словами. Мы не можем любить, не зная того, что мы любим. Мы должны познакомиться друг с другом, и наша (культурного общества – прим. А. С.) основная задача – помочь этому. Мы ознакомимся с плодами наших духовных жизней, которые привыкли

¹ Под его общей редакцией вышло несколько выпусков информационного издания «Tudomány» («Наука»), приложения к еженедельнику венгерско-советского культурного общества «Jövendő» («Будущее»). Проект этот, впрочем, не возымел успеха и уже в 1946 г. закрылся.

обозначать словом «культура». Мы должны сделать все возможное, чтобы ... общество могло вовлечь в свою полезную работу как можно большее количество людей. Если мы хотим дружбы, то дружба эта должна быть не только искренней, но и активной. Если мы напряжем свои мускулы и мозги, раскроем наши души, если венгерская интеллигенция с полной силой включится в строительство новой демократической Венгрии, тогда устремления общества увенчаются успехом»². Забегая несколько вперед, заметим, что как А. Сент-Дёрди, так и председатель венгерско-советского культурного общества Л. Зилахи со временем поняли, что ими хотят манипулировать в политических целях, и предпочли отойти в сторону, тогда как первую скрипку в обществе еще более открыто стали играть коммунисты.

Главным своим делом по возвращении из СССР А. Сент-Дёрди считал реформирование системы науки в Венгрии. Судя по его высказываниям как 1945–1946 гг., так и более поздним, он надеялся, что победа над нацизмом в мировом масштабе откроет новые перспективы воплощения давно вынашивавшегося им общественного идеала – развития цивилизации на основе точно выверенного наукой знания законов природы и общества. Подобный сциентистский подход уделял большое внимание повышению социальной роли науки, а для того, чтобы она могла выполнять свою миссию и соответствовать общественным ожиданиям, она должна обладать более прочной материальной базой, что ставило ее в зависимость от власти и ее поддержки. А. Сент-Дёрди, впрочем, делал акцент на взаимозависимость. В одной из своих программных статей 1945 г. он откровенно писал о том, что считает главной задачей политиков – трансплантировать результаты научных исследований в жизнь. «Наука и политика должны шествовать рядом, рука об руку, и научные лаборатории не должны отстоять далеко от кабинетов, где делается политика»³.

² ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 115. Л. 15-16.

³ Szent-Györgyi A. Az Akadémia válsága // Szabad Nép. 1945. dec. 12.

В силу сциентистских убеждений А. Сент-Дёрди ему весьма импонировало довольно большое внимание, которое уделялось советскими властями естественным и техническим наукам. Уже во время первой своей командировки в СССР в 1935 г. он фактически стал свидетелем создания целого ряда академических институтов в области естественных наук (включая биохимию) и высоко оценил саму систему централизованной академической науки, имевшей, по его мнению, по ряду параметров преимущества в сравнении с университетской наукой. А в июле 1945 г. приехал из СССР человеком еще более убежденным в необходимости радикальной перестройки всей системы венгерской науки если не на основе, то, несомненно, с учетом советского опыта, заслуживающего самого серьезного изучения.

Сталинский режим умел показывать товар лицом и держать за семью печатями свои тайны. По итогам обеих своих поездок в СССР, на основе поверхностного ознакомления с ситуацией в стране, участия в юбилейных академических торжествах 1945 г. и встреч с советскими учеными (зачастую протокольных и неизменно контролируемых свыше) Сент-Дёрди сделал вывод о довольно высоком социальном статусе в СССР ученых-естествоиспытателей, к которым власть обращалась при решении многих насущных проблем, прежде всего хозяйственных и оборонных, выделяя немалые средства на науку. Уже сам факт проведения юбилейной сессии АН всего через месяц после окончания войны был воспринят им как свидетельство огромного внимания, уделяемого науке властями в СССР. По результатам увиденного у А. Сент-Дёрди выработалось идеализированное представление о весьма гармоничных взаимоотношениях в СССР между властью, политикой, с одной стороны, и наукой, с другой. Высокий уровень развития естественных и технических наук в Советском Союзе он ставил в заслугу коммунистической власти, хотя и не разделял марксистских убеждений.

Реформирование и модернизацию всей системы венгерской науки А. Сент-Дёрди

считал для себя приоритетной задачей, рассчитывая на то, что новые власти предоставят ему ведущую роль в этом деле. Венгерская академия наук, основанная графом Иштваном Сечени в эпоху реформ первой половины XIX в., не может, как он считал, полноценно развиваться на основе прежней концепции. Она не может оставаться только лишь клубом избранных в нее представителей национальной меритократии (причем не только деятелей науки) или, в лучшем случае, совещательным органом и экспертным сообществом при правительстве. Она должна превратиться в реальный центр развития фундаментальных наук в стране, и именно в систему академии было бы целесообразно перенести с университетских кафедр, сообразуясь, конечно, с ограниченными финансовыми возможностями, большую часть существующего в стране научного потенциала, включая исследовательские лаборатории. Соответственно и в члены Академии, где до сих пор однозначно преобладали гуманитарии, следовало, по его мнению, дополнительно избрать не менее двух-трех десятков ведущих специалистов в области естественных и технических наук, просто для установления более адекватных пропорций. Только таким образом венгерская наука сможет, считал А. Сент-Дёрди, отвечать как вызовам современного общественного развития, так и национально-государственным интересам.

Его программа реформирования науки, в систематизированном виде изложенная по возвращении из Москвы, вызвала сопротивление в академической среде. Значительная часть академиков склонялась к более умеренным реформам, опасаясь радикальных методов. Существовали также расхождения в вопросах об общественной роли науки, ее взаимоотношениях с политикой, о статусе и задачах самой академии. Более умеренные реформаторы требовали гарантий сохранения автономии науки, ее ограждения от грубого политического вмешательства, исходя из убеждения в том, что только само академическое сообщество может определять направление будущих ре-

форм. Более радикальные реформаторы А. Сент-Дёрди, З. Бай и др. допускали более активное вмешательство государства в дела науки в интересах восстановления и модернизации страны. Они считали, что только государство может стать гарантом создания ее надлежащей материальной базы, нормального функционирования науки в условиях Венгрии, особенно когда дело касалось естественных наук, требовавших больших финансовых затрат. Показательно, что в первую очередь именно среди слабо представленных в академии естествоиспытателей (в том числе выпускников западных университетов, лиц, обладавших широкими связями на Западе и зачастую не питавших ни малейших симпатий к идеям коммунизма) проявлялся реальный интерес к советскому опыту и моделям организации науки. С их стороны наблюдалась и несколько большая готовность сторговаться с государством ради преодоления технической отсталости науки и получения постоянных финансовых субсидий, до известной степени при этом поступившись своими идеалами автономии науки.

Почувствовав внутреннюю неготовность значительной части академического сообщества к далеко идущим реформам, А. Сент-Дёрди пошёл ва-банк. В конце июля 1945 г. он создает альтернативную академию естественных наук, на учредительном собрании ее членами были избраны ведущие венгерские естествоиспытатели, в подавляющем большинстве своем не входившие в Венгерскую академию наук (ВАН). Противостояние двух академий – старой и новой, выступавшей в качестве инструмента давления на ВАН, растянулось на долгие месяцы, при том, что ни одна из них в условиях послевоенной разрухи не могла пользоваться государственным финансированием. Сталкиваясь с саботажем своих предложений со стороны руководства ВАН, в котором одну из первых скрипок играл консервативно настроенный ректор будапештского университета юрист Д. Моор, А. Сент-Дёрди сознательно шёл на обострение. В ноябре он заявил о планах своего выхода из ВАН

в случае, если не будет принята его программа реформирования Академии, что приняло форму громкого публичного скандала с последующим судебным разбирательством. В декабре биохимик выступил в коммунистической газете с критикой своих оппонентов в статье с вызывающим заголовком «Академия несет большую долю ответственности за национальную катастрофу»¹. Об острой борьбе вокруг реформирования ВАН знали в Москве, в АН СССР и ВОКСе, где симпатии были на стороне А. Сент-Дёрди, воспринимавшегося как попутчик коммунистов и сторонник дефашизации духовной жизни Венгрии. После получения ВОКСом информации о планах выхода А. Сент-Дёрди из ВАН там рассматривался даже вопрос о целесообразности поддержания дальнейших связей с Венгерской академией, в частности в области книгообмена².

Конфликт двух академий был урегулирован на компромиссной основе только к середине 1946 г., во многом благодаря усилиям министра просвещения и культур деятеля национальной крестьянской партии Дежё Керестури. В июле на общем собрании был принят новый устав ВАН, в ее состав влились члены академии естественных наук. Новым президентом (фактически почётным президентом) академии был избран по предложению А. Сент-Дёрди композитор З. Кодай, сам же он занял пост «второго президента» (или первого вице-президента), фактически сделавший его в тех условиях наиболее влиятельной фигурой в Академии. Это только подстегнуло его реформаторские устремления, по его инициативе была образована специальная комиссия, занявшаяся разработкой конкретных проектов реорганизации Академии. Своими планами приближения науки к жизни выдающийся биохимик де-

¹ Az Akadémia nagymértékben felelős nemzeti katasztrófánkért // Szabad Nép. 1945. dec. 6. Статья на ту же тему была опубликована им и в газете наиболее влиятельной в стране партии мелких сельских хозяев (Kis Újság. 1945 dec. 7). 12 декабря в коммунистической прессе вышла его же программная статья о кризисе в Венгерской академии наук и путях выхода из него: Az Akadémia válsága // Szabad Nép. 1945. dec. 12.

² АВГР. Ф. 077. Оп. 25. Д. 42. Папка 115. Л. 102.

лился и перед коммунистами в начале октября 1946 г. на III съезде венгерской компартии, куда был приглашен в качестве гостя¹. Оставаясь пока еще попутчиком коммунистов, он говорил о потенциальной роли науки как инструмента в строительстве «новой демократии», о больших созидательных возможностях, находящихся в руках ученых, о том, что гармоничные, основанные на осознании общности интересов, взаимоотношения между демократическими, антифашистскими партиями и наукой могут не только помочь науке выйти из того состояния бедности и упадка, в котором она оказалась при прежнем режиме, но и способствовать всестороннему расцвету общества.

Один из крупнейших ученых-биохимиков мира не мыслил подлинной демократии без полноценного развития на уровне, отвечающем современным международным стандартам, не только науки, но и системы образования, культуры, здравоохранения. Он возглавлял консультативный Всевенгерский совет по народному образованию. В своих публичных выступлениях 1945–1947 гг. А. Сент-Дёрди говорил о том, что разрыв с хортистским наследием означает не просто вытеснение правых идеологий, но прежде всего коренную реформу унаследованной от прежней эпохи инфраструктуры социальных, культурных институций, не отвечающей задачам дня². В процессе осуществления реформ он считал ценным любой передовой опыт, публично высказываясь, например, на встрече с делегацией британских медиков в июле 1946 г., за активизацию культурных и научных связей Венгрии и с западными странами³.

В условиях послевоенной разрухи А. Сент-Дёрди проявил себя как талантливый менеджер, сумевший успешно наладить работу возглавляемого им научного учреждения, используя при этом свой большой международный авторитет

и широкие связи и прибегая с их помощью ко всем возможным источникам финансирования. Показателен отчет о посещении научных лабораторий Сент-Дёрди в Будапеште в 1946 г. делегацией советских ученых-медиков во главе с физиологом академиком Академии медицинских наук СССР (а позже и АН СССР) В. В. Париным (через год, после поездки в США он был арестован как «американский шпион» и до 1953 г. находился в заключении). Парин констатировал почти полное отсутствие в Венгрии как следствие разрухи «организованной научной деятельности», однако на этом фоне явно выделялся биохимический институт А. Сент-Дёрди в структуре будапештского медицинского университета, работавший действительно хорошо. По оценке Парина, этот институт представлял собой «своеобразное учреждение, своего рода научный монастырь, в котором собрано около трех десятков наиболее способных и работающих молодых ученых. А. Сент-Дёрди не только руководит научной работой этого коллектива, но и кормит своих сотрудников в организованной в институте столовой, одевает и обувает их (за счет того, что ему удается вырвать у венгерского правительства, шведского Красного креста и т. д.)»⁴. Сотрудники института во время часа отдыха играют в волейбол, по вечерам посещают театры и концерты, в урочные же часы в институте ведется интенсивная, интересная работа. В своем отчете Парин выступил с предложением пригласить на стажировку в СССР 2–3 молодых биохимиков из института А. Сент-Дёрди.

Вместе с тем академик В. В. Парин обратил внимание не только на дилемму, стоявшую перед А. Сент-Дёрди, но и на происходившие в его сознании отчетливые сдвиги в пользу прозападных ориентаций – даже несмотря на его выступления на форумах компартии и продолжающиеся публикации в коммунистической прессе. Советский ученый вынес впечатление, что А. Сент-Дёрди «переживает смятение чувств, видимо, меняет вехи в сторону

¹ Szabad Nép. 1946. 2. október.

² Из литературы о его планах реорганизации венгерской науки, а также о его общественной деятельности в 1945–1947 гг. см.: N. Szabó József. Szent-Györgyi Albert tudományszervező és kultúrpolitikai tevékenysége (1945–1946) // Tiszatáj. Szeged. 1993. október.

³ Kis Újság. 1946. jul. 31.

⁴ АВПР. Ф. 077. Оп. 26. Папка 119. Д. 44. Л. 42.

ориентации на Америку и Англию». Более того, он даже, кажется, «нарочито придал этому несколько демонстративный характер». Так, на другой день после окончания работы конгресса, на который и были приглашены советские ученые во главе с В. Париним, он уехал в Швейцарию. По мнению советского биолога, А. Сент-Дёрди «как человека авторитетного во всем мире... не следует легко зачислять в лагерь “перекинувшихся”. Надо всё сделать для того, чтобы вернуть его в русло нашей ориентации»¹.

Ученый с мировым именем, склонный к реализации весьма амбициозных научных проектов, А. Сент-Дёрди испытывал довольно прагматический интерес к источникам их финансирования, тем более в условиях 1945–1946 гг., когда его страна ставила мировые рекорды по уровню инфляции. Материальная поддержка в осуществлении его замыслов (не суть важно, в конце концов, фондом Рокфеллера, шведским Красным Крестом или же советским правительством) и связанная с этим возможность самореализации были для него, очевидно, не менее важны, нежели приближение Венгрии после разгрома нацизма к идеалам и системе ценностей современной западной демократии. Тем не менее, как это стало очевидным уже в 1946–1947 гг., он никак не мог поддержать создания «железного занавеса» и пренебречь перспективой ограничения политических свобод, в том числе и возможностей общения с коллегами из других стран, так как это угрожало выпадением Венгрии из международной системы циркулирования идей. При всех своих, проявлявшихся уже весной-летом 1945 г., опасениях относительно утраты личной духовной свободы и при всём нежелании прервать свои контакты с Западом, выдающийся венгерский ученый в 1945 г. активно выступал с заявлениями в пользу СССР и советско-венгерского сотрудничества, пропагандировал советскую систему организации науки. Очевидно, он при этом рассчитывал, что официальная Москва, направлявшая де-

ятельность Союзной Контрольной Комиссии в Венгрии, не только сделает ставку на него в деле реформирования всей системы венгерской науки, но и окажет поддержку его собственным научным планам. Можно предполагать, что А. Сент-Дёрди не утратил и некоторых политических амбиций, однако близость к власти для него всегда была важна не как самоцель, а прежде всего как гарант реализации масштабных научных замыслов. Есть основания, таким образом, говорить о двойственности позиции ученого – рассчитывая на поддержку властей (коалиционного венгерского левоцентристского правительства, контролируемого СССР), он был готов идти на компромиссы ради этой поддержки и в то же время опасался далеко идущих ограничений духовной свободы.

Среди прочего и опыт работы А. Сент-Дёрди в условиях хортистской Венгрии (в том числе в качестве ректора второго по величине и значению университета страны) показывает, что он никогда не выступал против активной вовлеченности пусть и авторитарного государства в развитие и финансирование естественных наук. Тем более не выступал он, в силу своих последовательных сциентистских убеждений, против постановки перед наукой масштабных общественных задач, имеющих политическое измерение. Но для него все же сохраняли значимость вопросы о том, какие силы и с какой долгосрочной политической программой выступают от имени государства, и насколько весомы в этой связи позиции людей науки, насколько равноправным является их диалог с властью. В своих позднейших интервью А. Сент-Дёрди откровенно признал, что даже те черты советской модели, которые ему импонировали, тоже были составной частью системы методов, направленной на подавление личности, а это уже импонировать ему никак не могло.

В 1947 г. пришлось сделать окончательный выбор. Среди факторов, повлиявших на решение А. Сент-Дёрди, было требование Сталина к странам советской сферы влияния отказаться от участия в плане Маршалла. Учёный, очевидно, чув-

¹ АВПР. Ф. 077. Оп. 26. Папка 119. Д. 44. Л. 46.

ствовал приближение холодной войны и довольно скорое установление прочного «железного занавеса». Согласиться с попытками свести к минимуму, а тем более полностью прервать связи Венгрии с Западом (в том числе научные и культурные) он никак не мог. Кроме того, некоторые задуманные им масштабные проекты можно было реализовать только при поддержке западных фондов, так как венгерское правительство в условиях разрухи и инфляции (достигшей своего апогея к лету 1946 г.) могло выделить только самые мизерные средства на научные исследования. Правда, введение в июле 1946 г. новой, твёрдой национальной валюты (форинта) способствовало преодолению инфляции. Довольно конфликтное выступление А. Сент-Дёрди в парламенте в феврале 1947 г. с требованием уделить в этих более благоприятных условиях хоть какое-то внимание науке при составлении бюджета не возымело действия. Оно явилось последним его публичным выступлением в Венгрии¹. Однако на конфронтацию с властями, в том числе с левыми силами правящей коалиции, возглавляемыми компартией, он не пошел. Последняя его статья в коммунистической прессе, в которой он позиционировал себя попутчиком коммунистов по ключевым вопросам национального развития, была опубликована в конце августа 1947 г., уже после его окончательного отъезда из Венгрии². Как бы то ни было, в письме З. Кодаю, написанному в марте 1948 г. уже из-за границы, А. Сент-Дёрди признал неудачу своих попыток реформировать в Венгрии систему науки³. Не помогли и личные амбиции, сочетавшиеся с приверженностью довольно жёстким, если не авторитарным методам в осуществлении реформ, не оправдало себя и стремление опереться на опыт СССР и помощь компартии.

Попытки СКК ограничить контакты А. Сент-Дёрди с Западом были в целом не очень эффективны, тем более что он не отказался от шведского гражданства,

полученного во время войны. Всемирно известного ученого во избежание скандалов уже в 1946 г. активно выпускали с его шведским паспортом за границу для участия в научных конференциях, он избирался в новые научные общества, был удостоен ряда международных премий, награжден государственной наградой Франции. А в июне 1947 г. был избран иностранным членом АН СССР. Его отъезд на Запад, в Британию, Францию, а затем в США позиционировался им самим как долгосрочная командировка, оставлявшая открытым вопрос о возвращении назад, никаких публичных заявлений (тем более антикоммунистического или антисоветского характера) А. Сент-Дёрди не делал по крайней мере вплоть до 1949 г. Не удивительно, что весной 1948 г. он был объявлен лауреатом государственной премии Кошута, наиболее престижной в послевоенной Венгрии.

В марте 1950 г. Советский Союз посетила делегация венгерских ученых, в составе которой был и ближайший ученик А. Сент-Дёрди Бруно Штрауб (1914–1996), после его отъезда на Запад долгие десятилетия возглавлявший биохимическую лабораторию в медицинском университете имени Земмельвайса (впоследствии, в эпоху Я. Кадара, вице-президент ВАН, а в 1988–1989 гг. в течение короткого, но очень бурного промежутка времени председатель Президиума ВНР). Делегация была принята президентом АН СССР С. И. Вавиловым⁴. В ходе беседы присутствовавший на ней биохимик Н. М. Сисакян (будущий академик и главный ученый секретарь Президиума РАН) поинтересовался судьбой А. Сент-Дёрди. Штрауб ответил, что, уехав в США, его учитель до сих пор не получил своей лаборатории и не может продолжать экспериментальную работу. Отъезд из Венгрии он расценил как большую ошибку А. Сент-Дёрди, поскольку дома у него были прекрасные возможности для работы. Очевидно, такова была дежурная версия, предназначенная для советских коллег. Но не менее очевидно и то, что после приезда в США всемирно известный

¹ См.: Nemzetgyűlési Napló. 6 febr. 1947, 145–150. о.

² Szabad Nép. 1947. aug. 31.

³ Péteri Gy. Modernity versus Democracy. P. 128.

⁴ См. запись беседы: Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. Д. 9.

нобелевский лауреат действительно имел определенные проблемы с адаптацией в университетскую жизнь, поскольку в условиях маккартизма воспринимался как довольно левый и подозрительный элемент. Однако трудности этого рода были со временем преодолены. Трудно сказать, в какой мере способствовали их преодолению сделанные им в обстановке холодной войны некоторые антисоветские заявления. В одном из них он выразил сожаление, что советский народ с трудом поддается воспитанию в демократическом духе, и мало надежды на то, что он выступит против своих лидеров, проводящих авантюристическую внешнюю политику¹.

Впрочем, и в США А. Сент-Дёрди не нашел полной гармонии с политической элитой и политической системой, публично выступал против больших военных затрат, а в 1960-е годы против войны во Вьетнаме. Ученый никогда не идеализировал Соединенных Штатов, не раз говорил в интервью, что американская система по многим параметрам не соответствует выпавшей на долю США большой внешнеполитической роли, которая налагает на это государство огромную ответственность. Один из главных пороков американской системы заключался, по его мнению,

в том, что люди науки, способные прогнозировать перспективы развития цивилизации, выявлять стоящие перед ней угрозы, определять вызовы, не получают решающего слова при решении существенных политических проблем, существующая система не приобщает их к власти, выслушивает их мнение лишь по чисто техническим вопросам. Как и другие реально существующие режимы XX в., американский далеко не в полной мере отвечал исповедуемым им идеалам демократии, действующей в полном соответствии с принципами науки.

А. Сент-Дёрди не порывал связей с венгерскими, как и с советскими учеными, вёл переписку, обменивался идеями. На свое 80-летие он дал в 1973 г. обстоятельное интервью венгерскому телевидению, в котором не уклонился от изложения позиции и по острым политическим вопросам². В 1970-е годы дважды посетил Венгрию. В последние десятилетия жизни, продолжая совмещать весьма плодотворную научную деятельность с публичными выступлениями, великий венгерский естествоиспытатель много говорил и писал о социальной роли науки, об ответственности ученых, о путях разрешения острых стоявших перед человечеством экологических вызовов³.

¹ Magyar tudomány, 1993. № 10. 1263.o.

² New Hungarian Quarterly. Vol. XIX. № 57. Spring 1975.

³ Szent-Györgyi A. Az örült majom. Bp., 1989.

Приложение

Документ 1

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. МАЛЕНКОВУ Г. М.

В Сегедском университете (Венгрия) работал крупнейший ученый биохимик лауреат Нобелевской премии профессор Альфред¹ Сент-Диорди. Профессор Сент-Диорди является одним из выдающихся биохимиков мира. В 1933 году он открыл аскорбиновую кислоту (витамин С) и выделил ее в чистом виде из растительного материала, за что был удостоен Нобелевской премии². Заслуженным уважением во всем ученом мире пользуются также труды Сент-Диорди о механизме биологических окислений; он открыл центральное положение четырех углеродных дикарбоксальных кислот (янтарная кислота и ее производные) в дыхательных процессах тканей. После занятия Красной Армией венгерского города Сегед³ академики Капица и Парнас⁴ обратились с просьбой найти профессора Сент-Диорди

и оказать ему содействие в работе, соответствующее его заслугам⁵. Профессор Сент-Диорди известен как демократ, подвергавшийся преследованиям и репрессиям со стороны немецких властей и гестапо. В 1943–1944 годах он с ведома Коллаи и М. Хорти⁶ предпринимал безуспешные попытки к выводу Венгрии из войны, для чего ездил в Турцию и намеревался 25 августа прошлого года выехать в Москву⁷.

⁵ См. док. 3.

⁶ Коллаи Миклош (1887–1967) – премьер-министр Венгрии с марта 1942 по март 1944 г. Саботировал требования нацистской Германии о депортации евреев и запрещении оппозиционных партий (кроме крайне левых). После поражения Германии под Сталинградом и разгрома венгерской армии зимой 1943 г. на Дону искал, используя секретные каналы, пути разрыва с Третим рейхом и перехода Венгрии на сторону антигитлеровской коалиции в расчете на открытие союзниками второго фронта со стороны Адриатики. Нелояльность Коллаи нацистской Германии привела к падению его кабинета вследствие оккупации Венгрии силами вермахта в марте 1944 г. С приходом немецких войск нашел убежище в турецком посольстве, осенью 1944 г. захвачен нилашистами и находился до весны 1945 г. в концлагерях Дахау и Маутхаузене. По окончании второй мировой войны в эмиграции в США. Хорти Миклош (1868–1957) – регент Венгерского королевства в 1920–1944 гг., вице-адмирал (в годы первой мировой войны командующий военно-морским флотом Австро-Венгрии). В октябре 1944 г. свергнут нилашистами после попыток заключения сепаратного мира с СССР. После войны в эмиграции в Португалии.

⁷ Как отмечалось выше, идея командирования А. Сент-Диорди в Москву в целях выяснения условий сепаратного мира возникла в связи с государственным переворотом в Румынии 23 августа 1944 г., свержением маршала Антонеску и переходом страны на сторону антигитлеровской коалиции. При сложившихся обстоятельствах в хортистской элите осознавалось, что задержка Венгрии с разрывом с нацистской Германией ставит ее в неблагоприятное положение в сравнении с соседней Румынией в свете претензий обеих государств на Трансильванию. См. подробнее: Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Восточная Европа в силовом поле

¹ Ошибка. Правильно: Альберт Сент-Дёрди.

² А. Сент-Дёрди был удостоен Нобелевской премии в 1937 г.

³ Город Сегед в Юго-Восточной Венгрии на берегу р. Тиса был освобожден Красной Армией в начале октября 1944 г.

⁴ Капица Пётр Леонидович (1894–1984) – советский физик. Академик АН СССР (1939). Лауреат Нобелевской премии (1978). В 1921–1934 гг. работал в Великобритании с Э. Резерфордом. Был лично знаком с А. Сент-Дёрди. По возвращении в СССР основатель и многолетний директор Института физических проблем АН СССР. Один из основателей Московского физико-технического института. Парнас Яков Оскарович (Якуб Кароль) (1884–1949) – польский и советский биохимик. После занятия Львова Красной Армией в сентябре 1939 г. отказался эмигрировать и продолжал работать в СССР. Был избран в АН СССР и в Академию медицинских наук (АМН) СССР, возглавлял институт в системе АМН СССР. Арестован по делу о Еврейском антифашистском комитете и на второй день после ареста умер в тюрьме во время допроса от острой сердечной недостаточности.

Сент-Диорди был связан с руководителями «Венгерского фронта сопротивления»¹, но активного участия в деятельности этой организации не принимал.

Член Военного Совета 2-го Украинского фронта тов. Сусайков телеграммой сообщил следующее: «В настоящее время профессор найден в одном из подвалов города Будапешта и находится у нас. В беседе Сент-Диорди изъявил желание приехать в Москву для установления личного

контакта с советскими учеными. Прошу сообщить, направлять ли его в Москву и если направлять, то к кому. Ответ жду незамедлительно, так как он не может оставаться у нас продолжительное время»

Прошу Ваших указаний.

Г. Александров²

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82 (Молотов). Оп. 2. Д. 1151. Л. 39-40.

великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008.

¹ Речь идет, в частности, о таком организаторе антифашистского сопротивления в Венгрии как Эндре Байчи-Жилински (1886 – 1944), казненном нацистами.

² Г. Ф. Александров (1908–1961) – в 1940–1947 гг. начальник управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Академик АН СССР (1946). На документе содержатся рукописные пометы Г. М. Маленкова и В. М. Молотова. Г. Маленков от 16 февраля: «Тов. Молотову В. М. Прошу Вас ознакомиться с этим материалом». В. Молотов от 17 февраля: «т. Маленкову. 1. Надо проявить заботу в отношении Сент-Диорди и хорошо знать, что он делает в политическом отношении (дело т. Фитина). 2. Если С-Диорди захочет, то привести его в Москву и здесь внимательно устроить, а если захочет остаться в Венгрии – оставить там, все время заботясь о нем и быть в курсе его политической деятельности (дело тт. Ворошилова, Пушкина + т. Фитина). 3. НКВД запросит т. Ворошилова, как лучше поступить с С-Диорди (т. Деканозову)». В феврале 1945 г. П. М. Фитин занимал должность начальника 1-го Управления НКГБ СССР (внешняя разведка), маршал К.Е. Ворошилов – председателя Союзной Контрольной Комиссии (СКК) по Венгрии, Г. М. Пушкин – политического советника СКК, В. Г. Деканозов – заместителя наркома иностранных дел СССР, курировавшего венгерское направление.

Документ 2

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
О политических взглядах профессора Альберта Сентдиорди
(по телеграфным донесениям ПУ¹ 2 Украинского фронта)²

Крупнейший венгерский ученый, лауреат Нобелевской премии, профессор университета в г. Сегед Альберт Сентдиорди нелегально проживал в г. Будапеште, где он до прихода наших войск скрывался от преследования гестапо за свою антинемецкую деятельность³.

По его собственному заявлению, впервые он выступил на чисто политическом поприще в феврале 1943 г., когда он под впечатлением сталинградских событий решил принять меры к выводу Венгрии из войны. Для этого он, с ведома Каллаи, отправился в Турцию, где вел переговоры с представителями английской и американской дипломатий. Переговоры эти результатов не имели, т. к. цель поездки Сентдиорди стала известна немцам, и Гитлер потребовал от Хорти выдачи Сентдиорди.

Хорти знал о переговорах Сентдиорди с союзниками и сумел отстоять его, убедив Гитлера в лживости сведений об этих переговорах.

В начале 1944 года Сентдиорди предпринял создание новой политической партии, названной им «Радикально-демократической». Однако оккупация Венгрии немцами сорвала создание этой партии,

некоторые ее организаторы были арестованы, а сам Сентдиорди то находился под надзором полиции и гестапо, то был вынужден скрываться.

24 августа 1944 года Сентдиорди был вызван к Хорти, который заявил ему, что в связи с капитуляцией Румынии он, Хорти, решил вывести также и Венгрию из войны с тем, однако, чтобы, как выразился Хорти, «не было учинено большого свинства».

Сентдиорди подал мысль, что он считает необходимым, по уполномочию регента, вылететь в Москву для заключения перемирия с Советским Союзом. Хорти одобрил его предложение и санкционировал вылет Сентдиорди в Москву на 25-го августа. Однако утром этого дня Хорти сообщил, что просит считать его вчерашнюю беседу с Сентдиорди несостоявшейся.

Говорят, что Хорти изменил свое решение под влиянием беседы с германским послом, который заверил Хорти о том, что германская армия сумеет отстоять Венгрию от советских войск.

В дальнейшем Сентдиорди был связан с руководителями «Венгерского фронта сопротивления», но активного участия в деятельности этой организации не принимал.

О своих личных взглядах на политическое положение Венгрии Альберт Сентдиорди сказал:

«Меня чрезвычайно радует, что нами подписано соглашение о перемирии с Советским Союзом, Англией и США⁴. Это начало возрождения Венгрии.

Что касается правительства генерал-полковника Миклоша, то я считаю его вполне пригодным для осуществления ближайших целей, т. е. участие Венгрии в

¹ Политуправления.

² Как явствует из сопроводительного письма от 9 февраля 1945 г. на бланке Главного политического управления Рабоче-Крестьянской Красной армии (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1151. Л. 41), записка была адресована начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову.

³ Впоследствии, в своих автобиографических заметках, А. Сент-Дёрди описывает как один из поворотных моментов в своей судьбе встречу с красноармейским майором, говорящим на английском языке, который пришел не для того, чтобы арестовать его, а для того, чтобы отвезти его в безопасное место по распоряжению самого Молотова (Péteri Gy. *Modernity versus Democracy: The Politics of Albert Szent-Györgyi, 1945-1947*. 122 p.).

⁴ Подписано 20 января 1945 г.

войне против Германии, интернирования немцев и т. п.

Миклош – превосходный генерал и честный человек, но нельзя забывать, что он бывший адъютант Хорти и связан с кругами венгерской аристократии. Эти связи настолько прочны, что приходится сомневаться в том, сможет ли он осуществить демократизацию нашей страны¹.

Перед нами, венграми, стоят четыре основных задачи:

1. Ликвидация остатков феодализма и крупного землевладения.
2. Ликвидация немецкой экспансии.
3. Ликвидация милитаризма. Венгрии не нужна армия, как она не нужна и всякому малому государству, всецело зависящему от политики великих держав.
4. Борьба с влиянием церкви, особенно католической, как наиболее сильного стража габсбургского легитимизма и феодализма.

Те большие социальные проблемы, которые теперь возникают перед нами, требуют не только чисто законодательной деятельности, но и педагогического воздействия на венгерские народные массы. В течение 20 лет венгерский народ воспитывался в духе рабства, в духе отказа от духовной свободы.

Вы знаете не хуже нас, что можно сделать в течение 20 лет. Вы за этот период превратили поработанные народы России в братьев первенствующей нации Советского Союза. У нас дело обстояло наоборот: вы строили, мы разрушали народную душу.

Что касается моей личной деятельности, то она представляется мне по-разному.

1. Я могу вернуться к чисто научной деятельности и педагогически воздействовать только на узкий круг моих учеников и сотрудников.

2. Я могу принять участие в политической жизни моей страны, но здесь я дол-

¹ Генерал Б. Миклош, командующий одной из венгерских армий, порвавшей с вермахтом, встал во главе временного коалиционного антифашистского правительства Венгрии, сформированного в г. Дебрецене, в декабре 1944 г. Он возглавлял правительство до ноября 1945 г., когда в стране прошли парламентские выборы.

жен оговориться: я не политик, заниматься повседневной политической работой я просто не могу в силу определенных дефектов моей духовной сущности. Но я могу быть знаменем политического направления, намечать и проводить линии большого политического движения.

Кем бы я мог быть?

Иногда мне кажется, что я мог бы быть неплохим президентом будущей венгерской республики, а пока, если это сочтут целесообразным, я мог бы быть временным, до созыва учредительного собрания, заместителем регента.

Мне кажется, что было бы неплохо, если бы кто-нибудь стоял над Миклошом. Не следует забывать, что венгерская аристократия только притихла. Сейчас наиболее подходящий момент для коренной ломки социальных устоев Венгрии.

Много говорят о вырождении наших аристократов. Я сказал бы, что не следует недооценивать их жизненные силы. За ними большая традиция властвования над народом. Если вы уйдете и о нас забудете, или, переуступите нас английскому и американскому влиянию, то возрождение феодализма в Венгрии – довольно реальная вещь.

Наконец, я представляю себе и такой вид сотрудничества с русскими и англо-американскими представителями. Я – просто являюсь их другом. Являюсь к ним, скажем, раз в неделю. Чтобы дать им нужный совет, информировать их о настроениях, высказывать им свои соображения, пожелания и т. д.

Словом, я буду помогать нашим друзьям (а я считаю вас нашими друзьями) в той мере и в тех формах, какие будут желательны».

Начальник VII Управления ГлавПУРККА
генерал-майор М. Бурцев

26 января 1945 г.²

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1151. Л. 42-44.

² Письмо завизировано 9 февраля начальником 2 отделения 3 отдела 7 Управления ГлавПУРККА (Главного политуправления Рабоче-Крестьянской Красной Армии) майором Степановым.

Документ 3

Дорогой Петр Леонидович!

Обращаюсь к вам по следующему вопросу: я полагаю, что в самое ближайшее время части Красной Армии совместно с Румынскими частями займут город Сейгет в Южной Венгрии. В Сейгете сейчас работает профессор Университета Альфред¹ Сент-Гиоргий, один из самых выдающихся биохимиков мира и самых выдающихся ученых нашего времени; при том истинный демократ, подвергавшийся репрессиям со стороны фашистского правительства своей страны.

Я думаю, что он Вам знаком, так как он работал в Кембридже в то же время, как и вы. Его научные заслуги можно напомнить в нескольких словах: именно он в 1933 году открыл аскорбиновую кислоту (витамин С), выделив ее в чистом виде из растительного материала. Какое это имеет значение для всех областей биохимии и медицины – этого, конечно, и объяснять не надо. За это открытие Сент-Джорджиу был удостоен Нобелевской премии. Для определения его моральной личности характерно то, что после этого открытия он не взял никаких патентов, а свой материал передал двум группам химиков – в Цюрихе и в Манчестере, которые расшифровали строение и выработали синтезы, и теперь витамин С вырабатывается в количестве сотен тонн в год, и наша страна тоже им широко пользуется. Сент-Джорджиу передал выделенный им витамин С химикам Райхштейну и Хаворсу потому, что считал их наиболее квалифицированными для скорой расшифровки и синтеза.

Другая группа превосходных трудов Сент-Джорджиу касается механизмов биологических окислений. Именно он открыл центральное положение четырех углеродных дикарбоксильных кислот (янтарная кислота и ее производные) в дыхательных процессах ткани.

Эти труды пользуются самым большим и заслуженным уважением во всем мире.

О судьбе его во время войны мы имеем некоторые сведения. Еще зимой 41–42 гг. было известно, что его исключили из Высшей Палаты в Венгрии, которой он был членом после получения премии Нобеля: это было после произнесения им демократической речи. Зимой 43–44 гг. профессор Флорей из Оксфорда, будучи здесь рассказывал, что в Англии беспокоятся о его судьбе, т. к. имеются сведения, что фашисты заключили его в дом сумасшедших. Я спрашивал по этому поводу профессора Бройша из Стамбула (ученика Сент-Джорджиу), который ответил, что он тоже беспокоится, но что он слышал стороною, что на кафедре его уже нет, но что он будто бы где-то скрыт его друзьями. На днях Бройш писал мне, что С.-Джорджиу, по последним сведениям, работает на своей кафедре, но ему запрещена всякая переписка с заграницей.

Я пишу вам все это в уверенности, что вы обратите на указанные мною факты внимание лиц, которые – я твердо надеюсь – дадут военным частям, вступающим в Сегет, соответствующие указания, и что этот благородный человек встретит со стороны нашей Красной Армии и Советского Правительства то отношение, которого он действительно заслуживает.

Примите, дорогой Петр Леонидович, мой самый искренний привет.

Академик Парнас.

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1151. Л. 45-45об.

¹ Правильно: Альберт.

Документ 4

Тов. ДИМИТРОВУ Г. М.

Я имел беседу с крупным венгерским ученым профессором Сент-Дьерди, находящимся сейчас в Москве. Сент-Дьерди принимал участие в движении сопротивления и имеет в Венгрии большой авторитет. То, что он говорит, отражает настроения самой образованной части венгерской интеллигенции, поэтому я считаю, что сказанное им заслуживает того, чтобы я сообщил Вам об этом.

1. Отношение к Красной Армии в Венгрии сильно ухудшилось. Одна из причин этого заключается в том, что на облавах было задержано несколько десятков тысяч людей, в числе которых было лишь очень немного фашистов. Другая причина: демонтаж и увоз промышленных предприятий. Улучшению настроения могло бы послужить великодушное отношение к угнанной немцами молодежи, попавшей в плен за последние недели. С некоторых мест немцы гнали всё молодое мужское население, в том числе и очень значительную часть слушателей высших школ. Улучшить настроение можно было бы также и прекращением демонтажа заводов. По мнению Сент-Дьерди, увоз оборудования нескольких венгерских заводов дает Советскому Союзу в материальном отношении сравнительно мало, политически же он приносит большой вред.

2. Он обращает внимание на то, что при проверочной процедуре происходит много злоупотреблений: вытесняют людей с их мест только потому, что другие хотят занимать их посты. Эти явления отталкивают и приводят в пассивность самую ценную часть интеллигенции, которая без этого постепенно приблизилась бы к демократии. Он рекомендует соблюдать особенную осторожность при проверке работников науки.

3. В Трансильвании румынско-венгерское равноправие существует только на бумаге¹. Примером может служить случай с Клужским университетом. На бумаге дело обстоит так, что в Клуже должны были бы существовать два университета: румынский и венгерский. Действительно положение таково, что старый университет² со всем его оборудованием был передан для целей румынского университета. Венгерскому университету передали пустое здание венгерской гимназии, где, например, медицинского факультета при теперешних условиях создать совершенно невозможно. Таким образом – говорит Сент-Дьерди – венгерского университета нет, зато венгерскую гимназию этим способом удалось убить.

4. Он очень плохого мнения об участвующих в правительстве генералах. Он

¹ Северная Трансильвания (включая главный город Трансильвании Клуж) была отдана претендовавшей на нее (исходя из многовековой принадлежности края к землям «венгерской короны») Венгрии 30 августа 1940 г. вследствие второго венского арбитража Германии и Италии. В марте 1945 г. край был передан под управление румынской администрации освободившей его осенью 1944 г. Красной Армией. Вопрос о полном возвращении Румынии Северной Трансильвании был решен Парижским мирным договором 1947 г.

² В г. Клуже (венг.: Коложвар) университет был создан венгерскими властями в условиях австро-венгерского дуализма в 1872 г. В 1920 г., после утраты Венгрией Трансильвании по Трианонскому мирному договору, венгерский университет Клужа был эвакуирован в пределы посттрианонской Венгрии, в Сегед, став основой создаваемого сегедского университета. На его месте румынскими властями был образован университет с румынским языком преподавания. После утраты Румынией Северной Трансильвании в августе 1940 г. в Коложваре новыми венгерскими властями был восстановлен венгерский университет, тогда как румынский был эвакуирован на территорию, контролируемую Румынией (в Сибиу), и продолжал оставаться там до поздней осени 1944 г. Что же касается Сегедского университета, то в 1940 г. он по сути разделился, часть профессуры переехала в Коложвар, составив костяк профессорского состава воссоздаваемого там венгерского университета, другие же профессора во главе с Сент-Дёрди в качестве назначенного ректора остались в Сегеде.

хочет сильного представительного правительства. В то же время он резко высказывается против национальных комитетов, которые, по его мнению, служат только подрыванию мероприятий правительства сзади¹.

5. Политическую полицию рассматривают как аппарат коммунистической партии. В политической полиции слишком много евреев².

6. Большое впечатление произвело на него в Советском Союзе то, что он увидел здесь в области культурного развития, а также и тот тёплый приём, который ему здесь оказали. С другой стороны, он жаловался на бестактность и унижения, которые он перенес со стороны некоторых советских органов /комендатуры города,

представительства/, хотя он «как самый выдающийся ученый Венгрии, всю свою душу преподнес в интересах венгерско-советской дружбы».

Это самое существенное из того, что говорил Сент-Дьерди во время нашей беседы. Он производит впечатление человека с честными намерениями. Его мнение о проверочной процедуре и о Национальных Комитетах показывает, что если не удастся повлиять на него в правильном направлении, то вопреки своим добрым намерениям он может сделаться орудием реакции.

Москва, 18 мая 1945 г. Гай В.³

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 783. Л. 35-36.

¹ Формировавшиеся органы местной власти.

² Органы внутренних дел и особенно политической полиции действительно уже с весны 1945 г. контролировались компартией, а через нее СКК. Во главе политической полиции стоял деятель компартии Г. Петер, еврей по происхождению.

³ Гай Владислав, он же Хай Ласло (1891–1975) – экономист, политэмигрант после поражения Венгерской советской республики 1919 г. Весной 1945 г. был представителем венгерской компартии при отделе международной политики ЦК ВКП (б), который возглавлял Г. Димитров после роспуска в 1943 г. Коминтерна и вплоть до своего отъезда на родину, в Болгарию, в ноябре 1945 г. В том же 1945 г. Хай отбыл в Венгрию.

Документ 5¹

Несколько дней назад мне случилось побеседовать с группой венгерских ученых, прибывших недавно на юбилейную сессию Академии наук СССР. В ходе беседы – Сент-Дерди, Секфю и Шанта более или менее подробно передавали свои впечатления об СССР, увиденных ими успехах. Ученые глубоко поражены мощью СССР, его культурой, наукой, его учреждениями, и больше всего его великодушным и гуманным народом. Все с восторгом говорят о том, что ученые в СССР могут творить чудеса, ибо нигде нет такого глубокого уважения к представителям наук, как в СССР.

Затем они охарактеризовали жизнь в Венгрии. Говорили о мрачном периоде фашистского режима в Венгрии. Говорили о том, с каким восторгом ожидали Красную Армию передовые люди в Венгрии и какие разочарования их постигли. Эти разочарования сводятся, по их мнению, к следующему:

1. Явно неудачный состав венгерского временного правительства. Министр снабжения Фараго² занимается спекуляцией и больше думает о своем обогащении, чем о благополучии венгерского народа. Председатель Совета Министров³ – военный человек, абсолютно аполитичен и не умеет руководить правительством. Он качается между партиями, не имеет никакой линии и ведет страну без руля, без ветрил. Вокруг министра просвещения графа Телеки⁴ группируются фашистские элементы. Министр финансов⁵ – ловкий делец, но не государственный муж. Хорошее впечатление производит министр земледелия Надь (коммунист)⁶.

¹ Адресат записки не указан.

² Г. Фараго – представитель генералитета, беспартийный.

³ Генерал Б. Миклош.

⁴ Геца Телеки, сын графа Пала Телеки, премьер-министра в 1939–1941 г. Беспартийный.

⁵ И. Васари, которого в июле 1945 г. сменил на этом посту другой представитель партии мелких сельских хозяев, И. Олтвани.

⁶ О деятельности министра земледелия Имре Нады по осуществлению антифеодальной аграрной реформы

2. В стране существует две власти. Представителей правительства арестовывает полиция Национального Собрания. Вообще полиция засорена весьма сомнительными элементами. Полицейские занимаются избиением своих личных врагов, без основания объявляя их фашистами. Над каждым гражданином висит дамоклов меч. Никто не знает, когда будет схвачен полицией и какова будет его участь.

3. Демократические партии быстро растут. Этот рост идет, главным образом, за счет тех элементов, которые ищут в них своего рода убежище. В компартию идут главным образом евреи, и все руководство этой партии находится в руках евреев (Ракоши, Ревай, Форкош, Гере и др.). Создается своего рода национальная партия, где гегемония находится в руках еврейской интеллигенции. Венгерский народ косо смотрит на такое явление, а враги народа раздувают это и кричат о том, что повторяется 1919 год⁷, когда все руководство венгерской компартии состояло исключительно из евреев, под руководством Бела Кун. Демократически настроенное мелкое духовенство и крестьянская масса явно сторонница компартии⁸. Злые языки говорят в Венгрии, что компартия – это еврейская фашистская партия. Компартия выросла за несколько месяцев с нескольких сот человек более чем на 150. 000 человек.

Растет и С-Д партия. В ней находят убежище англофилы.

1945 г. см.: Райнер Я. Имре Надь – премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006.

⁷ Речь идет о событиях Венгерской советской республики 1919 г. с ее леворадикальными эксцессами, вызвавшими отторжение немалой части общества, в том числе крестьянства и квалифицированного пролетариата, что привело к утрате коммунистической диктатурой социальной базы.

⁸ Популярности компартии в крестьянской среде способствовала аграрная реформа 1945 г., направленная на ликвидацию крупной помещичьей и церковной земельной собственности.

4. Ученые выражают свое возмущение распоряжением венгерского правительства о назначении так называемых политических комиссаров – контролеров в научные учреждения. Как правило, эти комиссары весьма сомнительные люди с темным прошлым. Так, например, в Дебреценский университет назначен молодой человек, еврей, политическое лицо которого вызывает большие сомнения, а его научная компетенция равна нулю. Этот профан дает распоряжения видным ученым, отменяет их научно-исследовательские планы, вносит явный сумбур и чехарду в научно-исследовательскую жизнь. Так обстоит и в других местах. В Венгрии компартия ссылается на то, что они, мол, следуют русскому примеру. Венгерские ученые, побывавшие теперь в научных учреждениях СССР и нигде не выдавшие ни коммунистов, ни профанов, собираются нашуметь дома и разоблачить клевету на СССР.

Среди венгерской интеллигенции существуют две тенденции: первая сводится к тому, чтобы убедить СССР в том, чтобы он срочно вмешался в эти дела и взял бы в свои собственные руки жизнь венгерского народа, положив тем самым конец хаосу и неразберихе в стране. Большая часть интеллигенции стоит на этой позиции. От венгерской демократической партии или от правительства, по их мнению, ждать нечего. «Только русские, только Сталин может нас правильно организовать», – таков их лозунг.

Вторая, более реакционная группа интеллигенции мечтает о другом: скорее бы Англия выплатила репарационные долги Венгрии – России, прибрала бы в свои

руки Венгрию и перестроила бы всю жизнь по английскому образцу.

Что же касается ученых, побывавших сегодня в СССР, то у них третья тенденция: бросить к черту, принять советское гражданство, переехать в СССР, включиться в научно-творческую жизнь СССР, где открыты неслыханные горизонты и перспективы, работать честно, не покладая рук для народов СССР и, тем самым, для всего прогрессивного человечества.

На мой вопрос о том, как же быть с венгерским патриотизмом, Сент-Дерди ответил: «я считаю СССР единственной родиной наук, Москву считаю мировым центром всего передового человечества, а Сталина считаю величайшим гением всех времен. Разве может быть более вдохновляющее человека счастье, чем работа для блага всего прогрессивного человечества, под руководством такого титана мысли и дела как Сталин».

6. Сент-Дерди добивался приема у тов. Сталина или тов. Молотова, которым хотел было рассказать все что наболело венгерскому народу. Будучи в Венгрии он хотел было получить прием у тов. Ворошилова, но безуспешно. Ему удалось несколько минут говорить с тов. Деканозовым, который внезапно прервал его и сказал, что Венгрия согрешила и пусть она выпутывается из этого дела как хочет, нечего жаловаться.

Г. Пеликан¹ 23.6. 1945

Верно М. Козлов

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 783. Л. 215-218.

¹ Личность не установлена.

A. Шереш

**«СОБЫТИЯ ПЕРЕРОСЛИ В ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ»
НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИЗУЧЕНИЮ БИОГРАФИИ
СОВЕТСКОГО ИСТОРИКА А. Л. СИДОРОВА***

А. Л. Сидоров в Венгрии в 1956 г.

Вниманию российского читателя предлагается уникальный в своем роде документ, сохранившийся в архивных фондах Иностранного отдела¹ Академии Наук СССР и обнаруженный нами в процессе изучения документов по истории советско–венгерских научных связей в 1950–е–1960–е гг., находящихся в Архиве Российской Академии Наук. Речь идет об отчёте Аркадия Лавровича Сидорова (1900–1966 гг.), видного советского историка, директора Института истории АН СССР, о своей научной командировке в Будапешт во второй половине октября 1956 г., адресованном Иностранному отделу АН СССР после возвращения из Венгрии. Этот документ при всей его краткости (всего 1,5 машинописных страницы) можно по праву считать уникальным с двух точек зрения.

Во-первых, в биографиях А. Л. Сидорова совсем не упоминается факт его командировки в Будапешт в 1956 г.², хотя

* Автор выражает благодарность своему коллеге и другу, А. С. Стыкалину, ведущему научному сотруднику Института славяноведения РАН за оказанное им содействие к коррекции текста данной статьи.

¹ Позже Управление внешних связей.

² См., напр.: Воронкова С. В. Аркадий Лаврович Сидоров // *Историки России. Биографии* // Под редакцией А. А. Чернобаева. М., 2001. С. 728–735. Новые сведения биографического характера о А. Л. Сидорове приводятся в работах В. В. Тихонова. См., в частности: Тихонов В. В. Борьба за власть в советской исторической науке. А. Л. Сидоров и И. И. Минц (1949 г.). // *Вестник Липецкого государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2011. № 2. С. 76–80; Он же. Первые после Сталина. Историки и выборы в Академию Наук СССР в 1953 г. // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. Выпуск 2. (33). 2016. С. 108–113. См. также: Осадченко Б. А. Формирование школы А.Л. Сидорова в изучении социально-экономической истории России конца XIX – начала XX веков // *Мир историка. XX век*. М., 2002. С. 200–218.

его можно считать тем более заслуживающим внимания, что его пребывание в венгерской столице совпало по времени глубочайшим внутривосточным кризисом в стране и кровавыми событиями на улицах города. Очевидно, этот «пробел» в его биографии объясняется тем, что публикуемый нами в рамках настоящей статьи документ, по всей вероятности, не сохранился в личном деле А. Л. Сидорова, и поэтому исследователи не могли обратиться на него внимание.

Во-вторых, его отчёт относится к числу тех весьма малочисленных и редких документов, которые свидетельствуют о том, как «обыкновенные» граждане СССР пережили события осени 1956 г. в Венгрии, оказавшись волею случая их непосредственными свидетелями. Конечно, с одной стороны, личность самого Сидорова не совсем укладывается под определение «обыкновенный», ведь он в то время был должностным лицом, директором академического института истории и заведующим кафедрой истории СССР периода капитализма в МГУ (занимал эти должности с 1953 г. по 1959 г.). Благодаря своему статусу в исторической науке он имел возможность воздействовать на идеологическую линию советской историографии и, таким образом, пусть и опосредованно влиять на массовое историческое сознание граждан СССР. Хотя он так и не был избран в Академию наук, его можно было бы, без преувеличения, назвать одним из главных функционеров тех лет в области исторической науки. Однако, с другой стороны, его объективная роль в тех исторических событиях, по сути, ничем не отличалась от роли обыкновенного и не обремененного никаким официальным

статусом свидетеля, ведь, находясь в Будапеште в дни революции, он не выполнял какой-либо ответственной миссии, не был ни дипломатом, ни командированным в венгерскую столицу с особым заданием высокопоставленным партаппаратчиком, ни военнослужащим командного состава Советской Армии (вмешавшейся в ход событий), ни сотрудником советских спецслужб. Он был не более чем командированным в Венгрию на несколько дней научным работником, вместе с тем неожиданно и не по своей воле оказавшимся в самой гуще исторических событий.

В связи с «приключениями» А. Л. Сидорова в Будапеште сразу встает вопрос, кем и при каких обстоятельствах он был приглашен в Венгрию. Документы, найденные нами в Архиве Венгерской Академии Наук (ВАН), позволяют реконструировать процесс подготовки его поездки в «братскую страну». Исходной точкой можно считать протокол заседания Комитета историков ВАН от 13-го февраля 1956 г. В нем участвовали среди прочих Жигмонд Пал Пах, заместитель директора Института истории ВАН, посетивший СССР за год до этого в рамках научной командировки, и историк новой генерации Золтан И. Тот, получивший потом смертельное ранение в перестрелке в Будапеште в октябре 1956 г. Отдельный пункт в протоколах заседания был посвящен вопросам международных связей венгерской исторической науки. Связи с советской исторической наукой продолжали считаться приоритетными, при этом отмечалось, что никто из ведущих историков СССР уже давно не приезжал в Венгрию в рамках межакадемического обмена, хотя хороший прием на венгерской земле высокопоставленного или влиятельного посланца из «страны Советов» был бы необходим для дальнейшего удовлетворительного развития отношений между венгерскими и советскими историками¹. Насколько мы можем судить по документам, сохранившимся в архивах ВАН и РАН, действительно, последней поездкой ведущего советского историка, организо-

ванной по линии сотрудничества двух академий, явилось посещение Венгрии академиком Б. Д. Грековым осенью 1948 г.² Кроме этого, делегация советских историков, включая самого Е. В. Тарле, участвовала в съезде венгерских историков в 1953 г.³ В результате обсуждения было решено обратиться в Президиум ВАН с тем, чтобы в официальном порядке была проявлена инициатива о приглашении одного из советских историков посетить Венгрию еще в течение 1956 г. Назывались и конкретные имена, причем в списке кандидатур фигурировали не только авторитетные историки старшей генерации А. Л. Сидоров (ему как директору Института истории отдавалось, конечно же, предпочтение) и Р. А. Авербух (1981–1978 г.), но и весьма молодые в то время В. Л. Израелян (1919–2005 г.), в будущем видный советский дипломат, и совсем молодой Т. М. Исламов (1927–2004 г.), впоследствии ведущий советский историк-унгарист. Очевидно, Президиум ВАН разделял точку зрения членов Комитета историков ВАН в вопросе о целесообразности приглашения ведущего советского историка. Об этом свидетельствует другой документ, отчет о пребывании венгерской академической делегации в СССР с 7 июня по 5 июля того же года. Судя по своему составу, это была делегация на высшем уровне, ее возглавлял сам президент ВАН Иштван Русняк, в состав делегации входили генеральный секретарь Академии Тибор Эрдеи-Груз, вице-президент ВАН по обществен-

² Отчет о переговорах Б. Д. Грекова с венгерскими историками в Будапеште с 6 по 18 ноября 1948 г. тоже можно обнаружить в Архиве РАН. См.: АРАН. Ф. 529. Оп. 2. Д. 76. Л. 1-9.

³ Об участии делегации советских историков на Первом конгрессе венгерских историков в 1953 г. см.: Аттила Шереш. Неизвестная рукопись Е. В. Тарле о внешней политике Ференца II Ракоци и советская делегация на I Конгрессе венгерских историков 1953 г. // Освободительная Война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I. Отв. ред.: О. В. Хаванова – А. Шереш. Санкт-Петербург, Архивный институт Венгрии в Москве – Институт славяноведения РАН – Нестор-история, 2013. С. 249–269. Тут надо отметить, что с венгерской стороны именно вышеназванный Пах Жигмонд Пал побывал в СССР в 1955 г. в рамках двухмесячной командировки. Его отчет был опубликован. См.: Pach Zsigmond Pál. Tanulmányúton a Szovjetunióban. // Századok. 1955. 2. sz. S. 241–261. old.

¹ Протокол см.: MTAL. Filozófiai és Történettudományok Osztálya, 223. dob., 3. sz. dosszié, 15223/1956. II. O. sz.

ным наукам Бела Фогараши, руководитель Отделения историко-философских наук Имре Сабо и др. высокопоставленные академические функционеры. В отчете на более чем 70 печатных страницах подробно описан ход поездки, находят отражение как содержание переговоров с членами Президиума АН СССР, так и некоторые детали встреч в академических институтах (члены делегации побывали в более чем 10). Состоялась тогда и встреча с А. Л. Сидоровым. Правда, документ не содержит точной датировки конкретных встреч с директорами институтов АН СССР.

Как бы то ни было, из него явствует, что А. Л. Сидоров был приглашен приехать в Венгрию лично президентом ВАН И. Русняком, более того, ему было вручено официальное приглашение Президиума ВАН. Отказаться в этих условиях от поездки было бы нетактичным и вообще едва ли возможным. Согласно отчету, стороны уже предварительно договорились о том, что поездка состоится ближайшей осенью¹.

Говоря об отчёте А. Л. Сидорова, следует обратить внимание на ошибку в одной из датировок. В нем отмечается, в частности, что ВАН устроила приём в его честь «22-го октября, во вторник вечером»². Однако вторник пришелся не на 22-е, а на 23-е октября, именно на тот день, когда в Будапеште начались массовые демонстрации, переросшие к позднему вечеру в вооруженное восстание. Именно вечером 23 октября и состоялся прием, по окончании которого Сидоров при помощи венгерских коллег еле добрался до гостиницы на острове Маргит – город уже был охвачен массовыми манифестациями. В связи с намеченной программой пребывания Сидорова в Будапеште небезынтересно отметить, что газеты «Мадьяр Немзет» и «Непсава» в своих номерах, еще успевших выйти утром 24 октября, т.е. сразу после начала событий, сообщили о предполагаемом докладе советского исто-

рика 25 октября в 16.00 в здании Института истории ВАН. Заявленная тема выступления: «Положение советской исторической науки после XX съезда КПСС»³. Из отчета однозначно явствует, что выступление не состоялось, да и не могло состояться, так как, начиная с вечера 23-го октября, А. Л. Сидоровна несколько дней «застрял» в своей гостинице в ожидании какого-то выхода из неудобной ситуации и потерял контакт со своими венгерскими коллегами.

Как видно из контекста публикуемого нами документа, А. Л. Сидоров, хотя и не совсем был в курсе венгерских реалий, всё же осознавал напряженность положения в стране и до того, как к вечеру 23 октября разгорелись столь драматические события. Как следует из отчета, он «чувствовал, что весь город возбужден». По всей вероятности, имелась в виду среди прочего и напряженность в настроениях академических кругов Венгрии⁴. 19-го октября в Парадном зале центрального здания ВАН было созвано внеочередное заседание партийного актива сотрудников Академии наук, на котором присутствовали академики, директора институтов, партийные и профсоюзные секретари ВАН и т.д. На заседании председательствовал уже упомянутый генеральный секретарь академии Т. Эрдеи-Груз. Это заседание проходило бурно и напряженно, все выступившие там академики, директора и научные сотрудники пришли к уже и ранее многократно звучавшему выводу о том, что нужно «деполитизировать» деятельность Академии наук, прекратить идеологический нажим на Академию и вообще надо содействовать тому, чтобы научные исследования освобождались от идеологического контроля. В связи с возникшим в академических кругах недовольством отдельные выступавшие возложили ответ-

¹ См.: Отчёт о пребывании венгерской академической делегации в СССР с 7-го июня по 5-е июля 1956 г. Будапешт, до 16-го августа 1956 г. МТАЛ, Elnökségi Titkárság TÜK-iratok, 36. dob., 8. tétel, 40935/1956. sz.

² См. приложение к данной статье.

³ Szovjet tudós előadása. Magyar Nemzet. 1956. október 24. 8. old. A. L. Szidorov, a Szovjetunió Tudományos Akadémiája Történeti Intézete igazgatója október 25-én 16:00-kor előadást tart az MTA Történettudományi Intézetében (V. Belgrád rakpart 5.) „A szovjet történetírás helyzete a XX. kongresszus után” címmel. Népszava. 1956. október 24. 4. old.

⁴ Обистории ВАН в октябре-ноябре 1956 г. подробно см.: Póto János. 1956 az Akadémián // Történelmi Szemle. 2006. 1–2. sz., S.53-90. old.

ственность на главного идеологического функционера в области науки историка Эржебет Андич, заведующую Отделом науки ЦК Венгерской партии трудящихся (ВПТ). Хотя на заседании тогда никто открыто не требовал ее отставки, присутствовавшие могли прийти к однозначному выводу о том, что для осуществления желаемых изменений необходимо сделать и выводы персонального характера¹. Присутствовавший на заседании в Академии корреспондент газеты «Сабад Нэп», т.е. главного печатного ежедневного органа ВПТ, на следующий день, на первой странице номера от 20 октября делился с читателями своими впечатлениями о том, что сотрудники академических институтов уже годами не говорили настолько открыто и эмоционально о своих проблемах, как на этом заседании². Можно предполагать, что и до Сидорова по разным каналам могли прийти известия о происходившем в стенах Академии мероприятия.

Следует также обратить внимание на конкретные обстоятельства эвакуации А. Л. Сидорова вместе с группой командированных из Москвы лиц – членов делегации Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР в ночь на 30-е октября. Этот малочисленный эшелон советских граждан был эвакуирован из столицы Венгрии на расположенный поблизости от Будапешта военный аэродром под охраной танков и бронетранспортеров. По всей вероятности, для обеспечения безопасности группы, сами ее члены были размещены в бронированных машинах. На первый взгляд может показаться трагикомичным, как в то время уже не молодой, уважаемый профессор из СССР убегает из венгерской столицы под охраной конвоя бронированных военных машин и танков. Однако его скупой, но не лишенный внутренней эмоциональности отчет свидетельствует о вполне серьезных опасениях за свою жизнь – при том,

что речь идет о 56-летнем человеке, очень много видевшем и испытывавшем на своем веку: за его плечами был реальный опыт участия во Второй мировой войне, на одном из фронтов которой А. Л. Сидоров, в свою бытность офицером-политработником Красной Армии, получил тяжелое ранение. После ранения и демобилизации, переведенный в резерв ГПУ РККА, он работал в Комиссии по истории Великой Отечественной Войны, созданной при Президиуме АН СССР. В этом качестве, для сбора материала, он опять не раз выезжал на фронт. После 23 октября и вплоть до момента отъезда из Венгрии А. Л. Сидоров уже не покидал своей гостиницы.

А. Л. Сидоров в своем отчете упоминает еще о двух делегациях из СССР, которые «застряли» в Венгрии в конце октября 1956 г.: кроме вышеупомянутой делегации Главного управления трудовых резервов это была группа командированных сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства им. Н. И. Вавилова, также состоявшая из 4-х человек. По-видимому, профессор ничего не знал о «вынужденных каникулах» в Будапеште в те же самые дни многочисленной, состоявшей из 60-ти человек группы советских туристов. О судьбе ее дает представление другая, обнаруженный нами в фондах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), документ. Речь идет об адресованном своему начальству, правлению ВАО «Интурист», отчете сотрудника «Интуриста» Е. А. Лебедева, сопровождавшего группу советских туристов, находившуюся в Венгрии с 19-го октября по 1-е ноября 1956 г.³.

В связи с этим ещё ждёт ответа и вопрос, почему лица с советским гражданством не были сразу эвакуированы из Будапешта. Ведь по воспоминаниям Сидорова, его и членов другой, состоявшей из четырех человек советской делегации только утром 30 октября перевезли по воздуху с военно-воздушной базы в Тёкеле на военный аэродром во Львове. Что же ка-

¹ См. напр.: Az akadémiai intézetek dolgozói megvitatták az értelmiségi határozattal kapcsolatos teendőket. Magyar Nemzet. 1956. október 20. 2. old.

² Széles vita az akadémia demokratizálásáról. Szabad Nép. 1956. október 20. 1. old.

³ Отчет Е. А. Лебедева Правлению ВАО «Интурист». Москва, 13 ноября 1956 г. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 470. Л. 278-281.

сается советских туристов, то они вместе с членами семей сотрудников советских представительств и другими постоянно находившимися в Венгрии советскими гражданами, т.е. с куда большей по численности группой лиц, только два дня спустя, 1 ноября, были отправлены по воде рейсовым теплоходом в Братиславу, а оттуда по железной дороге в пограничный советский город Чоп. Как свидетельствует отчет руководителя группы «Интуриста», консульские органы СССР были, конечно же, в курсе пребывания большой группы советских туристов в Будапеште, однако план мероприятий по эвакуации нескольких десятков «застрявших» в Венгрии советских граждан не был выработан, все действия носили импровизационный и случайный характер. Когда пять растерянных советских граждан, Сидоров и четыре его товарища, неожиданно явились в посольство 30 октября, о судьбе их надо было позаботиться и при отсутствии заранее продуманного плана не оставалось ничего другого, кроме отправки их в Тёкель на бронированном военном транспорте. Куда труднее было обеспечить безопасное перемещение по воздуху контингента численностью больше 60 человек: возможно, в распоряжении посольства просто не было необходимых для этого технических средств. Обращает на себя внимание, как решили проблему с доставкой советских туристов к месту сбора, на не названную более точно будапештскую пристань: их разбили на группы по 2–3 человека, которым пришлось безо всякого вооруженного сопровождения и карт самим, стараясь не обращать на себя внимания, найти дорогу к назначенному месту в совершенно не знакомом им большом городе, в стране, языка которой они не знали. Это явно указывает на то, что посольство не хотело или попросту не могло взять на себя обязанность по координации безопасной переправки домой советских граждан.

Наконец, следует обратить внимание и еще на одно обстоятельство. В момент написания своего отчета 3 ноября Сидоров еще не мог предвидеть, каким будет исход

событий, хотя Президиум ЦК КПСС к тому времени уже принял решение о военных действиях, направленных на подавление венгерской революции¹. Хотя директор Института истории АН СССР тоже считал, что события приняли антисоветский характер, всё-таки предпочитал упоминать о них, ограничиваясь нейтральным словосочетанием «вооруженное восстание», которое может обладать как положительной, так и отрицательной коннотацией. Но, ни о какой «контрреволюции» в его отчете речь не заходила.

Приложение

Отчёт А. Л. Сидорова, директора Института истории АН СССР о его пребывании в Венгрии с 15-го по 30-е октября 1956 г. Москва, 3 ноября 1956 г.

15/ХІ. 56². В ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ
ПРЕЗИДИУМА АН СССР

По приглашению Венгерской Академии наук я прибыл 15-го октября в Будапешт и пробыл там до 30-го октября. До начала событий, которые в ночь с 22-го на 23 октября переросли в вооруженное восстание и приобрели резко и открыто антисоветский характер, я успел ознакомиться с некоторыми научными учреждениями. Однако я чувствовал, что весь город возбужден, и хотел выехать оттуда побыстрее – через 7–10 дней, но моя попытка не увенчалась успехом. После разговоров было решено, что я уеду в субботу, 27-го, т.е. досрочно.

Академия устроила приём по случаю моего приезда вечером 22-го, во вторник. На нем был ряд работников исторической науки и научных учреждений, вице-президент Венгерской АН³,

¹ Döntés a Kremlben 1956. A szovjet pártelnökség vitái Magyarországról. Szerk.: Vjacseszlav Szereda – Rainer M. János. Budapest, 1956-os Intézet, 1996. S.148–154.

² Пометка красной ручкой наверху с левой стороны страницы.

³ В Венгерской Академии Наук в то время (как и сейчас) было три вице-президента: физик Пал Гомбаш (1909–1971), ориенталист и тюрколог Лайош Лигети (1902–1987) и философ Бела Фогараш (1891–1959). Последний, вне всякого сомнения, мог присутствовать на приеме в честь Сидорова, ведь он не только обладал серьезным влиянием на научную политику, но и входил в отделение ВАН, к которому относились исторические науки. Кроме того, он долгое время (до 1945 г.) работал в СССР (в институте мирового хозяйства и мировой политики АН), имел там большие связи, а летом 1956 г. в составе венгерской академической делегации посетил Советский Союз.

непременный секретарь¹ и академик-секретарь отделения общественных наук И. Сабо². Приём проходил в обстановке общих демонстраций по городу, направляющихся мимо академии к помещению парламента. Я уже еле добрался из Академии при содействии директора Института истории партии т. Рети³ до отеля на острове Маргит⁴, и с тех пор никого из венгерских историков не видел и живой связи с ними не имел.

Венгерские события, в дальнейшем, разворачивались у меня на глазах. В отеле я встретился с советской делегацией во главе с начальником Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР Г. О. Зеленко⁵ и провели время вместе до 29-го, когда при содействии венгерского коммуниста Печэ⁶ удалось добраться до посольства, а оттуда перебрались в военную комендатуру города ночью на 30-е октября.

Под охраной танков и бронетранспортеров комендатура утром 30-го перебросила нас на военный аэродром, километров 30 от города⁷. Военное командование предоставило нам военный самолёт и днем 30-го октября доставило нас во Львов, на военный аэродром. Командование оказало нам содействие и доставило в город.

Из Львова, поездом, вместе с Зеленко, я прибыл в Москву. Так как проездной билет мой остался в Венгерской Академии наук, то деньги на проезд и билет был куплен⁸ тов. Зеленко, взявшим в Областном управлении трудовых резервов аванс для меня.

К сожалению, должен отметить, что со стороны посольства не было ничего сделано, чтобы поинтересоваться нашей судьбой во время недельного сидения на острове, в отеле Маргит. Мне известно, что в провинции где-то застряла делегация из 4-х человек из Института растениеводства⁹ (Ленинград. Директор академик Жуковский) во главе с проф. Сизовым¹⁰. О судьбе её ничего не могу сказать.

3. XI. 1956 г. А. Сидоров¹¹

Проф. А. Сидоров

Директор

Института истории Академии наук СССР

*Тов. Толстукиной М.Т. В дело тов. Сидорова. Рахманинов 10. XI. 56 г.*¹²

*Вх. № 4087*¹³

Машинописный оригинал. АРАН. Ф. 579.

Оп. 2. Д. 76. Л. 34–34 об.

¹ Тибор Эрдеи-Груз (1902–1976) – химик, лауреат государственной премии Кошута, профессор. В 1950–1953 гг., а затем с 1956 по 1957 гг. первый секретарь ВАН, в тот же период в 1952–1953 гг. министр высшего образования, затем с июля 1953 г. по июль 1956 г. министр просвещения сначала в первом правительстве Имре Надя, потом в правительстве Андраша Хегедюша.

² Имре Сабо (1912–1991) – правовед, доктор юридических наук, действительный член ВАН. В 1955 по 1981 гг. директор Института государства и права Венгерской Академии Наук, с 1955 по 1960 гг. также секретарь Второго отделения (общественно-исторических наук) ВАН.

³ Ласло Рети (1908–1992) – историк коммунизма, генеральный директор и основатель Института рабочего движения, созданного в 1948 г. (возглавлял его до 1975 г.) В 1970–1975 гг. директор Нового венгерского центрального архива.

⁴ Речь идет о гостинице «Надьсалло» на острове Маргит; ныне «Гранд-отель Данубиус».

⁵ Sic! Правильно: Зеленко, Генрих Иосифович (1905–1972), в 1954–1959 гг. начальник Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР.

⁶ Личность установить не удалось.

⁷ Советская военно-воздушная база в Тёкэле, в 28,5 км к югу от Будапешта.

⁸ Так в тексте.

⁹ На основании репортажей венгерской прессы можно установить, что делегация, состоявшая из четырех человек, прибыла в Будапешт из Болгарии 16 октября, по первоначальному плану предполагалось провести в Венгрии несколько недель. Подробнее об этом см. в заметке «Советские специалисты по сельскому хозяйству прибыли в Венгрию» в газете «Мадьяр Немзет» (Szovjet mezőgazdasági szakemberek érkeztek Magyarországra. Magyar Nemzet. 1956. október 17. 4. old.).

¹⁰ Сизов Иван Александрович (1900–1968) – доктор сельскохозяйственных наук (1952), профессор (1952), член-корреспондент ВАСХНИЛ (1956), видный ученый в области растениеводства, крупный специалист по культуре льна. С 1946 г. по 1961 г. заместитель директора, с 1961 г. по 1965 г. директор Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства им. Н. И. Вавилова.

¹¹ Автограф А. Л. Сидорова.

¹² Помета синей ручкой внизу, на левом поле листа.

¹³ Помета синей ручкой внизу, на правом поле листа.

Раздел VI РЕЦЕНЗИИ

Д. Бебеши, А. Колонтари

ДВОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ БУДАПЕШТСКОЙ ШКОЛЫ «РУСИСТИКИ»

A mi Ruszisztikánk. Tanulmányok a 20/25. évfordulóra. Szerk.: Szvák Gyula. Ruszisztikai könyvek. Russica Pannonicana 2015. 415 o. [Наша русистика. Научные сообщения в честь 20/25 летие. Под ред. Дьюла Свака. Книги по русистике XL. Будапешт, Руссика Панноникана, 2015. с. 415]

Годовщины и юбилеи дают возможность человеку приостановиться и подвести итоги своей деятельности. В подобных случаях мы обычно сравниваем наши изначальные намерения, целевые установки с теми результатами, которых мы добились, и составляем планы на будущее. Это подведение итогов сделал в своей большой обзорной статье в юбилейном сборнике «Наша русистика» профессор Дьюла Свак, выдающийся учёный и основатель ведущий школы венгерской русистики, по поводу 20-летия Центра русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша. Справедливости ради необходимо отметить, что его предшественник, Институт русистики, был создан на пять лет раньше, так что в 2015 г. они могли отметить уже свое двадцатипятилетие.

Автор отмечает, что исследование «русской темы» никогда не являлось легким делом в Венгрии. У этого были научно-исторические и политические причины. Когда с 1940 г. исследование всемирной истории заняло достойное место в венгерской историографии, историки сосредоточили основное внимание на изучении истории западноевропейских государств, применяя главным образом сопоставительную и сравнительную методологию.

Только после Второй мировой войны в следствие известных геополитических изменений начали заниматься историей России и Советского Союза. В центре внимания историографии долгое время стояла история двухсторонних отношений, в Венгрии основательная, синтезирующая монография по истории России не выходила вплоть до смены системы, также не было отдельного научного центра в стране для изучения истории России.

Так что основание Института русистики (в дальнейшем Центр русистики) явилось своего рода переломным пунктом, несмотря на то, что политическая атмосфера была не особенно благоприятна. Главная задача Центра заключалась в создании интеллектуальной и институциональной инфраструктуры, в воспитании нового поколения русистов, а также в обеспечении им публикационных возможностей. Среди последних необходимо упомянуть серии «Книги по русистике», «Советские», а затем «Постсоветские тетради».

В научном плане вместо прежней идеологической предопределённости требовались новые подходы, методы. Сотрудники Центра старались опираться на лучшие традиции российской историографии, а также на критический анализ исторических источников. Как профессор Д. Свак справедливо отмечает, российская историография и после смены системы жила в мире нарратив, только ориентиры и ценности менялись. В венгерской же историографии хотя и доминировал критический анализ источников, основное внимание уделялось политической истории и исто-

рии государства. Сотрудники Центра русистики, не отказываясь от макро-истории и больших нарратив, в своих публикациях на первое место ставили историографический анализ источниковой базы. В этой области необходимо отметить переиздание на венгерском языке источников истории России. Существенным результатом деятельности Центра русистики явились написание и издание первого в Венгрии большого синтеза «История России», книги по истории Дома Романовых, организация конференции и издание сборника, посвященного тематике ГУЛАГ.

Центр русистики за время своего существования претерпел несколько структурных изменений. На базе Будапештского университета и Венгерской академии наук была создана отдельная исследовательская группа по русистике, что дало возможность лучше и более эффективно использовать материальные ресурсы. Центр был органично интегрирован в университетские структуры, о чем свидетельствует открытие магистратуры по русистике с 2010 г., дающей дипломы «эксперт по России». А с 2013 г. студенты могут поступать в совместную с российскими вузами магистратуру. С 2010 г. в рамках докторской школы по истории университета была создана отдельная докторская программа по русистике.

Центр русистики имеет и широкие международные связи, разветвленную партнерскую сеть, активно участвует в различных международных проектах. Важнейшими элементами этой активности являются: организация конференций, редакторская деятельность в международных журналах по русистике, составление совместных изданий, архивные, базовые исследования и т.д. Таким образом, за 25 лет своей деятельности Центр неслучайно завоевал значительную международную репутацию. Директор Центра, проф. Д. Свак, является председателем Совместной комиссии российских и венгерских историков ВАН и РАН с венгерской стороны.

Центр также работает в тесном сотрудничестве с исследовательскими коллективами других венгерских вузов, которые за-

нимаются русистикой либо отдельно, либо в рамках истории стран Восточной Европы и Балкан.

В своей вводной статье Д. Свак коротко представляет своих бывших и настоящих сотрудников, их сферу деятельности. В первую очередь он упоминает Тамаша Крауса, который в отличие от занимающегося медиавистикой Д. Свака, всегда интересовался историей советского периода. В 1990-е годы в центре его научного интереса стояли исторические предпосылки сталинского поворота в советской истории. Его книга «*Советский термидор*» пользовалась большим успехом в научной жизни, она была издана даже в Японии. В 2000-е годы он начал заниматься ленинским наследием и его реинтерпретацией. Вместе с Д. Сваком они изучают причины упадка венгерского и восточноевропейского футбола в контексте смены политических режимов. В последние годы занимается военными преступлениями венгерских оккупационных войск на территории СССР.

В рецензируемом нами сборнике по этой же теме публиковался вместе с его постоянным соавтором Евой Марией Варгой. Их статья была написана на основе документальной базы из Центрального архива ФСБ, документы представляют собой материал т.н. генеральских процессов 1947 г., т.е. привлечения советскими органами к судебной ответственности венгерских генералов. Весь процесс шел в сотрудничестве с венгерскими властями, но как отмечают авторы, до сих пор неизвестно, какими именно методами советские органы вели расследование против военных преступников. После смены системы и распада СССР на основе закона о реабилитации жертв политических репрессий все дела были пересмотрены, и в 21 случаях Главная военная прокуратура находила приговор обоснованным и оставляла его в силе. Авторы обращают внимание на то, что в военных преступлениях тесно переплетались две плоскости, карательные акции в рамках антипартизанских операций и бесчинства (грабежи, насилие, убийства), последние часто старались оправдывать и покрывать первой.

Авторы также подчеркивают необходимость изучения военных преступлений, совершенных солдатами Красной армии на территории Венгрии. Свою деятельность они рассматривают в контексте этой комплексной задачи.

Редактор сборника находится в нелегком положении при представлении своей собственной деятельности. Д. Свак со сдержанной объективностью говорит о различных этапах своей научной карьеры. В центре его научного интереса стояли поиск ответа на «большие вопросы» истории российской общественной мысли и специфический характер русского исторического развития. Результаты своих историографических и методологических исследований он синтезировал в монографии *«Место России в Евразии»*. Главным достижением своей деятельности он считает подключение новых подходов и тем в сферу исследования помимо традиционных нарративов. Свою методологию он называет микроисториографией. В своих публикациях он помимо прочего изучает историографию «русского феодализма», изменения образа России во внешнем мире и т.д. Его деятельность высоко оценивается, как и на Востоке, так и на Западе. Доказательством этому служит тот факт, что его книга *«Русская парадигма. Русофобские заметки русофила»* была издана в России, а издание Оксфорд Университи Пресс попросило его написать главу о российской историографии XIX века. Публикации Д. Свака в значительной степени обогатили наши знания в области истории российского общества и менталитета. Он также известен в стране как редактор множества изданий, обеспечивший и обеспечивающий возможность публикации для своих коллег, в том числе и для молодых историков-русистов.

Шандор Сили в обстоятельной монографии представил венгерским читателям разные концепции российских и советских историков по вопросу завоевывания Сибири и ее присоединения к Российской империи. Вторая отрасль его исследований – история Киевской Руси, в области

которой он добился серьезных результатов, открыл ранее неизвестные детали в русско-венгерских отношениях того времени. Перевел на венгерский язык и снабдил комментариями важнейшие источники истории русского средневековья. Составленный им сборник документов *«Норманнский вопрос в русской истории»* является образцовым изданием в области критически-компаративного источниковедения. Книги выдающегося российского историка Руслана Скринникова доступны венгерским читателям в переводе Шандора Сили.

В сборнике «Наша русистика» Ш. Сили опубликовал статью *«К вопросу употребления слова «каган» в титулах Киевских князей в XI в.»*. «В исторической литературе» – пишет Ш. Сили – «существует четыре точки зрения по этому поводу». Проанализировав лингвистические, этимологические и исторические аргументы, греческие и латинские источники помимо древнерусских, он приходит к выводу, что князья Владимир и Ярослав оттеснили на задний план других членов династии Рюриковичей и правили Киевской Русью самостоятельно, единовластно, а употребление среди своих титулов слова «каган» было призвано подчеркивать их превосходство над остальными восточнославянскими князьями.

Сергей Филиппов также является основателем и с самого начала членом Центра русистики. Сфера его научного интереса охватывает историю Русской церкви, историю русской культуры и мышления в XIX в. Он внес значительный вклад в венгерскую историографию, переведя и издав источники истории России XIX в. Среди множества изданий мы можем здесь упомянуть сборник *«Меламорфозы русской идеи. Русский консерватизм, либерализм и радикализм»*, который является незаменимым учебным пособием во многих вузах, где занимаются историей России. С. Филиппов также является постоянным лектором и переводчиком русскоязычных изданий Центра русистики.

В рецензируемой нами юбилейном сборнике, он опубликовал статью *«Убий-*

цы с мягким сердцем. Политический террор в России в последней трети XIX в.», что даже своим заглавием обращает на себя внимание читателей. Автор изучает идеологию первой современной террористической организации «Народная воля», главным образом моменты самооправдания, аргументы в пользу применения насилия. В ходе краткого обзора истории народничества он затрагивает вопросы радикализации движения, террора, краха хождения в народ, феномен Нечаева. Подробно останавливается на процессе Веры Засулич, где ее поступок трактуется в рамках «мести», «революционного правосудия» и «вынужденной самозащиты». «Анархисты» – отмечает автор – «считали, что уже сам тот факт, что они ведут борьбу против власти за освобождение народа, дает им моральное оправдание за кровавые акции, но со временем террор вышел из-под контроля его исполнителей, стал «самоходным средством» и оказался «контрапродуктивным». Убийство царя-реформатора (после целого ряда неудачных попыток) не поднимало народ на восстание против власти и не побудило власть пойти на уступки. Новый император отказался даже от прежних реформ и совершил консервативный поворот.

Среди основателей Центра русистики мы также находим Золтана С. Биро. Он занимается историей русского либерализма в последней трети XIX в. – первых двух десятилетиях XX в. Вторая отрасль его научных исследований – история позднего советского, постсоветского периодов вплоть до наших дней. Этой теме помимо множества статей и сообщений он посвятил две свои монографии: «Возвращение России» и «Россия: годы кризиса». Он также известен как эксперт по современной России, публикуется в изданиях по внешней политике, безопасности, выступает в СМИ по актуальным вопросам российской политики, за его анализом ситуации всегда стоят глубокие знания (в том числе и знание исторического фона событий) и широкий кругозор.

Его статья в юбилейном сборнике свидетельствует о том, что, несмотря на

переход на политологию, его интерес к историческим проблемам по-прежнему оставался. Статья опубликована под заглавием «Россия во второй половине XIX в. Структура и важнейшие элементы политической системы» и является частью готовящейся большой монографии, в центре которой стоит изучение проблемы конституционных реформ в России в XIX в. Россия в отличие от многих европейских стран в начале XX в. все еще была самодержавным государством. В первой половине статьи С. Биро перечисляет prerogatives императора, которые определяли характер и свойства царской власти. Особое внимание он уделяет употреблению и толкованию терминов «самодержавие» и «неограниченность». В этом отношении он цитирует известные мысли Д. Мережковского о том, что православный самодержец именно из-за миропомазанного характера власти не может так легко отказаться от полноты власти и стать конституционным монархом, как это случилось в Западной Европе. До Петра I рамки царской власти были определены обычным правом и только с 1716 г. стали кодифицированы prerogatives монарха в письменном виде. Хотя в юридическом смысле полноправная и суверенная власть императоров до начала XX в. ничем не была ограничена, но все же за 200 лет на высшем уровне управления государством произошли существенные изменения. Во время царствования Николая I начались унификация законодательства и собрание всех прежних законов в единую систему. В результате этого процесса в 1830 г. вышло в свет «*Полное собрание законов Российской империи*». В ходе этих изменений были созданы подчиненные императору верховные, центральные учреждения для управления империей: Государственный совет, Комитет министров и Совет министров, Собственная Его Императорского Величества канцелярия и ее департаменты. Автор подробно анализирует обстоятельства их учреждения, их компетенции и приходит к, безусловно заслуживающему внимания выводу, что «...с начала XVIII в.

в России постепенно стали разделяться друг от друга законодательная, исполнительная и судебная ветви власти... что в принципе могло бы служить основой для действительного разделения власти...».

До своей тяжелой болезни и ухода на пенсию с Центром русистики был тесно связан Ласло В. Молнар. Его деятельность охватывает российско-венгерские культурные связи XVIII–XIX вв. (его монография и по сей день является основным трудом по этой теме), но среди его любимых тем мы также находим и период царствования Екатерины II. Его исследования опираются на широкую базу архивных документов, он очень образно описывает портрет исторических личностей.

В сборнике *«Наша русистика»* опубликована его статья: *«Ученый из Венгерского королевства на службе у двух императоров. Михай Балудьянский 1769–1847 гг.»*. «Имя Михая Балудьянского» – подчеркивает автор – «в наши дни очень малоизвестно, как и венгерским, так и российским читателям, хотя в свое время у него были немалые заслуги в попытках реформ Александра I и Николая I, направленных на модернизацию империи». Он окончил Юридический факультет Венского университета, потом преподавал в Надьварадском университете, был связан с организацией «венгерских якобинцев». В 1803 г. по приглашению Яноша Орлаи, личного врача императора Александра I, он поехал в Санкт-Петербург. В России он сделал большую карьеру, играл важную роль в университетской и юридической жизни. Стал преподавателем Петербургского института, совместно с М. Сперанским он принимал участие в разработке концепций реформ, и в отличие от его соавтора он предлагал учреждение двухпалатного парламента. Его заслуги и способности императорским двором были признаны и тем, что ему поручили читать лекции по истории и праву великим князьям Николаю и Михаилу. Вместе с С. С. Уваровым М. Балудьянский разработал устав Санкт-Петербургского педагогического института. Он стал первым деканом, потом после его преобразования в университет ректо-

ром данного учреждения. После консервативного поворота А. Аракчеева М. Балудьянский временно был отстранен от преподавания, но продолжил свою работу в законодательной, юридической сфере, в том числе у министра финансов Д. Гурьева над проектом решения крестьянского вопроса и над вышеупомянутым составлением *«Полного собрания законов Российской империи»*. За свою деятельность М. Балудьянский был награжден несколькими орденами Российской империи. В 1807 г. он получил бриллиантовое кольцо Александра I, в 1811 г. он стал кавалером ордена Святого Владимира 4-й степени (тем самым получил наследственный дворянский титул), в 1833 г. получил Орден Белого орла (вместе с правом пользования на имение в Подолии и ежегодным жалованием в размере 3500 рублей до конца жизни). Незадолго до своей смерти он посетил Венгрию и Вену, где он, бывший надьварадский преподаватель, ставший «тайным советником и сенатором» в России, был принят с большим почетом. Он скончался через два года в Санкт-Петербурге. Представив его деятельность венгерским читателям, В. Молнар заполнил много «белых пятен» даже для специалистов данной эпохи.

Габор Дьёни – самый молодой сотрудник Центра русистики, имеющий уже серьезную научную репутацию. Свою кандидатскую диссертацию, в которой он изучал эволюцию теорий о прародине венгров, он защитил в Екатеринбурге. Исходя из текстов восточнославянских летописей, которые раньше были упущены из внимания, он пришел к выводу, что монах-доминиканец Юлиан Венгерский в 1235 г. нашел восточных венгров в районе Биляра. Еще, будучи аспирантом, Г. Дьёни стал интересоваться историей Новгорода средних веков, в настоящее время помимо других тем он занимается и этническим вопросом в современной России. С 2010 г. он является редактором венгерской версии портала Русский мир, который играет важную роль в передаче объективной информации о России в Венгрии.

В рецензируемом нами сборнике его статья опубликована под заглавием «*Олег Святославович: линии раскола и выборы между альтернативами*». Важность и значение изучения борьбы между великим князем киевским Владимиром Мономахом и князем Олегом Святославичем заключаются в том, что здесь мы имеем дело не просто с соперничеством двух личностей, а речь идет о столкновении двух геополитических альтернатив, двух союзнических систем, и необходимость выбора между ними оказалась вопросом, время от времени поднимавшимся в истории Руси. Г. Дьёни в своей статье опирается главным образом на русские источники и историческую литературу, подробно описывает ход борьбы с переменным успехом, союз Олега с половцами, Любечский съезд 1097 года. Была сделана попытка умиротворить Олега, что было тем более важно, что на южных границах из-за половецких набегов создалось критическое положение. Заключенное на съезде соглашение оставило в силе завещание Ярослава Мудрого, провозгласило принцип наследования князьями земель своих отцов и Святославичи получили Чернигов. Вторую половину статьи автор посвящает памяти Олега в зеркале противоположных друг другу исторических интерпретаций. Он также подчеркивает, что, хотя Олег, проводивший особый политический курс против других князей, своих же родственников, в своих походах обычно терпел поражение, его политическое наследие, союз с восточными кочевниками с целью упрочения своей власти, как возможная политическая альтернатива, будет играть значительную роль в дальнейшей истории России.

В сборнике помимо работ бывших и настоящих сотрудников мы также находим публикации тех, кто тем или иным способом связан с деятельностью центра. В первом историографическом блоке опубликованы статьи Александры Медзибродски («*«Арийские» славяне и «туранские» москвиты. Теория Ф. Духинского и критические отклики на нее*» Саболча Шухайда («*Тенденции в российской историографии в свете последних лет. Дея-*

тельность Андрея Медушевского во главе журнала «Российская история»»).

«Теория Духинского» – отмечает автор – «является крайне расовым подходом, суть которого сводится к тому, что поляки и украинцы, настоящие славяне, принадлежат арийским народам, а русские, по сути, и по своей души – туранская раса». Теория в свое время оказывала большое влияние на украинское политическое мышление, но против нее выступали такие фигуры, как Н. Костомаров и Я. Бодуэн де Куртенэ. Первый критиковал Ф. Духинского с позиции украинского национализма, а второй отметил отсутствие научного подхода и научных исследовательских методов в его концепции.

Саболч Шухайда в своей объемной статье изучает деятельность А. Медушевского, как главного редактора журнала «*Российская история*», а также причины его ухода с этой должности. Путем анализа программы и деятельности А. Медушевского С. Шухайда старается выявить основные тенденции и дискуссии в современной российской историографии. Автор обращает наше внимание на то, что А. Медушевский считал важным исследование тех сюжетов, которые могут обосновать новую российскую национальную идентичность XXI в. Историографию А. Медушевский хотел превратить в своего рода прикладную науку, которая дает ответы на актуальные вопросы и формулирует предложения для нынешней власти. Являясь его главным редактором, А. Медушевский преимущественно включал в журнал статьи по политической и юридической истории, особое внимание уделялось предыстории российской конституционности, пока другие не менее важные темы отошли в задний план. В конце статьи С. Шухайда констатирует, что российская историография ищет свое место, идентичность, и деятельность А. Медушевского вписывается в этот процесс. В конечном итоге на практике все это привело к обратному результату, и вместо того, чтобы российская историография становилась комплексной всеохватывающей научной дисциплиной, она претерпела некую маргинализацию.

Во втором блоке сборника помимо уже упомянутых статей Ш. Сили и Г. Дьёни мы находим статью Оршои Санисло «*Начало социальной интеграции женщин в последствиях петровских реформ*». Автор отмечает, что реформы Петра были направлены на модернизацию империи. В рамки данного процесса вписывается и социальная интеграция женщин, хотя изначально это не фигурировалось среди целей. Традиционно жизнь женщин благородного происхождения протекала в стенах «терема», в закрытой части боярских домов. Когда они выходили замуж, они переходили из-под отцовской власти в терем своих мужей. Хотя о степени действительной изолированности женщин идет дискуссия в историографии, несомненным является то, что официально Петр I разрешил им покидать терем в своем постановлении 1702 г. Старые традиции и обычаи были оттеснены на задний план. Вернувшись из Великого посольства, государь сделал обязательной венгерскую и немецкую моду в одежде, которая по сравнению с традиционной одеждой, соответствующей строгой православной морали и суровым климатическим условиям, показалось фривольной. С 1701 по 1724 гг. Петр издал 17 указов с целью распространения западной моды в одежде. После смерти Петра I его дочь Елизавета продолжила политику определения моды. Согласно практике реформ сверху, новые обычаи сначала распространялись в придворных кругах, в элите, а потом со временем им стали подражать нижние слои общества. Вторым обстоятельством, благоприятствовавшим прекращению оторванности двух полов друг от друга в социальном пространстве, была попытка ввести европейскую бальную культуру. В этом ряду необходимо упомянуть т.н. Петровские ассамблеи (по французскому примеру), где женщины не только могли, но были обязаны присутствовать, они должны были носить европейскую одежду, усвоить новый придворный этикет, танцы и т.д. Все эти мероприятия, несмотря на отрицательную сторону (они иногда могли переходить в

пьянство, разгул и т.д.), привели к тому, что ко второй половине 18 в. женщины постепенно могли выйти из прежней социальной изоляции и восприниматься как активные, признанные члены общества.

Третий блок сборника посвящен тематике Нового времени. Здесь, помимо работ З. С. Биро, Л. В. Молнара и С. Филиппова опубликовали свои статьи Эржебет Боднар, Жофия Месарош и Силвия Надь. Э. Боднар в своей статье «*Русско-французские переговоры о разделе Османской империи в 1807–1808 гг.*» старается выяснить, насколько эти переговоры отражают истинные намерения российского правительства. Русское внешнеполитическое руководство считало Турцию слабым, следовательно желательным соседом, который до 1804 г. не очень активизировал себя в европейских делах, поэтому в Санкт-Петербурге не особенно занимались вопросом раздела. Ситуация изменилась в связи с экспансией Франции, когда Стамбул нарушил подписанный в 1805 г. с Российской империей договор. В ответ на этот шаг Россия на правах протектора ввела свои войска в румынские княжества, и с 1806 г. две империи опять находились в состоянии войны. Идея раздела Османской империи была выдвинута во время заключения Тильзитского мира и скорее всего, исходила от Наполеона. По мнению Э. Боднар, искусные российские дипломаты были не особо в восторге от «восточного плана» французского императора, для них было ясно, что таким образом они получили бы соседом вместо слабой Турции сильную Францию, к тому же Австрию тоже было бы невозможно исключить из сделки. Так, от этого выиграла бы только Франция, которая никогда не согласилась бы на установление контроля России над проливами. Поэтому Санкт-Петербург был сторонником только частичного раздела, заявив претензии на Бессарабию и на румынские княжества. Раздел «наследия Оттоманской империи» и после Тильзита оставался на повестке дня, по этому вопросу была развязана настоящая дипломатическая дуэль между Россией и

Францией: Э. Боднар подробно излагает отдельные фазы этой дуэли в своей статье. Даже когда после длительных переговоров 9 марта 1809 г. между дипломатами было достигнуто соглашение по этому вопросу, ни Наполеон, ни Александр I не проявили особого интереса к его скорейшей реализации. Наконец, на Эрфуртском конгрессе в сентябре 1808 г. Россия успела осуществить свои планы частичного раздела. Наполеон, руки которого были связаны испанскими делами и войной с Великобританией, не воспротивился занятию Бессарабии и Дунайских княжеств русскими войсками. Но полный раздел был не в интересах России, более того ст. 11. Эрфуртского соглашения давала гарантию на сохранение территориальной целостности Османской империи. Таким образом, минимальная цель российской дипломатии была достигнута, после этого она стремилась к тому, чтобы на двухсторонних встречах вопрос раздела больше не поднимался.

С. Надь представляет читателям один сюжет своей темы исследования: *«Вера Засулич. От терроризма к марксизму»*. Автор обращает наше внимание на то обстоятельство, что, хотя оправдание Веры Засулич после ее покушения на Трепова дало сильный толчок к развязыванию политического террора, сама Засулич не была террористкой, она позже отвернулась от народничества и стала марксисткой. Объектом анализа статьи является ее поворот к марксизму. Надь детально перечисляет все важные элементы биографии В. Засулич, от ее принадлежности к группе «Южные бунтари» бакунинского толка, подключения в народническое движение до известного покушения и последующего процесса, изучает отклики газет разных политических направлений, аргументы за и против вердикта присяжных. После оправдания Засулич покинула Россию, ездила в Швейцарию. Во время ее тайного возвращения на родину она примкнула к умеренному крылу народников («Черный передел»). Но вскоре она опять была вынуждена покинуть страну. В Женеве она

познакомилась с Плехановым и стала изучать марксистскую литературу. Все это означало значительный поворот в ее жизни, благодаря чему мы вправе причислять ее к ранним представителям русского марксизма. Засулич считала своим долгом содействовать адаптации разработанного для Западной Европы марксизма к российским условиям. Важные теоретические работы марксизма (в том числе и *«Нищета философии»*) вышли в свет на русском языке в ее переводе. О ее деятельности очень положительно отзывался и сам Ф. Энгельс.

Философско-эстетическая статья Ж. Месарош *«Дмитрий Писарев, альтернативный мыслитель русского нигилизма»* посвящена биографии и взглядам Писарева. Теоретик и сотрудник журнала «Русское слово», ушедший из жизни в возрасте 28 лет, он представлял радикальное крыло нигилистов. При определении понятия нигилизм автор подчеркивает роль романа Тургенева *«Отцы и дети»* в возникновении данного феномена. Для иллюстрации радикализма Писарева она цитирует его пресловутую фразу из *«Схоластики XIX века»*: *«что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам»*. Месарош подчеркивает, что Н. Писарев был нигилистом не только в социальном, но и в эстетическом смысле, кроме литературного реализма он отвергал все направления в искусстве. Глубокий нигилизм Писарева, по мнению автора, объясняется его коротким и бурным жизненным путем: потеря веры в Бога, два раза хотел покончить с собой, страдал маниакальной депрессией, его лечили в доме для душевнобольных, четыре с половиной года сидел в тюрьме за его статью, в которой он писал: *«Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть... То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок...»*. В 1868 г. он утонул в море. В первую очередь его ранние статьи служили духовной питательной средой для революционного радикализма.

В четвертом блоке сборника мы находим работы по истории СССР. Здесь Акош Фориш опубликовал статью «*Партизанская и еврейская политика на восточном фронте*». Автор старается раскрыть связь между антипартизанскими карательными операциями и истреблением местного еврейского населения. Поскольку нацистское военное руководство стремилось к физической ликвидации обеих групп, по политическим соображениям они часто были отождествлены, а «юдеобольшевизм» и «антииудаизм» служили идейным фоном такого подхода. Часто массовые истребления были совершены как репрессии за «бандитизм», «саботаж» и «партизанские акции». Фориш указывает на то, что не только немцы, но и их союзники, в том числе и венгерские военные власти, ставили знак равенства между партизанами и евреями. Истребление еврейского населения в документах, донесениях часто были занесены как антипартизанские операции и мотивировались соображениями военной безопасности. В «аргументации» часто встречаются и такие моменты, что карательные акции являются ответной мерой на депортацию в Сибирь приволжских немцев. Фориш обращает внимание на то, что под лозунгом антипартизанской борьбы оккупационные войска часто действовали в еврейских гетто, так как здесь они «легче добивались успеха», чем против лесных партизан, и что «антипартизанская политика на расовой основе всегда пользовался приоритетом», даже против более трезвых предложений использовать образованных евреев в качестве рабочей силы.

Ференц Хаваш в своей статье «*Сталин-ученый: спор вокруг марризма*» занимается специфической и особой темой. В анализе проблемы он использует историографические, лингвистические и психологические методы. Контроль, установленный Ждановым над культурной жизнью империи с 1946 г., вливался в организованные кампании, породившие немало «научных дискуссий». Среди таких дискуссий есть одна, которая по своему характеру отличается от остальных. Речь

идет о споре вокруг теории советского академика-лингвиста грузинского происхождения Н. А. Марра в газете Правде (уже после смерти А. Жданова), в который лично вмешался И. Сталин. Ф. Хаваш задается вопросом, что заставило диктатора высказывать свою позицию в лингвистическом вопросе, тем самым практически решить исход дела. Научной аргументацией И. Сталина снабжал А. Чикобава, грузинский и советский лингвист и филолог, который в 1949 г. подверг острой критике теорию Н. Марра. Он несколько раз был лично принят И. Сталиным. Ф. Хаваш в своей статье указывает на то интересное обстоятельство, что И. Сталин не просто включился в этот научный спор, но он был его инициатором. На вопрос, почему собственно ему, И. Сталину, была нужна эта дискуссия, Ф. Хаваш дает многогранный ответ. С одной стороны, он подчеркивает психологические моменты, фрустрацию И. Сталина из-за дефекта левой руки (атрофия плечевого и локтевого суставов), затем, что И. Сталину очень хотелось, чтобы презренные им «мягкотелые» ученые приняли его в свой круг. По мнению автора, ревность И. Сталина к интеллектуальному наследию В. Ленина тоже могла играть свою роль. «Кроме психологических моментов» – отмечает Ф. Хаваш – «национал-большевистское мышление И. Сталина, его «патриотизм», приверженность сильной централизованной государственной власти тоже привели к тому, что он выступил против теории Н. Марра о классовом, надстройном характере языка, имевшей официальную государственную поддержку с конца 1920-х гг. (сам Н. Марр скончался в 1934 г., но у него оказалось немало последователей в советской лингвистике)». Дискуссия, в отличие от множества подобных событий в советской науке, не повлекла за собой применение административно-репрессивных мер (помимо лишения побежденных марристов возможности публикации в научных изданиях за исключением «покаяний в ошибках»). «Однако» – как отмечает автор – «дисциплинирование и прочный контроль над научными и псевдонаучными дискуссиями

по-прежнему оставались имманентной частью практики режима».

Третья статья в «советском блоке» «Государство и формализм» Аюша Силади. На первый взгляд в центре внимания автора стоят эстетические вопросы, но на самом деле в своей объемной работе он занимается философией власти. Начавшаяся в 1936 «культурная революция» была направлена, в том числе против формализма, и одной из первых мишеней оказался Д. Шостакович. Но в отличие от других представителей формализма (как напр. И. Бабель, Б. Пильняк, В. Мейерхольд), ставших жертвами сталинских репрессий, известный композитор уцелел. Талант некоторых деятелей культуры (напр. С. Эйзенштейн) И. Сталин использовал для упрочения своей власти, в отношении других следовал горьковской сентенции: «Если враг не сдаётся, – его уничтожают». А. Силади изучает связь между формализмом и революцией, он констатирует, что сталинская культурная политика вела борьбу на двух фронтах: с одной стороны, против формализма и «натуралистов формы», с другой – против натуралистов, «формалистов содержания». Авангард был слишком автономным, независимым феноменом для власти и в новых условиях оказался непригодным для формирования общественного сознания, поэтому неслучайно, что на первом этапе в области культуры большой террор был направлен на ликвидацию остатков авангарда. «Формализм» – по мнению А. Силади – «является детской болезнью революции, в идеологическом словаре сталинизма он описывается такими выражениями, как «мелкобуржуазный вкус», «пособник троцкизма», «левый перегиб», его считали «вырожденным искусством». В анализе проблемы автор публикует оригинальные документы, изучает связь между «двумя друзьями», натурализмом и формализмом. В статье упоминается роль Горького, который в одной из его публикаций нападение на формализм старался представить просто как дискуссию между художниками, Д. Заславского, который в анонимной статье «Сумбур вместо музыки» открыл но-

вую волну «охоты на ведьм», и с тех пор слово сумбур в сталинской интерпретации стало своего рода квинтэссенцией формализма. В конце статьи мы узнаем, что Д. Шостакович не только избежал репрессий, но с 1936 по 1953 г. 6 раз стал лауреатом Сталинской премии, так что его шуточно-магический прием (кусочки статьи, написанные против него, Д. Шостакович клал в маленький мешочек и носил его на шее как амулет) в этом отношении сработал.

Пятый блок сборника содержит языковедческие и культурологические статьи, которые по своей тематике не входят в компетенцию рецензентов-историков, поэтому мы из уважения к авторам и с целью показать читателям многогранность и многообразность сборника «Наша русистика», упоминаем их в нашей рецензии и коротко в 2–3 предложениях излагаем их содержание.

Первая статья в этом блоке – Илона Киш: «Рождение и развеивание одного образа России. Заметки к портрету основателя культуры Павла Флоренского». Автор изучает попытку Флоренского создать образ России как культурно-визуальной единицы. «Флоренский» – отмечает И. Киш – «искал те формы, в которых эта полнота, эта органическая единица проявляется». Эту форму, согласно его записи от 18 апреля 1925 г. он обнаружил в основании Свято-Троицкого монастыря Сергием Радонежским, в результате этого акта была создана визуальная модель единого русского духовного пространства, монастырь стал символом, определяющим место и универсальные задачи России в мире.

Эржебет Шиллер в своей статье под заглавием ««Благодатный Сибирь» Русская душа и военный плен в романах Родиона Марковича» анализирует два романа бывшего венгерского военнопленного: *Сибирский гарнизон*, принесший его автору мировую известность, и *Золотой поезд*, вышедший в свет в 1929 г. «Герои романов Марковича» – отмечает автор – «были свидетелями и участниками исторических событий, часто им приходилось принимать роковые решения, с кем они идут: с крас-

ными или с белыми». Эти решения принимались ими без видения исторической перспективы: их выбор чаще всего был ситуативный и не зависел от идеологических убеждений того или иного человека.

Жужанна Димеши в статье «Предчувствие холокоста в произведениях Андрея Платонова» анализирует повесть Платонова Мусорный ветер, что является одним из ранних антифашистских литературных произведений, в нем автор опередил своих современников в осознании опасности фашизма.

В последней статье блока («Ментальные значения венгерского глагола 'прийти/уйти' в зеркале их эрзя-мордвинских и русских эквивалентов») Илдико Палоши сравнивает эти глаголы движения не только с точки зрения динамики и передвижения в пространстве, но и изучает их эмоциональное, ментальное содержание в данных языках.

В заключении мы возвращаемся к мыслям Д. Свака о перспективах будущего. За 25 лет своего существования Институт/Центр русистики Будапештского университета добился серьезных результатов, обогатил отечественную историографию. Его будущее зависит от обстоятельств (как Д. Свак отмечает, общая атмосфера сейчас неблагоприятная для гуманитарных наук) и от смены молодого поколения. В этом отношении положение гораздо лучше, ведь в Докторской школе Центра работают молодые, талантливые аспиранты (некоторые из них публиковались и в рецензируемом сборнике), на основе их научных достижений и профессиональной подготовленности мы можем с уверенностью заявить, что через 25 лет тоже будет, о чем писать и подводить итоги.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айрапетов Арутюн Гургенович, доктор исторических наук профессор, научный руководитель Факультета истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

Альберт Габор, PhD, хабилитированный доцент Капошварского университета.

Бебеш Дьёрдь, PhD, хабилитированный доцент Печского университета.

Берталан Петер, PhD, хабилитированный доцент Капошварского университета.

Елдинов Олег Александрович, аспирант кафедры истории России Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Демер Габор, PhD, старший научный сотрудник Института истории Центра гуманитарных исследований Венгерской академии наук.

Ким Николай, кандидат богословия, протоиерей, настоятель прихода в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» в г. Хевиз (Венгрия).

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета.

Ковач Криштоф, аспирант, Докторская школа экономических и управленческих наук Капошварского университета.

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).

Колонтари Аттила, PhD, хабилитированный доцент Капошварского университета.

Колосовская Татьяна Александровна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).

Котов Борис Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории РАН (г. Москва).

Птицын Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).

Романенко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета.

Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (г. Москва).

Танцеева Анастасия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и социальных технологий Российского университета транспорта (МИИТ) (г. Москва).

Ткаченко Дмитрий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).

Шереш Аттила, PhD, научный сотрудник Института истории Центра гуманитарных исследований Венгерской академии наук.

Шиманди Ирен, хабилитированный доктор по истории Высшей школы имени Я. Кодолани (г. Секешфехервар).

Научное издание

РОССИЯ И ВЕНГРИЯ
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
ВЫПУСК III

OROSZORSZÁG ÉS MAGYARORSZÁG
AZ EURÓPAI TÖRTÉNELEM KERESZTÚTJAIN

III szám

Издается в авторской редакции
Технический редактор и компьютерная верстка Н. Неговора

Подписано в печать 29.11.2018

Формат 1/8	Усл. п. л. 23,25	Уч.-изд. л. 22,63
Бумага офсетная	Заказ 106	Тираж 80 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029 г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2